

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(70)'2018

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2018

УДК 81'27
ББК Ш100.621
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, проф. С. В. ИВАНОВА (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филол. наук, проф. В. И. КАРАСИК (Волгоград, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Б. Ю. НОРМАН (Минск, Республика Беларусь)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор, кандидат филол. наук, проф. Й. СИПКО (Прешов, Словакия)

доктор филол. наук, доцент О. А. СОЛОПОВА (Челябинск, Россия)

доктор филол. наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2018. – Вып. 4 (70). – 188 с. –
(Цена свободная).

ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2018

© Политическая лингвистика, 2018

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(70)'2018

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena V. Dzyuba, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Svetlana V. Ivanova, Ph.D., Prof. (St. Petersburg, Russia)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Boris Yu. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Joseph Sipko, Ph.D., Prof. Ph.Dr. (Prešov, Slovakia)
Olga O. Solopova, Ph.D., Assoc. Prof. (Chelyabinsk, Russia)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)

Ekaterinburg 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Торжественная церемония вступления в должность Президента Российской Федерации как коммуникативное событие	10
Дементьев В. В. Саратов, Россия	Оценочные метакомментарии в топе новостного браузера	20
Зененко Н. В. Москва, Россия	Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе	28
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Стратегии и тактики в дискурсе регионального политика (на материале выступлений врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева)	35
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов)	47

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вилков А. А. Попонов Д. В. Козлова М. С. Казаков А. А. Бурданова А. С. Саратов, Россия	Ресурсный потенциал региональных медиа в сфере общественной дипломатии (на примере Саратовской области)	55
Джиоева В. П. Владикавказ, Россия	Метафорическая картина политической действительности в Республике Южная Осетия	68
Иванова Е. А. Челябинск, Россия	Образ современной Европы в политической карикатуре	77
Катермина В. В. Гнедаш А. А. Краснодар, Россия	Формирование политического контента в онлайн-пространстве: структурно-сетевой и лингводискурсивный анализы современных социальных движений (на примере "Women's march")	87
Тамразова И. Г. Москва, Россия	Полиmodalность французского эристического дискурса: опыт интеракционного исследования	96
Шкапенко Т. М. Вертелова И. Ю. Калининград, Россия	Маркеры языка вражды в интернет-комментариях к переводным статьям польских СМИ	104

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Багдасарян О. Ю. Екатеринбург, Россия	«Дети ворона» Ю. Яковлевой: жанровая логика vs. авторский сценарий	112
Васильева Е. Г. Петрозаводск, Россия	Парадный портрет короля Франции Генриха IV как семиотический знак политического дискурса	118
Нагорных О. В., Керимов А. А. Екатеринбург, Россия	Эволюция взглядов на роль эмоций в политике в зарубежной социополитической науке	125

Потапова Н. В. Каменева В. А. Кемерово, Россия	Возраст адресата — фактор, определяющий структурные, языковые и темпоральные особенности организации новостных гипотекстов (на англ. яз.) 130
--	---

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Богоявленская Ю. В. Екатеринбург, Россия Мельман М. С. Реймс, Франция Пайкин К. Лилль, Франция Плотникова М. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическая конструкция <i>Pluie de + N</i> и ее русские эквиваленты: лингвистический и когнитивный аспекты 137
Ван Цинь Далянь, КНР Тао Ин Москва, Россия	Имидж Китая в политических текстах Си Цзиньпина 147
Михневич О. И. Екатеринбург, Россия	Риторическая критика как направление в исследовании политической коммуникации: Бауэр Эйли 155
Бауэр Э. <i>Пер. с англ. О. И. Михневич</i>	Современная политическая риторика и искусство управления государством 156
Рев Васкадуве С. С. Т. Шри-Ланка; Челябинск, Россия Е. В. Харченко Челябинск, Россия	Цветообозначения политических реалий (на примере Шри-Ланки) 161
Сипко Й. Прешов, Словакия	Фрагменты языковой картины миграции в странах Вышеградской четверки 167
Сяо Цзинъюй Гуанчжоу, Китай	Новейшее исследование китайских русистов в области политической лингвистики 175
Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Вклад Китая в исследования языка международной политики 179

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Чудинов А. П. Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Судебная лингвистика как научное направление: исследование конфликтной коммуникации 182
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 185	

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics” 8

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gavrilova M. V. Saint-Petersburg, Russia	Russian President’s Inauguration as a Communicative Event.....	10
Dementyev V. V. Saratov, Russia	Evaluative Meta-comments in the Top of a News Browser	20
Zenenko N. V. Moscow, Russia	Political Ideogeme in Spanish Publicistic Discourse.....	28
Kondrat’eva O. N. Kemerovo, Russia	Strategies and Tactics in the Discourse of the Regional Politician (on the Material of the Speeches of Kemerovo Region’s Caretaker Governor Sergey Tsivilev).....	35
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Media Reality of Information-psychological War (on the Material of British Press and News Sites)	47

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Vilkov A. A. Poponov D. V. Kozlova M. S. Kazakov A. A. Burdanova A. S. Saratov, Russia	Regional Mass Media Resource Potential in the Field of Public Diplomacy (Exemplified by Saratov Region).....	55
Dzhioeva V. P. Vladikavkaz, Russia	Metaphorical Image of Political Reality in the Republic of South Ossetia	68
Ivanova E. A. Chelyabinsk, Russia	The Image of Modern Europe in a Political Cartoon.....	77
Katermina V. V. Gnedash A. A. Krasnodar, Russia	Formation of Political Content in Online Space: a Structural-network and Linguodiscursive Analyses of Modern Social Movements (as Exemplified by “Women’s March”)	87
Tamrazova I. G. Moscow, Russia	Polymodality of French Eristical Discourse: Experience of Interactive Research	96
Shkapenko T. M. Vertelova I. Y. Kaliningrad, Russia	Hate Speech Markers in Internet Comments to Translated Articles from Polish Media	104

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bagdasaryan O. Yu. Ekaterinburg, Russia	“The Crow’s Children” by Yu. Yakovleva: the Logic of Genre vs. Author’s Scenario	112
Vasileva E. G. Petrozavodsk, Russia	The Royal Ceremonial Portrait of Henry IV as a Semiotic Sign of Political Discourse	118
Nagornykh O. V., Kerimov A. A. Ekaterinburg, Russia	Evolution of Views on the Role of Emotions in Politics in Foreign Sociopolitical Science.....	125

Potapova N. V., Kameneva V. A. Kemerovo, Russia	Age of Addressee as a Factor Determining Structural, Linguistic and Temporal Features of News Hypotexts	130
---	---	-----

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Bogoyavlenskaya Yu. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical Uses of the French Noun <i>pluie</i> and its Russian Equivalent: Linguistic and Cognitive Aspects.....	137
Meulleman M. C. Reims, France		
Paykin K. Lille, France		
Plotnikova M. V. Ekaterinburg, Russia		
Wang Qinyi, Tao Ying Dalian, China; Moscow, Russia	The Chinese National Image in the Political Texts of Xi Jinping.....	147
Mikhnevich O. I. Ekaterinburg, Russia	Rhetorical Criticism as an Area in Research of Political Communication Field: Bower Aly	155
Rev Waskaduwe S. S. T. Sri Lanka; Chelyabinsk, Russia	Color-images of Political Realities (on the Basis of Sri Lanka)	161
Kharchenko E. V. Chelyabinsk, Russia		
Sipko J. Prešov, Slovakia	The Fragments of Linguistic Worldview of Immigration in the Countries of the Visegrad Group	167
Xiao Jingyu Guangzhou, China	The Latest Research Achievements of Chinese Specialists in Political Linguistics	175
Yang Ke Guangzhou, China	Contribution of China to the Analysis of International Politics Language	179

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Chudinov A. P. Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Forensic Linguistics as a Scientific Field: Conflict Communication Study	182
Manuscripts requirements		185

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию жур-

нала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК ШП141.12-55+ШП141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

АННОТАЦИЯ. *Инаугурация рассматривается как сложное коммуникативное событие и изучается с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, что предполагает выявление текстовых структур и контекста. Установлено, что контекстная модель инаугурации состоит из следующих элементов: 1) общее определение ситуации: обстановка (полдень 7 мая в год выборов президента, Андреевский зал Большого Кремлёвского дворца); действующие лица (включая дискурсивные типы); 2) участники (приглашенные на инаугурацию лица, солдаты и командиры Президентского полка, Президентский оркестр, кавалерийский полк, сводный хор); 3) ментальные представления участников. Сделанные наблюдения показали, что вербальное пространство инаугурации формируют следующие жанры: 1) представление диктором главных действующих лиц церемонии и комментарии в ходе церемонии, 2) доклад коменданта Кремля, 3) объявление председателя ЦИК о результатах выборов, 4) приглашение от председателя Конституционного суда принести присягу, 5) присяга президента, 6) объявление председателя Конституционного суда о вступлении в должность избранного президента, 7) приветственная речь уходящего президента, 8) торжественная речь при вступлении в должность президента России, 9) команды и доклады командира Президентского полка, 10) приветствие президента и поздравление кремлевцев, 11) ответное приветствие солдат полка. Анализ процедуры инаугурации позволил сделать вывод о том, что церемония вступления в должность президента России находится в процессе становления, идет конструирование и отработка символического ряда и жанровой структуры этого торжественного коммуникативного события.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; инаугурационная речь; когнитивно-дискурсивный подход; коммуникативное событие; российский президент; инаугурация; политическая риторика; политические речи; языковая личность.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; 191119, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1526; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.*

В новой российской истории церемония вступления в должность президента Российской Федерации проводилась семь раз, традиция произнесения инаугурационных речей насчитывает более двух десятилетий. Мы являемся свидетелями того, как вырабатываются принципы организации важного политического события, конструируется контекстная модель, формируются жанровые особенности инаугурационной речи. В этой связи важно проследить становление и динамику развития нового коммуникативного события (под коммуникативным событием мы будем понимать «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2009: 13]).

Первый президент России, тогда еще РСФСР, Б. Н. Ельцин, был избран 12 июня 1991 г. всенародным голосованием и 10 июля 1991 г. на съезде народных депутатов РСФСР принес присягу народу. 9 августа 1996 г. в Кремле состоялась торжественная церемония вступления в должность избранного на второй срок президента России Б. Н. Ельцина. На церемонии президент не выступал с инаугурационной речью, но 11 июля 1996 г. после подведения итогов голосования на президентских выборах, проходивших 3 июля 1996 г., Б. Н. Ельцин выступил с телевизионным обращением, которое условно можно считать инаугурационной речью. 7 мая 2000 г., 7 мая 2004 г.,

7 мая 2012 г., 7 мая 2018 г. прошла инаугурация В. В. Путина. Д. А. Медведев вступил в должность президента России 7 мая 2008 г.

Инаугурация рассматривается нами как сложное коммуникативное событие и изучается с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, что предполагает выявление текстовых структур и контекста, который определяется как ментально представленная структура свойств (особенностей) социальной ситуации, необходимой для производства или понимания дискурса [Дейк 1989: 95].

Инаугурация — это одна из форм символического политического действия, выражающая определенные социальные взаимоотношения и общезначимые ценности. Коммуникативную ситуацию нового политического события формирует строго регламентируемая последовательность вербальных и невербальных действий.

Контекстная модель инаугурации президента России. Известно, что «дискурсы не создаются и не воспринимаются в вакууме. Они являются неотъемлемой составляющей коммуникативных ситуаций. Поэтому мы полагаем, что носители языка создают модель той конкретной ситуации, участниками которой они являются. Контекстные модели являются прагматическими и социальными. Они необходимы для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы участников дискурса, а также обеспечить должное внимание общепризнанным или

ситуативно обусловленным характеристикам участников коммуникации, таким, как статус или социальная роль. Эти условия необходимы также для того, чтобы приписать дискурсу прагматическую интерпретацию, то есть определить, какой речевой акт при этом осуществляется» [Дейк 1989: 95]. Контекстная модель постоянно совершенствуется, тем самым у носителя языка возникает более общее абстрактное знание о структуре коммуникативного события, которое в дальнейшем помогает яснее понимать значение дискурса.

Контекст инаугурации можно представить следующим образом: 1) общее определение ситуации: обстановка (полдень 7 мая в год выборов президента, Андреевский зал Большого Кремлёвского дворца); действующие лица (избранный президент, уходящий с должности президент, Председатель Конституционного суда, Председатель Государственной думы, Председатель Совета Федерации); 2) участники (приглашенные на инаугурацию лица, солдаты и командиры Президентского полка, Президентский оркестр, кавалерийский полк, сводный хор); 3) ментальные представления участников — 3.1) цели: узаконивание вступления нового президента в должность, мирная передача государственной власти; 3.2) знания, мнения о социально-экономическом положении в стране, об устройстве государства и перспективах его развития и пр.; 3.3) приверженность различным политическим и социальным идеологиям.

Поскольку дискурс стремится включить в свое содержание ситуацию, окружающую человека в момент совершения речевого акта, и настаивает на такой важной характеристике, как динамическая целостность ситуации, то мы сочли необходимым представить описание церемонии вступления в должность президента России в виде сценария, представляющего собой фиксированный набор расположенных в линейной последовательности дискретных действий.

Церемония вступления в должность президента России начинается в 11.40 / 11.45 выносом государственного флага Российской Федерации и штандарта президента России, специального экземпляра Конституции и знака президента. Эти символы вносят в Андреевский зал военнослужащие Президентского полка. Знаки президентской власти размещаются на трибуне, флаг и штандарт устанавливаются на подиуме, шесть солдат президентского полка стоят на сцене в почетном карауле.

Далее на подиум поднимаются Председатель Совета Федерации, Председатель Государственной думы (Председатель Цен-

тризбиркома в 1996 и 2000 гг.; Патриарх Московский и всея Руси в 1991 и 1996 гг.), Председатель Конституционного суда. Участие руководителей законодательной и судебной ветвей государственной власти узаконивает избрание нового главы государства.

Уходящий с должности президент покидает свое рабочее место, выходит на Соборную площадь и благодарит Президентский полк (в его лице и всю российскую армию) за службу. Уходящий президент проходит в Андреевский зал и поднимается на подиум.

В это время избранный президент в сопровождении кортежа и эскорта мотоциклистов едет в Кремль, где у входа в Кремлевский дворец комендант Московского Кремля отдает президенту рапорт. Отметим, что кортеж президента въезжает в Кремль через ворота Спасской башни. В обычные дни глава государства въезжает в Кремль через Боровицкие ворота. Начало традиции проезда главы государства через ворота Спасской башни в дни важных государственных событий было положено российскими императорами.

В полдень избранный президент под президентские фанфары проходит через Георгиевский и Александровский залы и входит в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца, поднимается на подиум. Движение нового президента (по лестнице вверх, проход через залы, посвященные воинской славе страны) можно рассматривать как метафору прихода к власти.

Уходящий с должности президент выступает с приветственной речью. Затем Председатель Конституционного суда просит избранного президента принести присягу народу России. Президент, положив правую руку на Конституцию, произносит присягу. После этого Председатель Конституционного суда официально объявляет о вступлении президента в должность главы государства. Над куполом резиденции президента поднимается штандарт. Звучит государственный гимн России.

После принесения присяги народу России президент выступает с обращением к гражданам страны. По окончании речи звучит хор «Славься» М. И. Глинки. Со стороны Кремлевской набережной производится артиллерийский салют из 30 залпов — воинская почеть главе государства.

Новый президент принимает поздравления и выходит из зала, чтобы получить терминал управления стратегическими ядерными силами России. Это единственный акт в церемониале, который совершается непублично в защищенном помещении Кремля.

Затем под тридцатикратные залпы орудейного салюта глава государства вместе с бывшим президентом через Красное крыльцо выходит на Соборную площадь Кремля для смотра Президентского полка. Торжественный марш кремлевских гвардейцев — строгий воинский ритуал знакомства полка с новым Верховным главнокомандующим. Заканчивается церемония колокольным звоном. Как правило, вечером в Кремле проходит торжественный прием в честь вступления в должность нового президента.

Наши наблюдения показали, что коммуникативное событие находится в стадии развития. Отметим, что основные этапы церемонии инаугурации не закреплены в законе. Исключениями являются текст присяги и дата проведения инаугурации, 30-й день после опубликования официальных результатов (гл. 10 Федерального закона «О выборах президента Российской Федерации»). В новейшей российской истории меняется количество и состав участников и действующих лиц события, добавляются/исключаются действия, изменяется маршрут движения президента, украшение подиума, некоторые жанры помещаются в другие контекстные рамки (например, объявление результатов выборов и вручение удостоверения президента председателем ЦИК в 2008 г., 2012 г.; краткое общение В. В. Путина с представителями общественных молодежных объединений и волонтерских организаций в 2018 г.).

Темпоральные компоненты коммуникативного события. Описывая инаугурацию как коммуникативное событие, важно выявить общую структуру события, связанную с его развитием во времени, начиная с подготовительной фазы через собственно изменение (положения дел в мире) до наступления результата и последствий. Иными словами, нужно определить наполнение «линейной триады во времени», т. е. что является «пресобытием — эндособытием — постсобытием» церемонии вступления в должность президента [Шабес 1989: 137]. И далее на основе статистических обобщений выявить устойчивые компоненты событийной структуры и вариативную часть, включающую в себя единичные действия, обусловленные в том числе как общественной ситуацией в стране, так и политическими задачами нового главы государства.

Рассмотрев событийный ряд утверждения в должности избранного президента в день инаугурации (начиная с 2000 г.; использовались данные официального сайта президента Российской Федерации [Президент России [http](http://www.kreml.ru)]), мы выявили, что пресобытием являются следующие действия: подписание

указов (7 мая 2000 г., 7 мая 2012 г.), награждение орденом (7 мая 2000 г.), поздравление с праздником (7 мая 2004 г.), утверждение перечня поручений (7 мая 2012 г.), встреча с членами Правительства (7 мая 2018 г.). Как правило, эти единичные мероприятия проходят в первые часы седьмого мая.

Эндособытие — это сама торжественная церемония вступления в должность президента Российской Федерации.

Мы выявили инвариантную основу постсобытия, которая состоит из пяти событий: 1) молебен, который позиционируется как личное (семейное) событие (2000 г., 2004 г., 2008 г., 2012 г., 2018 г.), 2) подписание указов (2000 г., 2004 г., 2012 г., 2018 г.), 3) поручение Правительству продолжать работу до формирования нового кабинета министров (2008 г., 2012 г., 2018 г.), 4) внесение в Государственную думу кандидатуры Председателя Правительства (2004 г., 2008 г., 2012 г., 2018 г.), 5) прием по случаю вступления в должность президента (2000 г., 2008 г., 2012 г.).

Вариативная часть постсобытия включает в себя следующие мероприятия: направление заключений на проект федеральных законов (2000 г.), участие в заседании Правительства (2000 г.), посещение праздничного концерта (2000 г.), возложение венка к Могиле Неизвестного Солдата (2000 г.), проведение рабочих встреч (встреча с М. Фрадковым 7 мая 2004 г.; встреча с президентом МОК 7 мая 2012 г.), направление приветствия (участникам торжественного вечера, посвященного Дню радио 7 мая 2004 г.), направление поздравительных телеграмм (2012 г.), проведение телефонных разговоров с главами государств (7 мая 2004 г. с президентом Украины, 7 мая 2018 г. с президентом Азербайджана), участие в гала-матче любительской хоккейной лиги (7 мая 2012 г.).

Таким образом, в русском политическом дискурсе пресобытие инаугурации составляют единичные действия избранного президента, в отличие от церемонии вступления в должность зарубежных лидеров, где традиционными являются подчеркивающие мирный способ передачи власти пресобытия, например, встреча уходящего и избранного президента во Франции или чаепитие уходящего и избранного президентов и вице-президентов с супругами в США. Однако наблюдается тенденция к установлению устойчивых компонентов постсобытия, коими являются молебен, подписание указов, поручение правительству продолжать работу до формирования нового кабинета министров, внесение в Государственную думу

кандидатуры Председателя Правительства и торжественный прием в Кремле. Иными словами, временная структура вступления в должность президента России (пресобытие — эндособытие — постсобытие) постепенно обретает инвариантную структуру.

Семиотический уровень коммуникативного события. Анализ процедуры инаугурации показывает, что церемония вступления в должность президента России находится в процессе становления, идет конструирование и отработка символического ряда этого торжественного политического события.

Во время инаугурации используются различные знаковые объекты: предметы, имеющие символический смысл (знаки президентской власти), государственные символы (герб, флаг, гимн), изображения (цвета государственного флага России), тексты (Конституция Российской Федерации), что позволяет мобилизовать праздничное настроение и патриотические чувства аудитории. Торжественная атмосфера способствует возникновению новых символических политических действий: внесение государственных символов, военный парад и др. Различные элементы контекстного окружения инаугурации вызывают в массовом сознании мифологизированные эмоции и ассоциации (праздник российской государственности), а с другой стороны, конструируют новые социальные мифы (президент — будущее — молодежь).

Использование значимых государственных символов помогает создать приподнятую эмоциональную атмосферу. Так, место проведения инаугурации имеет особое символическое значение, поскольку Кремль — это и религиозный центр, где раньше короновались цари, и административный центр советской власти, и политическая столица новой России. Таким образом, само пространство создает психологическое состояние сопричастности истории страны. Светлый просторный украшенный позолотой Андреевский зал, в котором проходит инаугурация, придает церемонии пышность и торжественность.

Находящиеся на подиуме руководители обеих палат Государственной думы и Председатель Конституционного суда представляют основные ветви власти — законодательную и судебную, а предшественник символизирует мирную передачу власти, преемственность государственной власти. Видные представители общественности, приглашенные на церемонию, призваны засвидетельствовать легитимность прихода к власти главы государства.

Военный парад можно рассматривать как символ военной мощи государства, как дань историко-военной традиции прохождения отдельных воинских подразделений перед руководителем страны. Форма знаменосцев и солдат служит напоминанием о героических традициях русской армии, о неразрывной связи современной армии со всеми, кто защищал Отечество. Так, солдаты Президентского полка облачены в особую историческую форму цветов Преображенского и Семёновского полков Петровской эпохи. Покрой мундиров и форма головного убора — времен Отечественной войны 1812 года. Отметим кольцевую композицию церемонии, которая начинается и заканчивается элементами, актуализирующими в общественном сознании военную историю России.

Каждый президент России привносит новые элементы в инвеституру. Например, в 1996 г., во время второй инаугурации Б. Н. Ельцина, вводятся новые символы президентского отличия — штандарт и знак президента, поскольку переход к новой системе правления потребовал введения новых символов власти. В этой связи существенно замечание Ю. М. Лотмана об усилении знаковости при смене культурных парадигм — ученый назвал это явление «всплеском семиотичности» [Лотман 1987].

Наши наблюдения показали, что в организации коммуникативной ситуации вступления в должность президента России используются элементы инаугурационного церемониала других стран (точная дата события, точное время проведения события, присутствие глав законодательной и судебной власти, уходящего с поста президента и др.).

Вместе с тем в церемонии воссоздаются (в усовершенствованном виде) отдельные национально-культурные традиции. Можно заметить ряд соответствий между процедурой вступления в должность президента России и обрядом венчания на царство русских царей. В свою очередь ритуал «поставления государя» ориентировался на византийскую традицию. Бывший шеф протокола В. Шевченко вспоминает, что, составляя сценарий церемонии вступления в должность президента России, разработчики использовали царские архивы и ориентировались на коронацию Александра II. И место действия выбрано не случайно, поскольку в Андреевском зале располагался царский трон [Шевченко 2008].

Приведем еще один пример национальной специфики события — это молебен о здравии и долголетию нового главы государства, который служит Патриарх Московский и всея Руси в Благовещенском соборе

Кремля непосредственно после окончания церемонии, а также благословление патриархом президента и преподнесение в дар иконы семье нового президента. Отметим, что в 1991 и 1996 гг. на церемонии вступления в должность президента Б. Н. Ельцина на подиуме находился патриарх Алексей II, который благословлял президента и произносил напутственные слова, что можно рассматривать как использование элементов коронации русских царей в новых политических церемониалах. С 2000 г. глава Русской православной церкви находится в зале в первых рядах в числе почетных гостей.

Добавим, что торжественное прохождение Президентского полка (с 2000 г.) и почетного кавалерийского эскорта (с 2004 г.) можно рассматривать как символ возрождения дореволюционных традиций проведения важных государственных церемониальных мероприятий.

Отметим, что для церемонии вступления в должность президента характерна некоторая театрализованность действия. В частности, четкое разграничение аудитории на активных участников события (находятся на подиуме, на возвышении) и публики (находится в зале, внизу). При этом от публики ожидается традиционный репертуар реагирования (эффект аплодирующей публики позволяет усилить впечатление от наблюдаемого события).

Каждый символ (и последовательность его появления на церемонии) несет смысловую нагрузку, пробуждает положительные эмоции и создает приподнятую и праздничную обстановку. Например, музыкальное сопровождение церемонии. Отметим, что авторами музыкальных произведений являются отечественные композиторы. Так, при вносе государственного флага России, штандарта президента, Конституции и президентского знака исполняется строевой «Встречный марш» Н. Иванова-Радкевича. Уходящий президент поднимается на подиум под звуки «Президентской фанфары» П. Овсянникова. Во время прохода вновь избранного президента по парадным залам Кремля звучит «Торжественный марш» П. И. Чайковского, подчеркивающий значимость и важность события. После того как президент примет присягу и вступит в должность главы государства, играет гимн России, автором музыки которого является советский композитор А. В. Александров. После инаугурационного выступления президента звучит хор «Славься» из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», что усиливает патриотические чувства участников церемонии. На военном параде Президентский оркестр исполняет «парадный монтаж»

маршей. После окончания парада звонят колокола на колокольне «Иван Великий» и звучит финал сюиты «Картинки с выставки» М. Мусоргского «Богатырские ворота».

Преимущественное использование на инаугурации такого музыкального жанра, как марш, можно интерпретировать как дань военной истории России, поскольку он является одним из основных жанров военной музыки. Известно, что благодаря размеренному темпу и четкому ритму марш предназначен для синхронного движения большого числа людей, т. е. несет в себе объединительное начало, что можно рассматривать как музыкальную иллюстрацию основной темы инаугурационной речи — темы единства народа. Кроме того, марш призван вселять бодрость и поднимать дух людей. Иными словами, музыкальное сопровождение церемонии символически выражает сплоченность народа, создает торжественную атмосферу и способствует праздничному настрою.

Таким образом, различные семиотические средства, используемые на церемонии, внушают аудитории возвышенные патриотические чувства, настраивают на торжественный лад.

Вербальное пространство инаугурации формируют следующие жанры: 1) представление диктором главных действующих лиц церемонии и комментарии в ходе церемонии, 2) рапорт коменданта Кремля, 3) объявление председателя ЦИК о результатах выборов, 4) приглашение от Председателя Конституционного суда принести присягу, 5) присяга президента, 6) объявление Председателя Конституционного суда о вступлении в должность избранного президента, 7) приветственная речь уходящего президента, 8) торжественная речь при вступлении в должность президента России, 9) команды и доклады командира Президентского полка, 10) приветствие президента и поздравление кремлевцев, 11) ответное приветствие солдат полка.

Присяга президента. Обязательным элементом церемонии вступления в должность президента является принесение присяги, которая произносится на Конституции Российской Федерации, тексте важного государственного значения. После приведения к присяге новый президент официально утверждается в своей должности. Символически этот факт подтверждается поднятием штандарта президента над кремлевской резиденцией. Согласно ст. 82. п. 2. Конституции, присяга должна произноситься в торжественной обстановке в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной думы, судей Конституционного суда.

Следует отметить, что в течение 1990-х гг. в текст присяги были внесены изменения. Например, в 1991 г. Б. Н. Ельцин на первой в истории новой России церемонии инаугурации произнес: «Граждане Российской Федерации! Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики соблюдать Конституцию и Законы РСФСР, защищать ее суверенитет, защищать свободы и права человека и гражданина, права народов РСФСР и добросовестно исполнять возложенные на меня народом обязанности». В 1993 г. в связи с принятием новой редакции Конституции Российской Федерации текст присяги президента России был уточнен и закреплен законодательно в статье 82: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу». Текстовые изменения присяги сместили смысловые акценты, актуализируя определенные функции в деятельности президента. Если в первой редакции текста президент прежде всего должен был защищать права и свободы человека и гражданина, народов России, то в окончательном варианте президент должен защищать интересы государства, а права и свободы человека и гражданина нужно уважать и охранять; неизменным в тексте присяги остается соблюдение Конституции, законов и государственная служба президента [Гаврилова 2009: 140]. Речевой особенностью присяги можно считать ее перформативный характер и наличие элементов юридического дискурса, обусловленное тем, что присяга — это составная часть основного закона страны.

Инаугурационная речь как один из основных элементов коммуникативного события представляет собой строго функциональный текст и создается группой людей, хотя личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно. За патетическими высказываниями политического лидера обычно скрывается жесткая идеологическая конструкция [Beasley 2001; Campbell, Jamieson 1985; Ericson 1997; Sigelman 1996]. Первое выступление новоизбранного президента формулирует идейную основу для объединения общества на новом этапе развития страны [Тамзина 2001; Шейгал 2000].

Лингвокогнитивный анализ инаугурационных речей российских президентов позволил выделить устойчивые компоненты ком-

позиционной структуры выступления: обращение к адресату сообщения; положительная оценка деятельности бывшего президента; благодарность сторонникам, отдавшим свой голос за избранного президента; определение цели развития страны; уверенность в возможности реализовать поставленные задачи; обещание президента достойно выполнять свои обязанности; кульминационный финал. В инаугурационных выступлениях российские президенты обращаются к теме единства нации, к историческому прошлому; подчеркивают значимость момента и новизну ситуации; говорят о необходимости преобразований, определяют роль и персональную задачу президента [Гаврилова 2004].

Общими семантическими макропропозициями речи являются утверждения: избрание на пост главы государства — это высокое доверие и честь; народ выразил свою волю, избрав президентом именно этого кандидата; президент будет действовать в соответствии с Конституцией, выполняя присягу; цель деятельности главы государства — повышение благосостояния народа; для достижения цели важна помощь и поддержка всех граждан; основные задачи президента — государственные интересы и служение народу; президент уверен в улучшении общественно-политической ситуации.

С одной стороны, политическое слово главы государства вбирает в себя общественные настроения и интересы конкретной аудитории. С другой стороны, выступление президента оказывает влияние на формирование общественного мнения, усиливая необходимые для реализации политического курса общественные потребности. Сравним основные единицы ментального плана, доминирующие в концептуальной структуре инаугурационных выступлений. В 1991 г., когда в обществе получили поддержку политические ценности (свобода, демократия, права человека), основными концептами инаугурационного выступления Б. Н. Ельцина являлись такие понятия, как «достоинство» («*путь возрождения достоинства человека*»), «благополучие» («*государство сильно благополучием своих граждан*»), «возрождение России» («*Россия возродится!*»), «радикальные реформы» («*радикальное обновление*»), «коренное преобразование», «энергичные действия», «мирный способ преобразований» («*Россия — миролюбивое государство*», «*народы России хотят трудиться и жить в мире*») [Ельцин 1991]. В 1996 г. деидеологизированные ценности россиян стали лейтмотивом выступления Б. Н. Ельцина на официальном прие-

ме в Кремле: *Мы хотим и добьемся того, чтобы в каждый город, в каждую деревню вошли процветание и порядок, чтобы в каждый российский дом пришел достаток, чтобы власть служила людям, и каждый с гордостью говорил о себе: я — гражданин России!* [Ельцин 1996]. В 2000 г. идея государственного патернализма, стремление видеть Россию сильным государством, служение Отечеству являлись смысловой доминантой инаугурационного выступления В. В. Путина: *Мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной. Страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире* [Путин 2000]. В 2004 г. В. В. Путин определяет главную цель второго срока в должности как повышение качества жизни россиян, говорит о необходимости *достичь принципиально лучшего качества жизни наших людей, добиться реального, ощутимого роста их благосостояния* [Путин 2004]. В 2008 г. основной лейтмотив выступления Д. А. Медведева — «закон» («*фундаментальная роль права*», «*торжество закона*», «*истинное уважение к закону*», «*зрелость и действенность правовой системы*» и др.) и «высокие стандарты жизни» («*комфортная, уверенная и безопасная жизнь наших людей*», «*для лучшей жизни наших людей, их успеха и уверенности в своем будущем*») [Медведев 2008]. В 2012 г. президент актуализирует в общественном сознании такие важные для русской ментальности концепты, как «жизнь» («*стремление каждого к лучшей жизни*»), «свобода» («*наше общее стремление к свободе*»), «духовность» («*будем опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа, мы будем работать с верой в душе*») и «развитие» («*мы вступаем в новый этап национального развития*») [Путин 2012]. В 2018 г. главные темы инаугурационного выступления — это обновление («*новое качество жизни*», «*энергию обновления*», «*новые идеи и подходы*», «*планы обновления городов и сёл*», «*новые вызовы, новые непростые задачи*» и др.) и рывок/движение вперед («*Нам нужны прорывы во всех сферах жизни*», «*двигаться только вперед*», «*прорывного развития*», «*прорывов в науке и технологиях*» и др.) [Путин 2018].

Таким образом, сравнительный анализ инаугурационных речей показал различие идеологических конструктов, создаваемых с помощью ключевых концептов выступления. Отметим, что обязательным элементом концептуальной структуры инаугурационных речей российских президентов является

концепт «единство», реализуемый на различных дискурсивных уровнях.

В русском политическом дискурсе наблюдается тенденция формирования инаугурационной речи как торжественной речи, произнесенной по особому случаю. Стремление к идеалу, свойственное инаугурационной речи, отражается в использовании церковнославянской лексики, высокого фонетического, грамматических и словообразовательных славянизмов, превосходной степени прилагательного, обозначающей высшее проявление качества. Действенность высказываний и возвышенный эмоциональный настрой речи создается использованием риторических средств: синтаксический параллелизм, анафора, повторы, ритмическая структура предложения, звукопись, парцелляция, инверсия, период, стык, атрибутизация, эллипсис, полисиндетон, градация, асиндетон, метафоры движения, пути и строительства и др.

Выявленные в ходе анализа предложения со структурой «я + предикат» семантические классы глаголов отражают тенденцию развития в русском политическом дискурсе доктрины риторического президентства, в которой важными становятся воля, мысль, мнение и речь.

Освещение инаугурации в СМИ. Инаугурация президента России транслируется в прямом эфире по нескольким радио- и телевизионным каналам, что свидетельствует о большой государственной значимости политического события (7 мая 2004 г. впервые церемонию вступления в должность президента России можно было наблюдать в режиме реального времени в Интернете). В то же время прямая трансляция позволяет всем телезрителям стать соучастниками церемонии вступления в должность президента России. Специалисты по развитию общественных связей (И. В. Алешина, Г. Г. Почепцов, А. Н. Чумиков и др.) отмечают сильный воздействующий эффект использования телевидения в освещении политических событий, поскольку телевидение, синтезируя звук и изображение, обеспечивает более широкие коммуникационные возможности. Для зрителя, наблюдающего прямую трансляцию с места события, телевидение способно создать «эффект присутствия». Этот «эффект личного общения» сближает телевизионную коммуникацию с формами межличностного общения. Зритель знает, что передачу одновременно с ним смотрят миллионы людей, и тем не менее воспринимает выступление президента с телеэкрана как обращенное непосредственно к нему.

Поскольку инаугурация освещается на телевидении, организаторы коммуникативного события используют тропы телевизионного нарратива: интерьер помещения, расположение определенных участников в пространстве (например, во время принесения присяги и произнесения инаугурационной речи президент находится на возвышении, в центральной и передней части сцены), цвет (композиции из украшавших сцену цветов состояли из белых, красных, голубых цветов, повторявших цвета государственного флага России), звук (пафосный голос ведущего, духовые инструменты, барабаны), музыка (военные марши, гимн России), государственные символы (герб на трибуне, флаг и штандарт на подиуме), освещение, движение камеры (приближение плана по ходу движения президента на подиум), определенный ракурс камеры (вид с высоты птичьего полета).

Торжественная сдержанность церемонии до появления президента в Кремлевском дворце передается техническими средствами посредством показа общего плана публики (отметим активность участников церемонии в размещении материалов с инаугурации в новых медиа. Так, в 2018 г., несмотря на просьбу организаторов, участники активно использовали телефоны в ходе инаугурации (снимали видео, много фотографировали, делали селфи) и выкладывали снимки в социальные сети. Одна из фотографий, на которой изображена депутат Государственной думы Н. Поклонская, стала мемом). Как отмечает Э. Ноэль-Нойман, «чем больше людей на экране, тем сдержаннее передаваемое впечатление, чем меньше людей в „картинке“, тем интенсивнее впечатление» [Ноэль-Нойман 1996: 234]. Следует отметить, что с появлением избранного президента в кадре камера, как правило, фиксирует внимание именно на нем. При этом главу государства преимущественно показывают средним (движение к сцене и уход из зала) и первым планом (произнесение инаугурационной речи). Масштабность происходящего события передается видом сверху (Кремль, проезд по набережной президентского кортежа). Чтобы церемония выглядела на экранах более динамичной и красочной, увеличивается количество точек и ракурсов съемки.

Одним из основных элементов телевизионной трансляции церемонии является закадровый комментарий, который дают известные журналисты основных телевизионных государственных каналов. Ведущие (обычно женщина и мужчина) описывают происходящие действия, разъясняют осо-

бенности церемониала и интерпретируют символический план события.

Таким образом, использование визуального канала, порождающего долговременные сообщения, и различных элементов контекстного окружения, имеющих символическое значение, увеличивают эффективность воздействия коммуникативного события на аудиторию.

Заключение. Инаугурация занимает высокое положение в системе политической коммуникации. Инаугурация как коммуникативное событие принадлежит сфере официальной публичной коммуникации и характеризуется: 1) устной формой, 2) подготовленностью общения, 3) сочетанием монологической (присяга, инаугурационная речь, приветственная речь уходящего президента) и диалогической (военные приветствия и доклады, т. е. закрепленные в нормативных документах фатические речевые формы) речи, 4) относительно устойчивой темпоральной структурой, 5) строгим сценарием осуществления вербальных и невербальных действий, 6) наличием перформативных речевых актов. Во время инаугурации избранный президент является наиболее активной языковой личностью (репертуар жанров, частотность речевых действий).

Инаугурация является сложным коммуникативным событием, где каждый элемент контекстной модели и вербальной структуры имеет четкую идеологическую направленность. Цель инаугурации — узаконивать вступление в должность президента, засвидетельствовать мирный переход власти, формировать в общественном сознании представление о значимости национальной идентичности, подчеркивать важность единства общества, актуализировать государственные символы.

Важную роль в контекстуальной модели коммуникативного события играют символы, воплощающие военную историю страны и идею преемственности государственной власти.

Церемония инаугурации призвана сформировать положительную эмотивную реакцию аудитории. Как всякое торжественное политическое действие, инаугурация вводит эмоциональное напряжение личности (в ходе предвыборной борьбы) в определенные социокультурные рамки. Выработка политических ритуалов в условиях новой российской государственности играет важную роль, поскольку позволяет создавать и укоренять в общественном сознании новые способы социального воспитания.

В настоящее время вырабатываются нормы и принципы составления инаугураци-

онной речи как одного из торжественных выступлений главы государства. Формирование закреплённой структурной организации инаугурационной речи допускает вариативность ее языкового наполнения, что приводит к возникновению новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени.

ИСТОЧНИКИ

1. Ельцин Б. Н. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России // Российская газета. 1991. 11 июля. С. 1—2.
2. Ельцин Б. Н. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России // Российская газета. 1996. 11 июля. С. 1.
3. Медведев Д. А. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России [Электронный ресурс]. 2008. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1> (дата обращения: 20.06.2018).
4. Президент России [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>.
5. Путин В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России [Электронный ресурс]. 2000. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (дата обращения: 20.06.2018).
6. Путин В. В. Обращение к гражданам страны при вступлении в должность Президента России [Электронный ресурс]. 2004. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (дата обращения: 20.06.2018).
7. Путин В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России [Электронный ресурс]. 2012. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (дата обращения: 20.06.2018).
8. Путин В. В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России [Электронный ресурс]. 2018. 7 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (дата обращения: 20.06.2018).

ЛИТЕРАТУРА

9. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — М. : Либриком, 2009. 320 с.

M. V. Gavrilova
Saint-Petersburg, Russia

RUSSIAN PRESIDENT'S INAUGURATION AS A COMMUNICATIVE EVENT

ABSTRACT. This article analyzes the inaugurations of three Russian Presidents: B. N. Yeltsin, D. A. Medvedev and V. V. Putin. Using cognitive-discourse approach we identify text structures and a context model of the presidential inaugurations. We consider the ceremony a complex communicative event. Special attention is paid to investigating inaugural addresses which are a new but important genre of Russian political discourse. Context is defined as mental constructs of relevant aspects of social situations. The findings suggest that the Russian President inauguration context model consists of three elements: 1) a general description of the situation: setting (on the 7th of May at noon, Andreyevsky Hall of Grand Kremlin Palace), agents and their speech acts; 2) participants; 3) socially shared and personal participants' knowledge and opinions. We find out that the context model is a flexible, dynamic and adapted to changing political circumstances. The results of this investigation show that verbal components of the communicative event include eleven various genres with different combinations of ritual and informative parts: 1) Introduction of the main participants of the ceremony by the announcer and comments during the ceremony; 2) Address of the Governor of the Kremlin; 3) Announcement of the election results by the Chairman of the Central Electoral Commission; 4) Invitation to take an oath by the Chairman of the Constitutional Court; 5) President's oath; 6) Announcement of inauguration by the Chairman of the Constitutional Court; 7) Speech in support by the former President; 8) Inaugural address by the new President of Russia; 9) Report of the Commander-in-Chief of the President's Regiment; 10) President's address and congratulation of the Kremlin staff; 11) Return greeting by the soldiers. The research revealed that inauguration ceremony is being built in Russia and its symbols and genre structure are developing.

KEYWORDS: political discourse; inauguration address; cognitive-discursive approach; communicative event; Russian presidents; inauguration; political rhetoric; political speeches; linguistic persona.

ABOUT THE AUTHOR: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University of Film and Television, Saint-Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. El'tsin B. N. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii // Rossiyskaya gazeta. 1991. 11 iyulya. S. 1—2.
2. El'tsin B. N. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii // Rossiyskaya gazeta. 1996. 11 iyulya. S. 1.

10. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). — СПб. : Изд-во филол. фак. СПбГУ, 2004. 295 с.

11. Гаврилова М. В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исследований, Отд. полит. науки ; Рос. ассоц. полит. науки ; ред. кол.: Ю. С. Пивоваров — гл. ред. [и др.]. — М. : ИНИОН, 2009. № 4 : Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования / ред.-сост. вып. О. Ю. Малинова. С. 138—156.

12. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. 312 с.

13. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 10—21.

14. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спираль молчания. — М. : Прогресс — Академия, Весь мир, 1996. 352 с.

15. Тамзина А. Т. Проблемы современной американской президентской риторики. — Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. 154 с.

16. Шабес В. И. Событие и текст. — М. : Высшая школа, 1989. 175 с.

17. Шевченко В. Ориентировались на коронацию Александра II [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2008. 6 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/24093/322671/> (дата обращения: 20.06.2018).

18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.

19. Beasley V. The rhetoric of ideological consensus in the United States: American principles and American pose in presidential inaugurations // Communication Monographs. 2001. Vol. 68. Iss. 2. P. 169—183.

20. Campbell K. K., Jamieson K. H. Inaugurating the presidency // Presidential Studies Quarterly. 1985. Vol. 15. Iss. 2. P. 394—411.

21. Ericson D. F. Presidential inaugural addresses and American political culture // Presidential Studies Quarterly. 1997. Vol. 27. Iss. 4. P. 727—744.

22. Sigelman L. Presidential inauguration: the modernization of a genre // Political communication. 1996. Vol. 13. Iss. 1. P. 81—92.

3. Medvedev D. A. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Elektronnyy resurs]. 2008. 7 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1> (дата обращения: 20.06.2018).

4. Prezident Rossii [Elektronnyy resurs] : sayt. URL: <http://www.kremlin.ru>.

5. Putin V. V. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Elektronnyy resurs]. 2000. 7 maya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24104> (data obrashcheniya: 20.06.2018).
6. Putin V. V. Obrashchenie k grazhdanam strany pri vstuplenii v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Elektronnyy resurs]. 2004. 7 maya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452> (data obrashcheniya: 20.06.2018).
7. Putin V. V. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Elektronnyy resurs]. 2012. 7 maya. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15224> (data obrashcheniya: 20.06.2018).
8. Putin V. V. Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Elektronnyy resurs]. 2018. 7 maya. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416> (data obrashcheniya: 20.06.2018).
9. Borisova I. N. Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika. — M.: Librikom, 2009. 320 s.
10. Gavrilova M. V. Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V. V. Putina i B. N. El'tsina). — SPb.: Izd-vo filol. fak. SPbGU, 2004. 295 s.
11. Gavrilova M. V. Inauguratsionnaya rech': ideal'nyy proekt dela i ideynaya osnova ob"edineniya obshchestva // Politicheskaya nauka: sb. nauch. tr. / RAN INION, Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. issledov. Otd. polit. nauki; Ros. assots. polit. nauki; red. kol.: Yu. S. Pivovarov — gl. red. [i dr.]. — M.: INION, 2009. № 4: Idei i simvol'y v politike: metodologicheskie problemy i sovremennye issledovaniya / red.-sost. vyp. O. Yu. Malinova. S. 138—156.
12. Deyk T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M.: Progress, 1989. 312 s.
13. Lotman Yu. M. Simvol v sisteme kul'tury // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. 1987. Vyp. 754. S. 10—21.
14. Noel'-Noyman E. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya. — M.: Progress — Akademiya, Ves' mir, 1996. 352 s.
15. Tamzina A. T. Problemy sovremennoy amerikanskoj prezidentskoy ritoriki. — Abakan: Izd-vo Khakas. gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2001. 154 s.
16. Shabes V. I. Sobytie i tekst. — M.: Vysshaya shkola, 1989. 175 s.
17. Shevchenko V. Orientirovalis' na koronatsiyu Aleksandra II [Elektronnyy resurs] // Komsomol'skaya pravda. 2008. 6 maya. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/24093/322671/> (data obrashcheniya: 20.06.2018).
18. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M.; Volgograd: Peremena, 2000. 368 s.
19. Beasley V. The rhetoric of ideological consensus in the United States: American principles and American pose in presidential inaugurals // Communication Monographs. 2001. Vol. 68. Iss. 2. P. 169—183.
20. Campbell K. K., Jamieson K. H. Inaugurating the presidency // Presidential Studies Quarterly. 1985. Vol. 15. Iss. 2. P. 394—411.
21. Ericson D. F. Presidential inaugural addresses and American political culture // Presidential Studies Quarterly. 1997. Vol. 27. Iss. 4. P. 727—744.
22. Sigelman L. Presidential inauguration: the modernization of a genre // Political communication. 1996. Vol. 13. Iss. 1. P. 81—92.

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ МЕТАКОММЕНТАРИИ В ТОПЕ НОВОСТНОГО БРАУЗЕРА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена оценочным метакомментариям в топе новостного браузера. Они представляют собой утвердительные высказывания о том, что кто-то *X* (это обычно известный, медийный, немаловажно — положительно оцениваемый, уважаемый человек, часто имеющий отношение к власти) выразил (в публичной речи, интервью или в Интернете — блоге, «Твиттере») оценочное отношение (практически всегда — отрицательное, чаще всего — юмористическое отрицательное, т. е. насмешливое), в свою очередь, к публичному высказыванию или имеющему общественный резонанс поступку кого-то *Y* (а это обычно, наоборот, отрицательно оцениваемый большей частью общества, неуютный или даже враждебный обществу или власти человек, при этом тоже известный и/или публичный). Пример оценочного комментария: *X* иронично прокомментировал надменное заявление *Y*. В статье дан начальный компонентный анализ оценочного метакомментария: выявляются и анализируются языковые (лексика, синтаксис), семантические (темы) и прагматические (иллюзии и другие компоненты ситуации коммуникации) компоненты, устанавливаются связи между ними. Много внимания уделяется речежанровым источникам оценочного метакомментария: обсуждаются речевые жанры, которые предположительно генетически связаны с жанром оценочного метакомментария, жанр оценочной номинации, политические дебаты и политическая реклама, юмористические интернет-жанры — анекдоты ряда тематических и структурных групп, аксиогенные комические личные нарративы, демотиваторы и нек. др.). Всего было рассмотрено около 400 текстов за 2016—2018 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценочные метакомментарии; «топ» интернет-новостей; новостные браузеры; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: dementevvv@yandex.ru.

1. Введение

Статья посвящена новому, но весьма заметному в Рунете текстовому феномену — оценочным метакомментариям (далее — ОМК) в топе новостного браузера: в топ новостных сообщений от различных интернет-СМИ контент-агрегаторами («Яндекс», «Mail.ru») выносятся сообщения-комментарии о чужих публичных высказываниях (чужих комментариях), чаще всего оценочные, часто политического характера (не всегда, но мы сейчас сосредоточимся на таких).

ОМК обладают относительно стандартной формой: представляют собой утвердительные высказывания (скорее короткие) о том, что кто-то *X* (это обычно известный, медийный, уважаемый человек, часто имеющий отношение к власти, немаловажно — положительно оцениваемый с точки зрения автора материала, выносимого в топ, или редакции издания (*A*)), выразил (иногда в публичной речи, интервью, но чаще — в письменном виде: в публицистической статье или в Интернете на своем сайте — блоге, «Твиттере») оценочное отношение (практически всегда — отрицательное, часто — юмористическое отрицательное, т. е. насмешливое), в свою очередь, к публичному высказыванию или имеющему общественный резонанс поступку кого-то *Y* (а это обычно, наоборот, отрицательно оцениваемый большей частью общества или властью человек, при этом тоже известный и/или публичный).

Следовательно, ОМК имеют *речежанровый аспект* (впрочем, «сильное» утвержде-

ние, что ОМК является речевым жанром, мы пока делать не готовы).

Если высказывание *Y*-а может быть определено как комментарий, то высказывание *X*-а — метакомментарий, а даваемый в новостном браузере текст о высказывании *X*-а, так сказать, метакомментарий второго уровня. Таким образом, авторство по сути тройное: автор статьи (часто анонимный) *A*, «свой» *X*, «чужой» *Y*.

Простейший пример метакомментария: *X* прокомментировал заявление *Y*.

Емкий пример оценочного метакомментария (такие ОМК и являются объектом нашего исследования): *X* иронично прокомментировал надменное заявление *Y*.

Обязательными являются наличие речевого слова (обычно оценочного): это глагол (практически всегда в форме сов. в., прош. вр. (перфектн. форма), чаще переходный, но не всегда), в приведенном примере — *прокомментировал*; номинации речевого или неречевого социального действия характеризуемого *X*-м персонажа *Y*-а: это различные части речи — чаще существительные (в функции прямого или — реже — косвенного дополнения), но возможны и глаголы (тоже в функции дополнения), в приведенном примере — *заявление*; факультативными — адъективные и адвербиальные характеристики (тоже чаще всего оценочные и ярко-оценочные): адverb *иронично* и адъектив *надменное*.

Фраза наподобие приведенной обычно дается в топе новостей в браузере (иногда возглавляет их) крупным или жирным шриф-

том; далее следует (мелким шрифтом, в виде цитаты, в сокращенном виде или в виде упрощенного пересказа, но практически всегда с гиперссылкой) содержание метавысказывания первого уровня; кликнув по гиперссылке, пользователь получает возможность ознакомиться с полным текстом (структурно такой текст иногда самостоятелен, а иногда представляет собой лишь часть какой-то более объемной и содержательно разнообразной статьи). Далее (следующий клик) дается ссылка на высказывание *У* (оригинальный текст, в кавычках или без; если *У* иностранный деятель — на языке оригинала; возможен принтскрин или видеоролик).

В статье будет дан начальный компонентный анализ ОМК: выявляются и анализируются языковые компоненты (лексика, синтаксис), семантические (темы) и прагматические (иллюзии и другие компоненты ситуации коммуникации), устанавливаются связи между ними.

Материал составили ОМК четырех авторов (позиции *X* в примерах), регулярно выступающих в этом жанре и регулярно попадающих в топ поисковых браузеров: министра иностранных дел РФ **С. В. Лаврова**, члена Совета Федерации Федерального собрания РФ **А. К. Пушкова**, директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ **М. В. Захаровой**, заместителя Председателя Правительства РФ **Д. О. Рогозина**. (В качестве дополнительного материала привлекались несколько особенно ярких ОМК журналистов, аналитиков, политических обозревателей и т. д.) Всего было рассмотрено около **400** текстов за 2016—2018 гг. (при этом около 80 % объема материала приходится на один, 2017 год).

Несколько примеров:

*Министр иностранных дел России Сергей Лавров **пронично ответил на высказывание госсекретаря США Рекса Тиллерсона о диалоге с Россией, сообщает ТАСС*** (04.04.2017).

*Захарова **высмеяла слова Бориса Джонсона о самом мощном оружии против России*** (1.10.2016).

*„Отпентагонят и бросят“: Захарова **пристыдила США за заявление по Мосулу*** (29.03.2017).

*Захарова **поиздевалась над комментариями ВАДА о допинге сестер Уильямс*** (14.09.2016).

*Мария Захарова **унизилла представителя США Саманту Пауэр*** (21.01.2017).

*„Он еще и шьет на дому“: Рогозин **высмеял Климкина, вручившего генсеку ООН вышиванку*** (09.07.2017).

*Рогозин **предложил латвийскому депутату отморозить уши назло России*** (29.03.2017).

*Пушков **высмеял предложенную „декоммунизацию“ Дня космонавтики на Украине*** (13.04.2017).

*Пушков **раскритиковал слова Порошенко о „разводе“ с Россией*** (12.05.2017).

Повторяем: наш материал составляют юмористические высказывания и метавысказывания, претендующие на афористичность (одним из основных источников высказываний *X* является «Твиттер», требующий краткой формы), поэтому не рассматриваем, например, высказывания и метавысказывания типа *Рогозин ответил на слова Трампа о санкциях против России из-за Крыма; Пушков назвал непродуктивной идею привлечь Россию к ответственности за Крым*.

2. Речевые источники

Рассматриваемый коммуникативный феномен имеет, как представляется, ряд источников. Во-первых, он развился на основе **жанра комментария**, очень распространенного и образовавшего множество жанровых модификаций в Интернете [см.: Майофис 2004; Сивенкова 2011; Руженцева 2013; Стексова 2013, 2014; Каменева 2016]. Вторым таким источником является **экспрессия**, тоже очень широко распространенная и востребованная в интернет-общении; формы и виды экспрессии все время множатся. Одним из наиболее распространенных и традиционных видов экспрессии в неофициальной (а отчасти и официальной) интернет-коммуникации является **экспрессия карнавала**, представляющая собой смешение высокого и низкого (в данном случае — сочетание изначально дипломатического, т. е. в высокой степени косвенного, внешне вежливого, стиля речи деятеля *X* с подчеркнуто недипломатичной прямой ярко-оценочной характеристикой его высказывания автором *A*); подобная экспрессия в целом очень характерна для политической коммуникации, к которой относится большая часть анализируемого нами материала ОМК^[1]. В-третьих, это конкретные **технические** характеристики интернет-браузера (контент-агрегатора). Многие официальные лица (политики) завели свои аккаунты в соцсетях («Твиттер», «Фейсбук»), где размещают свои высказывания, в том числе юмористические, которые за счет поддержки и технических возможностей данных соцсетей становятся широко известны, а как результат — могут становиться объектом чужой рефлексии (осуждение, насмешка, ирония, сарказм, изощрен-

ные издевательства над политическими противниками).

Еще одна важная основа ОМК, которую можно определить как общественно-политическую, — обострение за 3—4 последних года политического противостояния России с «враждебным окружением», соответственно — представителей власти России (и лояльной власти журналистики) и публичных деятелей противоположной стороны (представляющих Украину, США, страны ЕС и т. д.). Поэтому, вероятно, ОМК в таком виде был бы невозможен до 2014 г.: начав формироваться после обозначившегося в это время политического противостояния, он окончательно складывается примерно к 2017 г., однако из-за противоречий в форме и содержании подвергается некоторому усечению и смягчению примерно к 2018-му (см. ниже).

Является ли рассматриваемый текстовый феномен *речевым жанром*? Безусловно, есть некоторые доводы в пользу данного утверждения: он достаточно распространен в интернет-коммуникации, а главное — узнаваем: формально — по названному речевым словам и по общей текстовой форме высказывания X-а (как правило, яркая, афористичная, лаконичная); в содержательном отношении — по оценке высказывания Y-а. (Более тонких характеристик теоретического и терминологического порядка, как уже было сказано, мы не будем сейчас касаться, отметим только, что соотношение речевого жанра и оценки, механизмы оценки в оценочных речевых жанрах относятся к наиболее актуальным проблемам и лингвистики СМИ, и жанроведения [Дементьев 2015].)

Перейдем к обсуждению **речевых жанров**, которые предположительно генетически связаны с жанром ОМК и которые можно поэтому в той или иной степени считать по отношению к нему первичными. Ряд из них уже довольно хорошо изучен, что, конечно, сильно облегчает нашу задачу — в этих случаях мы можем просто опираться на результаты, полученные исследователями, но в то же время необходимо подчеркнуть, что, во-первых, *ни с одним* из этих жанров ОМК не совпадает полностью; во-вторых, все они, выступая как структурные элементы жанра ОМК, более или менее значительно трансформируются, «переакцентуируются» (по выражению М. М. Бахтина):

- **интернет-комментарий** (см. выше); причем, несомненно, особая роль в эволюции жанра ОМК в Интернете принадлежит комментариям, имеющим краткую и лапидарную форму, претендующим на афори-

стичность — судя по всему, данная форма порождена «Твиттером» [Горошко и др. 2012] и сейчас является очень распространенной;

- **жанр оценочной номинации** (например, Б. Ю. Норман рассматривает этот жанр на материале назывных предложений, прежде всего однословных [Норман 2009]);

- **политические дебаты и политическая реклама** [Шейгал 2004];

- юмористические интернет-жанры — **анекдоты** ряда тематических (политических) и структурных групп (которые в условиях Интернета тоже приобретают ряд дополнительных структурных особенностей [Дементьев 2015]), **забавные истории** («аксиогенные комические личные нарративы») [Карасик 2017], **демотиваторы** и некоторые другие [Щурина 2015].

Главное, что получает жанр ОМК от этих первичных по отношению к нему жанров, — свою прагматическую структуру (весьма сложную и неоднородную), которая и будет рассмотрена подробнее.

3. Прагматическая структура

Актанты / субъекты и объекты:

A — журналист, автор рассматриваемого нами вторичного текста II (чаще всего анонимный, коллективный или обобщенный «обозреватель / представитель / потребитель СМИ»: это точка зрения редакции, лояльной к власти, т. е. в сущности точка зрения власти);

X — автор вторичного текста Ib («свой», положительно оцениваемый, уважаемый человек / представитель власти);

Y — автор первичного текста (дискурса, НВКК) Ia (отрицательно оцениваемый, чужой / враг власти / общества / народа);

Z — читатель (текста II) (является ли он также читателем текстов Ia и Ib, в общем, не существенно).

С точки зрения своих иллокутивно-прагматических характеристик ОМК находится на пересечении:

а) **информирования** (информирует журналист A читателя Z), которое также обычно включает оптимизацию и удешевление информирования, которое уже было в тексте Ib (предполагается, что оригинал недостаточно с этим справляется, хотя основное местоположение текста Ib — и без того чрезвычайно массовые соцсети);

б) **развлечения** (ср. в этом отношении юмористические, иронические и прочие стратегии интернет-общения [Фенина 2015], а также развлекательные сайты и жанры неинтернет-коммуникации, такие как травля анекдотов);

в) **оценки** (оценочного действия), опять-таки вторичной, осуществленной А — автором вторичного текста II, обычно через посредство оценочной номинации, главным средством которой является оценочное речевое слово (глагол). Первичную оценку (с номинацией или без нее) осуществил автор вторичного текста Ib — X;

в том числе в виде двух наиболее распространенных разновидностей оценки:

г) **осуждения** (осуждается Y и текст/курс Ib);

д) **похвалы/лести** (ее выражает журналист А автору первичного текста X и его тексту Ia, в зависимости от направленности — патриотический или наоборот): выразить гордость за такие сильные действия своих лидеров (для оппозиционных журналистов, напротив, важно показать их глупость, злобность, высмеять...);

е) **выражения лояльности** (ее выражает журналист А автору X — представителю власти — и побуждает к ней читателя Z).

Добавим, что при этом интенция (а) выражается прямо, (г) и (д) — прямо или косвенно, (б) и (е) — практически только косвенно.

Перейдем к двум интенциям ОМК (ж) и (з), наиболее важным и одновременно наиболее сложным: они имеют только непрямой характер, причем более сложный, чем все предыдущие — это непрямота иной природы, чем, например, косвенность (б) и (е); настоящая прямота вообще невозможна при выражении интенций (б) и (е) в жанре ОМК. Итак, в ОМК наблюдается использование:

ж) **шутки** (сатиры, шутливой сентенции, языковой игры): ее выражает журналист А, адресуясь к читателю Z и опосредованно — автору первичного текста Y, но чаще всего он таким образом лишь транслирует оригинальную шутку автора X, содержащуюся в тексте Ib. Это, безусловно, самый главный и самый трудный компонент — собственно «соль» ОМК, то, ради чего он пишется / произносится и тиражируется. Адекватный анализ данного компонента, как любой анализ юмора и языковой игры, невозможен только лингвистическими методами: в чем именно юмор/сатира/насмешка? Каковы лингвистические (и нелингвистические) механизмы? Что именно (несоответствие фреймов? преодоление цензуры? смешение стилей? и т. д.) порождает комический эффект, по замыслу болезненный для жертвы и доставляющий удовольствие предположительно читателю?

Анализ показывает, что наиболее частотными мишенями высмеивания являются необоснованно завышенные претензии (на непогрешимость, на особые, привилегиро-

ванные условия в разрешении конфликтов, на владение истиной, конечно, на расовое и подобное превосходство и даже на мировое господство (есть и такие)), ложь, демагогия, ущербная аргументация и способы ее донесения, непрофессионализм и некомпетентность (в том числе риторическая, коммуникативная), а также такие общие прегрешения против морали, как ханжество и цинизм.

Конечно, для того чтобы выразить все эти сложные смыслы, короткой «твиттерной» формы ОМК часто оказывается недостаточно, и носителем данного комического содержания оказывается более протяженный текст, включающий добавляемые к собственно ОМК (например, гиперссылкой) тексты, изображения, видео и подоб. Несколько примеров:

04.07.2017, rusnewstoday24.ru: **Пушков посмеялся над заявлением Мосийчука о том, что Кремль будет уничтожен**

Российский сенатор Алексей Пушков иронично прокомментировал заявление депутата Верховной рады Игоря Мосийчука о том, что вскоре Кремль будет уничтожен украинской армией. «„Кремль будет уничтожен украинской армией“, — обещает депутат Рады Мосийчук. Смешно. Об этом мечтали Мазепа, Бандера, Шухевич. Все плохо кончили», — написал Пушков в Twitter.

Ранее Мосийчук заявил, что украинская армия после освобождения Донбасса захватит Кремль. «Мы не остановимся на собственных границах и, выбив врага с украинской земли, нагоним и добьем его в собственной столице: Кремль будет уничтожен», — написал Мосийчук в Facebook.

24.01.18, tsargrad.tv: **Соловьёв „раскусил“ Собчак, сбежавшую в США в разгар предвыборной кампании**

Телеведущий предположил, что светская львица поехала в Вашингтон на встречу с избирателями.

Известный телеведущий Владимир Соловьёв жестко высмеял кандидата в президенты России Ксению Собчак, сбежавшую в США в самый разгар предвыборной кампании. Свои мысли по поводу поведения „блондинки в шоколаде“ Соловьёв опубликовал у себя на странице в Twitter.

В свойственной ведущему саркастической манере он пишет, что поездка Собчак в США в такое время явно не случайна. Соловьёв предполагает, что светская львица ездила в Вашингтон на встречу с избирателями, так как именно там, судя по всему, находится весь её электорат.

„Собчак в разгар избирательной кампании укатила в Вашингтон ..встреча с избирателями?“, — смеётся Соловьёв в

соцсети.

Напомним, что ранее Собчак принимала участие в телепередаче Соловьёва, где обсуждала свою предвыборную программу. В ходе эфира Соловьёву **мастерски удалось заставить Собчак высказать всё, что она действительно думает о России и своих избирателях;**

3) **выражения агрессии** — различается в зависимости от актанта: политик / представитель власти X, «комментируя» (а по сути высмеивая) высказывание Y-а, выражает по отношению к нему агрессию развернуто и обычно непрямо, давая комплексный анализ, «художественно-публицистически» и т. д., что соответствует *агональности* политической коммуникации [Шейгал 2004] (кстати, и сам *отвечает* за свою агрессию); агрессия же автора A (представителя или руководителя издания), направленная, в общем, против той же мишени, что и у X, — Y-а, — представляет собой фактически только оценочную номинацию высказывания X-а и содержится в этом отношении противоречие: с одной стороны, данное речевое слово является *отрицательно* оценивающим (речевое действие X-а именуется как агрессивное, конфликтное); с другой стороны — данное действие X-а *одобряется*.

Такая оценочность, которую выражают наиболее экстремальные «скандално-сенсационные» оценочные речевые слова, противоречит самой сути дипломатической и в целом официальной речи, поскольку выражает не приветствуемые социумом негативные эмоции, злорадство, издевку и т. д., а главное — невежлива, неэтикетна, прямо конфликтна. Вероятно, поэтому в целом ряде изданий она не используется (возможно, редакции соответствующих изданий даже наложили на такие выражения запрет для своих сотрудников, но об этом, конечно, мы можем лишь догадываться), точнее, перестала использоваться приблизительно с середины 2017 г. В то же время экстремальная оценочная лексика хороша для

карнавала и нравится публике, отсюда спрос на нее (а в ситуации предполагаемого запрета — спрос на непрямые, эвфемистические замены).

Разрешить это противоречие, вероятно, невозможно до конца (особенно в плане распределения ответственности), и, столкнувшись с ним, журналисты, как можно судить, примерно к началу 2018 г. резко снизили остроту.

Ср. типичную форму ОМК 2018 г.:

26 июля 2018, REGNUM: **Пушков объяснил, зачем представитель Киева сорвал переговоры в Минске.**

Форма подчеркнута нейтральна — особенно учитывая, что содержание оригинального высказывания Пушкина в «Твиттере» было весьма острое:

Сообщают, что вице-спикер Рады Ирина Геращенко сорвала заседание Минский группы по Донбассу. Не удивлён: знаю её по ПАСЕ, где она вела себя, как невменяемая. Такого рода „переговорщики“ способны только войну объявлять. Киев и направляет их для срыва соглашений.

Можно предположить, что еще год назад слова ОМК были бы гораздо более экспрессивные.

4. Языковые и текстовые структуры

Как уже было сказано, *обязательными* являются наличие речевого слова (обычно оценочного): это глагол в форме сов. в., прош. вр.; номинации речевого или неречевого действия (имеющего общественную/общественно-политическую значимость) характеризуемого X-м персонажа Y-а: чаще существительные (в функции прямого или — реже — косвенного дополнения), но возможны и глаголы; *факультативными* — адъективные и адвербиальные характеристики (тоже чаще всего оценочные).

Представим основной словарь используемых в ОМК речевых слов (он невелик) с частотностью в виде таблицы.

Таблица. Модель ОМК

Субъект	Адверб 1 (факультативная позиция)	Речевое действие субъекта (глагол)	Адъектив 2 (факультативная позиция)	Речевое действие объекта (субстантив)	Объект (посессив)
X (кто)		прокомментировал	надменное	заявление	Y (чьё)
		ответил на			
		высмеял			
		пристыдил			

В отсутствие факультативного Адверба 1 глагол — имя речевого действия субъекта X — всегда оценочный; в меньшей степени проявляется влияние на субстантив — речевое действия объекта Y — наличия/отсутствия Адъектива 2.

То, что мы называем обязательной, или каноничной формой, не исключает полностью вариативности. Распространена языковая игра разных типов (например, *Рогозин предложил латвийскому депутату отморозить уши назло России*), что логично, учитывая, что это, вообще говоря, юмор.

Тем не менее именно каноничная форма позволяет выявить ряд наиболее распространенных лексических единиц, используемых в данных позициях: так, из 400 примеров в той или иной степени к каноничной форме могут быть отнесены ок. 250 (63 %); из них факультативная позиция заполнена примерно в 50 %: позиция Адверба 1 — 35 %, позиция Адъектива 2 — 15 %.

В **обязательных** позициях (заполнение близко к 100 %) выявлены следующие лексеммы.

- **Речевое действие субъекта X (глагол):** *посмеялся* (51), *высмеял* (48), *раскритиковал* (24), *пошутил* (23), *прокомментировал* (17), *поиздевался* (14) и *поиздевалась* (9), *отреагировал (на)* (12), *пристыдил* (5), *унизила* (4), *выставил на посмешище* (3), *посоветовал* (2), *потроллил* (2) и «*потроллила*» (1), *поглумился* (1), «*раскусил*» (1), *не оставил без внимания* (1), *назвал «ахинеей»* (1), *назвала «интеллектуальной агонией»* (1), *ответил (на)* (28).

- Что же касается **номинации речевого действия объекта Y (субстантива, а также Адъектива 2)**, тут разнообразие гораздо больше, причем собственно речевых слов не так уж много — частотны в этой позиции:

- *слова* (54), *заявление* (28), *шутка* (5), *информация* (4), интересны также описательные номинации (это единичные примеры): *призывы к украинцам не ездить в Россию, комментариями ВАДА..., докладом спецслужб США..., выпад украинского посла, придумывание новой „российской угрозы“, новую информацию;*

- именованные значимых поступков (неречевых) в социальной или политической сфере: *ситуацию, решение Украины углубить Азовское море, решение США прекратить бесплатную военную помощь Украине, решение США по делу Ярошенко, украинский запрет российских соцсетей, бряцание оружием Порошенко, „подписавшего“ акт о капитуляции Германии, желанием Украины перенести День космонавтики, экономические „успехи“ Украины, то, что происхо-*

дит в информационном пространстве США;

- именование их при помощи метонимии, синекдохи т. п. (*Порошенко, Литва* вместо соответствующих речевых действий или позиций): *Собчак, сбежавшую в США в разгар предвыборной кампании.*

В **факультативных** позициях:

- **Адверб 1:** *иронично* (13), *жестко* (2), *язвительно* (2), *мастерски* (1), *лихо* (1), *ядовито* (1), *метко* (1).

Среди синтаксических структур, используемых в ОМК, отметим также:

- **эксclamативы:**

29 марта 2017. **«Божественно!»:** *Захарова прокомментировала выпад украинского посла*

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова прокомментировала слова посла Украины в Польше Андрея Дещицы о „российском следе“ в обстреле польского Генконсульства в Луцке

Соответствующий комментарий Захарова сделала у себя в Facebook.

„Божественно. Я бы ещё добавила, что Россия, используя гибридные технологии, способствовала направлению Дещицы послом в Польшу для подрыва авторитета Украины в глазах поляков“, — написала она;

- **обособленные определения, относящиеся к X:** *Сенатор Алексей Пушков, известный своими меткими высказываниями относительно происходящего в мировом сообществе;*

- **деепричастия, относящиеся к речевому слову:** *Комментируя случившееся...; прокомментировала ультиматум Порошенко...*

5. Выводы

Какое место занимают приведенные соображения в общем изучении речевых жанрового пространства современной России (по отношению к чрезвычайно глубоким, детальным, комплексным исследованиям и интернет-коммуникации, и политической коммуникации и их жанров)? Скромное. Проанализирован ограниченный и локальный материал, скорее не успевший оформиться в полноценный жанр (судя по рассмотренным содержательным противоречиям в ОМК, оформления уже и не случится). Тем не менее, по нашему мнению, подобные попытки нужны и представляют пользу для названного общего направления — изучения речевых жанрового пространства современной России [Дементьев 2015]. К важнейшим признакам речевых жанров относится то, что они все время текут, меняются, трансформируются... появляются и исчезают. Точно так же и ОМК, как было показано, скорее

всего, не существовал до 2014 г.; после 2017-го же он, как видим, утрачивает остроту, фактически разрушается. Но и изучение столь локальных явлений необходимо для адекватного представления речевых жанров пространства современной России ^[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. К общим тенденциям современной речевой коммуникации (интернет-коммуникации), значимым для ОМК, о которых мы говорим, по мнению В. И. Карасика, относятся особенности и условия успешного распространения информации в Интернете (рекламизация, клиповость, эмблематичность, абстрактность/неконкретность, экспрессивизация в сочетании с «новым стандартом» — форматностью, а также свойственным постмодернизму смешением смыслов — истинных и ложных, высокого и низкого и т. д.) [Карасик 2015].

Журналист Виктор Мараховский говорит об «украинизации» экспрессии современной политической коммуникации в России: *«Теперь никто не пишет в заголовке <...> исчезло даже минимально конкретное „Лавров Тиллерсону: мне мама тоже запретила танцевать с мальчиками“. Теперь это изменится „Лавров ответил на реплику Тиллерсона шуткой“. Клики, клики меня, читатель, кланчат теперь заголовки — а иначе я ничего тебе не расскажу. Знаю я тебя, ты не станешь лезть внутрь текста, и я (заголовок) пропаду зря... Проблема в том, что там, где не работают загадочные зазывки — мастера медийного маркетинга врубают мощные обобщения. Статус новости подымается за счет учреждения или института, к которому эту новость можно приписать... Лично я был бы рад порассуждать о том, что чья-то злая воля и чья-то жадность превратили топы новостей в эквивалент мигающих баннерами заманух „От этого заявления Путина все ввали в ужас“ и „Собчак опозорилась на всю страну“. Но нет. <...> В ходе локальной донбасской войны и сопровождающей ее мировой информационной произошла диффузия, взаимопроникновение двух политических публичных пространств. И украинская политическая манера, и прихваты, и привычки, и жанры — вылились в Россию и отформатировали российское медианпространство. И теперь у нас, как легко заметить, довольно парадоксальная ситуация. Вертикаль по-прежнему стоит — всё такая же сдержанная и решающая вопросы без воплей за закрытыми дверьми. А перед дверьми кувыркаются разноцветные персонажи в бесчисленном множестве, которые кричат в скважину обидное (и громко*

сообщают, что им оттуда ответили, или торжественно вопят, что им не ответили), и отталкивают друг друга, и летят микрофоны, чашки, ключья колпаков и бубенчики...» [Мараховский 2017].

[2]. Ср. с анализом таких явлений, как *сообщения на пейджер, рубрика «Послания» газеты бесплатных объявлений, падонковский язык, УдаФФ.ком, Луркоморье, пирожки/порошки и подоб.* [ср.: Дементьев: в печати]

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») // Жанры речи. — М.; Саратов : Лабиринт, 2012. Вып. 8 : Жанр и творчество. С. 344—357.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78—107.
3. Дементьев В. В. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: попытка диахронического речевых жанрового анализа. — (В печати).
4. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 15—19.
5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. — Волгоград : Парадигма, 2015. 342 с.
6. Карасик В. И. Аксиогенные комические личные нарративы // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 203—209.
7. Майофис М. Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 67—69.
8. Мараховский В. Страшная месть Украины. К инцидентам с Веллером, поляком и Навальным [Электронный ресурс] // На линии. 2017. 29 апр. URL: <https://www.nalin.ru/strashnaya-mest-ukrainy-k-incidentam-s-vellerom-polyakom-i-navalnym-5444>.
9. Норман Б. Ю. Номинативное предложение в функции резюме (на материале художественных текстов) // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2009. Вып. 6 : Жанр и язык. С. 239—247.
10. Руженцева Н. Б. Протестный комментарий как жанр политического дискурса // Политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2013. С. 267—272.
11. Сивенкова М. А. «Критиковать или не критиковать?»: об эффективности метакоммуникативных комментариев в политической дискуссии // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 148—151.
12. Стексова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 77—81.
13. Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 81—88.
14. Фенина В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 29—34.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. 326 с.
16. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. — Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

EVALUATIVE META-COMMENTS IN THE TOP OF A NEWS BROWSER

ABSTRACT. *The report is devoted to the evaluative meta-comments in the top of a news browser. They are affirmative statements that someone — X (this is usually a public, respected and positively evaluated important person, often related to power) expressed (in public speech, interview or on the Internet (blog, Twitter)) an opinion (often negative) to the public utterance or behavior of someone — Y (and this person usually has a negative image in the society, is rejected by the society, and is in the opposition to the current government; they are famous or public figures.). Here is an example of a meta-comment: X ironically commented on the haughty statement of Y. The article provides an initial component analysis of a meta-comment: language (vocabulary, syntax), semantic (themes) and pragmatic (illocution and other components of the communication situation) components are identified and analyzed, connections between them are established. Much attention is paid to the speech genre sources of the evaluation meta-comments: speech genres, that are supposedly genetically related to the genre of evaluative meta-comment and that can therefore be considered to be more or less primary in relation to it (Internet commentary, genre of the evaluation nomination, political debate and political advertising, humorous Internet genres — anecdotes of a number of thematic and structural groups, axiogenic comic personal narratives, demotivators and others). A total of about 400 texts of 2016-2018 were analyzed.*

KEYWORDS: *evaluative meta-comments; Internet news top; news browser; media; mass media; media linguistics; media discourse; media texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Saratov State University, Saratov, Russia.*

REFERENCES

1. Goroshko E. I., Zemlyakova E. A., Polyakova T. L. Zhanry 2.0: problema tipologii i kategorizatsii (na primere kommunikativnogo servisa «Twitter») // Zhanry rechi. — M. : Saratov : Labirint, 2012. Vyp. 8 : Zhanr i tvorchestvo. S. 344—357.
2. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi // Voprosy yazykoznaviya. 2015. № 6. С. 78—107.
3. Dement'ev V. V. Rubrika «Poslaniya» v gazete besplatnykh ob'yavleniy 1990-kh gg.: popytka diakhronicheskogo rechezhanrovogo analiza. — (V pechati).
4. Kameneva V. A. Internet-kommentariy k angloyazychnym stat'yam politicheskoy i kul'turnoy tematiki. Kommunikativnye tseli // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 15—19.
5. Karasik V. I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy. — Volgograd : Paradigma, 2015. 342 s.
6. Karasik V. I. Aksiogennyye komicheskie lichnye narrativy // Zhanry rechi. 2017. № 2 (16). S. 203—209.
7. Mayofis M. Kommentariy: sotsial'naya i istoriko-kul'turnaya refleksiya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 66. S. 67—69.
8. Marakhovskiy V. Strashnaya mest' Ukrainy. K intsidentam s Vellerom, polyakom i Naval'nym [Elektronnyy resurs] // Na linii. 2017. 29 apr. URL: <https://www.nalin.ru/strashnaya-mest-ukrainy-k-incidentam-s-vellerom-polyakom-i-navalnym-5444>.
9. Norman B. Yu. Nominativnoe predlozhenie v funktsii rezyume (na materiale khudozhestvennykh tekstov) // Zhanry rechi. — Saratov : Nauka, 2009. Vyp. 6 : Zhanr i yazyk. S. 239—247.
10. Ruzhentseva N. B. Protestnyy kommentariy kak zhanr politicheskogo diskursa // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2013. S. 267—272.
11. Sivenkova M. A. «Kritikovat' ili ne kritikovat'?»: ob effektivnosti metakommunikativnykh kommentariy v politicheskoy diskussii // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 148—151.
12. Steksova T. I. Rehevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 77—81.
13. Steksova T. I. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost' // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 81—88.
14. Fenina V. V. Ironiya v obydennom politicheskom diskurse (na materiale internet-kommentariy pol'zovateley sayta «Ekho Moskvy») // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 29—34.
15. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.
16. Shchurina Yu. V. Rechevye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii. — Chita : Zabaykal'skiy gos. un-t, 2015. 223 s.

Н. В. Зененко

Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГЕМА В ИСПАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Идеологизация лексики приводит к появлению политических идеологем, которые широко используются в современных испанских публицистических текстах в виде идиом, словосочетаний, метафор и даже целых предложений и служат инструментом для насаждения доминирующего в стране мировоззрения. Идеологема несет в себе аксиологическую установку (положительную или отрицательную) и оказывает влияние на преобразование уже существующей политической картины мира. Будучи отражением общественного мнения и обладая сильным суггестивным потенциалом, идеологема зачастую способна подменять истинные факты для умелого манипулирования информацией. Частотность использования идеологем в испанских публицистических текстах высока и напрямую связана с особенностями национального характера испанцев. Рассматриваются испанские медийные тексты, посвященные недавним политическим событиям в Каталонии (отказ официального Мадрида признать каталонцев независимой нацией). В проанализированных статьях формирование идеологической установки призвано создать у целевой аудитории определенное мнение (создается положительный образ председателя правительства Испании М. Рахоя и отрицательный — борца за независимость Каталонии К. Пучдемона). За образом каталонского политика К. Пучдемона у читателей закрепилась идеологема «*gròfigo*» — «беглец, узник», — обладающая отрицательной экспрессивно-эмоциональной окраской. Рассматриваются контексты, в которых идеологическая семантика реализуется нейтральными языковыми единицами, при этом степень успешности речевой манипуляции как основной цели использования идеологем в медийных текстах во многом зависит от того, насколько широк арсенал применяемых адресантом языковых средств воздействия на адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публицистический дискурс; политический дискурс; политическая идеология; испанский язык; идеологема; аксиологические установки; суггестия; политическая картина мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зененко Наталья Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков, Военный университет Министерства обороны РФ (Москва); 123001, Россия, Москва, ул. Большая Садовая, 14; e-mail: zenenko@mail.ru.

Идеологему, если совместить когнитивный и прагматический подходы к ее описанию, можно трактовать как одну из структур идеологической языковой репрезентации.

Для того чтобы понять феномен идеологемы, необходимо разобраться в отношениях между идеологией и языком. Язык как социальное явление индифферентен по отношению к идеологии. По мнению Б. А. Серебренникова, «значение абсолютно преобладающего числа слов, входящих в словарный состав любого языка, идеологически нейтрально» [Серебренников 1970: 417—450].

Язык всего лишь «является средством объективизации различных форм идеологии, ее распространения в обществе» [Сергеев 2012: 46]. Совершенно очевидно, что доминантная идеология, используя язык в качестве инструмента для формирования языковой политики государства, в конечном счете оказывает влияние на национальный язык.

Идеологическая функция, являясь одной из функций политического дискурса, состоит в возможности воздействовать на формирование мировосприятия людей. Приобретатель информации в любом ее виде (просматривая прессу, новости или телепередачи), получая чужое мнение, нередко меняет свое миропонимание, уверившись в том, что это его собственные умозаключения относительно происходящих в реальности событий. Сформировать политический тренд общества может лишь носитель господствующей идеологии, который использует СМИ для

достижения определенной цели.

Политический текст является объектом исследования многих научных дисциплин (социологии, психолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации). Анализ политической коммуникации и публицистического дискурса можно найти в работах А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, Е. И. Шейгал, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, А. Г. Алтуняна, Н. Н. Мироновой, М. Р. Желтухиной, В. Н. Базылева, Т. М. Грушевой, М. Н. Грачева, О. Л. Михалёвой и мн. др.

Актуальность данного направления научных исследований неоспорима.

Политическая лингвистика становится предметом исследования представителей разных научных направлений. Так, А. П. Чудинов полагает, что «предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2007: 8].

В странах с общедемократическими ценностями отмечается высокая значимость текстов политической направленности. Зачастую урегулирование политических, а иногда и военных конфликтов зависит от трактовки и истолкования посредством языка сущности этих конфликтов. Вслед за

Е. И. Шейгал мы полагаем, что «политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия» [Шейгал 2000: 12].

Тема влияния идеологии на мировоззрение человека и, как следствие, на его деятельность непосредственно связана с публицистическими текстами и с политической коммуникацией. Идеологизация лексики в языке — это целенаправленный проект, осуществляющийся в том числе и посредством публицистических текстов.

Объектом нашего исследования является «монологический жанр (статья) медийной политической коммуникации». Мы использовали классификацию политических текстов, разработанную А. П. Чудиновым в работе «Дискурсивные характеристики политической коммуникации» [Чудинов 2012: 53—54].

Предметом анализа данной работы являются идеологемы, которые широко используются в современных испанских политических текстах и оказывают немалое влияние с точки зрения манипулирования общественным сознанием.

Принято считать, что впервые упоминал о феномене «идеологема» М. М. Бахтин, рассуждая о национальном языке и социуме: «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному» [Бахтин 1975: 101].

В настоящее время термин «идеологема» активно эксплуатируется во многих социально-гуманитарных отраслях научного знания. Не является исключением и учение о языке.

Современная отечественная лингвистика, опираясь на сформировавшуюся теорию идеологем [см.: Клушина 2008, 2014; Купина 1995; Земская 1996; Гусейнов 2002, 2003; Карасик 2002; Будаев, Чудинов 2006; Шейгал 2004; Эпштейн 2006; Рыжова 2014; Пинотек 2012; Чапаева 2014 и др.], рассматривает это понятие как одно из основных для политической лингвистики в целом и публицистического дискурса в частности.

М. Н. Эпштейн в своей работе «Слово и молчание, метафизика русской литературы» полагает, что «идеологема — это „меткое

слово“ на службе власти» [Эпштейн 2006]. Семантическим ядром идеологемы, по мнению Н. И. Клушиной, является идеологически нагруженная обобщающая лексема, обладающая сильным суггестивным потенциалом [Клушина 2008: 32—40]. Некоторые современные языковеды рассматривают идеологему как один из типов номинативных подмен (так как коннотация подменяет основное денотативное значение) [Чапаева 2014]. Смена идеологии влечет за собой номинативные подмены и, как следствие, образование новых идеологем. «Средства воздействия очень быстро „срабатываются“, „изнашиваются“, — требуют постоянного обновления» [Голуб 1986: 48].

Идеологему можно рассматривать как «ценностный знак» общества, а «политический дискурс насыщен ценностными знаками» [Карасик 2002: 39]. Идеологема является определенным указателем, который направляет нас к конкретному идеологическому дискурсу. И нацелена она на то, чтобы обозначать господствующую идеологию, а не истолковывать ее сущность [Чапаева 2014: 13].

Нельзя не согласиться с Н. И. Клушиной, которая полагает, что «идеологему можно считать универсалией политического и медийного дискурсов» [Клушина 2008: 32—40]. Использование идеологем преимущественно в медийных текстах объясняется их очевидной идеологической направленностью.

Идеологема как результат взаимодействия языка и идеологии является оптимальным механизмом для игры с человеческим сознанием. Являясь важным компонентом любой идеологии, она служит инструментом для насаждения доминирующего в стране мировоззрения через средства массовой информации.

Именно по этой причине, на наш взгляд, испанский политический дискурс является подходящим материалом для исследования феномена «идеологема».

Если в отечественной лингвистике концепция идеологемы имеет конкретные очертания, то в российской испанистике соответствующих исследований нет. Поскольку идеологемы характеризуются национальной специфичностью, которая реализуется в языке в виде устойчивых идиоматических словосочетаний, метафор, клише, в данной статье предполагается определить частотность употребления идеологем в испанских публицистических текстах и тем самым степень манипулирования общественным сознанием. Данное направление анализа, как нам представляется, является перспективным для научных исследований в рамках

иберо-романского языкознания.

Испанские медийные тексты на протяжении нескольких последних месяцев анализируют политические события в Каталонии. Проблема европейского сепаратизма напрямую коснулась современной Испании. Так, каталонский кризис и политическая нестабильность в Стране Басков, несмотря на компромисс Мадрида, углубляются. Массовые демонстрации протеста и отставка главы каталонского правительства Карлеса Пучдемона — все это явилось следствием отказа официального Мадрида признать каталонцев независимой нацией. Естественно, что центральные испанские газеты не могли не воспользоваться данной политической ситуацией с намерением повлиять на мнение жителей Каталонии в отношении экс-председателя регионального правительства Пучдемона.

В статье «Los 100 días de Puigdemont en Bruselas» (El País. 07.02.2018), описывающей экс-председателя каталонского правительства Карлеса Пучдемона и его праздную жизнь в Бельгии, мы можем встретить идеологему *prófugo* (беглец/узник): *Juicio, campaña y ópera. Los 100 días de Carles Puigdemont fuera de Cataluña pueden resumirse en esos tres conceptos. Reclamado por la justicia española, eligió ser prófugo de la ley* [Sánchez 2018]. — Суд, кампания и опера. Три слова, характеризующие 100 дней вне Каталонии Карлеса Пучдемона. Преследуемый испанским правосудием, он выбрал для себя путь беглеца/узника закона (здесь и далее перевод наш. — Н. З.).

Личностная идеологема *prófugo* закрепилась у читателей за образом каталонского политика К. Пучдемона. Она активно используется журналистами для манипуляции сознанием каталонцев и, как следствие, для преобразования политической картины мира у целевой аудитории. Кроме того, в данном контексте можно рассматривать *prófugo de la ley* (беглец от / узник закона) как метафорическое словосочетание. Направивается аналогия с английской идеологемой *prisoner of conscience* (узник совести). Этот термин был введен в коммуникацию Питером Бененсоном, британским правозащитником, и характеризует человека, лишённого свободы за то, что он мирно выражал свои политические, религиозные или научные взгляды [Словари и энциклопедии на Академике].

Приведем еще несколько примеров метафорических словосочетаний с лексемой *prófugo*. В газете «El País» (26 янв. 2018 г.) находим такой фрагмент: „*Un prófugo de la justicia no puede ser presidente de la Generalitat*“, afirma Carmen Calvo, „*número*

cuatro“ del PSOE [Gálvez 2018]. — „**Беглец от правосудия не может быть президентом Женералитета**“, — утверждает Кармен Кальво, четвертый человек в ИСПП. Или, например, в статье «Puigdemont, Sansón, Lear» (El País. 15 янв. 2018 г.) встречаем следующее предложение: *El incumplidor prófugo pretende ahora achatarrar el Parlament, su reglamento y su ley de la Presidencia* [Vidal-Folch 2018]. — **Сейчас беглец-нарушитель стремится уничтожить парламент, собственный регламент и закон о полномочиях и функциях президента**.

В газете ABC (29 янв. 2018 г.) находим еще одно метафорическое словосочетание с базовым словом *un fugado* (беглец/убегающий): *Mariano Rajoy ha asegurado esta tarde <...> que „un señor que es un fugado de la Justicia no puede ser presidente de nada“, en referencia a la situación de Carles Puigdemont* [Calleja. 29.01.2018]. — **Этим вечером Мариано Рахой, ссылаясь на ситуацию с Карлесом Пучдемоном, заверил, что „гражданин, убегающий от Правосудия, в принципе не может быть президентом“**.

В политических публицистических текстах идеологичность часто эксплицируется в виде систем метафор и сравнений, за счет чего создается определенный образный и символический ряд и задается желаемое видение действительности у читателей. В газете «El Mundo» от 7 декабря 2017 г. встретился следующий фрагмент: *El juez del Supremo Pablo Llarena <...> ha dejado a Puigdemont como un prófugo normal que no quiere volver a su país por miedo a su detención* [Sàlmon 2017]. — **Судья Верховного суда Пабло Льярен <...> рассмотрел Пучдемона в качестве обычного беглеца, который не хочет возвращаться в свою страну из-за страха ареста**.

Следующий контекст иллюстрирует использование идеологемы в функции сравнения: *...Albert Rivera ha adelantado este jueves una propuesta de su partido para modificar la legislación electoral de manera que los prófugos de la Justicia, como el expresidente de la Generalitat de Cataluña Carles Puigdemont, no puedan presentarse a unos comicios* [Ciudadanos propone... 2018]. — **...в этом четверг Альберт Ривера от лица своей партии предложил изменить избирательное законодательство таким образом, чтобы беглецы от Правосудия, подобные экс-президенту Женералитета Каталонии Карлесу Пучдемон, не могли появляться на предвыборных собраниях**.

Представленный материал свидетельствует о том, что в испанских СМИ лексемы

prófugo и *fugado* выступают по отношению к личности Карлеса Пучдемона как идеологемы, имеющие отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску, задающие негативный идеологический модус испанским публицистическим текстам, навязывающие читателю позицию доминирующей в стране идеологии и формирующие общественное мнение.

Часто идеологически нагруженная лексика реализуется в тексте нейтральным словом, однако степень успешности речевой манипуляции как основной цели использования идеологем в медийных текстах во многом зависит от того, насколько широк арсенал применяемых адресантом языковых средств воздействия на адресата. Как мы отмечали выше, идеологемы, встречающиеся в политическом дискурсе, реализуются в языке в виде метафор, сравнений, устойчивых выражений, которые оказывают влияние на уже сложившуюся картину мира читателей.

В заголовке статьи *La dulce vita del fugado Puigdemont en Bélgica* испанской газеты «El Mundo» [La dulce vita... 2018] мы можем встретить устойчивое заимствование из итальянского языка *la dolce vita* (досл. *сладкая жизнь*). В данном контексте, используя метафору, автор навязывает читателю отрицательную аксиологическую установку: внимание акцентируется на праздной жизни бывшего председателя каталонского правительства после его отстранения от должности и бегства в Бельгию.

В приведенном ниже фрагменте мы также можем найти идеологему, которая реализуется в виде фразеологизма и используется для создания отрицательного образа К. Пучдемона: *Mientras, Puigdemont vuela libre como un gorrión por los andurriales de Bruselas y se dispone un palacete de president en el exilio* [Rosell 2018]. — *Пока Пучдемон свободен как птица* (досл. *летает свободно, как воробей*), *находясь в ссылке в Брюсселе в президентском особняке*.

В газете ABC (31 янв. 2018 г.) обнаруживаем контекст с лексемой *el culebrón* (теле-сериал, мыльная опера), навязывающей получателю информации отрицательную аксиологическую установку: *...el culebrón de Carles Puigdemont no solo aburre, sino que está causando daño a Cataluña y al conjunto de España* [Calleja. 31.01.2018]. — *...мыльная опера Карлеса Пучдемона не только надоедает, но и причиняет вред Каталонии и в целом Испании*.

В некоторых случаях устойчивые по структуре и лексически неделимые словосочетания и предложения задают положительный идеологический модус испанским пуб-

лицистическим текстам. Данные языковые структуры можно квалифицировать как идеологемы, которые, совершенно очевидно, реализуют манипулятивное воздействие на читателя.

В газете ABC (5 янв. 2018 г.) находим фрагмент, в котором содержится следующая идеологема, использованная в отношении отказавшегося от престола короля Испании: *El presidente del Gobierno, Mariano Rajoy, ha mostrado hoy su reconocimiento al Rey Juan Carlos, que hoy cumple 80 años, a quien califica de „figura clave de la Transición y la democracia española“* [Rajoy felicita al Rey Juan Carlos... 2018]. — *Председатель правительства Мариано Рахой выразил свою благодарность королю Хуану Карлосу, которому сегодня исполняется 80 лет, отзываясь о нем как о „ключевой фигуре перехода к испанской демократии“*.

Приведем еще пример использования политической идеологемы с положительной аксиологической установкой: *Aunque no estaba en su ambiente habitual, Mariano Rajoy se movió como pez en el agua en la boda de un amigo a la que acudió el pasado sábado en Murcia* [La «noche loca»... 2018]. — *Несмотря на то, что Мариано Рахой находился не в своей привычной атмосфере, он был как рыба в воде на свадьбе друга, которая состоялась в прошлую субботу в Мурсии*. В данном фрагменте автор употребляет идеологему, реализующуюся в виде фразеологизма, для того чтобы обратить внимание читателей на умение председателя правительства Испании вести себя должным образом в любой ситуации. Тем самым создается положительный образ политика у целевой аудитории.

В приведенном ниже отрывке из газеты ABC (29 дек. 2017 г.) тоже присутствует идеологема, характеризующая Мариано Рахоя как успешного испанского политика: *Rajoy se ha mostrado „optimista realista“ y cree que España está en condiciones de crecer a una media del 2,5 por ciento hasta 2020* [Calleja. 29.12.2017]. — *Рахой проявил себя в качестве „оптимиста-реалиста“*. *Он считает, что в Испании созданы все условия для того, чтобы средний показатель к 2020 году увеличился до 2,5 %*.

В статье «Rajoy ante el espejo» (ABC. 10.02.2018) мы находим идеологемы с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, относящиеся к личности Мариано Рахоя: *...El bravo que obligó a Puigdemont a largarse a Bruselas. Y, por supuesto, también el bragado que le bajó los humos a Rivera* [Herrero-Tejedor 2018]. — *...Храбрец, который вынудил Пучдемона убраться в Брюсс-*

сель. И, конечно же, **смельчак**, который понизил уровень высокомерия Ривера.

Итак, из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что идеологема, как результат взаимодействия языка и идеологии, является оптимальным механизмом для игры с человеческим сознанием. Ее основная цель — воздействие адресанта на мышление адресата. Даже если мы не знакомы с нюансами испанской национальной политики, прочитав цитировавшиеся публицистические тексты (центральные газеты Испании), мы обратим внимание на использование идеологем в виде идиом, словосочетаний, метафор и даже целых предложений, которые несут в себе совершенно очевидную аксиологическую установку (положительную или отрицательную). Финальная цель идеологической установки — манипуляция сознанием людей в интересах доминирующей в стране власти (центральная власть Испании) и формирование у целевой аудитории определенного мнения (приведенные контексты демонстрируют, что образ председателя правительства Испании М. Рахоя — положительный, а оппозиционера, борца за независимость Каталонии К. Пучдемона — отрицательный). Идеологемы оказывают влияние на преобразование уже существующей политической картины мира. Мы пришли к выводу о том, что использование идеологем является характерной чертой современных испанских публицистических текстов. Идеологема, будучи отражением общественного мнения, часто неизбежно подменяет истинные факты для умелого манипулирования информацией. На наш взгляд, частотность использования идеологем в испанских медийных текстах высока и напрямую связана с особенностями национального характера испанцев.

ИСТОЧНИКИ

1. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 04.07.2018, 15.06.2018, 27.07.2018).
2. Calleja Maria. El culebrón de Puigdemont taponó los planes de Rajoy // ABC. 2018. 31.01. URL: https://www.abc.es/espana/abci-culebron-puigdemont-taponan-planes-rajoy-201801310305_noticia.html (дата обращения: 15.02.2018).
3. Calleja Maria. Rajoy, en la Cope: «Un señor fugado de la Justicia no puede ser presidente de nada» // ABC. 2018. 29.01. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-cope-senor-fugado-justicia-no-puede-presidente-nada-201801291626_noticia.html (дата обращения: 15.02.2018).
4. Calleja Mariano. Rajoy advierte de que el desafío separatista es «la única sombra» que se cierne sobre la economía // ABC. 2017. 29.12. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-advier-te-desafio-separatista-unica-sombra-cierne-sobre-economia-201712291430_noticia.html.
5. Ciudadanos propone que prófugos como Puigdemont no puedan presentarse a las elecciones // ABC. 2018. 8.02. URL: https://www.abc.es/espana/abci-ciudadanos-propone-profugos-como-puigdemont-no-puedan-presentarse-elecciones-201802080944_noticia.html (дата обращения: 15.02.2018).

6. Gálvez J. J. PSOE y Ciudadanos respaldan al Gobierno en la ofensiva contra Puigdemont // El País. 2018. 26 Ene. URL: https://elpais.com/politica/2018/01/26/actualidad/1516964312_494460.html (дата обращения: 15.02.2018).

7. Herrero-Tejedor Luis. Rajoy ante el espejo // ABC. 2018. 10.02. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-ante-espejo-201802100321_noticia.html.

8. La «noche loca» de Mariano Rajoy al ritmo de Raphael // ABC. 2018. 12.02. URL: https://www.abc.es/estilo/gente/abci-noche-locamariano-rajoy-ritmo-raphael-201802121351_noticia.html.

9. La dulce vida del fugado Puigdemont en Bélgica // El Mundo. 2018. 7 Feb. URL: <http://www.elmundo.es/f5/comparte/2018/02/07/5a7aba6de2704ebe1f8b4576.html> (дата обращения: 15.02.2018).

10. Rajoy felicita al Rey Juan Carlos, «figura clave de la democracia española» // ABC. 2018. 5.01. URL: https://www.abc.es/espana/casa-real/abci-rajoy-felicita-juan-carlos-figura-clave-democracia-espanola-201801050950_noticia.html (дата обращения: 15.02.2018).

11. Rosell Francisco. Cataluña: la commedia (non) è finita // El Mundo. 2018. 4 Feb. URL: <http://www.elmundo.es/opinion/2018/02/04/5a75fca822601d3b598b463c.html> (дата обращения: 15.02.2018).

12. Sàlmon Àlex. Puigdemont en la inopia // El Mundo. 2017. 7 Dic. URL: <http://www.elmundo.es/cataluna/2017/12/07/5a2903b4ca4741950b8b45e9.html> (дата обращения: 15.02.2018).

13. Sánchez Álvaro. Los 100 días de Puigdemont en Bruselas // El País. 2018. 7 Feb. URL: https://elpais.com/politica/2018/02/07/actualidad/1517991992_411354.html (дата обращения: 15.02.2018).

14. Vidal-Folch Xavier. Puigdemont, Sansón, Lear // El País. 2018. 15 Ene. URL: https://elpais.com/elpais/2018/01/14/opinion/1515951329_166605.html (дата обращения: 15.02.2018).

ЛИТЕРАТУРА

15. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие. — М. : Университетская книга : Логос, 2006. 384 с.
16. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
17. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе [Электронный ресурс] : моногр. — Екатеринбург, 2006. 215 с. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения: 23.07.2018).
18. Гловинская М. Я., Галанова Е. И. [и др.]. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.
19. Голуб И. Б. Стили современного русского языка. — М. : Высшая школа, 1986. 179 с.
20. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2003. 272 с. ISBN 5-94607-024-X.
21. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов : дис. ... д-ра культурологии. — М., 2002. 450 с.
22. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23—31.
23. Карамова А. А. Идеологемы: определение понятия и типология [Электронный ресурс] / Башкирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». 2015. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/2/500.pdf> (дата обращения: 04.06.2018).
24. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М. : Гнозис, 2002. 333 с.
25. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008. 244 с.
26. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 32—40.
27. Купина Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с. ISBN 5-7525-0511-9.
28. Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003. С. 90—92.

29. Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

30. Нахимова Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 152—156.

31. Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003. С. 123—124.

32. Пионтек Б. М. Общеязыковые факторы генезиса идеологем как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. 24 с.

33. Рыжова В. А. Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2014. С. 27—31.

34. Сергеев Ф. П. Из истории взаимоотношений идеологии и языка [Электронный ресурс] // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka> (дата обращения: 24.07.2018).

35. Серебренников Б. А. Язык как общественное явление. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М. : Наука, 1970. С. 417—450.

36. Смирнова И. В. Использование языковых средств речевой манипуляции в текстах программ испанских политических партий [Электронный ресурс] // Вестн. МГИМО Университета. 2014. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/ispolzovanie-yazykovykh-sredstv-rechevoy-manipulyatsii-v-tekstakh-programm-ispanskih> (дата обращения: 04.07.2018).

37. Чапаева Л. Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830—1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014. 45 с.

38. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.06.2018).

39. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007. 256 с.

40. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 326 с. ISBN 5-7333-0144-9.

41. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. 440 с.

42. Эпштейн М. Н. Слово и молчание, метафизика русской литературы. — М. : Высшая школа, 2006. 512 с.

N. V. Zenenko

Moscow, Russia

POLITICAL IDEOLOGEME IN SPANISH PUBLICISTIC DISCOURSE

ABSTRACT. *Ideologization of vocabulary gives rise to political ideologemes, which are frequently used in contemporary Spanish publicistic texts in the forms of idioms, collocations, metaphors and even sentences; they serve as a tool for instilment of the dominant view to the society. Ideologeme contains an axiological opinion (positive or negative) and influences transformation of the existing worldview. Being a mirror of public opinion and having strong suggestive potential, an ideologeme can sometimes replace the true facts to manipulate with the help of information. The frequency of usage of ideologemes in Spanish publicistic texts is high and it is connected with the national character of the Spanish. Spanish media texts covering the recent events in Catalonia (refusal of Madrid to recognize Catalonia's independence) are studied. In the analyzed articles the development of ideological view is aimed at formation of a certain view of the public (they create a positive image of the Prime Minister Mariano Rajoy and the negative image of the Catalanian leader Carles Puigdemont). The image of the Catalanian politician is characterized by the ideologeme «prófugo» — “runaway, prisoner” — having negative connotations. There are contexts in which ideological semantics is disclosed by the neutral vocabulary; success of verbal manipulation as the main goal of the usage of ideologemes in mass media texts, depends on the variety of language means used to persuade the addressee.*

KEYWORDS: *publicistic discourse; political discourse; political ideology; Spanish; ideologeme; axiological viewpoint; suggestion; political worldview.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zeneko Natalia Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Romance Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Slovari i entsiklopedii na Akademike [Elektronnyy resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/> (data obrashcheniya: 04.07.2018, 15.06.2018, 27.07.2018).

2. Calleja Maria. El culebrón de Puigdemont tapon a los planes de Rajoy // ABC. 2018. 31.01. URL: https://www.abc.es/espana/abci-culebron-puigdemont-tapon-planes-rajoy-201801310305_noticia.html (date of access: 15.02.2018).

3. Calleja Maria. Rajoy, en la Cope: «Un señor fugado de la Justicia no puede ser presidente de nada» // ABC. 2018. 29.01. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-cope-senor-fugado-justicia-no-puede-presidente-nada-201801291626_noticia.html (date of access: 15.02.2018).

4. Calleja Mariano. Rajoy advierte de que el desafío separatista es «la única sombra» que se cierne sobre la economía // ABC. 2017. 29.12. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-advier-desafio-separatista-unica-sombra-cierne-sobre-economia-201712291430_noticia.html.

5. Ciudadanos propone que prófugos como Puigdemont no puedan presentarse a las elecciones // ABC. 2018. 8.02. URL: https://www.abc.es/espana/abci-ciudadanos-propone-profugos-como-puigdemont-no-puedan-presentarse-elecciones-201802080944_noticia.html (date of access: 15.02.2018).

6. Gálvez J. J. PSOE y Ciudadanos respaldan al Gobierno en la ofensiva contra Puigdemont // El País. 2018. 26 Ene. URL: https://elpais.com/politica/2018/01/26/actualidad/1516964312_494460.html (date of access: 15.02.2018).

7. Herrero-Tejedor Luis. Rajoy ante el espejo // ABC. 2018. 10.02. URL: https://www.abc.es/espana/abci-rajoy-ante-espejo-201802100321_noticia.html.

8. La «noche loca» de Mariano Rajoy al ritmo de Raphael // ABC. 2018. 12.02. URL: https://www.abc.es/estilo/gente/abci-noche-locamariano-rajoy-ritmo-raphael-201802121351_noticia.html.

9. La dolce vita del fugado Puigdemont en Bélgica // El Mundo. 2018. 7 Feb. URL: <http://www.elmundo.es/f5/comparte/2018/02/07/5a7aba6de2704ebe1f8b4576.html> (date of access: 15.02.2018).

10. Rajoy felicita al Rey Juan Carlos, «figura clave de la democracia española» // ABC. 2018. 5.01. URL: https://www.abc.es/espana/casa-real/abci-rajoy-felicita-juan-carlos-figura-clave-democracia-espanola-201801050950_noticia.html (date of access: 15.02.2018).

11. Rosell Francisco. Cataluña: la commedia (non) è finita // El Mundo. 2018. 4 Feb. URL: <http://www.elmundo.es/opinion/2018/02/04/5a75fca822601d3b598b463c.html> (date of access: 15.02.2018).

12. Sàlmon Àlex. Puigdemont en la inopia // El Mundo. 2017. 7 Dic. URL: <http://www.elmundo.es/cataluna/2017/12/07/5a2903b4ca4741950b8b45e9.html> (date of access: 15.02.2018).

13. Sánchez Álvaro. Los 100 días de Puigdemont en Bruselas // El País. 2018. 7 Feb. URL: https://elpais.com/politica/2018/02/07/actualidad/1517991992_411354.html (date of access: 15.02.2018).

14. Vidal-Folch Xavier. Puigdemont, Sansón, Lear // El País. 2018. 15 Ene. URL: https://elpais.com/elpais/2018/01/14/opinion/1515951329_166605.html (date of access: 15.02.2018).

15. Altunyan A. G. Analiz politicheskikh tekstov : ucheb. posobie. — М. : Universitetskaya kniga : Logos, 2006. 384 s.

16. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. — М. : Khudozh. lit., 1975. 504 s.

17. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse [Elektronnyy resurs] : monogr. — Ekaterinburg,

2006. 215 s. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (data obrashcheniya: 23.07.2018).
18. Glovinskaya M. Ya., Galanova E. I. [i dr.]. *Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN.* — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 712 s.
19. Golub I. B. *Stili sovremennogo russkogo yazyka.* — M. : Vysshaya shkola, 1986. 179 s.
20. Guseynov G. Ch. D. S. P. *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh.* — M. : Tri kvadrata, 2003. 272 s. ISBN 5-94607-024-Kh.
21. Guseynov G. Ch. *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh godov : dis. ... d-ra kul'turologii.* — M., 2002. 450 s.
22. Zemskaya E. A. *Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo obshchestva // Voprosy yazykoznanija.* 1996. № 3. S. 23—31.
23. Karamova A. A. *Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya [Elektronnyy resurs] / Bashkirskiy filial FGBOU VPO «Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet».* 2015. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/2/500.pdf> (data obrashcheniya: 04.06.2018).
24. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa.* — M. : Gnozis, 2002. 333 s.
25. Klushina N. I. *Stilistika publitsisticheskogo teksta.* — M., 2008. 244 s.
26. Klushina N. I. *Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika.* 2014. № 4 (50). S. 32—40.
27. Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk : slovar' i rechevye reaktsii.* — Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 144 s. ISBN 5-7525-0511-9.
28. Kupina N. A. *Ideologemy kak klyuchevye edynitsy politicheskogo yazyka // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2003. S. 90—92.*
29. Malysheva E. G. *Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika.* 2009. № 4 (30). S. 32—40.
30. Nakhimova E. A. *Ideologema Stalin v sovremennoy massovoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika.* 2011. № 2 (36). S. 152—156.
31. Nakhimova E. A. *O leksikograficheskom predstavlenii ideologem // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2003. S. 123—124.*
32. Piontek B. M. *Obshcheyazykovye faktory genezisa ideologemy kak kategorii politicheskoy lingvistiki (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* — M., 2012. 24 s.
33. Ryzhova V. A. *Ideologema i mifologema kak pragmaticheskoe yadro vyskazyvaniya // Vestn. Irkut. gos. lingvist. un-ta.* 2014. S. 27—31.
34. Sergeev F. P. *Iz istorii vzaimootnosheniy ideologii i yazyka [Elektronnyy resurs] // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta.* 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka> (data obrashcheniya: 24.07.2018).
35. Serebrennikov B. A. *Yazyk kak obshchestvennoe yavlenie. Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka.* — M. : Nauka, 1970. S. 417—450.
36. Smirmova I. V. *Ispol'zovanie yazykovykh sredstv rechevoy manipulyatsii v tekstakh programm ispanskikh politicheskikh partiy [Elektronnyy resurs] // Vestn. MGIMO Universiteta.* 2014. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filologiya/ispolzovanie-yazykovykh-sredstv-rechevoy-manipulyatsii-v-tekstakh-programm-ispanskikh> (data obrashcheniya: 04.07.2018).
37. Chapaeva L. G. *Kul'turno-yazykovaya situatsiya v Rossii 1830—1840-kh gg. v kontekste sporov slavyanofilov i zapadnikov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* — M., 2014. 45 s.
38. Chudinov A. P. *Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Elektronnyy resurs] // Politicheskaya lingvistika.* 2012. № 2 (40). S. 53—59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (data obrashcheniya: 15.06.2018).
39. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie.* — M. : Flinta : Nauka, 2007. 256 s.
40. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa.* — M. : Gnozis, 2004. 326 s. ISBN 5-7333-0144-9.
41. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk.* — Volgograd, 2000. 440 s.
42. Epshteyn M. N. *Slovo i molchanie, metafizika russkoy literatury.* — M. : Vysshaya shkola, 2006. 512 s.

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА
(на материале выступлений врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева)**

АННОТАЦИЯ. Предлагаемое исследование выполнено в рамках политической лингвоперсоналогии и посвящено анализу дискурса новой фигуры в региональной политике — временно исполняющего обязанности губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева. Задачей является анализ речевых стратегий и тактик политика и определение свойственного ему типа коммуникации (конфронтации или кооперации). Материалом стали первые выступления и тексты Сергея Цивилева, появившиеся после назначения его на новую должность. Проведенный анализ позволил установить, что наиболее востребованными в дискурсе политика являются стратегии самопрезентации и консолидации, а также эмоционально настраивающая и информационно-интерпретационная стратегии. Доминирование перечисленных стратегий объясняется как объективно сложившейся ситуацией в Кузбассе, так и личностными особенностями нового руководителя области. Показательно, что для Сергея Цивилева совершенно не характерны широко распространенные в современной политической коммуникации стратегии агитации и дискредитации. Генеральной целью политика является не победа на выборах сама по себе, а выполнение поставленной президентом задачи — развитие Кузбасса, изменение качества жизни в регионе. Политик стремится к достижению своей цели, избегая прямой критики и тем более оскорбления политических предшественников, акцентирует внимание исключительно на профессиональных качествах своей команды и стоящих перед ней задачах. Перечисленные особенности позволяют сделать вывод, что из двух существующих в мире политики типов коммуникации (конфронтации и кооперации) С. Цивилеву свойственна кооперативная по сути коммуникация, характеризующаяся позитивной направленностью и ориентированная на консолидацию усилий участников политических процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; лингвоперсоналогия; языковая личность; политический дискурс; политические деятели; политическая риторика; политические речи; речевые стратегии; речевые тактики; губернаторы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, заместитель директора по учебной работе Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 5, к. 5309; e-mail: Kondr25@rambler.ru.

Современная отечественная политическая лингвистика сосредоточена на исследовании политического языка разных периодов развития Российского государства, а также политического языка других стран. Как отмечает А. П. Чудинов, отдельная серьезная проблема современной политической лингвистики — это «исследование идиостилей различных политических лидеров» [Чудинов 2012: 25]. Названный аспект рассмотрения, первоначально проявлявшийся в виде отдельных разнородных исследований, посвященных частным проблемам анализа языковой личности российских и зарубежных политиков, постепенно оформился во вполне самостоятельный раздел политической лингвистики — политическую лингвоперсоналогию, изучающую «специфику проявления профессиональной языковой личности в политической сфере» и обладающую собственным методологическим инструментарием [Никифорова 2016: 182].

В данный момент языковая личность политиков изучается во всем ее многообразии, в различных аспектах и ракурсах: лингвокогнитивном, коммуникативно-прагматическом и индивидуально-стилистическом. Объектом исследования лингвистов регулярно становятся речевые портреты зарубежных и отечественных политиков федерального уровня, в то время как исследования речи политиков регионального уровня по-прежнему остаются немногочисленными, хотя «свою

уникальность языковые личности демонстрируют вне зависимости от положения в иерархической структуре государственной власти» [Никифорова 2016: 182]. Соответственно, проблема описания речевого поведения региональных политиков по-прежнему остается одной из актуальных задач политической лингвоперсоналогии.

Предлагаемое исследование посвящено анализу дискурса новой фигуры в региональной политике — временно исполняющего обязанности губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева, назначенного на данную должность 1 апреля 2018 г. указом президента России В. Путина.

Сразу же после назначения Сергей Цивилев оказался в сфере пристального внимания не только местных, но и федеральных политологов и массмедиа и в короткие сроки занял верхние позиции в медиарейтинге упоминаемых российских глав регионов, уступив только мэру Москвы Сергею Собянину. «Медиалогия» зафиксировала только за апрель 11 784 сообщения в СМИ, героем которых стал новый руководитель области.

Столь пристальное внимание к Сергею Цивилеву обусловлено рядом факторов, в частности назначением на руководящую должность в сложнейший период жизни Кузбасса, связанный с трагедией в ТРЦ «Зимняя вишня», резонансной отставкой занимавшего более 20 лет этот пост Амана Тулеева, назначением в достаточно закрытый

регион «человека со стороны», «варяга», а также приходом в политику человека, не обладающего политическим опытом, но имеющего опыт бизнесмена, юриста и эффективного менеджера.

Появление нового яркого регионального политика определяет интерес и к исследованию его речевого поведения, поскольку позиционирование любого политика как сильной личности во многом зависит от его ораторских навыков, способности использовать в политической коммуникации разнообразные речевые стратегии и тактики, определять их уместность в разных ситуациях.

Задача исследования — проанализировать речевые стратегии и тактики врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева и определить свойственный ему тип коммуникации (конфронтационный или кооперативный).

Материалом исследования является первое интервью, данное Сергеем Цивилевым после назначения на новую должность газете «Комсомольская правда», тексты политика, представленные в спецвыпуске газеты «Кузбасс. Время быть первыми», пресс-релиз, размещенный на сайте Стратегии развития Кемеровской области. В качестве дополнительного источника использовались материалы официальной страницы С. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте».

При всем разнообразии существующих классификаций стратегий и тактик [см.: Иссерс 2008; Никифорова 2016; Паршина 2005; Филаткина 2015; Шейгал 2000 и др.] до сих пор отсутствуют четкие основания выделения типов стратегий и их соотношения с тактиками. В предлагаемом исследовании в качестве основы классификации избирается конечная цель, понимаемая «как прогнозируемое искомое, как представление о результате, который должен быть достигнут» [Паршина 2005: 20].

Как правило, политик стремится: 1) завоевать авторитет или укрепить свой имидж; 2) установить контакт с аудиторией, вызвать доверие электората; 3) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать благоприятное эмоциональное состояние адресата; 4) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу, обозначить результаты, к которым он стремится прийти и привести свой регион, свою страну. В соответствии с обозначенными целями выделяются следующие стратегии: стратегия самопрезентации, диалогическая стратегия, эмоционально настраивающая стратегия, информационно-интерпретационная стратегия. Эффективное использо-

вание названных стратегий в конечном итоге должно побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение. Рассмотрим специфику реализации названных стратегий в индивидуальном дискурсе Сергея Цивилева.

I. Стратегия самопрезентации. Самопрезентация — это управление впечатлением, которое политик стремится произвести на аудиторию, это «самоподача» оратора для формирования определенного впечатления о нем самом, его личностных и профессиональных качествах, его целях. Стратегия самопрезентации считается ведущей стратегией политической коммуникации и в той или иной степени присутствует в выступлениях любого политика. При этом в речевом поведении политиков, которым предстоит участие в выборах, самопрезентация выступает как основная стратегия, а в речевом поведении политиков, достигших власти, — как сопутствующая.

Стратегия самопрезентации имеет особую значимость для С. Цивилева, являющегося новым человеком в регионе, поскольку ему необходимо завоевать симпатии и доверие населения, сформировать впечатление о себе как об эффективном менеджере и успешном политике, способном возглавить столь непростой регион в трудное время.

Уже первые поступки и первые публичные выступления на посту заместителя губернатора, а затем и на посту врио губернатора позволили понять, что Сергей Цивилев — человек действия. Его речь лаконична, динамична, информационно насыщена, что вполне соответствует заявленной в качестве основной схеме поведения политика — «Встреча — задача — действие — результат» (см. заголовок в спецвыпуске газеты «Кузбасс. Время быть первыми»).

В процессе знакомства с Кузбассом и его жителями С. Цивилев максимально открыт, об этом свидетельствует как создание личных открытых страниц в социальных сетях, так и готовность говорить о себе. На это указывают и заголовки в уже упомянутом спецвыпуске газеты «Кузбасс», ориентированном на знакомство с новым врио губернатора и на представление его концепции развития региона: «Все, что Вы хотели узнать о Сергее Цивилеве» и «С открытым забралом».

В процессе самопрезентации С. Цивилевым используются следующие тактики: тактика позиционирования, тактика демонстрации профессионального успеха, тактика отождествления, тактика создания «своего круга» и тактика скрытого сопоставления.

1. Тактика позиционирования. Вербализи-

руется лексемами, семантика которых позволяет охарактеризовать политика как человека, обладающего определенным набором положительных качеств. Это ответственность, уверенность, работоспособность, требовательность, жесткость, умение принимать решения и брать на себя ответственность, исполнять взятые на себя обязательства, отказ от поиска легких путей: **Уверенность, способность преодолевать самые трудные ситуации, ни в коем случае не опускать руки... Скорее, в этом заключается „морская закваска“** (Комсомольская правда); **Я на месте провел совещание и жестко потребовал представить мне график расселения** (Кузбасс. Время быть первыми); **Я специально выбрал самую сложную точку. ...Скажу честно: меня отговаривали. Но я обещал людям, а значит, не мог не приехать** (Кузбасс. Время быть первыми). Многие личностные характеристики напрямую связаны с военно-морским опытом С. Цивилева.

Также последовательно во всех выступлениях развивается основная идея: есть приказ руководства, направленный на благо региона, на благо России, соответственно, главная задача, как это и положено при армейской дисциплине, — выполнить его, способствовать развитию Кузбасса: **Указ президента о моем новом назначении я воспринял, как приказ. ...Предложение о назначении поступило, и я сразу с этим назначением тут же согласился, приступил к исполнению обязанностей** (Комсомольская правда); **Я сделаю все, чтобы быть максимально полезным Кузнецкой земле** (Кузбасс. Время быть первыми).

2. **Тактика демонстрации профессионального успеха.** Политик обращает внимание избирателей «на существенные результаты проделанной им работы, на свой политический опыт, профессиональные успехи, заслуги, достижения» [Атьман 2011: 100]. При использовании данной тактики активно задействованы глаголы и существительные, в семантике которых отражены достижения кандидата, например, глаголы *развили, создали, решили, восстановили*, существительные *успехи, достижения* и т. д., а также качественные прилагательные (*успешный, удачный, эффективный, огромный, быстрый* и др.), числительные (*один, первый*).

Демонстрируя предшествующий опыт, С. Цивилев особо акцентирует внимание на трех этапах своей карьеры: службе в ВМФ, работе в юридической компании, занимающейся реанимацией погибающих предприятий, и создании собственного бизнеса,

а именно угольной компании «Колмар».

Служба в военно-морском флоте является той основой, которая сформировала характер врио губернатора и позволила научиться в любых ситуациях преодолевать стресс, оперативно принимать решения, формировать командный дух и вместе добиваться поставленных целей: **Все психологи, которые прилетели, были задействованы с родственниками пострадавших. И тут мне на помощь приходила подготовка, которую я получил в Вооруженных Силах, на флоте. Нас готовили к серьезным стрессовым ситуациям, и вот эти навыки пригодились в эти ужасные дни. К сожалению** (Комсомольская правда); — **А в дни трагедии в Кемерове вам ваше морское прошлое помогло? — Конечно, помогло и помогает...** (Комсомольская правда).

Деятельность С. Цивилева в юридической компании, сосредоточенной на развитии убыточных предприятий, также значима для региона, поскольку сформировала опыт решения проблем, умение разрабатывать программу реабилитации и развития субъектов экономики: **Решение проблем, связанных с неплатежами и долгами, через банкротство — не самый оптимальный путь. Он, как правило, заканчивался разрушением предприятий, продажей остатков их имущества. Теряли работу люди, страдал государственный бюджет** (Кузбасс. Время быть первыми); **Разрабатывали программу спасения предприятия, привлекали дополнительные деньги, и доводили его до состояния, когда оно могло возвращать долги само. Деятельность оказалась успешной, реализованы десятки удачных проектов** (Кузбасс. Время быть первыми); **Успехи на поприще восстановления гибнущих предприятий привели к идее развития собственного бизнеса** (Кузбасс. Время быть первыми).

История создания с нуля угольной компании «Колмар», в короткие сроки вышедшей в лидеры экономики региона, также значима для Кузбасса с его развитой угольной отраслью и, по оценкам региональных медиа, является иллюстрацией того, как **стать номером один** (Кузбасс. Время быть первыми): **Еще осенью 2014-го мы зашли в голые сопки. Начали строительство горно-обогатительного комбината „Денисовский“. А весной следующего года уже была построена шахта. А сейчас на этом месте огромная обогатительная фабрика. 26 апреля ее будут запускать** (Комсомольская правда); **Эта компания была и остается лидером по развитию Дальнего**

Востока. Все проекты у нас — с нуля. У нас нет никаких объектов приватизации. Мы заходили в голое поле и строились в этих тяжелых условиях кризиса. Строились там, где практически никого не осталось, все другие предприятия стали банкротами. И показывали быстрые темпы развития. В прошлом году компания „Колмар“ была признана „Звездой Дальнего Востока“ в номинации „Стратегическое инвестирование“ (Комсомольская правда).

2. *Тактика отождествления*, заключающаяся в демонстрации (явной или имплицитной) символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе. Идентификационная модель С. Цивилева опирается на политический вес президента Российской Федерации и возглавляемой им партии «Единая Россия», тем самым акцентируется внимание не только на собственных достоинствах врио губернатора, но и на мощи, силе, «стоящих за его спиной». Подобная тактика также позволяет транспонировать характеристики, с которыми у кузбассовцев ассоциируется В. В. Путин (порядок, стабильность, законность, справедливость, устойчивость), на нового кандидата в губернаторы.

Реализацию названной тактики можно увидеть в следующих фразах: **Указ президента о моем новом назначении я воспринял, как приказ. ...Предложение о назначении поступило, и я сразу с этим назначением тут же согласился, приступил к исполнению обязанностей** (Комсомольская правда); **И, конечно же, надо поднимать Кузбасс. Именно такую задачу поставил мне президент России Владимир Путин, назначив меня исполняющим обязанности главы региона** (Кузбасс. Время быть первыми); **И здесь мы четко следуем в русле тех задач, которые поставил Президент Владимир Путин, когда приехал в Кемерово сразу после трагедии** (Комсомольская правда); **На выборы мы идем единой командой. Командой Президента, командой всех, кто готов работать на благо жителей Кузбасса** (ВКонтакте).

Кроме того, в выступлениях С. Цивилева регулярно присутствуют языковые маркеры, указывающие на близость с президентом: **как сказал президент; во время встречи с президентом; я говорил президенту, что и т. п.: Я имею в виду заботу о людях, заботу о детях. Именно об этом мне говорил и Владимир Владимирович после моего назначения врио губернатора** (Комсомольская правда); **О необходимости приве-**

сти в порядок кузбасские дороги сказал на нашей встрече Президент (ВКонтакте); **Да... Надо еще добавить — и я об этом тоже говорил президенту** (Комсомольская правда). Подобные маркеры также позволяют акцентировать внимание на близости С. Цивилева к президенту, продемонстрировать интерес В. Путина к судьбе Кузбасса, подчеркнуть, что все изменения согласованы и одобрены на самом верху.

3. *Тактика создания «своего круга»*. Разграничение «своих» и «чужих» является традиционным приемом политической борьбы и характерной чертой политической речи. На коммуникативной категории чуждости основывается применение коммуникантами различных тактик, в частности, тактики оппозиционирования (противопоставление иным политикам и политическим группировкам) и тактики создания «своего круга» [Иссерс 2008: 202].

Показательно, что, в отличие от большинства политиков, применяющих тактику оппозиционирования, разделения на своих и чужих, выражающуюся в активном использовании семантической оппозиции «свой — чужой» и ее частного проявления «они — мы», в которой первый член оппозиции является положительно окрашенным, а второй — отрицательно, С. Цивилев оперирует только одним из членов оппозиций (*мы, наш, свой*), что убедительно свидетельствует об отсутствии установки на конфронтацию, о стремлении к кооперации с жителями Кузбасса, формировании круга, где все «свои», все объединены общими интересами и стремятся к общей цели — развитию региона.

На языковом уровне данная тенденция достигается за счет активного использования С. Цивилевым местоимения *мы* в значении «мы с вами», «мы вместе»: **Важно, чтобы мы все трагедию 25 марта осмыслили** (Комсомольская правда); **Мы работали все, как одна команда, у каждого были свои обязанности, все очень соперничали, каждый занимался своим делом** (Комсомольская правда); **Не могу обещать, что будет все и сразу, но двигаться в направлении решения этих задач мы будем обязательно** (Кузбасс. Время быть первыми); **Мы устроим в Кузбассе такую жизнь, что люди будут не уезжать из родных мест, наоборот, со всей страны будут стремиться сюда** (Кузбасс. Время быть первыми).

Активное употребление местоимения *мы* и его производных *нас, наших* и т. д. предполагает стирание границ между политиком и кузбассовцами, демонстрирует его стремление стать частью региона: **Многие люди начали переосмысливать, что нам надо**

сделать, чтобы такая трагедия больше не повторилась, что нам надо предпринять, чтобы дети наши могли спокойно ходить в школу, в кино, чтобы безопасность ребят была обеспечена (Комсомольская правда); *Всего у нас в Кузбассе сейчас 15 тысяч 918 таких ребяташек. Вот лично для меня — это не голая статистика. Это — судьбы детей* (Комсомольская правда); *Так сложилось, что мой приход в регион совпал со страшным событием, навсегда разделившим нашу жизнь огненной чертой на период до и после „Зимней вишни“* (Кузбасс. Время быть первыми); *Я сделаю все, чтобы быть максимально полезным Кузнецкой земле. А земля у нас замечательная, люди здесь — самые лучшие, первые во всем* (Кузбасс. Время быть первыми); *Люди связывают свои надежды с обновлением региональной власти, и права обмануть их у нас просто нет* (Кузбасс. Время быть первыми); *Все в наших руках, все сделаем* (Кузбасс. Время быть первыми); *Увеличение темпов экономического роста — одна из важнейших задач, стоящих перед нами* (Кузбас2035.рф); *Но главная наша ценность — это люди* (Кузбас2035.рф).

4. *Тактика скрытого противопоставления.* Многие политики для достижения своих целей идут по наиболее простому пути — выбирают стратегию дискредитации своих политических оппонентов и политических предшественников. Показательно, что данная стратегия совершенно не используется Сергеем Цивилевым, и это уже положительно характеризует нового врио главы области. Для него характерна исключительно тактика скрытого противопоставления предыдущему губернатору, и даже она проявляется не столько в высказываниях, сколько в поведении, и это сразу отмечают региональные массмедиа: *Губернаторский микроавтобус без эскорта и кортежа видят в разных уголках области* (Кузбасс. Время быть первыми). Данная фраза представляет собой скрытую реакцию на слова, сказанные во время событий в «Зимней вишне» Аманом Тулеевым, согласно которому он не прибыл на место трагедии по просьбе министра МЧС, чтобы его кортеж не мешал работам спасателей. Данное заявление вызвало в тот момент волну негативных комментариев по всей стране.

Региональные массмедиа активно развивают обозначенное противопоставление: *Сергей Цивилев демонстрирует неслышанную для Кемеровской области открытость. Импровизированные встречи с людьми, которых никто не отбирает и не готовит заранее и которые говорят главе*

области все, что думают (Кузбасс. Время быть первыми); *Сергей Цивилев демонстрирует новый стиль руководства — динамичный, демократичный. Он не боится посещать самые проблемные точки и выходить к людям* (Кузбасс. Время быть первыми).

Следует отметить, что ранний период деятельности А. Г. Тулеева также характеризовался открытостью, динамичностью, готовностью выходить к людям и решать самые сложные проблемы на местах (вспомним, например, его переговоры с шахтерами во время забастовок 1990-х). Но в последние годы по объективным причинам, связанным с серьезными проблемами со здоровьем, подобная мобильность и открытость была уже в принципе невозможна. Проблемы губернатора со здоровьем, что вполне естественно, не афишировались и потому не были известны представителям федеральных медиа, а тем более обычным жителям страны, что и вызвало столь незаслуженно бурную реакцию на поведение Амана Тулеева после трагедии.

Тем не менее в данный момент объектом сравнения в массмедиа и социальных сетях становятся модели поведения А. Тулеева именно позднего периода, предшествовавшего кузбасской трагедии, и моделей поведения сменившего его на посту С. Цивилева. Во многом такое сопоставление напоминает сравнение моделей поведения Б. Ельцина позднего периода и пришедшего ему на смену динамичного, мобильного В. Путина в 2000-е. Сходство данных ситуаций также привлекает внимание прессы и становится эффективным способом продвижения кандидатуры нового руководителя области.

В заключение характеристики данной стратегии следует отметить, что понятие самопрезентации также тесно связано с коммуникативными ролями [Стернин 2001], или, в иной терминологии, имиджевыми ролями [Иссерс 2002], речевыми масками [Чудинов 2006] политика. Используемые С. Цивилевым тактики самопрезентации являются отражением коммуникативных ролей *Кадровый военный (моряк), Эффективный антикризисный менеджер, Доверенное лицо президента*, что в совокупности формирует образ руководителя региона — человека действия, по-военному точного и исполнительного, требовательного к себе и другим, умеющего быстро принимать решения и действовать в кризисных ситуациях, хорошо разбирающегося в проблемах значимой для Кузбасса угольной отрасли, умеющего выявлять проблемы и находить эффективные

пути их решения, способного продумать концепцию развития региона.

II. Эмоционально настраивающая стратегия. В политической коммуникации важное место в арсенале средств воздействия на массы занимают эмоции, чувства, образы. Обращение к эмоциям и чувствам адресата всегда является эффективным.

1. *Контактоустанавливающая тактика*, ориентированная на установление и поддержание контакта говорящего с адресатом, но не только и не столько ради самого контакта (как в случае фатической речи), а для оказания определенного эмоционального воздействия на аудиторию с целью обеспечения максимально эффективной коммуникации [Никифорова 2016: 136].

Обращаясь к аудитории, С. Цивилев использует преимущественно эмоционально окрашенные апелляции, основным из которых является апелляция *дорогие друзья* (реже — *уважаемые кузбассовцы*), что способствует созданию эффекта доверительных отношений между говорящим и аудиторией: *Дорогие друзья! Кузбасс по праву называют промышленным сердцем Сибири* (Кузбасс2035.рф); *Рассчитываю на вашу помощь советом, дорогие друзья* (Кузбасс. Время быть первыми); *Дорогие друзья. Каждую неделю я получаю детальную информацию о ваших предложениях в Стратегию развития области на сайте „Кузбасс-2035.рф“* (Вконтакте); *Уважаемые кузбассовцы! Так сложилось, что мой приход в регион совпал со страшным событием...* (Кузбасс. Время быть первыми). С помощью подобных обращений происходит апелляция к таким значимым понятиям, как уважение и дружба, и это создает необходимый эмоциональный фон и способствует установлению прочного контакта с аудиторией.

2. *Тактика сопереживания.* Представляет собой объединение своего переживания и переживания других людей («я с вами, я понимаю / разделяю вашу проблему»). В первую очередь сопереживание проявляется в готовности Сергея Цивилева разделить с жителями региона ту боль, которая связана с произошедшей в Кузбассе трагедией: *Так сложилось, что мой приход в регион совпал со страшным событием, навсегда разделившим нашу жизнь огненной чертой на период до и после „Зимней вишни“.* *Эта трещина прошла и через мое сердце* (Кузбасс. Время быть первыми); *Я в тот момент больше думал, что они, — эти люди, потерявшие близких, чувствуют, как справляются со своим горем... Я представлял, насколько этим людям тяжело, и старался прочувствовать до конца, насколько это возможно,*

всю их боль. Было очень тяжело (Комсомольская правда).

Сопереживание, уважение к чужой боли выражается и невербальными средствами. В частности, широкий резонанс получил поступок С. Цивилева, опустившегося во время стихийного митинга на площади Советов на колени перед родственниками погибших в «Зимней вишне». Впоследствии этот жест был прокомментирован им следующим образом: *Я преклонил колени по нашей воинской традиции. И это был эмоциональный поступок человека, офицера, который видел боль родственников, видел трагедию* (Комсомольская правда); *...Я преклонил колени перед памятью погибших детей, погибших взрослых людей в этой трагедии, перед болью родственников, которые остались живы. Поступок мой был связан только с моими собственными переживаниями, с моими собственными эмоциями* (Комсомольская правда).

В случае С. Цивилева речь идет не об использовании трагического события как способа заработать дешевый авторитет, это реальная, каждодневная, ориентированная на длительную перспективу помощь пострадавшим и их родственникам: *Я сделаю все, что только могу, чтобы помочь родственникам погибших залечить раны* (Комсомольская правда); *Папка с именами погибших еще долго будет на моем столе* (Комсомольская правда); *Я беседовал с каждой семьей лично. Еще в должности заместителя губернатора. И потом еще мы встречались, когда меня назначили временно исполняющим обязанности главы региона. Эта работа только началась. Она, повторю, на долгие годы. Мы никогда не бросим* (Комсомольская правда).

Трагедия «Зимней вишни» сблизила всех жителей области, в том числе кузбассовцев и нового в регионе человека С. Цивилева, стала отправной точкой для устранения причин произошедшего, для работы по решению проблем региона и его дальнейшему развитию: *Важно, чтобы мы все трагедию 25 марта осмыслили и сделали так, чтобы не только она никогда не смогла повториться, но самое главное, чтобы мы вывели совсем на другой уровень то основное, ради чего занимаем свои руководящие посты. Я имею в виду заботу о людях, заботу о детях* (Комсомольская правда).

3. *Тактика комплимента.* Основная функция комплимента — установление контакта и поддержание добрых отношений [Иссерс 2008: 178]. Комплимент по своей природе является «позитивным» речевым актом, он

направлен на эмоциональное сближение, создание расположения к себе. Тактика комплимента способствует «переводу» стиля общения в неформальный, позволяет сократить расстояние между участниками коммуникации.

Комплимент представляет собой попытку дать понять адресату/адресатам, что он или отдельные его качества нравятся говорящему. В высказываниях С. Цивилева объектом позитивной оценки становятся Кузбасс и проживающие в нем люди. Для этого используются качественные прилагательные и производные от них наречия (*замечательный, лучший, талантливый, умный* и др.): **А земля у нас замечательная, люди здесь — самые лучшие, первые во всем** (Кузбасс. Время быть первыми); **Поверьте, в Кузбассе талантливых, умных, порядочных людей не меньше, чем где-нибудь, а может и больше** (Комсомольская правда); **Впечатляет, насколько многие из вас глубоко знают проблемы области, видят их решение** (ВКонтакте); **Кузбасс — очень богатый регион** (Кузбасс. Время быть первыми).

Использование тактики комплимента не только позволяет гармонизировать процесс коммуникации, но и становится логичной предпосылкой для обоснования того, что регион заслуживает лучшей жизни, а также объясняет стремление приезжего врио губернатора стать одним из кузбассовцев и направить все свои силы на развитие области.

III. Стратегия консолидации. Реализует задачу объединения, интеграции для достижения общей цели, что соответствует архетипу поведения русского человека «действовать вместе и сообща», стремиться к единству и общности. В силу архетипичности данной стратегии, значимости идей единения и соборности для русской ментальности элементы данной стратегии проявляются и в ряде тактик иных стратегий, например, в тактике создания «своего круга» (стратегия самопрезентации), тактике сопереживания (эмоционально настраивающая стратегия).

1. **Командная тактика.** Заключается в стремлении объединить усилия и создать команду, которая будет добиваться решения поставленных задач: **Я планирую команду создавать в первую очередь из жителей Кузбасса. ...И только тех специалистов, которых нам не хватает, я буду привлекать из других регионов** (Комсомольская правда). Значимость данной тактики проявляется в повторях лексемы команда в пределах одного контекста: **На выборы мы идем единой командой. Командой Президента, командой всех, кто готов работать на благо жителей Кузбасса** (ВКонтакте).

2. **Тактика компромисса.** Готовность к обсуждению проблем, выработке совместных решений, готовность к взаимным уступкам позволяет избежать конфликтов и является надежной основой долговременного сотрудничества. Языковыми маркерами данной тактики являются глаголы и устойчивые выражения *обсудить, договориться, прийти к общему мнению* и др.: **В итоге нам удалось прийти к общему мнению о том, что социальное партнерства города и государства выгодно всем** (Кузбасс. Время быть первыми).

3. **Диалогическая тактика.** Большинство политиков в разработке своих программ и изложении своих взглядов монологичны, они озвучивают свою точку зрения как некую догму и не допускают существования альтернативных взглядов, невосприимчивы к иному мнению.

Для Сергея Цивилева, напротив, характерно обсуждение стратегии развития региона как с экспертами в соответствующих областях, так и кузбассовцами, не понаслышке знакомыми с проблемами родного края. Постоянный диалог с жителями области, стремление услышать жителей региона и специалистов, узнать реакцию на предложенные инициативы, обсудить происходящие изменения — все это проявления диалогической тактики.

На языковом уровне данная тактика эксплицируется в высокой частотности глаголов ожидания и обсуждения (*жду, посоветоваться, обсудить* и др.), субстантивов *совет, инициатива, предложение, проект, мнение*, конструкций с лексемами *услышано, изучено* и других единиц, указывающих на готовность к восприятию предлагаемых жителями региона концепций его развития: **Рассчитываю на вашу помощь советом, дорогие друзья. Всегда открыт для диалога** (Кузбасс. Время быть первыми); **Для меня важно, чтобы жить в Кузбассе было комфортно и удобно нам всем. А вот как этого достичь, я хочу посоветоваться с вами** (Кузбас2035.рф); **Мы продолжаем сбор предложений, и каждая ваша идея будет изучена, каждое предложение будет услышано. Спасибо за ваше неравнодушие** (ВКонтакте); **Жду ваших инициатив и предложений по включению значимых, на ваш взгляд, проектов в Стратегию социально-экономического развития Кемеровской области, над которой сейчас трудятся специалисты и эксперты** (Кузбас2035.рф). Значимость мнения кузбассовцев, хорошо знающих проблемные точки своего региона и потому способных предложить необходимые направления модернизации,

подчеркивается также с помощью маркера *на ваш взгляд*.

Открытость и готовность к диалогу нового врио губернатора регулярно отмечается региональными массмедиа: *Сергей Цивилев демонстрирует неслыханную для Кемеровской области открытость* (Кузбасс. Время быть первыми); *С открытым забралом* (Заголовок в выпуске «Кузбасс. Время быть первыми»).

4. Тактика интерактивности. Данная тактика содержательно соответствует тактике диалогичности, отличаясь от ее исключительно ориентацией на принципиально новый канал взаимодействия. Сегодня реализации стратегии диалогичности способствуют новые дискурсивные практики, которые рождаются благодаря современным медиа-технологиям, обеспечивающим «обратную связь» политика с народом. Типичной формой политической коммуникации становится отсылка к сайтам политика и партии, которую он представляет, личным страницам в социальных сетях.

Практически сразу же после назначения временно исполняющим обязанности губернатора Кемеровской области у Сергея Цивилева появились официальные страницы в сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», «Инстаграм», оперативно был создан персональный сайт (<https://sergeysivilev.ru/>), на котором есть виртуальная приемная и существует возможность заявить о своих инициативах. За короткий промежуток работы сайта на нем уже зафиксировано 14 228 обращений, рассмотрено 17 230 вопросов, регулярно проводятся опросы общественного мнения.

На интерактивность нового руководителя области практически сразу же обратили внимание региональные массмедиа: *Сергей Цивилев демонстрирует неслыханную для Кемеровской области открытость. ... Публичные страницы в социальных сетях — „ВКонтакте“ и „Фейсбук“, „Инстаграм“.* Любой желающий может оставить там свой комментарий (Кузбасс. Время быть первыми).

Языковыми маркерами интерактивной тактики являются глаголы *пишите, отправляйте, связывайтесь, направляйте* и другие, обозначающие призыв к диалогу, обусловленный современными возможностями осуществления обратной связи: **Свои предложения вы можете направить мне по любому удобному для вас каналу связи:** 1) <https://ako.ru/> (сайт администрации Кемеровской области, раздел «Обращения граждан»); 2) кузбасс-2035.pф (сайт Стратегии); 3) https://vk.com/sergey_tsivilev (мой

официальный аккаунт в социальной сети „ВКонтакте“); 4) <https://www.facebook.com/tsivilev42/> (мой официальный аккаунт в социальной сети „Фейсбук“); 5) postmaster@ako.ru (электронная почта); 6) 650064, Кемерово, пр-т. Советский, 62 (Кузбас2035.pф). С вашей помощью составим перечень самых проблемных мест и предложений в программу строительства и реконструкции дорог на следующий год. **Также можно направлять ваши предложения на мой сайт** <https://sergeysivilev.ru/> (ВКонтакте).

Сергей Цивилев отмечает, что есть активный отклик кузбассовцев, небезразличных к судьбе своего региона: *Дорогие друзья. Каждую неделю я получаю детальную информацию о ваших предложениях в Стратегию развития области на сайте Кузбасс-2035.pф* (ВКонтакте).

IV. Информационно-интерпретационная стратегия. Важное место в речевой деятельности политиков занимает подача информации и ее интерпретация. Данная стратегия представлена в дискурсе Сергея Цивилева следующими тактиками: тактика признания существования проблемы, тактика указания на путь решения проблемы, тактика прогнозирования.

1. Тактика признания существования проблемы. В связи с тем, что Сергей Цивилев возглавил регион в кризисный момент, а также поскольку сам по себе регион является достаточно сложным, ему часто приходится акцентировать внимание на проблемах, существующих в городе и регионе, т. е. активное применение получает тактика признания проблемы.

На языковом уровне тактика представлена в виде высказываний бытийного типа, часто с предикатами *существует, имеет место быть, есть*. Частотны высказывания, в которых лексема *проблема* употребляется во множественном числе, что в очередной раз позволяет подчеркнуть сложную ситуацию в регионе: *Случившееся — результат не трагического стечения обстоятельств, а серьезных системных проблем, накопившихся в регионе* (Кузбасс. Время быть первыми); *Услышал и зафиксировал основные проблемы* (Кузбасс. Время быть первыми).

Продуктивны также пропозиции деструктивного состояния, глаголы с семантикой ухудшения состояния: *Инвестиции в основные средства региона упали с 225,1 млрд рублей в 11-м году до 208,1 млрд в 17-м* (Кузбасс. Время быть первыми); *Развитие городской среды сильно отстаёт от экономического потенциала Кузбасса* (Кузбасс. Время быть первыми).

Регулярно признание существования проблемы выражается высказываниями с предикатами — оценочными прилагательными. Среди них наиболее частотными являются прилагательные *критический, системный, серьезный, важный, сложный* в сочетаниях с именами существительными *проблема, вопрос, положение, ситуация*: **Экологическая ситуация в Кузбассе является критической** (Кузбасс. Время быть первыми); *Случившееся — результат не трагического стечения обстоятельств, а серьезных системных проблем, накопившихся в регионе* (Кузбасс. Время быть первыми).

В выступлениях С. Цивилева данная тактика не носит констатирующего характера, т. е. используется не для того, чтобы акцентировать внимание на промахах и недоработках команды предшественников, а выступает как указание на некую отправную точку, с которой нужно начинать дальнейшую работу по развитию региона.

2. *Тактика указания на путь решения проблемы.* Названная тактика предполагает описание возможных способов решения проблем и возможных результатов решения. При указании на возможность решения проблемы на речевом уровне маркерами являются глагольные формы будущего времени: **Будет совершен прорыв по всем направлениям, который позволит затем выйти на устойчивое динамичное развитие** (Кузбасс. Время быть первыми); **Не могу обещать, что будет все и сразу, но двигаться в направлении решения этих задач мы будем обязательно** (Кузбасс. Время быть первыми).

Активно используются сложные формы сказуемого, включающие модальное слово и глагол совершенного вида в форме инфинитива, причем часто в безличном употреблении, что подчеркивает объективную необходимость действий, делает предложенные шаги категорически неизбежными [Паршина 2005: 135] — **нужно сделать, должны состояться, должно проводить: ...нужно наводить порядок, очищать государственный аппарат от коррупционной ржавчины** (Кузбасс. Время быть первыми).

Широко используются глаголы с семантикой улучшения состояния, указывающие на восстановление нормального состояния объекта: **Наша задача — поднять Кузбасс** (Кузбасс. Время быть первыми); **Как мы станем поднимать Кузбасс** (Кузбасс. Время быть первыми); **Нужно... очищать государственный аппарат от коррупционной ржавчины** (Кузбасс. Время быть первыми); **Наша задача в 2018—2019 годах переломить негативную демографиче-**

скую динамику в регионе (Кузбасс. Время быть первыми).

Характерной особенностью рассматриваемой тактики у Сергея Цивилева является регулярное использование лексем с семантикой знания (*знаю, известно* и т. д.), призванных подчеркнуть, что новый руководитель региона четко представляет способы решения проблем: **У Кузбасса есть все предпосылки к тому, чтобы стать по своему развитию регионом номер один в России к востоку от Урала. Я знаю, как это сделать, и мы сделаем это** (Кузбасс. Время быть первыми); **Я знаю, как это работает. Все в наших руках, все сделаем** (Кузбасс. Время быть первыми).

Усиливают эффективность данной тактики также регулярно используемые Сергеем Цивилевым образы рычага и точки опоры: **Как говорил Архимед, дайте мне точку опоры — и я подниму землю. Действительно, главное в любом деле — найти точку опоры, на которой закрепляется рычаг, и с его помощью поднимается любой вес, решается задача любой сложности. Наша задача — поднять Кузбасс, сделать его регионом номер один на всей огромной территории к востоку от Урала. Силы для этого есть, ресурсы имеются, рычаги известны, важно найти точки опоры** (Кузбасс. Время быть первыми).

Умелое использование тактики указания на путь решения проблемы, особенно при ответах на вопросы жителей региона, в конечном итоге дает надежду на лучшее будущее, нейтрализует негативное отношение населения к ситуации в области, способствует формированию чувства доверия к новому руководителю области.

3. *Тактика прогнозирования.* Заключается в указании на перспективы, в прогнозировании развития событий [Chudinov, Solopova 2015], выражении стратегических целей, позиций и намерений говорящего. Наиболее активно используется кандидатами, участвующими в избирательной кампании, так как предполагает демонстрацию результатов, к которым стремится политик, прогнозирует развитие ситуации в регионе: **Мы устроим в Кузбассе такую жизнь, что люди будут не уезжать из родных мест, наоборот, со всей страны будут стремиться сюда** (Кузбасс. Время быть первыми).

Ключевые слова, с помощью которых прогнозируется будущее Кузбасса в дискурсе Сергея Цивилева, это *рывок* и *прорыв*, указывающие на резкое, динамичное изменение, инновационное по своей сути: **Будет совершен прорыв по всем направлениям, который позволит затем выйти на устой-**

чивое динамичное развитие. Этот прорыв неизбежен, как восход солнца, если каждый из нас станет первым на своем участке (Кузбасс. Время быть первыми); В эти минуты идет подписание трехстороннего соглашения между РЖД, администрацией Кемеровской области и всеми грузоотправителями Кузбасса. Благодаря ему мы сделаем рывок в развитии промышленности (а42.ру).

Особая роль в прогнозировании будущего Кузбасса отводится числительным *один* и *первый*, указывающим на исключительный статус, к которому необходимо стремиться региону: *Её (стратегии. — О. К.) цель — сделать Кузбасс регионом № 1 за Уралом не только по темпу роста экономики, но и по качеству жизни (Кузбасс2035.рф); У Кузбасса есть все предпосылки к тому, чтобы стать по своему развитию регионом номер один в России к востоку от Урала (Кузбасс. Время быть первыми); Но если люди понимают, что каждый должен стать первым, во имя чего и для чего, — они всех порвут! Поверьте: вы скоро увидите такие изменения в Кузбассе (Кузбасс. Время быть первыми); Этот прорыв неизбежен, как восход солнца, если каждый из нас станет первым на своем участке (Кузбасс. Время быть первыми); Сегодня настало время обновления, время становиться первыми. При этом первым будет не один-единственный человек — первыми должны стать сотни, тысячи людей. Неважно, чем ты занимаешься; неважно, кто ты и сколько тебе лет. Важно, что ты выбрал участок и на этом участке стал первым — на производстве, в поле, спорте, медицине, искусстве, бизнесе... Все, кто стал первым и кто стремится быть первым, получают повсеместную поддержку властей. И когда количество первых достигнет критической массы, Кузбасс станет номером один (Кузбасс. Время быть первыми).*

Значимость данных числительных в лингвистическом прогнозировании Сергея Цивилева подтверждается не только их частотностью, но и вынесением в заглавие специального выпуска областной газеты «Кузбасс» (вышел 22 мая 2018 г.), который был посвящен новому врио губернатора.

Проведенный анализ позволил выявить основные особенности речевого поведения врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева, установить характерные для его индивидуального дискурса стратегии и тактики. Наиболее востребованными оказались стратегия самопрезентации и консолидации, а также эмоционально настраиваю-

щая и информационно-интерпретационная стратегии.

Доминирование перечисленных стратегий объясняется как объективно сложившейся в Кузбассе ситуацией, так и личностными особенностями нового руководителя области. В частности, статус новой фигуры в регионе и необходимость сформировать представление о себе и своей программе определили продуктивность стратегий самопрезентации (презентация своих личностных и профессиональных качеств, стремление вписать себя в политический контекст, обозначить принадлежность к определенной политической группе и сформировать в регионе круг единомышленников) и информационно-интерпретационной (выявление проблем региона, обозначение пути их решения и перспектив развития области). Личностными характеристиками определяется продуктивность эмоционально настраивающей стратегии (умение видеть достоинства региона и его жителей и апеллировать к этим качествам, сопереживать участникам произошедшей в Кузбассе трагедии) и стратегии консолидации (стремление вступить в диалог с жителями области, совместно обсуждать существующие проблемы, формировать команду, которая вместе сможет сделать Кузбасс одним из лучших регионов России).

Показательно, что совершенно не характерны для нового руководителя региона широко распространенные в современной политической коммуникации стратегия дискредитации и стратегия агитации. С. Цивилев стремится к достижению своей цели (превратить Кузбасс в регион-лидер), избегая прямой критики и тем более оскорбления политических предшественников и политических конкурентов, избегает тактики оппозиционирования, предполагающей деление на своих и чужих, т. е. стремится создать команду единомышленников, объединенную общей любовью к региону и небезразличных к его судьбе, готовых совершенствовать свои профессиональные навыки и работать на благо Кузбасса.

Отсутствие в коммуникативном репертуаре Сергея Цивилева стратегии агитации (в выступлениях нет прямых призывов проголосовать за его кандидатуру на выборах губернатора в сентябре) демонстрирует, что победа на выборах не является для политика самоцелью, главная цель, на которой он сосредоточен, — выполнить поставленную президентом задачу и вывести регион на новый уровень.

Перечисленные особенности позволяют сделать вывод, что из двух существующих в

мире политики типов коммуникации, конфликтной (конфронтационной) и кооперативной, С. Цивилеву свойственна кооперативная по сути коммуникация, представляющая собой речевое взаимодействие, «характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, в стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, к реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, к конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия» [Кошкарлова 2015: 19].

Доминирование кооперативного типа коммуникации находится в полном соответствии с поведенческой практикой временно исполняющего обязанности губернатора области Сергея Цивилева, который за короткое время смог успешно интегрироваться в жизнь региона, консолидировать усилия кузбассовцев и внешних специалистов, сформировать свою команду. В полном объеме оценить эффективность избранных коммуникативных стратегий и тактик можно будет после 9 сентября 2018 г. — дня, когда в регионе состоятся выборы губернатора.

ИСТОЧНИКИ

1. Официальный сайт врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева [Электронный ресурс]. URL: <https://sergeytsivilev.ru/>.
2. Кузбасс. Время быть первыми (спецвыпуск газеты «Кузбасс»). 2018. 22 мая.
3. Официальный аккаунт С. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/sergey_tsivilev (дата обращения: 28.04.2018).

O. N. Kondrat'eva
Kemerovo, Russia

STRATEGIES AND TACTICS IN THE DISCOURSE OF THE REGIONAL POLITICIAN (ON THE SPEECHES OF KEMEROVO REGION CARETAKER GOVERNOR SERGEY TSIVILEV)

ABSTRACT. *The research is executed within the frames of political linguopersonology and is devoted to the analysis of discourse of a new figure in the regional policy — Caretaker Governor of Kemerovo region Sergey Tsivilev. The goal of this research is to analyze speech strategy and tactics of the politician and to define the type of communication peculiar to him (confrontation or cooperation). The material is based on the first speeches and texts of Sergei Tsivilev, which appeared after his appointment to a new post. The analysis has allowed to establish, that the most demanded are the strategies of self-presentation and consolidation, as well as emotional-adjusting and information-interpretation strategies. Domination of the listed strategies is explained by the current situation in Kuzbass and personal features of the new head of the region. It is interesting, that for Sergey Tsivilev the strategy of propaganda and the strategy of defamation are not typical, although they are widely used in modern political communication. The main objective of the politician is not the victory in elections, but the solution of the problems raised by the President — development of Kuzbass region and high quality of life in the region. The politician aspires to achieve the objective, avoiding direct criticism and insult of political predecessors, focusing on professional qualities of the team and the problems they face. These features allow us to conclude that from the two types of communication policy (confrontation and cooperation) existing in the world, S. Tsivilev is characterized by cooperative communication, characterized by a positive orientation and focused on consolidating the efforts of participants in political processes.*

KEYWORDS: *political communication; linguistic personology; linguistic persona; political discourse; political leaders; political rhetoric; political speeches; communicative strategies; communicative tactics; governor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kondratyeva Olga Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Deputy Director for Academic Activities, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

REFERENCES

1. Ofitsial'nyy sayt vrio gubernatora Kemerovskoy oblasti Sergeya Tsivileva [Elektronnyy resurs]. URL: <https://sergeytsivilev.ru/>.

4. Стратегия развития Кемеровской области — 2035 [Электронный ресурс]. URL: kuzbass-2035.pf/press-reliz.

5. Цивилев С. Родственники погибших мечтают восстановить свои семьи. И я сделаю все, что только могу, чтобы помочь им залечить раны [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2018. 12 апр. URL: https://www.kem.kp.ru/daily/26818.4/3854342/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fen.yandex.com (дата обращения: 20.04.2018).

ЛИТЕРАТУРА

6. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жарге политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96—102.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Никифорова М. В. Динамика речевого портрета регионального политика (на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 253 с.
9. Никифорова М. В. Методология и методика лингвополитической персонологии // Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 182—198.
10. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра. филол. наук. — Екатеринбург, 2015. 441 с.
11. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2005. 325 с.
12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. 228 с.
13. Филаткина Г. С. Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии (1999—2014 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. 265 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. — Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.
16. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics; models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 412—417.

3. Ofitsial'nyy akkaunt S. Tsivileva v sotsial'noy seti «Vkontakte» [Elektronnyy resurs]. URL: https://vk.com/sergey_tsivilev (data obrashcheniya: 28.04.2018).
4. Strategiya razvitiya Kemerovskoy oblasti — 2035 [Elektronnyy resurs]. URL: kuzbass-2035.rf/press-reliz.
5. Tsivilev S. Rodstvenniki pogibshikh mechtayut vosstanovit' svoi sem'i. I ya sdelayu vse, chto tol'ko mogu, chtoby pomoch' im zalechit' rany [Elektronnyy resurs] // Komsomol'skaya pravda. 2018. 12 apr. URL: https://www.kem.kp.ru/daily/26818.4/3854342/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (data obrashcheniya: 20.04.2018).
6. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledebatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 96—102.
7. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. —M.: Izd-vo LKI, 2008. 288 s.
8. Nikiforova M. V. Dinamika rechevogo portreta regional'nogo politika (na materiale ustnoy dialogicheskoy rechi mera Ekaterinburga E. V. Royzmana) : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 253 s.
9. Nikiforova M. V. Metodologiya i metodika lingvopoliticheskoy personologii // Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 182—198.
10. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russko-yazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015. 441 s.
11. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk. — Saratov, 2005. 325 s.
12. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh : Izd-vo VGU, 2001. 228 s.
13. Filatkina G. S. Kommunikativnye strategii v politicheskom mediadiskurse prezidentov Venesuely, Ekvadora, Brazilii (1999—2014 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. 265 s.
14. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. — Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.
15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posob. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
16. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics; models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 412—417.

С. Л. Кушнерук
Челябинск, Россия

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ И НОВОСТНЫХ САЙТОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению феномена информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации. Исследование выполнено на основе данных из корпуса «News on the Web» в период 2010—2018 гг. К анализу привлекаются контексты из интернет-газет и новостных сайтов, объединенные тематикой противоборства. Цель работы — реконструировать фрагмент медиареальности информационно-психологической войны по текстовым данным и установить его параметры. Для обозначения репрезентационной структуры, фрагментарно объективируемой в медиадискурсе Великобритании и отражающей расстановку сил в глобальном геополитическом пространстве, вводится понятие дискурсивного мира информационно-психологической войны. Его содержание раскрывается с позиций когнитивно-дискурсивного миромоделирования — направления лингвистической дискурсологии, исследующего дискурс в терминах репрезентационных структур. Дискурсивный мир информационно-психологической войны как сконструированная журналистами реальность охарактеризован по масштабу, субъектам, ключевым акторам, целям и задачам, театру военных действий, активным средствам, составу войск и оружию. Установлено, что информационно-психологическая война ведется крупнейшими медиа Великобритании и направлена на читателей. Объектом информационно-психологической войны является сознание широкой аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-издания. Мишенью информационно-психологической войны выступает Россия, которая в британских медиа представлена как угроза всему миру и ключевой актер информационной войны, препятствующий культурно-цивилизационному развитию Запада. Негативное миромоделирование в британских медиа проявляется в распространении таких представлений о России, которые демонизируют образ нашей страны в глазах граждан других государств. Результаты могут оказаться полезными при разработке мер защиты от внешнего информационно-психологического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; политический дискурс; СМИ; средства массовой информации; британские СМИ; язык СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

В современном мире действительность оказывается репрезентированной. Реальность воспринимается «через трактовку» в средствах массовой коммуникации — в газетах, журналах, Интернете, на радио, телевидении, а также в новейших цифровых гаджетах. Поэтому использование медийных инноваций в сценариях войны представляет большой интерес не только для военных, экспертов по национальной безопасности, правоведов, политологов, историков, журналистов, философов, но становится все более актуальным для филологов, так как именно язык служит неотъемлемой составляющей реализации военных стратегий и тактик информационно-психологического противоборства.

Многочисленные трактовки феномена информационно-психологической войны, имеющиеся в зарубежной [Arquilla 2011; Arquilla, Ronfeldt 1993, 2001; Brose 2015; Brzezinski 2012; Denning 1999; Libicki 1995, 2017; Stein 1995; Szafranski 1997] и отечественной [Агапова, Гущина 2017; Алексеев, Алексеева 2016; Бабилова, Цыганкова 2017; Иванова 2016; Копнина 2017; Копнина, Сквородников 2016, 2017; Коцюбинская 2015; Кошкарова 2018; Кошкарова, Руженцева, Зотова 2018; Озюменко 2017; Сквородников, Копнина 2016, 2016а; Тагильцева 2012 и др.] литературе, свидетельствуют о том,

что ее однозначное определение отсутствует. Это объясняется сложностью и многогранностью понятия, которое требует междисциплинарного подхода к изучению, представляет интерес для специалистов из разных областей; расхождением теоретических и методологических позиций исследователей, обращающихся к изучению феномена в условиях разных национальных культур и систем безопасности; собственно лингвистическими факторами, связанными с несовпадением семантического объема понятий, передаваемых лексическими средствами английского и русского языков.

Полагаем, что **актуальность** разработки лингвистического подхода к феномену информационно-психологической войны серьезно возрастает в условиях текущей геополитической ситуации и требует большей ясности по причине того, что и в военное, и в мирное время влияние на когнитивные механизмы людей осуществляется через язык. Поиск антидота когнитивной манипуляции со стороны участников многополярного мира приводит российских ученых к обоснованию **лингвистики информационно-психологической войны**, которая сосредоточена на изучении языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства [Лингвистика информационно-психологической войны 2017]. Это научное

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 04.06.2018 г. № 1/326 по теме «Когнитивные и коммуникативные факторы репрезентации действительности в разных типах англоязычного дискурса».

© Кушнерук С. Л., 2018

направление занимает место малой матришки, вложенной в политическую лингвистику, которая, в свою очередь, входит в объемную лингвистику дискурса.

Обращаясь к проблемному полю информационно-психологического противоборства в британских медиа, за основу принимаем определение, предложенное группой ученых Сибирского федерального университета под руководством А. П. Сквородникова (Г. А. Копнина, А. А. Бернацкая, И. В. Евсева, А. В. Колмогорова, Б. Я. Шарифуллин), которые определяют **информационно-психологическую войну** (далее — ИПВ) как противоборство сторон, «которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика информационно-психологической войны 2017: 13].

Рассматриваемая нами ИПВ ведется в британском медиадискурсе. Медиадискурс проективен. В философском понимании сущность проективности видится в создании реальности посредством языка, а «природа реальности определяется теми, кто имеет власть формировать язык» [Проективный философский словарь 2002: 10]. В медиареальности «власть формировать язык» и конструировать необходимые «картины» действительности и ее фрагментов принадлежит журналистам. Проективную реальность, объективируемую в медиадискурсе совокупностью вербально-знаковых средств, мы называем **дискурсивным миром ИПВ**. Дискурсивный мир — термин, который используется в **теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования**. Это развиваемое нами автономное направление лингвистики дискурса, изучающее процессы и результаты ментально-языкового представления информации о мире [Кушнерук 2008, 2010, 2016]. В этом случае дискурс анализируется в терминах репрезентационных структур, отражающих избирательное представление действительности средствами языка в чьих-либо интересах. *Дискурсивный мир ИПВ*

является репрезентационной структурой дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в медиатекстах, объединенных тематикой противоборства.

Цель настоящего исследования — реконструировать дискурсивный мир ИПВ по текстовым данным: на основе интернет-газет и новостных сайтов, функционирующих в медиaprостранстве Великобритании. **Задачи**: установить параметры дискурсивного мира ИПВ, конструируемого британскими журналистами; определить, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам ИПВ, каковы их цели, какие средства ведения борьбы они используют. **Материал** для исследования — контексты, извлеченные из корпуса NOW («News on the Web») в период 2010—2018 гг., общим количеством 1038 единиц. Они отбирались по двум ключевым словосочетаниям *information war* и *information warfare*. Данные о количествах употреблений словосочетаний представлены в таблице.

Согласно таблице, динамика освещения проблем информационной войны достигает своего максимума в 2017 г., превышая уровень 2010 г. более чем в 11 раз.

Дискурсивный мир ИПВ как репрезентационная структура в дискурсе британских средств массовой коммуникации может быть структурирован по ряду оснований. Представленные ниже параметры способствуют визуализации сложной ментальной структуры, фрагментарно объективируемой в медиадискурсе Великобритании, и пониманию того, чьи интересы она отражает и какие лингвистические механизмы для этого используются.

1. Масштаб и общая квалификация ИПВ

Информационная война имеет глобальный характер и **возвещает наступление новой эры**, в которой, чтобы выжить, каждому обществу придется научиться давать отпор киберагрессии. Ср.: *To survive in the era of information warfare, every society will have to create ways of withstanding cyberattacks* (The Guardian. 17.12.02). — *Чтобы выжить в эру информационной войны, каждому обществу придется создавать способы противостояния кибератакам.*

Таблица. Динамика освещения проблем информационной войны в период 2010—2018 гг. по данным корпуса NOW

Словосочетания	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего
Information WAR	10	13	10	11	37	54	83	134	35	387
Information WARFARE	17	18	38	21	20	33	132	176	196	651
Все словосочетания	27	31	48	32	57	87	215	310	231	1038

Масштаб противоборства соотносится с **войной мирового уровня**, в которую прямо или косвенно вовлекаются ведущие государства мира. Обнаруживается осмысление ИПВ как **третьей мировой войны** (*World War Three*), **новой холодной войны** (*new Cold War*), **кибер холодной войны** (*Cyber cold war*), **партизанской информационной войны** (*guerrilla information war*), а также **информационной конфронтации** (*information confrontation*). Ср.: **"World War III will be a guerrilla information war,"** it says. **"With no divisions between military and civilian participation"** (The Guardian. 17.02.26). — **„Третья мировая война будет партизанской информационной войной, — говорится в нем. — Без каких-либо различий между военным и гражданским участием“.**

Оценочную квалификацию ИПВ задают эпитеты, подчеркивающие ее **масштабный, массовый, острый, интензивный и пропагандистский** характер: *worldwide information war, massive information war, acute information war, intense information war, propaganda war*. Приведем один из многих примеров: **2017 was a year of "electoral hacking" and an intense information war aimed at shaping the recipients' viewpoint** (<https://www.computerweekly.com>. 18.01.05). — **2017 год был годом „электорального взлома“ и интензивной информационной войны, направленной на формирование точки зрения людей.**

2. Субъекты ИПВ

ИПВ в британских медиа далеко не всегда описывается с точки зрения наличия двух противоборствующих сторон. В ряде контекстов называется только **унициатор** ИПВ, в роли которого выступают не отдельные лица, а, например, самая известная транснациональная американская корпорация (*Google*), владеющая крупнейшей в мире поисковой системой, которая индексирует наибольшее количество сайтов и занимается разработкой IT-продуктов. Ср.: **We are in an information war and billionaires are buying up these companies, which are then employed to go to work in the heart of government. That's a very worrying situation. Google is not just a platform. It frames, shapes and distorts how we see the world.** (The Guardian. 17.05. 07). — **Мы находимся в условиях информационной войны, и миллиардеры скупают эти компании, которые затем привлекаются для работы в самом сердце правительства. Это очень тревожная ситуация. Google — это не „просто“ платформа. Она структурирует, формирует и вносит искажения в то, каким мы видим мир.** Компания

«Google» как субъект информационного влияния представлена занимающей «властную» позицию в виртуальном пространстве. Она имеет максимальный охват аудитории, полный доступ к информации и контроль над ней, что позволяет компании моделировать мир, форматируя и искажая факты нужным образом, что, как следствие, не может не сказываться на мировой геополитике.

ИПВ осуществляется **группой людей** против отдельного **государства**. Чаще всего в этом случае вторым субъектом называют США. Ср.: **Russians recruited "real Americans" as part of "information warfare".** (BBC News. 18.02.16). — **Русские завербовали „настоящих американцев“ для ведения информационной войны.**

Субъектами ИПВ выступают **два государства**, имеющие конфликт интересов и намеренно пытающиеся оказать информационно-психологическое воздействие на сознание противника. В британских медиа субъектами выступают Великобритания и Россия, Россия и Литва, Россия и Чехия, Россия и США. Ср.: **Speaking to Newsnight on Friday she also spoke of her joy at hearing her cousin's voice but also said she is 'scared' by being caught up in the information war between Britain and Russia** (The Daily Mail. 18.04.07). — **Услышав голос двоюродного брата на выступлении перед Newsnight в пятницу, она также рассказала о своей радости, но вместе с тем добавила, что ей „страшно“, оттого что она оказалась втянутой в информационную войну между Великобританией и Россией.**

Значимое противопоставление **России и Запада** регулярно обнаруживается в британской прессе, что способствует усилению образа глобальной политической трещины, которая отсекает Россию от всех «остальных» государств, представленных жертвами ее информационной войны. Об этом свидетельствуют многочисленные заголовки информационных ресурсов самой разной направленности. Ср.: **Ex-Soviet countries on front line of Russia's media war with the west** (The Guardian. 15.01.06). — **Бывшие советские страны на линии фронта информационной войны России с Западом; The Russians are waging a conventional war in Syria — and an information war with the West.** (<https://news.sky.com>. 16.09.21). — **Русские ведут обычную войну в Сирии и информационную войну с Западом.**

3. Ключевые акторы ИПВ

Согласно данным, представленным британскими СМИ, ключевыми фигурами, инспирирующими информационную войну, яв-

ляются **Россия, Москва, Кремль**, а также **российский президент**, который обвиняется в попытке развязать новую «холодную войну»: *It's all part of a new Russian strategy and information war. There is an attempt by Putin to create a new Cold War* (The Herald. 18.03.17). — *Это все часть новой российской стратегии и информационной войны. Путин пытается начать новую „холодную войну“.*

Россия бросает вызов миру, она представлена как **знарок физической, электронной войны, кибер- и информационной войны**, а также войны нового типа — **гибридной**, которая фактически стирает границы между миром и войной. Ср.: *Russia also has impressive capabilities in artillery and electronic warfare. <...> its capacities in cyber- and information warfare are most apparent and pose some of the most pressing challenges. Again, the media and think tanks alike are awash with discussions of an apparently new phenomenon — so-called „hybrid warfare“ — a melding and blurring of the boundaries between peace and war at which Russia is perceived to be the new master* (BBC News. 18.03.31). — *Россия также располагает впечатляющими возможностями в артиллерии и ведении электронной войны. <...> ее возможности в области кибер- и информационной войны наиболее очевидны и бросают самые сложные вызовы. К тому же средства массовой информации и аналитические центры активно обсуждают новое явление — так называемую „гибридную войну“ — она размывает границы между миром и войной, в ней Россия воспринимается непревзойдённым знаком.*

4. Цели и задачи ИПВ

Одной из общих целей России является **создание проблем**. Ср.: *Russian „power“ may be reaching its zenith. It retains, though, an extraordinary ability to create trouble more broadly through hacking, information warfare, and by backing extremist political parties* (BBC News. 18.03.26). — *Возможно, российская „власть“ приближается к своему апогею. Она сохраняет исключительную способность создавать самый широкий круг проблем посредством взлома, информационной войны и поддержки экстремистских политических партий.*

Частные целеустановки: **дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха**. Идея **дестабилизации** проходит красной нитью в британских публикациях, затрагивая самые

проблемные стороны европейских обществ в связи с действиями России. Нажимая на большую мозоль, агенты медиадискурса намеренно связывают имеющиеся в Европе сложности с Россией, что негативно настраивает обычных британцев против всего, что связано с нашей страной. К примеру, утверждается, что Россия пытается **дестабилизировать Германию**, вызывая недовольство немцев присутствием беженцев. Ср. заголовок: *Russia „trying to destabilize“ Germany by stoking unrest over migrants, warn spy chiefs* (The Telegraph. 16.03.10). — *Россия „пытается дестабилизировать“ Германию, раскачивая волнения по поводу мигрантов, предупреждает разведка.*

Идея **вмешательства** чаще всего передается глагольными лексемами *interfere, meddle* в сильных и слабых позициях текста. Ср.: *Information warfare: Is Russia really interfering in European states?* (BBC News. 17.03.30). — *Информационная война: действительно ли Россия вмешивается в дела европейских государств?*

Демократия является ключевым понятием европейской политики, поэтому цель **подрыва демократических процессов**, ассоциируемая с Россией, должна еще больше очернить страну в глазах британцев и усилить образ российского врага. Ср.: *Russia is not our friend, the Russian government has conducted an information warfare campaign against our country and sought to undermine our democratic process* (<http://www.upmatters.com>. 17.06.17). — *Россия нам не друг, российское правительство ведет информационную войну против нашей страны и стремится подорвать наш демократический процесс.*

5. Театр ИПВ

Это территория или некое пространство, в пределах которого осуществляется информационно-психологическое противоборство. Основные места ведения ИПВ, по данным британских медиа, — **Интернет, социальные сети, страны Восточной и Западной Европы**. ИПВ ведется **онлайн**, т. е. в виртуальном пространстве, находящемся под управлением вычислительной системы: *Speaking as he visited British troops in Estonia yesterday, he hinted ministers may seek to force Facebook and Twitter into taking further action to combat the information war online* (The Sun. 18.03.27). — *Вчера во время посещения британских войск в Эстонии он намекнул, что министры могут попытаться заставить „Facebook“ и „Twitter“ предпринять дальнейшие действия по борьбе с информационной войной в Интернете.*

В век пропаганды полем битвы являются **социальные сети**, в которых люди активно выкладывают свои фотографии и делятся комментариями к новостям, а международная геополитика разворачивается в реальном времени. Ср.: *But then there's increasing evidence that our public arenas — the social media sites where we post our holiday snaps or make comments about the news — are a new battlefield where international geopolitics is playing out in real time* (The Guardian. 16.11.01). — Но тогда появляется все больше доказательств того, что наши общественные арены — сайты социальных сетей, где мы публикуем наши праздничные снимки или комментируем новости, — это новое поле битвы, на котором международная геополитика играет в реальном времени.

6. Активные средства ИПВ

Мероприятия, при помощи которых осуществляется информационно-психологическое воздействие на противника. Согласно британским медиа, к ним причисляют традиционные средства: **использование разведанных, искусственного интеллекта, наблюдение за врагом, командно-контрольные действия, кибератаки**. Вместе с названными активно используются **пропаганда, шпионаж и кибершпионаж**, различные **фальсификации**, в том числе новостного характера, **дезинформация и хакерские операции**.

Газета «Дейли мейл» акцентирует внимание на том, что представления о технологиях **фейковых новостей и кибератак** неуклонно развиваются: *The frequency of information warfare in all its manifestations, including fake news and cyberattacks, is now becoming better known* (The Daily Mail. 17.12.14). — **Диапазон информационной войны во всех ее проявлениях, включая фейковые новости и кибератаки, становится всё более осознаваемым**.

Российская пропаганда характеризуется как «изошренная» (*sophisticated*), включающая арсенал средств: **боты, команды троллей, сети веб-сайтов и аккаунтов в соцсетях**. Ср.: *Russia's increasingly sophisticated propaganda machinery — including thousands of botnets, teams of paid human "trolls" and networks of websites and social media accounts — echoed and amplified right-wing sites across the internet during the US election*. (The Independent. 16.12.17). — **Всё более изошренная российская пропагандистская машина, включающая тысячи ботов, команды „троллей“, за которыми стоит оплаченная работа людей, сети**

веб-сайтов и аккаунтов в социальных сетях, усилила правоцентристские интернет-сайты во время выборов в США.

Российский **кибершпионаж**, реализующий ИПВ, приравнивается к киберпреступлениям, которые связаны с доступом к информации: *The techniques that cyber espionage uses, including Russian cyber espionage and information warfare, is in some cases indistinguishable from what cyber criminals want to do, because both of them are about accessing information* (<http://www.wired.co.uk>. 18.04.21). — **Методы, которые использует кибершпионаж, включая российский кибершпионаж и информационную войну, в некоторых случаях не отличаются от того, что делают киберпреступники, потому что и те, и другие имеют дело с доступом к информации**.

7. Войска и оружие ИПВ

По данным британских медиа, Россия как актор ИПВ располагает воинскими формированиями, которые создаются для осуществления информационно-психологического воздействия. У российского президента есть **киберармия**, которая забрасывает западный мир фальшивыми новостями и сообщениями в социальных сетях, вносящими раздор в сознание: *From inside the unremarkable office building, Putin's cyber army deployed wave after wave of fake news articles and divisive social media posts*. (The Daily Mail. 17.11.12). — **Изнутри ничем не примечательного офисного здания киберармия Путина гонит волну за волной поддельных новостей и неоднозначных постов в социальных сетях**.

В арсенале главного актора ИПВ — **армии троллей и ботов**. **Русские боты** активно используются, чтобы создать хаос и подорвать мирно протекающие политические процессы. Ср.: *The core of the debate is the accusation that a number of political tweets were sent by "Russian bots", with the intention of subverting political debate, or simply creating chaos generally*. <...> *Based on what we know about Russian information warfare, the Twitter accounts run by the country's «troll army», based in a nondescript office building in St Petersburg, are unlikely to be automated at all* (The Guardian. 18.01.07). — **В основе дебатов лежит обвинение в том, что ряд твитов был отправлен „русскими ботами“ с намерением подорвать политические дебаты или просто создать хаос**. <...> **Исходя из того, что нам известно о российской информационной войне, учетные записи Twitter, которыми управляет „армия троллей“, располага-**

ющаяся в невзрачном офисном здании в Санкт-Петербурге, вряд ли будут автоматизированы вообще.

Как видно из контекста, помимо ботов в состав воинствующей армии Путина входят **тролли**. Они прочесывают сети, чтобы привлечь к себе внимание любыми, чаще всего хамскими и грубыми способами. Это интернет-провокаторы на службе российского президента: *He accepts that he was a troll in Putin's information war...* (The Daily Mail. 17.11.12). — Он признает, что был **троллем в информационной войне Путина...**

Особое место в британском медиадискурсе занимают вездесущие **русские хакеры**, способные влиять на выборы в других странах и нагоняющие страх на весь мир. Чаще всего они фигурируют в связи с вмешательством в президентские выборы в США. Ср.: *European governments have warned of a growing threat of Russian hacking and "information warfare" in the wake of claims that Moscow tried to sway the US presidential election* (The Times. 16.12.18). — *Европейские правительства предупреждают о растущей угрозе российского хакерства и „информационной войны“ на фоне заявлений о том, что Москва пыталась повлиять на президентские выборы в США.*

Проведенное исследование свидетельствует о том, что ИПВ ведется крупнейшими медиа Великобритании главным образом в отношении британских граждан, а также тех, кто знакомится с британской прессой. Объектом ИПВ оказывается сознание значительной части аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-газеты и новостные сайты. Главной мишенью ИПВ выступает Россия и ее политические действия. Основная цель ИПВ — оказать влияние на когнитивные механизмы читателей для формирования образа России как угрозы на пути культурно-цивилизационного развития Европы и мирового сообщества. В британском медиадискурсе выявлена репрезентационная структура концептуально-сложного типа — дискурсивный мир ИПВ. Это ментально-языковая структура, которая реконструируется на основе совокупности медиатекстов, объединенных тематикой противоборства, борьбы, вражды, подчиненная целям политики Великобритании и отражающая расстановку сил в глобальной геополитической обстановке. Негативное миромоделирование, осуществляемое агентами британского медиадискурса за счет доступа к информации, проявляется в тиражировании таких представлений о России, которые очерняют внешнеполитические усил

ия и действия российского президента и демонируют образ нашей страны в глазах граждан других государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 27—34.
2. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5—14.
3. Бабикова М. Р., Цыганкова А. В. Информационные войны против России: лингвистический аспект // Сопоставительная лингвистика. 2017. № 6. С. 214—219.
4. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.
5. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.
6. Копнина Г. А., Сквородников А. П. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 35—50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.
7. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 (8). С. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.
8. Коцобинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93—96.
9. Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14—18.
10. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия» по-американски и «Российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74—81.
11. Кушнерук С. Л. Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рекламе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2008. № 36 (137). Филология. Искусствоведение. Вып. 27. С. 85—89.
12. Кушнерук С. Л. Образ президента — визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 87—92.
13. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 48 с.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: моногр. Кн. 1. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
15. Озоменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
16. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. — СПб.: Алетейя, 2002. 298 с.
17. Сквородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.
18. Сквородников А. П., Копнина Г. А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016а. № 2. С. 238—258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skovorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A.pdf>.
19. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект //

Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178.

20. Arquilla J. *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. — Chicago, IL : Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.

21. Arquilla J., Ronfeldt D. *The Advent Of Netwar*. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html.

22. Arquilla J., Ronfeldt D. *Cyberwar is Coming!* // *Comparative Strategy*. 1993. Vol. 12, Num. 2. P. 141—165. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2007/RAND_RP223.pdf.

23. Arquilla J., Ronfeldt D. *The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars / ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt*. — Santa Monica, 2001.

24. Brose R. *Cyber War, Netwar, and the Future of Cyber-defense* [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.dni.gov/>

index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense.

25. Brzezinski Z. *Strategic vision: America and the crisis of global power*. — New York : Basic books, 2012.

26. Denning D. E. *Information warfare and Security*. — Reading etc., 1999.

27. Libicki M. *What is Information Warfare?* — Washington, 1995.

28. Libicki M. *The Convergence of Information Warfare // Strategic Studies Quarterly*. 2017, Spring. P. 49—65.

29. Stein G. *Information warfare* [Electronic resource] // *Air-power Journ*. 1995, Spring. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm>.

30. Szafanski R. *Neocortical warfare? The acme of skill // Military Review*. 1994. Nov. P. 41—55. (U. S. Army Command and General Staff College).

S. L. Kushneruk

Chelyabinsk, Russia

MEDIA REALITY OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR (ON THE MATERIAL OF BRITISH PRESS AND NEWS SITES)

ABSTRACT. *The paper focuses on the phenomenon of information-psychological war in British mass media. The study is based on the data taken from “News on the Web” corpus, covering the period of 2010—2018. The analysis involves contexts from Internet newspapers and news sites, united by information war theme. The aim of the author is to reconstruct the fragment of media reality of information-psychological war and establish its parameters. The term “discourse world of information-psychological war” is introduced to denote a representational structure, which is textualized in the media and reflects the balance of forces in the global geopolitical situation. The notion of discourse world draws on cognitive-discourse **World Modelling Theory**, which explores discourse in terms of representational structures. The discourse world of information-psychological war as reality constructed by journalists is characterized by the scale, subjects, key actors, goals and objectives, the theater of war, active means, troops and weapons. It is revealed that information-psychological war is conducted by the largest media of Great Britain against readers. The object of information-psychological warfare is the mind of a wide audience, interested in politics and online publications. The target of the information-psychological war is Russia, which is represented in the British media as a threat to the world and a key actor in the information war, which hinders the cultural and civilizational development of the West. Negative world-modelling in the British media is manifested in the spread of such ideas about Russia, which demonize the image of the country in the eyes of other members of the world community. The conclusion might present interest for further investigation of the linguistic basics of the development of measures against external information and psychological attacks.*

KEYWORDS: *information-psychological war; media discourse; media linguistics; media texts; political discourse; mass media; media; British mass media; mass media language.*

THE AUTHOR: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of English Philology Department, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

The research is accomplished under financial support of Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evsev'ev; Contract for Scientific and Research Work № 1/326, 04.06.2018; “Cognitive and Communicative Factors of Reality Representation in Different Types of English Language Discourse”

REFERENCES

1. Agapova S. G., Gushchina L. V. *Informatsionnaya voyna: manipulyativnaya strategiya na ponizhenie // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistikii*. 2017. № 3 (27). S. 27—34.

2. Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. *Informatsionnaya voyna v informatsionnom obshchestve // Voprosy filosofii*. 2016. № 11. S. 5—14.

3. Babikova M. R., Tsygankova A. V. *Informatsionnye voyny protiv Rossii: lingvisticheskiy aspekt // Sopostavitel'naya lingvistika*. 2017. № 6. S. 214—219.

4. Ivanova S. V. *Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdanie efekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 5 (59). S. 28—37.

5. Kopnina G. A. *Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voynе (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika*. 2017. № 5 (65). S. 206—216.

6. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. *O filosofskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Elektronnyy resurs] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2016. № 1 (6). S. 35—50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.

7. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. *Gazetno-publitsicheskies teksty kak istochnik informatsii o tekhnologii vedeniya sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2017. № 1 (8). S. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf>.

8. Kotsyubinskaya L. V. *Ponyatie «informatsionnaya voyna» v sovremennoy lingvistike: novye podkhody // Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 4 (54). S. 93—96.

9. Koshkarova N. N. *Feykovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? // Vestn. Tom. gos. ped. un-ta*. 2018. № 2 (191). S. 14—18.

10. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B., Zotova E. N. *«Rossiyskaya agressiya» po-amerikanski i «Rossiyskiy sled» po-ukrainski // Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 1 (67). S. 74—81.

11. Kushneruk S. L. *Lichnye mestoimeniya kak yazykovye markery peresecheniya tekstovyykh mirov v reklame // Vestn. Chelyab. gos. un-ta*. 2008. № 36 (137). *Filologiya. Iskuststvovedenie*. Vyp. 27. S. 85—89.

12. Kushneruk S. L. *Obraz prezidenta — vizitnaya kartochka Rossii: tekstovye miry pressy, adresovannoy zarubezhnym chitatel'nyam // Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 3 (33). S. 87—92.

13. Kushneruk S. L. *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie v britanskoj i rossiyskoj kommercheskoj reklame : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg*, 2016. 48 s.

14. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t*, 2017. 340 s.

15. Ozyumenko V. I. *Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220.

16. *Proektivnyy filosofskiy slovar': novye terminy i ponyatiya / pod red. G. L. Tul'chinskogo, M. N. Epshteyna. — SPb. : Ale-teyya*, 2002. 298 s.

17. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.
18. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O psikhologicheskikh osnovaniyakh lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny [Elektronnyy resurs] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016a. № 2. S. 238—258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skovorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A.pdf>.
19. Tagil'tseva Yu. R. Metodologicheskii analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskii aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178.
20. Arquilla J. Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World. — Chicago, IL : Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.
21. Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent Of Netwar. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html.
22. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is Coming! // Comparative Strategy. 1993. Vol. 12, Num. 2. P. 141—165. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2007/RAND_RP223.pdf.
23. Arquilla J., Ronfeldt D. The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars / ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. — Santa Monica, 2001.
24. Brose R. Cyber War, Netwar, and the Future of Cyber-defense [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense>.
25. Brzezinski Z. Strategic vision: America and the crisis of global power. — New York : Basic books, 2012.
26. Denning D. E. Information warfare and Security. — Reading etc., 1999.
27. Libicki M. What is Information Warfare? — Washington, 1995.
28. Libicki M. The Convergence of Information Warfare // Strategic Studies Quarterly. 2017, Spring. P. 49—65.
29. Stein G. Information warfare [Electronic resource] // Airpower Journ. 1995, Spring. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm>.
30. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // Military Review. 1994. Nov. P. 41—55. (U. S. Army Command and General Staff College).

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 11.25.91; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19; 23.00.04

А. А. Вилков, Д. В. Попонов, М. С. Козлова, А. А. Казаков, А. С. Бурданова
Саратов, Россия

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлены результаты анализа материалов ведущих средств массовой информации Саратовской области, посвященных вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, а также взаимодействию региона и его приграничных районов с Республикой Казахстан. Указанные тематические направления анализируются в контексте проблематики общественной дипломатии — показывается роль массмедиа в конструировании благоприятного имиджа России среди населения стран ближнего зарубежья. Методологическую основу исследования составили контент-анализ и элементы функциональной теории анализа медиатекстов В. Бенюита. Сделан вывод о том, что в настоящий момент в Саратовской области внешнеполитическое направление деятельности средств массовой коммуникации развито в недостаточной степени, что делает необходимым организацию и проведение специализированных мероприятий, направленных на оживление экспертной и профессиональной дискуссии в этом отношении, а также расширение соответствующей информационной повестки и дискурса. Ресурсный потенциал медиaproстранства региона позволяет рассматривать действующих в его границах субъектов в качестве инструментов для обеспечения интересов и укрепления позиций региона и государства в целом на внешней арене. Для целенаправленного движения в данном направлении представляется необходимым создать на региональном и местном уровнях условия для повышения квалификации и переподготовки журналистского сообщества, необходимую инфраструктуру данной деятельности, включая систему грантовой поддержки и мотивации изданий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественная дипломатия; средства массовой информации; СМИ; региональные СМИ; язык СМИ; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; политический дискурс; ресурсный потенциал.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10А; e-mail: vil57@yandex.ru.

Попонов Денис Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10А; e-mail: poponovdv@mail.ru.

Козлова Маргарита Сергеевна, кандидат социологических наук, руководитель социологического направления, АНО «Центр региональных политических исследований»; 410031, Россия, Саратов, Московская, 55; e-mail: kmargos@yandex.ru.

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10А; e-mail: aldr.kazakov@gmail.com.

Бурданова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410028, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10А; e-mail: gons.anna@yandex.ru.

В современном обществе трудно переоценить значимость средств массовой информации. Выступая организатором информационных потоков и обладая возможностью передачи информации на большие расстояния, медиасообщество оказывает огромное, а подчас решающее влияние на процесс формирования общественного мнения, причем не только в масштабах одного государства, но и за его пределами, превращаясь тем самым в эффективный ресурс «мягкой силы» [Вилков и др. 2011: 16].

Основной международной информационной стратегии современного государства являются специализированные медиапроекты, непрерывно производящие потоки массовой информации для внешней аудитории и формирующие положительный образ действующих национальных институтов и образа жизни, и при необходимости информационно подрывая авторитет и влия-

ние других стран — геополитических соперников.

Россия в данном отношении не является исключением: наращиванием ее присутствия в мировом информационном пространстве сегодня занимается целый ряд медиапроектов — это и телеканалы «РТ», «Россия РТР», и МИА «Россия сегодня», и мультимедийная группа «Sputnik», и проект «Российская газета», и интернет-ресурсы МИД и других правительственных ведомств. Однако условия для использования других («внутренних») медиаактивов для реализации задач в этой сфере практически не созданы, что, на наш взгляд, не совсем оправданно, особенно в приграничных зонах страны.

В этой связи изучение ресурсного потенциала региональных медиа в сфере общественной дипломатии представляется актуальной научно-практической задачей, решение которой позволит уже в краткосрочной и

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

© Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Казаков А. А., Бурданова А. С., 2018

среднесрочной перспективе спланировать комплекс мероприятий, которые дадут возможность дополнить функционал региональных СМИ новой субъектностью, расширяя тем самым и зарубежную аудиторию конкретных изданий, и возможности для позиционирования региона и страны на внешней информационной площадке.

Особую актуальность данной проблематике придает тот факт, что в отечественной науке сегодня не так много работ, в которых исследовалась бы роль массмедиа в осуществлении публичной дипломатии [Го 2014: 69—100; Колеватова 2016: 51—56; Марчуков 2014: 104—113; Сардановская 2017: 172—181]. Чаще всего анализируются либо различные аспекты общественной (публичной дипломатии) в целом [Боришполец 2017: 224—237; Вилков 2018: 184—188], либо конкретные функциональные измерения публичной дипломатии [Лебедева 2015: 45—56], либо же особенности освещения связанных с этим процессов средствами массовой информации конкретных стран [Пархитько, Таран 2018: 82—86].

Анализ ресурсов общественной дипломатии в медиасфере Саратовской области проводился посредством двух циклов изучения контента региональных средств массовой информации. Однако, прежде чем представить результаты проведенных исследований, дадим краткую характеристику информационного рынка в этом субъекте Российской Федерации.

Так, согласно исследованиям фонда «Медиастандарт» и исследовательской группы ЦИРКОН, состояние медиасферы Саратовской области оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, в регионе сложилась сеть медиасубъектов, производящих в целом качественный медиапродукт, востребованный аудиторией; с другой — внешняя по отношению к медиасфере среда (прежде всего экономическая и политическая) выступает сдерживающим фактором для регионального информационного пространства, не создавая условий для развития его инфраструктуры, системы регулирования, поддержки и финансирования

[Проект MS-INDEX 2017].

Данная особенность весьма четко коррелирует с результатами проведенных в октябре-ноябре 2016 г. замеров состояния информационного пространства региона, по итогам которых, в частности, эксперты (главные редакторы региональных средств массовой информации, авторитетные политологи и социологи, руководители пресс-служб органов власти, а также чиновники, отвечающие за информационную политику в регионе) сделали выводы о неразрывной связи региональных изданий с политическими и экономическими группами влияния, их доминировании в вопросах формирования информационной повестки, отсутствии устойчивых практик и эффективных площадок взаимоотношений с властью, бизнесом и обществом, деформации информационных потоков, снижении уровня поддержки региональных массмедиа со стороны интеллектуальных слоев населения, конъюнктурности редакционной политики изданий [Данилов, Попонов 2016: 443—447].

На основании оценок тех же экспертов была предпринята попытка составления рейтинга региональных средств массовой информации. Объектом анализа стали 20 изданий региона, в том числе 10 интернет-изданий, 6 печатных изданий и 4 телевизионных и радиоконпании, которые по 5-балльной шкале (1 — минимальный, 5 — максимальный показатель) оценивались с точки зрения профессионализма, оперативности подачи материала, уровня аналитики, аффилированности с различными политическими и бизнес-группами и качества размещаемого контента.

В контексте данного обзора интерес представляют не столько оценки, выставленные экспертами каждому изданию из числа участвовавших в исследовании, сколько средние показатели по группам изданий (интернет-издания, печатные издания, электронные издания), позволяющие выявить лидерство по сегментам СМИ, а также сбалансированность самого сегмента, наличие в нем явный «лидеров» и «аутсайдеров».

Таблица

Экспертные оценки региональных СМИ по группам

Тип изданий	Профессионализм			Оперативность			Аналитика			Аффилированность			Контент		
	μ	min	max	μ	min	max	μ	min	max	μ	min	max	μ	min	max
Интернет-издания	3,49	2,4	4,3	3,56	2,8	4,6	2,76	1,8	4,2	4,33	1,8	5,0	3,27	2,6	4,1
Печатные издания	3,71	3,0	4,5	3,58	3,0	4,2	3,00	2,1	3,8	4,01	2,5	5,0	3,53	3,0	4,2
Электронные издания	3,60	2,5	4,4	3,60	2,8	4,0	2,65	2,3	2,9	3,95	3,0	4,8	3,60	3,0	4,0

Как видим, печатные издания выигрывают у своих конкурентов по уровню профессионализма и качеству аналитики. Прежде всего такая ситуация возможна в силу относительной сбалансированности показателей. Различия между минимальными и максимальными оценками для печатных изданий не являются столь значительными, как в группах интернет-изданий и электронных изданий.

Наиболее явными проблемными аспектами регионального информационного пространства представляются высокие показатели аффилированности изданий и относительно низкий уровень аналитики, которую производят СМИ. Следствием этого становится деформация информационной функции региональных изданий и снижающийся уровень поддержки медиасообщества различными, прежде всего интеллектуальными слоями населения.

В сложившихся условиях информационный контент региональных изданий крайне дифференцирован и фрагментирован. Базовым фактором его структурирования выступают политико-экономические интересы владельцев и спонсоров издания, в связи с чем отражение в СМИ находят лишь отдельные сюжеты и моменты, что исключает возможность аудитории воспроизводить общую картину действительности, позволяя изданиям замалчивать или только в определенном ракурсе освещать значимые для общества проблемы. Серьезной проблемой для современных изданий представляется дефицит обратной связи, что легко объясняется и форматом самих изданий, и ограниченными возможностями гражданского общества, которое не в полной мере ориентировано на артикуляцию в средствах массовой информации собственных проблем и интересов. Выстраивание этих коммуникаций началось, но до настоящего времени качество таких практик остается крайне низким, реализуются они главным образом в блогосфере и площадке социальных сетей.

Сдерживающим развитием СМИ фактором также называются личностные барьеры людей во власти, которые, не понимая важности информационных ресурсов и их роли в системе общественных коммуникаций, не ориентированы на выстраивание рабочих конструктивных взаимодействий с «четвертой властью», считая журналистов «назойливой помехой в работе». Наряду с этим негативно на развитии региональной медиainдустрии сказываются снижение уровня профессионализма журналистов, отсутствие отлаженной системы господдержки изданий, законодательные пробелы.

С учетом общих трендов развития информационного пространства региона в рамках настоящего исследования среди прочего проводился анализ освещения международных и межконфессиональных отношений, а также отношений со странами ближнего зарубежья в информационных агентствах Саратовской области.

Эмпирическую базу данного анализа составили материалы трех ведущих информационных агентств Саратовской области («Взгляд-инфо», «Регион 64», «Версия Саратов»), опубликованные в период с 1 января по 31 мая текущего, 2018 года. Выбор указанных источников был неслучаен. По данным федеральной информационно-аналитической системы «Медиалогия», «Liveinternet», «Яндекс.Метрика», ИА «Взгляд-инфо» в течение нескольких лет является бессменным лидером среди средств массовой информации региона, а «Регион 64» и «Версия Саратов» в среднем входят в пятерку ведущих региональных интернет-изданий. Кроме того, все три ресурса отличаются собственной редакционной политикой: с определенной долей условности можно сказать, что ИА «Регион 64» отражает позицию региональной власти (учредитель — Министерство информации и печати Саратовской области), ИА «Взгляд-инфо» и ИА «Версия Саратов» можно отнести к нейтральным массмедиа.

Отбор интересующих нас материалов осуществлялся через поисковые формы сайтов этих агентств с использованием ключевых слов (в частности, таких, как «международный», «межконфессиональный», «ближнее зарубежье», «Казахстан» и др.) и их производных. Затем результаты поиска сортировались по хронологии, после чего анализировалось содержание только тех из них, что были опубликованы с января по май (включительно) 2018 г. Всего таким образом было найдено и исследовано 190 информационных сообщений. При этом для анализа нами были использованы основы функциональной теории исследования медиатекстов, предложенной В. Бенойтом [Казаков и др. 2014: 80—86; Kazakov, Benoit 2015: 117—138].

Начнем с результатов анализа частоты упоминания представителей отдельных национальностей в материалах информационных агентств. Как видно из данных, приведенных на диаграмме (см. рис. 1), практически в половине из всех посвященных международным отношениям публикаций какие-либо конкретные национальности вообще не упоминались — то есть шла речь о событиях, мероприятиях, встречах и т. д. без привязки к отдельным национальным меньшин-

ствам. (Необходимо отметить, что при проведении анализа в подавляющем большинстве случаев конфессии если и упоминались, то в контексте межнациональных отношений, поэтому здесь и в дальнейшем они будут рассматриваться параллельно.)

Весьма неожиданным оказалось то, что в тех случаях, когда национальности все же упоминались, чаще всего (в 31 % всех сообщений на тему межнациональных отношений) говорилось о евреях, а точнее о мероприятиях, организованных и проведенных еврейским общинным центром «Бейт Шимшон». По одному разу упоминались также казахи, цыгане, чеченцы, адыги, поляки и курды.

Гистограмма (рис. 2) дает нам основания предпологать, что, скорее всего, у ИА «Взгляд-инфо» и ИА «Версия Саратов» имелись какие-либо договоренности на освещение деятельности «Бейт Шимшона» в рамках выигранного им гранта Президента Российской Федерации. Иных причин столь большой разницы в объемах внимания, уделяемого ими этой национальности и всем другим, мы не видим. Косвенно в пользу этой версии говорит и тот факт, что «Регион 64», напротив, не посвятил этой теме ни одного материала.

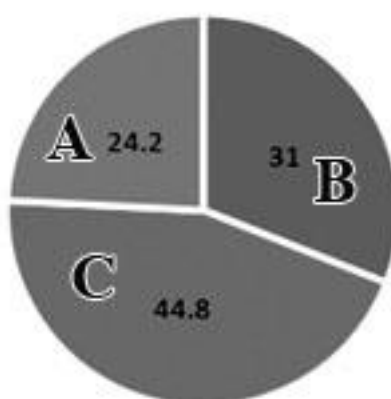

Рис. 1. Степень представленности национальностей в материалах информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)
 А — без конкретики, в целом остальные (казахи, цыгане, чеченцы, адыги, поляки, курды); В — евреи; С — без конкретики, в целом остальные (казахи, цыгане, чеченцы, адыги, поляки, курды)

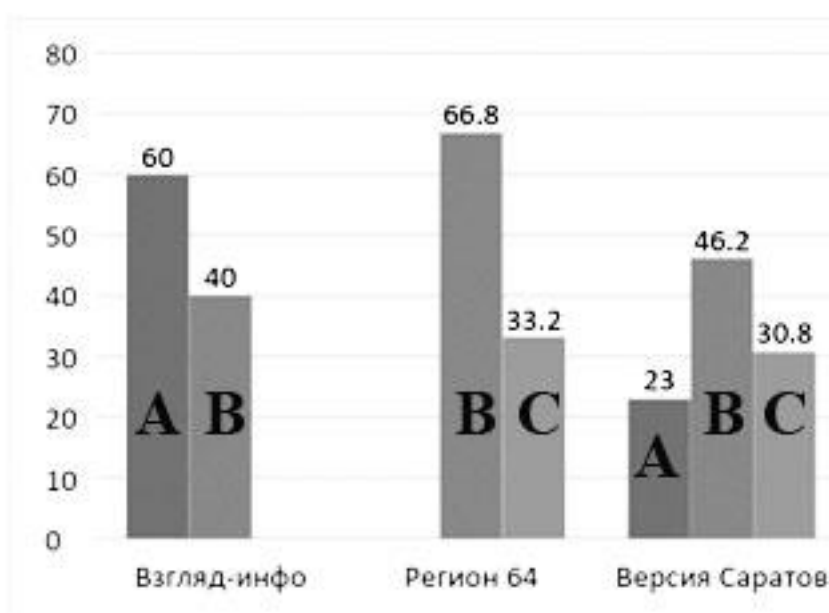

Рис. 2. Степень представленности национальностей в материалах информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)
 А — евреи; В, С — без конкретики, в целом остальные (казахи, цыгане, чеченцы, адыги, поляки, курды)

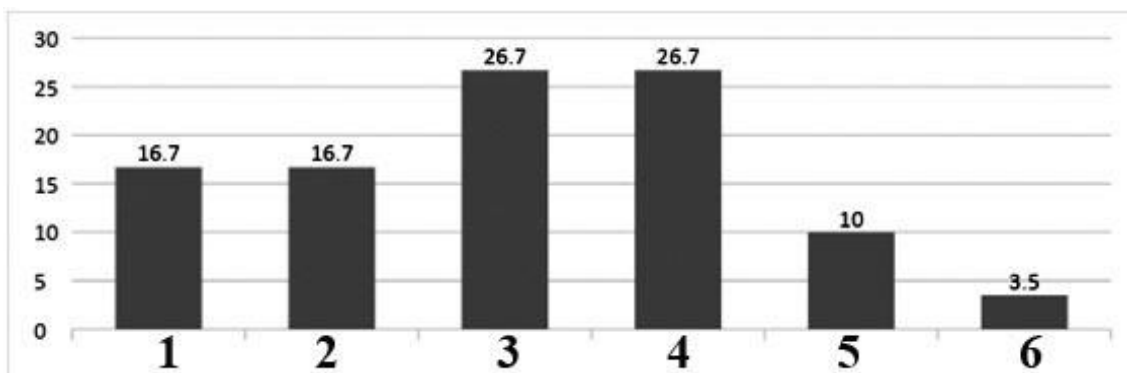

Рис. 3. Степень представленности тематических блоков в материалах информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)

Столбцы: 1 — семья; 2 — искусство, культура, история; 3 — политика; 4 — криминал, экстремизм, конфликты; 5 — межнациональное согласие; 6 — спорт

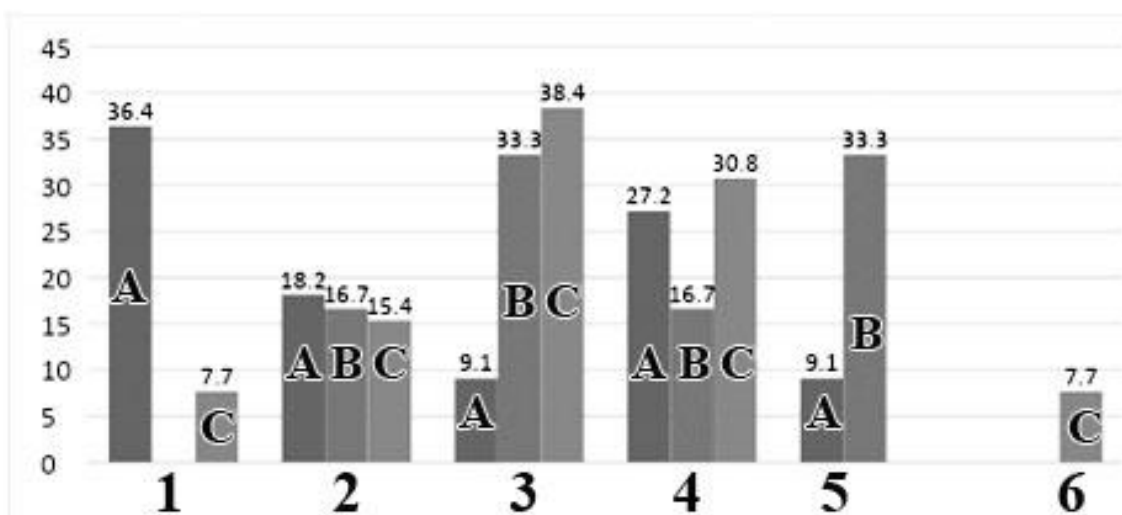

Рис. 4. Степень представленности тематических блоков в материалах информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)

Столбцы: 1 — семья; 2 — искусство, культура, история; 3 — политика; 4 — криминал, экстремизм, конфликты; 5 — межнациональное согласие; 6 — спорт. А — «Взгляд-инфо»; В — «Регион 64»; С — «Версия Саратов»

Отдельно мы проанализировали то, в каких контекстах затрагивались межнациональные и межконфессиональные отношения. Как видим, чаще всего это сфера политики (посвященные этому заседания органов власти, встречи или заявления официальных лиц и т. д.) или же сообщения о правонарушениях или конфликтах на межнациональной или конфессиональной почве. Кроме этого, периодически данная проблематика затрагивалась в контексте семейных ценностей, сферы искусства, культуры, истории или спорта. В отдельный блок мы вынесли также публикации, основной темой которых было межнациональное согласие в Саратовской области.

Показательно, что среди трех информационных агентств вопросы межнационально-

го и межконфессионального согласия имели наибольший удельный вес в материалах ИА «Регион 64». Считаем это вполне логичным и закономерным: проправительственный ресурс должен делать акцент именно на этом, а не на менее «приятных» для действующей власти темах. Зато более оппозиционное издание — «Версия Саратов» — напротив, гораздо чаще писало про «политику» и «криминал», а вопросы межнационального согласия практически не затрагивало.

Аналогичная тенденция прослеживается и в тональности рассмотренных публикаций по отношению к действиям областной власти. Естественно, определение того, насколько позитивен или негативен тон конкретной заметки, всегда достаточно субъек-

тивно: один человек может посчитать материал в целом позитивным, другой — нейтральным, а третий — и вовсе негативным. Однако в целом, даже с учетом возможных погрешностей, общая картина представляется нам весьма показательной (рис. 5).

Видимо, опасаясь давать какие-либо категоричные оценки по этой очень чувствительной теме, журналисты предпочитают высказываться о действиях властей или вообще о происходящем в этой сфере позитивно или нейтрально. Лишь «Версия Саратов» иногда позволяет себе высказывать отдельные критические замечания. Процент же «положительных» заметок закономерно оказался самым высоким у ИА «Регион 64».

Наконец, о том, как информационные агентства освещают отношения Саратовской области со странами ближнего зарубежья. Сразу же отметим, что в 99 % случаев речь в данном контексте идет о Республике Казахстан. Число упоминаний других постсоветских республик настолько мало, что мы решили не анализировать их отдельно.

Начнем с того, что на первый взгляд может показаться достаточно странным: чаще всего к этой теме обращается не проправительственный «Регион 64» (ведь, казалось бы, кто, как не областная власть, должна быть заинтересована в выстраивании и соответственно медийном освещении взаимовыгодных отношений с соседней республикой), а «независимая» «Версия Саратов».

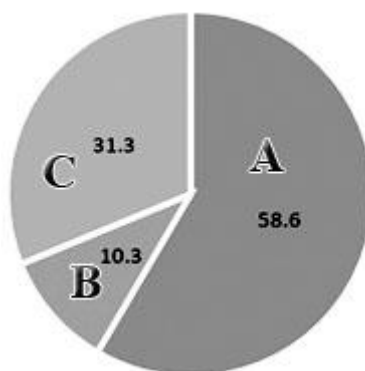

Рис. 5. Тональность публикаций информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)
А — позитивный; В — негативный; С — нейтральный

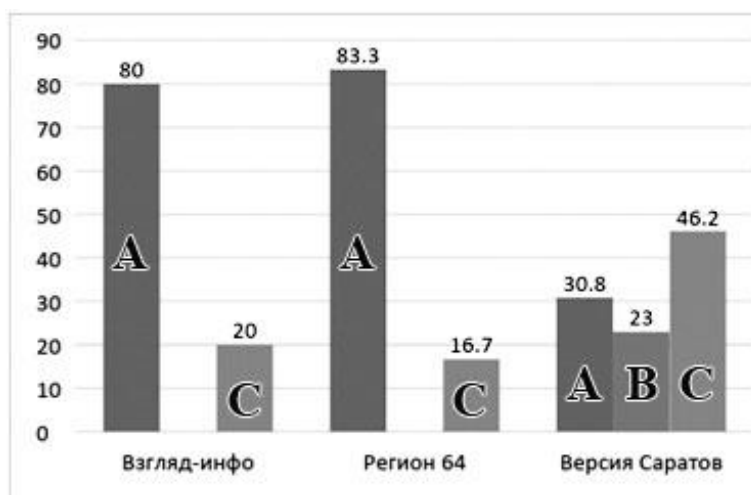

Рис. 6. Тональность публикаций информационных агентств (процент от общего количества публикаций по проблемам межнациональных отношений)
А — позитивный; В — негативный; С — нейтральный

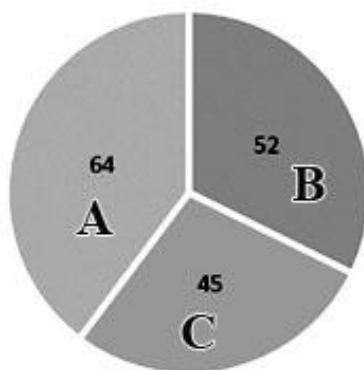

Рис. 7. Общее количество публикаций с упоминанием Казахстана в материалах информационных агентств (шт.)
 А — «Версия Саратов»; В — «Взгляд-инфо»; С — «Регион 64»

Рис. 8. Тематическая направленность публикаций информационных агентств в отношении Казахстана (процент от общего количества материалов)
 Категории: 1 — прочее; 2 — политика; 3 — образование, наука; 4 — культура; 5 — граница (погода, дорога, транспорт); 6 — экономика; 7 — спорт; 8 — граница, криминал.

Треть всех посвященных этому публикаций ИА «Версия Саратов» затрагивает вопросы, связанные с границей. Причем чаще всего речь в них идет о неудовлетворительном состоянии дорожного полотна (на территории Саратовской области), неблагоприятных погодных условиях, дорожно-транспортных происшествиях и тому подобным не самым приятным вещам.

Еще четверть — о «криминальной» составляющей жизни областного участка российско-казахской границы (постоянных задержаниях на таможне в Озинках запрещен-

ной продукции, нелегальных мигрантах и т. д.). Нужно отметить, что удельный вес данного блока в двух других ресурсах еще больше, чем в «Версии Саратов», однако особого противоречия мы в этом не видим. Во-первых, получить эту информацию достаточно легко: для этого не нужно посылать в Озинки своего корреспондента, достаточно прочитать пресс-релиз Саратовской таможни или правоохранительных органов. А во-вторых, сам факт сообщения о многочисленных правонарушениях, имеющих место на границе, легко можно преподнести как

показатель эффективности деятельности соответствующих служб, которые эти факты выявляют и предотвращают.

Если же говорить об общей — «усредненной» — повестке дня в целом, то здесь обращает на себя внимание тот факт, что более половины всех сообщений так или иначе касается границы, точнее возникающих в связи с этим проблем. Сугубо же гуманитарные аспекты (образование, культура, спорт) и политико-экономические связи на этом фоне заметно теряются.

Таковы основные особенности освещения информационными агентствами международных и межконфессиональных отношений в Саратовской области, а также отношений региона с Казахстаном. Налицо определенная зависимость между содержанием атрибутивной повестки дня [подробнее об этом см.: Казаков 2012: 138—143; Weaver 2007: 142—147; Weaver et al. 2004: 257—282] конкретного ресурса и его отношением к действующей власти: чем более лояльно правительству отдельное массмедиа, тем реже оно обращает внимание на какие-либо «проблемные зоны», и наоборот.

Еще одна закономерность усматривается в том, что и в отношении международных отношений в целом, и применительно к Казахстану наблюдается определенный акцент на темах, которые могут быть отнесены к разряду «проблемных». Представляется, что в плане формирования позитивного внешнего имиджа и Саратовской области, и соседней республики целесообразнее было бы уделять больше внимания таким сферам,

как культура, образование, наука и спорт.

Следует отметить, что мероприятия, проводимые в рамках международного сотрудничества на уровне субъектов Федерации, направлены на определенные целевые группы, затрагивают интересы определенной территории (главным образом, приграничного района) и редко охватывают большую часть населения региона в целом. В таком случае полагаем, что должно быть эффективно налажено информирование населения через региональные и муниципальные средства массовой информации и официальные интернет-ресурсы о прошедших мероприятиях и достигнутых соглашениях.

Безусловно, в силу объективных и субъективных причин не все мероприятия могут заинтересовать региональные СМИ. В этой ситуации основными информационными ресурсами могут выступать муниципальные и правительственные издания. При этом стоит отметить, что степень информирования населения приграничных районов через преимущественное использование площадок муниципальных СМИ и правительственных изданий будет находиться на достаточно высоком уровне. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты ранее проведенных нами фокус-групповых исследований, которые показывают, что основным источником информации в районах выступают телеканалы, муниципальные газеты и официальный сайт местной администрации.

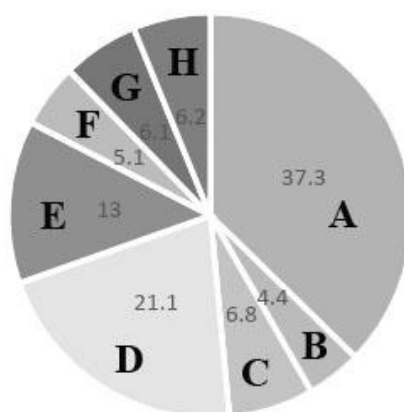

Рис. 9. Тематическая направленность публикаций информационных агентств в отношении Республики Казахстан (процент от общего количества материалов)

A — граница, криминал; B — спорт; C — экономика; D — граница (погода, дорога, транспорт); E — культура; F — образование, наука; G — политика; H — прочее

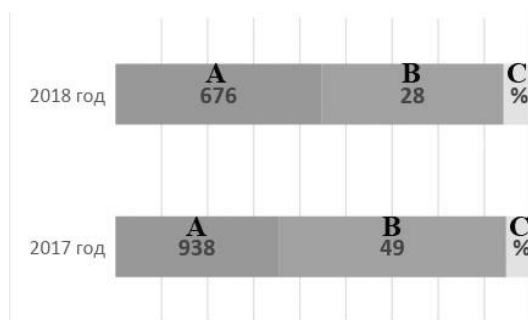

Рис. 10. Материалы по вопросам международного сотрудничества, межнационального и межконфессионального диалога на официальных сайтах приграничных муниципальных районов (абсолютное число и процент от общего количества)

А — всего публикаций; В — тематические публикации; С — доля тематических публикаций

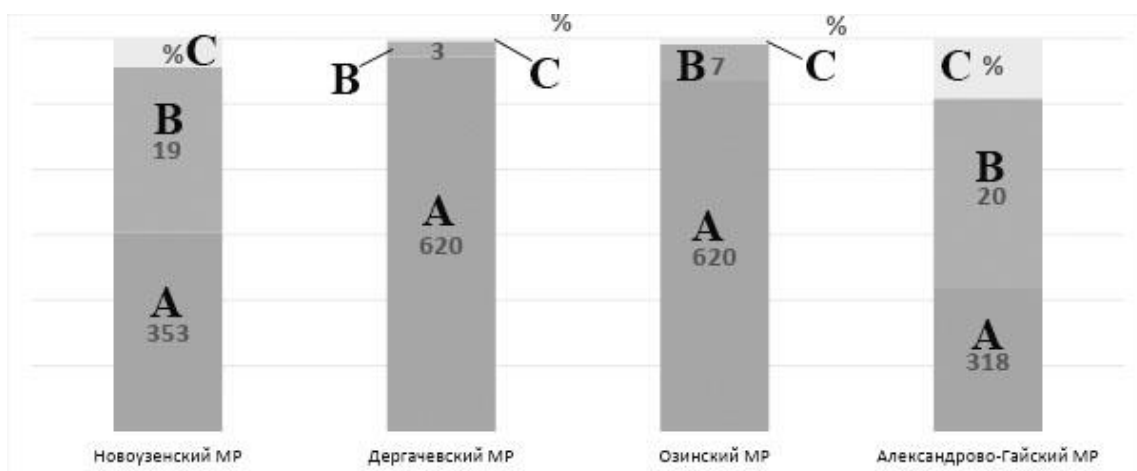

Рис. 11. Материалы по вопросам международного сотрудничества, межнационального и межконфессионального диалога, размещенные на официальных сайтах приграничных муниципальных районов в 2017 г. (абсолютное число и процент от общего количества)

А — всего публикаций; В — тематические публикации; С — доля тематических публикаций

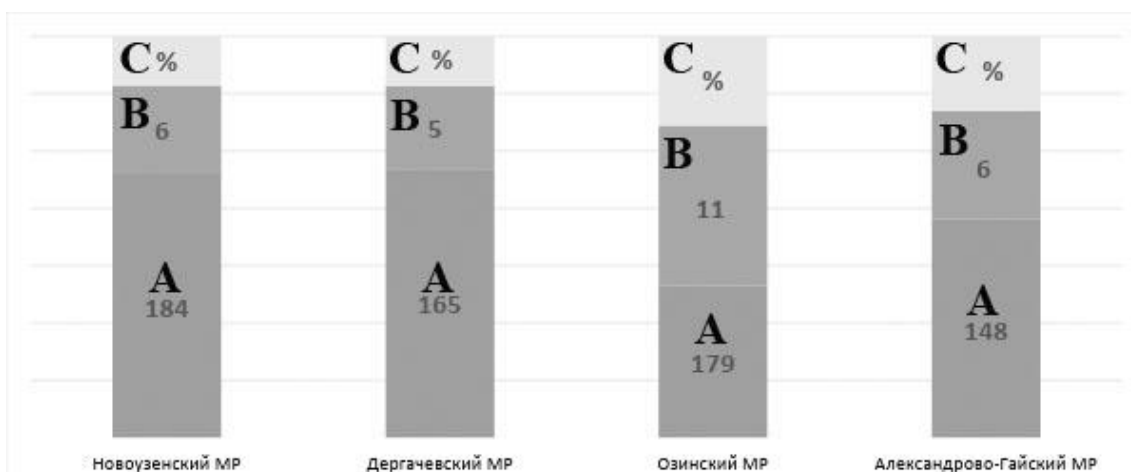

Рис. 12. Материалы по вопросам международного сотрудничества, межнационального и межконфессионального диалога, размещенные на официальных сайтах приграничных муниципальных района в 2018 г. (абсолютное число и процент от общего количества)

А — всего публикаций; В — тематические публикации; С — доля тематических публикаций

В связи с вышеотмеченным, в рамках данного исследования мы также провели анализ официального информационного контента телевизионных сюжетов ГТРК «Са-

ратов» (телеканалы «Россия 1» и «Россия 24»), материалов «Саратовской областной газеты. Регион 64», официальных сайтов администраций приграничных районов Са-

ратовской области (Александрово-Гайского, Дергачевского, Новоузенского и Озинского). Анализировались материалы о международном сотрудничестве муниципальных районов и региона, их тональность и содержание, вышедшие в эфир/опубликованные в период с января 2017 по апрель 2018 г. (ГТРК «Саратов» является филиалом Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) и в ежедневном режиме освещает главные новости города и региона на каналах «Россия 1», «Россия 24» и на радио «Радио России». Зона покрытия ГТРК «Саратов» на территории области в аналоговом режиме составляет 100 %, имеется кабельное и цифровое вещание. Официальный ресурс правительства области — «Саратовская областная газета. Регион 64» выходит 4 раза в неделю, недельный тираж составляет 24 500 экземпляров. На официальных интернет-лентах администраций приграничных районов в день в среднем размещается 3—5 новостей. Количество посетителей — 14—16 тыс. пользователей, просмотров — 48—56 тыс.)

На официальных сайтах муниципальных районов в отчетный период было размещено 77 материалов, посвященных вопросам международного сотрудничества, межнационального и межконфессионального диалога (49 материалов было опубликовано в 2017 г., 28 — с января по апрель 2018 г.), что составляет всего 4,8 % от общего числа публикаций на новостных лентах.

Если в разрезе календарных периодов доля интересующих нас публикаций в общем массиве информационных сообщений примерно соответствует данному среднему значению, то в разрезе анализируемых муниципальных районов наблюдается весьма существенный разрыв, причем как при сравнении их друг с другом, так и при сопоставлении одного муниципального контента в разные промежутки времени.

Большинство статей по национальной и конфессиональной тематике, размещенные на официальных сайтах приграничных муниципальных районов, посвящены планируемым или прошедшим культурно-массовым мероприятиям — организации и проведению государственных праздников с участием различных национальных диаспор (например, в рамках Дня народного единства), также национальных праздников (например, Наурыз). В меньшей степени (одна-две публикации в год) они касаются рабочих совещаний и иных мероприятий по межнациональной/межконфессиональной проблематике (например, строительство мечетей). Не думаем, что в районах данные мероприятия

так редко проводятся. Возможно, это связано с тем, что рассмотрение данных вопросов в основном носит рабочий характер и не предполагает официального информирования.

Большинство рассмотренных нами публикаций по международной тематике касаются визитов казахских/российских официальных делегаций в приграничные районы, участия в образовательных и культурно-массовых мероприятиях. Среди познавательных и праздничных событий, получающих достаточно широкое освещение на лентах новостей не только официальных сайтов, но и региональных СМИ, а также социальных сетей, можно выделить Фестиваль тюльпанов в Новоузенском районе, Фестиваль мраморного мяса в Александрово-Гайском районе, а также традиционный национальный праздник Наурыз (Навруз).

Информационные агентства активно освещали также межнациональную компоненту (к примеру, работу национальных двориков) и планируемое участие в подобных мероприятиях делегаций из Казахстана. Освещение данных мероприятий сопровождалось комментарийным фоном, а также фоторепортажами. Остальные события, как правило, подавались в достаточно малоинформативном формате: преимущественно констатировался факт проведенного мероприятия, сообщение ограничивалось (но не всегда) субъектным составом участников.

При проведении анализа складывалось впечатление, что международное сотрудничество в приграничных районах носит достаточно обыденный, буднично-характер, о чем косвенно свидетельствует подача материала. Сами публикации не выделяются из ленты новостей. Безусловно, это обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. В то же время полагаем, что проведение международных соревнований даже на уровне местных образовательных учреждений, совместные совещания руководителей приграничных районов России и Казахстана, визиты официальных делегаций имеют куда больший потенциал информативности.

«Саратовская областная газета. Регион 64» достаточно часто касалась вопросов межнационального, межконфессионального характера, а также международного сотрудничества Саратовской области. Практически в каждом выпуске газеты содержатся статьи, посвященные межнациональным отношениям. Тональность публикаций во всех статьях остается положительной. Содержание статей связано в основном с общественно-культурной сферой (проведение националь-

ных праздников и пр.), отдельные национальности упоминаются крайне редко (исключение, например, представляют собой национальные праздники, в частности, Наурыз, Сабантуй), преимущественно речь идет о мероприятиях без привязки к конкретным национальностям. В целом можно отметить, что авторы статей (напрямую или между строк) напоминают читателям о том, что мы живем в многонациональной стране, а Саратовская область — территория межнационального мира и согласия, где все народы живут дружно уже много лет.

Статьи о международном сотрудничестве Саратовской области также достаточно часто присутствуют на страницах газеты. В частности, из 60 выпусков газеты с января по апрель 2018 г. практически в половине (в 26) встречались публикации о международных отношениях региона. Большинство рассмотренных публикаций посвящены развитию экономических отношений Саратовской области (более 90 %): участию официальных саратовских делегаций в международных экономических выставках и форумах, организации и работе Первого саратовского экономического форума, визитам международных делегаций, а также экспортным соглашениям региона с другими странами. В существенно меньшей степени публикации посвящены международному сотрудничеству в образовательных, культурных и общественных областях. Что же касается субъектного состава, то большинство публикаций посвящены развитию экономического сотрудничества Саратовской области со странами дальнего зарубежья, например, с ФРГ, КНР, Южной Кореей и Ираном. Информация о сотрудничестве с постсоветскими республиками встречается реже и касается преимущественно Казахстана и Армении. В то же время, если международные отношения со странами дальнего зарубежья в основном строятся вокруг экономических интересов, то Казахстан и Армения, согласно проанализированным статьям, налаживают с нашим регионом еще и культурно-образовательные связи.

В информационных выпусках ГТРК «Саратов» материалы о межнациональных, межконфессиональных отношениях, международном сотрудничестве представлены преимущественно официальной хроникой. Сюжеты в целом информативны, носят нейтральный характер. Проведенный анализ показывает, что большинство сюжетов по межнациональной, межконфессиональной сфере посвящены культурно-массовым мероприятиям, проведению официальных мероприятий и совещаний. При освещении темы международного сотрудничества Сара-

товской области превалирует экономическая составляющая: организация и работа Первого саратовского экономического форума, визиты международных делегаций, экспортные соглашения региона с другими странами, в основном с Южной Кореей и Ираном.

Таким образом, можно отметить, что информация о международном сотрудничестве с постсоветскими республиками, взаимодействии приграничных районов России и Казахстана на рассмотренных нами информационных площадках присутствует в малом объеме. В то же время, согласно анализу, данное сотрудничество в основном касается культурно-образовательных отношений и редко затрагивает иные сферы.

Таким образом, можно констатировать следующее. В настоящее время в регионах и на муниципальном уровне недостаточно внимания уделяется «внешнеполитическим» аспектам деятельности средств массовой информации, что, безусловно, диктует необходимость организации и проведения дополнительных мероприятий, направленных на оживление экспертной и профессиональной дискуссии в этом отношении, расширения соответствующей информационной повестки и дискурса.

Ресурсный потенциал медиапространства региона позволяет рассматривать действующих в его границах субъектов в качестве инструментов для обеспечения интересов и укрепления региона в частности и государства в целом на внешней арене. Для целенаправленного движения в данном направлении представляется необходимым создать на региональном и местном уровнях условия для повышения квалификации и переподготовки журналистского сообщества, необходимую инфраструктуру данной деятельности, включая систему грантовой поддержки и мотивации изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боришполец К. П. Ресурсы публичной дипломатии союзного государства России и Беларуси // Вестн. МГИМО ун-та. 2017. № 3 (54). С. 224—237.
2. Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. — Саратов : Саратовский источник, 2011.
3. Вилков А. А. Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 184—188.
4. Го Ю. Роль СМИ в общественной дипломатии Китая // Век информации. 2014. № 4 (S1). С. 69—100.
5. Данилов М. В., Попонов Д. В. Масс-медиа в политическом пространстве. Опыт экспертного составления рейтинга региональных СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4 С. 443—447.
6. Казаков А. А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 138—143.

7. Казаков А. А., Савинов А. В., Шестов Б. Н. Функциональная теория анализа текстов масс-медиа В. Бенюта: возможности и ограничения (на примере статей «Российской газеты» о президентских выборах 2012 г.) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 3. С. 80—86.

8. Колеватова Т. С. Современные средства информации в публичной дипломатии России // Власть. 2016. № 1. С. 51—56.

9. Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 43. С. 45—56.

10. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104—113.

11. Пархитко Н. П., Таран И. А. Освещение газетой «Вельт» («Die Welt») миграционных процессов ФРГ (период большой предвыборной кампании — 2017) // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 82—86.

12. Проект MS-INDEX. Измерение состояния и динамики институционального развития средств массовой информации

в субъектах верхнего уровня РФ (измерение медиасферы) 2015—2017 гг. [Электронный ресурс] : аналитический отчет / ЦИРКОН. 2017. URL: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2017/12/MS-index_2015-2017_Otchet-o-sostoyanii-institucionalnogo-razvitiya-SMI-v-subektah-RF.pdf. (дата обращения: 30.05.2018).

13. Сардановская О. С. СМИ Крыма как акторы публичной дипломатии // Религия и политика в постсекулярном обществе : материалы XXXI Харакского форума и XIII междунар. семинара / под ред. Т. А. Сеньюшкиной, А. В. Баранова. 2017. С. 172—181.

14. Kazakov A., Benoit W. News Coverage of the 2012 Russian Presidential Election (Exemplified by “Rossiiskaya Gazeta”) // World of Media: Journal of Russian Media and Journalism Studies. — Moscow, 2015. P. 117—138.

15. Weaver D. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journ. of Communication. 2007. Vol. 57. № 2. P. 142—147.

16. Weaver D., McCombs M., Shaw D. Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // Handbook of Political Communication Research / L. L. Kaid (ed.). — Mahwah, New Jersey, 2004. P. 257—282.

A. A. Vilkov, D. V. Poponov, M. S. Kozlova, A. A. Kazakov, A. S. Burdanova
Saratov, Russia

REGIONAL MASS MEDIA RESOURCE POTENTIAL IN THE FIELD OF PUBLIC DIPLOMACY (EXEMPLIFIED BY SARATOV REGION)

ABSTRACT. Results of the analysis of leading Saratov region mass media stories covering interethnic and inter-faith relations as well as the region and its interaction with the bordering country Republic of Kazakhstan are presented in the article. The abovementioned issues are analyzed within the context of public diplomacy discourse — the role of mass media in shaping favorable external image of Russia among the people of near-abroad countries is shown. Content-analysis and elements of W. Benoit’s functional theory of media texts analysis constituted methodological ground of the research. The authors came to the conclusion that nowadays, in Saratov region, a so-called “foreign” area of focus of mass media is rather underdeveloped that necessitates efforts to organize and conduct special events aiming at promotion and development of expert discussion of the issues and widening relevant media agenda and discourse. Regional media resource potential allows us to consider media institutions as instruments to promote interests and reinforce positions of both Saratov region and Russia abroad. In order to achieve this goal, it seems necessary to provide a background for further training and upgrading qualifications of local and regional journalists, to create infrastructure pertinent to this, including the system of grant support and motivation of mass media.

KEYWORDS: public diplomacy; mass media; media; regional mass media; mass media language; media linguistics; media discourse media texts; political discourse; resource potential.

ABOUT THE AUTHORS: Vilkov Alexander Alekseevich, Doctor of Political Science, Professor, Chair of Political Science Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov Russia.

Poponov Denis Vyacheslavovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Political Science Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov Russia.

Kozlova Margarita Sergeevna, Candidate of Social Science, Chair of Social Science Branch, Center of Regional Political Research, Saratov Russia.

Kazakov Alexander Alexandrovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Political Science Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov Russia.

Burdanova Anna Sergeevna, Candidate of Law, Associate Professor, Constitutional and Municipal Law Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov Russia.

REFERENCES

1. Borishpolets K. P. Resursy publichnoy diplomatii soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi // Vestn. MGIMO un-ta. 2017. № 3 (54). S. 224—237.

2. Vilkov A. A., Nekrasov S. F., Rossoshanskiy A. V. Politicheskaya funktsional'nost' sovremennykh rossiyskikh SMI / pod red. A. A. Vilkova. — Saratov : Saratovskiy istochnik, 2011.

3. Vilkov A. A. Problematika obshchestvennoy diplomatii v politicheskom i nauchnom diskurse sovremennoy Rossii // Izv. Saratov. un-ta. Novaya ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya. 2018. Т. 18. № 2. S. 184—188.

4. Go Yu. Rol' SMI v obshchestvennoy diplomatii Kitaya // Vek informatsii. 2014. № 4 (S1). S. 69—100.

5. Danilov M. V., Poponov D. V. Mass-media v politicheskom prostranstve. Opyt ekspertnogo sostavleniya reytinga regional'nykh SMI // Izv. Saratov. un-ta. Novaya ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya. 2016. Т. 16. Vyp. 4 S. 443—447.

6. Kazakov A. A. Teoretiko-metodologicheskii potentsial kategorii «mediynaya povestka dnya»: vozmozhnosti i ogranicheniya

// Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 1. S. 138—143.

7. Kazakov A. A., Savinov A. V., Shestov B. N. Funktsional'naya teoriya analiza tekстов mass-media V. Benoyta: vozmozhnosti i ogranicheniya (na primere statey «Rossiyskoy gazety» o prezident'skikh vyborah 2012 g.) // Izv. Saratov. un-ta. Novaya ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya. 2014. Т. 14. № 3. S. 80—86.

8. Kolevatova T. S. Sovremennye sredstva informatsii v publichnoy diplomatii Rossii // Vlast'. 2016. № 1. S. 51—56.

9. Lebedeva M. M. Publichnaya diplomatiya v uregulirovani konfliktov // Mezhdunarodnye protsessy. 2015. Т. 13. № 43. S. 45—56.

10. Marchukov A. N. «Publichnaya diplomatiya 2.0» kak instrument vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 4. S. 104—113.

11. Parkhi'tko N. P., Taran I. A. Osveshchenie gazetoy «Vel't» («Die Welt») migratsionnykh protsessov FRG (period bol'shoy predvybornoy kampanii — 2017) // Politicheskaya lingvistika.

2018. № 2. С. 82—86.

12. Proekt MS-INDEX. Izmerenie sostoyaniya i dinamiki institutsional'nogo razvitiya sredstv massovoy informatsii v sub"ektakh verkhnego urovnya RF (izmerenie mediasfery) 2015—2017 gg. [Elektronnyy resurs] : analiticheskiy otchet / TsIRKON. 2017. URL: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2017/12/MS-index_2015-2017_Otchet-o-sostoyanii-institutsionalnogo-razvitiya-SMI-v-subektah-RF.pdf. (data obrashcheniya: 30.05.2018).

13. Sardanovskaya O. S. SMI Kryma kak aktory publichnoy diplomatii // *Religiya i politika v postsekulyarnom obshchestve : materialy XXKhI Kharakskogo foruma i XIII mezhdunar. seminara* / pod red. T. A. Senyushkinoy, A. V. Baranova. 2017.

S. 172—181.

14. Kazakov A., Benoit W. News Coverage of the 2012 Russian Presidential Election (Exemplified by “Rossiiskaya Gazeta”) // *World of Media: Journal of Russian Media and Journalism Studies*. — Moscow, 2015. P. 117—138.

15. Weaver D. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // *Journ. of Communication*. 2007. Vol. 57. № 2. P. 142—147.

16. Weaver D., McCombs M., Shaw D. Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // *Handbook of Political Communication Research* / L. L. Kaid (ed.). — Mahwah, New Jersey, 2004. P. 257—282.

В. П. Джиоева
Владикавказ, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

АННОТАЦИЯ. В данной статье исследуется метафорическая картина политической действительности в Республике Южная Осетия (РЮО) на примере выступлений А. И. Бибилова — спикера парламента (с мая 2015 г. по апрель 2017 г.), президента РЮО с 2017 г. Представляется значимым описать метафорический образ республики, вербализуемый ведущими политическими деятелями РЮО, в частности А. И. Бибиловым, в жанрах интервью и пресс-конференции. В данном исследовании мы остановились на рассмотрении когнитивной метафоры. Доминантной метафорической моделью, используемой в речи спикера парламента РЮО, является милитарная метафора. Семейная метафора, метафора строительства/конструирования реализуют интенцию политического лидера страны к объединению своего народа в одно целое, к строительству «общего дома» для всех граждан. Метафора движения символизирует в политическом дискурсе А. И. Бибилова поступательное движение в сторону развития, процветания, единства осетинского народа в составе РФ. Посредством использования других метафорических моделей А. И. Бибилов создает образ политической реальности в своей стране. Политическая ситуация в Южной Осетии рисуется в политическом дискурсе президента как поле битвы, цирковая арена, живое существо, наделенное разными качествами и облеченное различно рода властью (брат, сосед, бухгалтер, полицай).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: милитарные метафоры; метафорические модели; метафорические образы; метафорическое моделирование; политический дискурс; политическая метафорология; концепты; политическая борьба; гастрономические метафоры; биологические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Джиоева Варвилена Павловна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46; e-mail: jio.varvilina@mail.ru.

Политический дискурс является сложным объектом исследования, находящимся на пересечении разных дисциплин — политологии, социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях [Демьянков 2001: 118].

Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Как пишет А. П. Чудинов, человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и «мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [Чудинов 2001: 7].

Методологической базой данного исследования являются труды ученых, которые занимались и занимаются изучением метафоры [Баранов, Караулов 1991, 1994; Никитин 1979; Чудинов 2001, 2006; Кубрякова 1994, 1999а, 1999б; Lakoff, Johnson 1980; Арутюнова 1990; Кобозева 2001а, 2001б; Телия 1988 и др.].

В данной статье мы рассматриваем метафоры в выступлениях А. И. Бибилова — спикера парламента (с мая 2015 по апрель 2017 г.), президента Республики Южная Осетия с 2017 г., передающие идеологическое содержание дискурса данного политического лидера. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что ранее юго-осетинский политический дискурс как отдельный объект исследования не рассматривался. В настоящее время изучением особенностей политической коммуникации в

РЮО занимается группа ученых, в которую входят И. Д. Бекоева, В. П. Джиоева, Т. Ю. Тамерьян [Бекоева, Джиоева, Тамерьян 2015а, 2015б; Джиоева 2016; Бекоева, Тамерьян 2016; Джиоева, Тамерьян 2017].

На настоящем этапе исследования необходимо представить метафорический образ республики, вербализуемый ведущими политическими деятелями РЮО, в частности А. И. Бибиловым, в жанрах интервью и пресс-конференции. Профессиональная деятельность служит значимым фактором в формировании языковой личности человека. А. И. Бибилов, будучи кадровым военным, проецирует свой военный опыт, полученный во время службы как в рядах Вооруженных сил РФ, так и в родной республике, на политическую ситуацию в РЮО для построения метафорической картины данной ситуации. Считаем возможным предположить, что именно в силу действия указанных факторов доминантной метафорической моделью, используемой в речи спикера парламента РЮО, является милитарная метафора.

Частотность использования военной метафоры зависит от характера дискурса, в котором осуществляется речевая деятельность. Если в институциональном дискурсе политические реалии представлены А. И. Бибиловым преимущественно военными метафорическими образами: **политические баталии, подвиги, боевые листки**, — то в полуинституциональном дискурсе (ответное письмо-обращение журналисту и писательнице Аланке Уртати) в речь спикера вкрапляются метафорические образы из других понятийных областей, например, «Физиологическая метафора»: **две части одного целого; созданное Богом суще-**

ство; недолго будет жить в расчленённом виде; уже скоро будет един и т. д.

Для демонстрации своей позиции по отношению к событиям тяжелых для его народа лет, когда грузинские власти под покровом ночи вошли в столицу Южной Осетии и отрезали ее от всего мира, убивая местное население и оскверняя святыни, политик прибегает к **милитарной** метафоре *прорывать блокаду*, вспоминая, сколько сил было потрачено Аланкой (Аланка Уртати — российская писательница и журналистка, член Союза писателей Москвы и России. В СМИ о ней пишут, что она взяла себе благородную задачу заново знакомить с Кавказом россиян, которые за время перестройки забыли его) тогда, чтобы помешать действиям, предпринятым грузинскими властями для изоляции Южной Осетии от всего мира путем пресечения всех ее внешних связей. Используя **метафору разрушения** *оставляя за собой пепелище*, оратор показывает, насколько значимым было для народа Южной Осетии и для него лично в те тяжелые дни ее присутствие и активное участие в борьбе за свободу народа. Политиков, способствующих развалу СССР, спикер ассоциирует с *монстрами, пустившими свои щупальца* в нашу общую Родину, используя метафорические модели, олицетворяющие **демонарий** (*монстры; щупальца*):

<...> которые достойно справлялись с непростой задачей прорыва информационной блокады и объективно освещали все общественно-политические события в жизни нашей Республики <...> Вы были с нами в то время, когда многие из тех, кто обязан был стоять на страже интересов народа, бежали позорно отсюда, оставляя за собой пепелище и полагая, вероятно, что Южная Осетия никогда не будет жить <...> Вы не побоялись оказаться в эпицентре всех событий, и хотя это затрагивало интересы геополитических монстров, пустивших свои щупальца в разваленную ими нашу большую Родину — Советский Союз... [Парламент РЮО http].

Политическая борьба в республике метафорически освещается спикером парламента как война. Метафорическая модель «блокада» представлена в двух ипостасях: 1) метафора войны; 2) аллюзия к блокаде Ленинграда во время Великой Отечественной войны. В условиях, когда самым актуальным для граждан республики является вопрос об интеграции РЮО в Россию, представители законодательной и исполнительной ветвей власти занимаются *перетягиванием одеяла на себя*, пытаясь извлечь максимальную выгоду для себя и заработать как

можно больше «дивидендов». Напряженность, существующая между ведущими политическими фигурами республики, вербально реализуется при помощи **милитарной** метафоры:

<...> Не пора ли нам оставить в прошлом политические баталии и взяться за дело?.. (газета «Единая Осетия». 2015. № 8 (24), октябрь 2015).

Определенные группы граждан с прогрузинским настроением *бьют из-за угла* и совершают *„подвиги“* (милитарная метафора с оппозитивной функцией; закавычивание формирует противоположное значение — «преступление») в угоду грузинским властям, и их «следы ведут» либо в Грузию, либо в США:

Мы, к великому сожалению, научились бить из-за угла [Парламент РЮО http].

За каждым из них тянется шлейф определенных „подвигов“, каждый из них завязан с теми людьми, следы которых ведут (криминальная метафора) или в Тбилиси, или в Вашингтон. Они отработывают свой заказ [Noguasamonga http].

Метафорой **войны копья**, направленные против спикера парламента, *сломались* выступающий отметил тщетность усилий, прилагаемых некоторыми недовольными товарищами с целью дискредитировать его в глазах народа, подорвать доверие людей к нему:

Каких-то острых дискуссий не было, поскольку те копья, направленные против спикера парламента, сломались, и какой-то дискуссии не было неконструктивной. Самое главное — жалко людей... [Эхо Кавказа http].

Спикер парламента соотносит военные действия со стороны грузинских властей в отношении югоосетинского народа с Великой Отечественной войной, употребляя **милитарную** метафору *отечественная война осетинского народа*:

Все эти события можно по праву назвать Отечественной войной осетинского народа [Парламент РЮО http].

В интервью корреспонденту «Власти» Лане Парастаевой президент подчеркивает, что при координированной работе всех ветвей власти проблемы будут решаться адекватно. **Милитарная** метафора *баталии* показывает обычную процедуру принятия решений:

<...> законодательные инициативы <...> должны рассматриваться не на сессии, где бывают и споры, и баталии, а для начала на уровне экспертов, которые организуют эту работу [Президент РЮО http].

Председатель парламента политическую терминологию объединяет с военной, пред-

ставляя политическую жизнь страны как поле битвы, употребляя **ландшафтную** метафору:

*Единственное, с чем они не хотят смиряться и ради достижения своей цели будут идти на всякие авантюры, напролом — это то, для чего их организовал, так это мое присутствие на **политическом поле** Республики [Noguasamonga].*

Бытовая метафора дом в речи президента РЮО показывает отношение политика к Северной Осетии как к неотъемлемой части его родины, Осетии:

*Северная Осетия — Алания — **мой дом**, моя Родина, и здесь я строю свое счастье! [Президент РЮО http].*

Используя метафору **родства** одна большая семья, президент отождествляет свой народ с народом России:

*И мы по праву можем гордиться, что являемся частью **одной большой семьи**... [Президент РЮО http].*

Президент употребляет **бытовую** метафору сосед, представляя Грузию как соседа по дому, для демонстрации своей позиции по отношению к ситуации в Грузии и отношений с ней:

*Но в любом случае это беспокоит, потому что любой **человек хочет** со своим **соседом жить** спокойно. Беспокоит в том плане, что Грузия не подписала меморандум о неприменении силы [Президент РЮО http].*

*И все заявления, которые делаются и со стороны Грузии, и США, не могут способствовать какой-то **стабильности, добрососедским отношениям** [Президент РЮО http].*

В продолжение темы об обстановке в республике, в частности, в экономическом секторе, президент использует метафору **движения** *входить* для того, чтобы подчеркнуть перспективы республики:

*На сегодняшний день очень заметен **наплыв инвесторов, которые хотят войти** в республику по самым разным направлениям: и по фермерским хозяйствам, и по овощным культурам, и по производству продукции [Президент РЮО http].*

На первом заседании седьмой сессии Парламента Республики Южная Осетия президент использует метафору **движения** *начинать движение* для описания ситуации в сфере экономики республики:

*Тогда мы можем сказать, что наша республика **начала движение** вперед [Президент РЮО http].*

Президент прибегает к **метеорологической** метафоре *финансовая погода* для описания ситуации в финансовой сфере республики:

*По большому счету, они являются людьми, от которых должна зависеть **финансовая погода** в республике. У нас, к сожалению, этого не происходит [Президент РЮО http].*

Анатолий Бибилов использовал метафору **движения** *бежать за графиком*, т. е. ускорять проведение ремонтных работ на улицах города, нацеливаться на скорость, а не на качество:

*В этом конкретном случае не нужно **бежать за графиком**. Озеленение в декабре не даст результата [Президент РЮО http].*

В примере представлена метафора **конструирования**: разделенный, разобщенный народ представлен как некий физический объект «в расчлененном виде». Здесь обыгрывается контраст: целое ↔ части. Под **единым организмом** А. И. Бибилов понимает стремление к обретению целостности осетинского народа, разделенного в силу определенных исторических и политических обстоятельств:

*И вы тоже точно знаете, что в основе нашей идеологии должно быть **возрождение, которое невозможно без <...> воссоединения двух частей одного целого <...>** Могу заверить вас в том, что осетинский народ как **созданное Богом существо <...>** ещё не долгое время **будет жить в расчленённом виде <...>** и уже **скоро будет един** [Газета «Единая Осетия». 2015. № 3 (19), май].*

Употребляя сравнение *нести правду как знамя*, спикер выражает благодарность писательнице за самоотверженное служение интересам своей второй родины — Осетии. Называя Аланку Уртати **стойкий солдат** своего народа, спикер наделяет писательницу свойствами, присущими герою Г. Х. Андерсена, такими как стойкость, выносливость, принципиальность. Метафора **разрушения** *рвать на части* символизирует развал Советского Союза. Использование метафорической модели **строительства** „мост“ между Осетией и Россией является важным в политическом дискурсе:

*...вы **несли как знамя ПРАВДУ** О СОБЫТИЯХ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ. <...> а есть мировое правительство, которое **взялось рвать на части** Россию и всё, что будет стоять на его пути, будет сметено и уничтожено... А Вы не боялись и навсегда остались в истории Южной Осетии, как **стойкий солдат** своего народа <...> во всей вашей судьбе столько любви к народам Осетии и России, **для которых Вы являетесь мостом**, будучи дочерью осетинки и русского [Парламент РЮО http].*

Используя **биологическую** метафору *один (единый) организм*, А. И. Бибиллов показывает стремление, свое и своей партии, к достижению целостности осетинского народа, разделенного не по своей воле:

Не могут две части одного народа развиваться по отдельности. Не могут две части одного человека — левая и правая половина — участвовать в разных физических процессах. Если в них будут происходить разные физические процессы, то это будет калека. Мы не хотим, чтобы осетинский народ был калеккой. Мы хотим, чтобы он был одним организмом [Парламент РЮО http].

Метафора **единения** также встречается в речи А. И. Бибилова. Под *единым организмом* А. И. Бибиллов понимает стремление к обретению целостности осетинского народа, разделенного в силу определенных исторических и политических обстоятельств:

Если у нас, у осетин, не будет единого национального, территориального пространства, мы не сможем развиваться как единый организм, а наоборот будем отдаляться друг от друга [Кавполит http].

Президент высказался по поводу необходимости в слаженной работе всех образовательных учреждений республики, используя метафору **целостности** *единый механизм*:

Все научные и образовательные учреждения и ведомства — и Юго-Осетинский государственный университет, и Юго-Осетинский научно-исследовательский институт, и Министерство образования и науки — должны работать как единый механизм и в тесном сотрудничестве [Президент РЮО http].

В интервью «Ноеву ковчегу» на вопрос о том, поменяется ли что-либо в югоосетино-российских отношениях, президент использует **географическую** метафору *сторона, откуда восходит солнце*, имея в виду Россию, чтобы детерминировать важность стратегического партнерства РЮО с Россией:

К счастью, в отличие от многих других стран, у Южной Осетии не меняется сторона, откуда восходит солнце [Президент РЮО http].

Это прецедентное высказывание Э. А. Шеварднадзе, советского и грузинского политического и общественного деятеля, министра иностранных дел СССР (1985—1990), который как-то сказал: *Солнце для Грузии встает на севере*, имея в виду Россию, где зарабатывали деньги жители Грузии.

Биологическая метафора *жизнедеятельность государства* в речи президента представляет республику как живой организм:

<...> мы вряд ли сможем сделать какие-то шаги в плане развития общества и в плане развития отдельных секторов экономики, а также иных направлений жизнедеятельности государства [Президент РЮО http].

Об осетинах, ставших «заложниками ситуации» и оставшихся во внутренних районах Грузии, Бибиллов говорит не иначе как о *братьях*, используя метафору **родства**:

Сегодня там остаются — не в таком количестве, как раньше, но все же — осетины, и мы за них тоже беспокоимся. Это наши братья [Президент РЮО http].

Президент отношения между двумя народами выразил **семейной** метафорой *братья-близнецы*:

Про Абхазию я уже не говорю. Как говорится, Южная Осетия и Абхазия — братья-близнецы, которые шли рука об руку всю свою жизнь [Президент РЮО http].

В примере, приводимом выше, фразеологизм *идти рука об руку*, т. е. *действовать вместе*, как *единомышленники*, способствует разворачиванию метафоры **родства** *братья-близнецы*, применяемой оратором в отношении югоосетинского и абхазского народов.

Употребляя **медицинскую** метафору *недуг*, президент обозначает проблемы, стоящие перед МВД по борьбе с преступностью:

Что же касается руководства республики, то оно будет оказывать всяческую помощь в борьбе с этими недугами [Президент РЮО http].

Спикер показывает свое неприятие деятельности неправительственных организаций (НПО). Использование метафоры **демонизации** *как черт из чьей-то табакерки* (т. е. «неизвестно откуда») из сказки Г. Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик» несет негативную оценку деятельности НПО:

Это фикция — с самого начала. То, что этот КС выскочил на свет Божий, как черт из чьей-то табакерки, это однозначно [Noguasamonga].

Использование **морбиальной** метафоры *калека* для объективации концепта *осетинский народ* способствует усилению эффекта от неоднократно высказываемого оратором стремления к единению родного народа.

Спикер использует **мортуальную** метафору *погребение* для усиления манипулятивного действия своего высказывания:

<...> они едва ли не с героической гражданской позицией намерены спасти население Республики от ужасной перспективы быть погребенными под ядерными завалами [Noguasamonga].

Оратор представляет парламент как ристалище, место проведения гладиаторских боев, используя **цирковую** метафору *арена*, где одни *нападают* на других, политические оппоненты дискредитируют друг друга при помощи всевозможных коммуникативных стратегий и тактик:

*А если говорить лишь о Парламенте, то я готов к такому развитию событий, когда законодательное собрание вновь и вновь будет становиться **ареной** для политических дебатов [Noguasamonga].*

Механическая метафора *набирать обороты* реализует концепт *развитие*, демонстрирует деятельностный подход спикера к работе своей партии в противовес пассивности других политических партий республики. Спикер уже не раз отмечал это. Использование приема персонификации (*ситуация диктует*) указывает на особую необходимость регулярно проводить кадровые перестановки, это же подчеркивается спикером за счет употребления приема плеоназма в словосочетании «кадровая переротация»:

*Отвечаю от имени своих однопартийцев. Активность партии „Единая Осетия“ **набирает обороты**, ежедневно граждане Республики **вступают в ряды** политической организации. Скоро состоится отчетно-выборный съезд „Единой Осетии“, будут внесены дополнения и существенные изменения в Устав нашей партии, жестко и безапелляционно обсуждаться вопросы дисциплины, произойдет **кадровая переротация**, а точнее, изменения в руководящем составе, вынесем на повестку те цели и задачи, которые **диктует** нам текущая **ситуация**, да и впрочем, о завтрашнем дне стоит позаботиться уже сейчас [Noguasamonga].*

Спикер использует **гастрономическую** метафору *стряпать газеты*, уподобляя политическую ситуацию в республике во время предвыборной гонки кухне, где в спешке готовятся к предстоящему важному событию/мероприятию. Воздействие высказывания усиливается при помощи наречия *наспех*. А *блюда*, которые готовятся на *политической кухне* в этот ответственный период, политик называет *боевыми листками* (клише), снова вводя концепт *война*:

*Так уж у нас повелось, что ближе к очередным выборам опять появятся политические партии и политические **газеты**, **наспех состряпанные**, опять начнут **штамповать „боевые листки“**, а вот сегодня этой активности не видно [Noguasamonga].*

В речи спикера парламента метафора **анабиоза** *замереть и находиться в недви-*

жимом состоянии, обозначающая *бездействию, прекращение развития*, вводится риторическим вопросом: *Что вы хотите?* — что способствует ее разворачиванию. А. И. Бибилов, актуализируя тактику активной деятельности, настаивает на недопустимости статичности, отсутствия динамического развития в обществе, уподобляя инертность некоторых слоев населения лежащему камню, под который вода не течет:

*Что вы хотите? **Замереть и находиться в недвижимом состоянии**, пока вокруг наш общий Русский мир развивается и налаживает контакты? Так ведь под лежащий камень вода не течет. ... [Noguasamonga].*

Председатель парламента, используя персонификацию *несгибаемая политическая воля* и **соматическую** метафору *как подсказывает сердце*, подчеркивает, что за поддержкой каждого гражданина, идущего на выборы, стоит его святая вера в благие намерения кандидата:

*...За каждым Гражданином, Патриотом стоит его мощная и **несгибаемая политическая воля**. И каждый из моих соотечественников, уверен, будет распоряжаться ею, так, как **подсказывает ему сердце** [Noguasamonga].*

Президент на совещании по вопросам коррупции использует **имущественную** метафору *дом* в отношении югоосетинского государства:

*При этом мы в любом случае будем жестко бороться и с коррупционной составляющей, без этого мы порядка в нашем „**доме**“ не наведем [Президент РЮО http].*

Физическая метафора *центр притяжения* используется оратором для обозначения значимости Северной Осетии для народа Южной Осетии и не только:

*Северная Осетия „является **центром притяжения** для сотен тысяч людей различных национальностей, единых в радости и в невзгодах“ <...> [Президент РЮО http].*

Метафорическое представление Америки в образе злого полицейского (*полицай, бряцающий оружием*) выражает неприятие Бибиловым политики руководства этой страны по ущемлению прав малых народов:

*<...> а не указаниями **всемирного полицая, беспрестанно бряцающего оружием и угрожающего всякому государству**, которое признает Южную Осетию и Абхазию [Президент РЮО http].*

Президент использовал **психологическую** метафору *состояние души* для демонстрации своего отношения к братству

народов Кавказа:

Кавказ — это не только территория. Это состояние души. Это состояние братства, взаимопонимания, взаимоуважения [Президент РЮО http].

Используя **бизнес-метафору** *визитная карточка*, президент пытается подчеркнуть преимущества отечественного товара:

*<...> эта вода абсолютно экологически чистая — у нас нет вредных производств, поэтому **визитной карточкой** можно представить именно экологически чистый продукт, который производится на территории Южной Осетии* [Президент РЮО http].

При ответе на вопрос о том, как он оценивает роль России в современном мире, президент использует **оценочную** метафору

позитив, чтобы продемонстрировать свое отношение к России как к государству-союзнику:

*Россия — **позитив**, который сеется везде, чего не скажешь об Америке, разрушительные действия которой мы наблюдаем по всему миру, и в частности в той же Сирии...* [Президент РЮО http].

Президент подчеркивает значимость финансовой поддержки России, а Южной Осетии отводит роль распределителя финансовой помощи от России, используя **финансовую** метафору *бухгалтер*:

*Южная Осетия в данном случае участвует, скажем так, как **бухгалтер*** [Президент РЮО http].

Таблица

Метафорические модели, характеризующие политическую ситуацию в Республике Южная Осетия

Объект метафоризации	Разновидность метафоры	Метафорические модели	Кол-во моделей
Осетино-грузинская война 2008 г.	милитарная	<i>Отечественная война осетинского народа</i>	ядро — 70 (14 %)
Обсуждение регламента парламенте	милитарная	<i>баталии</i>	
Политические оппоненты	метафора войны	<i>1. сломать копьё, направленные против спикера</i>	
Политические противники	милитарная	<i>прорывать блокаду; политические баталии; бить из-за угла; совершать «подвиги» (преступления); стойкий солдат своего народа</i>	
Грузия как расположенное рядом государство	бытовая	<i>сосед с юга; сосед; добрососедские отношения</i>	околоядерные модели — 50 (10 %)
1. Минеральная вода Осетии. 2. РЮО. 3. Ремонтные работы	метафора движения	<i>республика начала движение; бежать за графиком; входить в республику; двигаться</i>	околоядерные модели — 38 (7,7 %)
1. Враги осетинского народа. 2. Россия	метафора разрушения	<i>1. оставлять за собой пепелище; 2. рвать на части</i>	околоядерные модели — 40 (8 %)
1. Осетинский народ. 2. Журналистка, писательница	метафора конструирования	<i>1. В расчленённом виде. 2. Мост между Осетией и Россией</i>	
1. Осетины из Южной Осетии и из внутренних районов Грузии. 2. Абхазия и Осетия	метафора родства	<i>братья; братья-близнецы</i>	околоядерные модели — 40 (8 %)
Россия как братское государство	метафора родства	<i>быть частью одной большой семьи...</i>	
Осетинский народ	биологическая	<i>один (единый) организм, созданное Богом существо; скоро будет един</i>	периферийная зона — 20 (4 %)
Осетинский народ	биологическая	<i>жизнедеятельность государства</i>	
Преступления в республике	медицинская	<i>недуг</i>	периферийная зона — 18 (3,5 %)
Россия	географическая	<i>сторона, откуда восходит солнце</i>	периферийная зона — 18 (3,5 %)

Объект метафоризации	Разновидность метафоры	Метафорические модели	Кол-во моделей
1. Развал СССР. 2. Действия полит. оппонентов	криминальная	<i>следы ведут</i>	дальняя периферия — 10 (2 %)
осетинский народ	морбиальная	<i>калека</i>	10 (2 %)
Граждане Республики Южная Осетия	мортуальная	<i>быть погребенными</i>	8 (1,6 %)
Политические оппоненты	цирковая	<i>арена</i>	8 (1,6 %)
Северная Осетия	физическая	<i>центр притяжения</i>	8 (1,6 %)
Политические деятели республики	механическая	<i>набирать обороты</i>	8 (1,6 %)
Агитационная литература	гастрономическая	<i>стряпать «боевые листки»</i>	8 (1,6 %)
Деятельность политических оппонентов спикера	метафора анабиоза	<i>замереть и находиться в недвижимом состоянии</i>	8 (1,6 %)
Осетинский народ (на Севере и Юге)	единения	<i>единый организм</i>	8 (1,6 %)
Выбор, сделанный гражданами во время выборов	соматическая	<i>сердце подсказывает</i>	8 (1,6 %)
РЮО	имущественная	<i>дом</i>	8 (1,6 %)
США как политический противник России	полицейская	<i>бряцающий полицей</i> <i>оружием</i>	8 (1,6 %)
Бюджет РЮО	метеорологическая	<i>финансовая погода в республике</i>	8 (1,6 %)
Кавказ как родина осетин	психологическая	<i>состояние души</i>	8 (1,6 %)
Природные ресурсы РЮО	бизнес-метафора	<i>визитная карточка</i>	8 (1,6 %)
Россия как союзник	оценочная	<i>позитив</i>	8 (1,6 %)
Южная Осетия как союзник России	финансовая	<i>бухгалтер</i>	8 (1,6 %)

Когнитивно-дикурсивный анализ показал, что выбор метафорических моделей, используемых спикером парламента (с мая 2015 по апрель 2017 г.), президентом РЮО с 2017 г. в его политических выступлениях в жанрах интервью, пресс-конференции и парламентских дебатов, обусловлен национальным менталитетом, родом деятельности и происходящими в стране политическими событиями.

Напряженность, существующая между политическими силами республики, вербально реализуется в политической коммуникации президента РЮО при помощи военной метафоры. А. И. Бибилов выбрал военную метафору как базовую метафорическую модель для демонстрации основополагающей функции политики — борьбы за власть. Семейная метафора, метафора строительства/конструирования реализуют интенцию политического лидера страны к объединению своего народа в одно целое, к строительству «общего дома» для всех граждан. Метафора движения символизирует в политическом дискурсе А. И. Бибилова

поступательное движение в сторону развития, процветания, единства осетинского народа в составе РФ.

Посредством использования других метафорических моделей А. И. Бибилов создает образ политической реальности в своей стране. Политическая ситуация в Южной Осетии сравнивается с полем битвы, цирковой ареной, живым существом, наделенным разными качествами и облеченным различного рода властью («брат», «сосед», «бухгалтер», «полицей») и т. д.

На наш взгляд, подобное метафорическое моделирование политической ситуации в Республике Южная Осетия в персональном дискурсе президента продиктовано реалиями общественно-политической жизни республики почти за последние 30 лет. Преобладание военной метафоры отражает не прекращавшуюся агрессию со стороны соседней Грузии в отношении югоосетинского народа в 1989—2008 гг. В дискурсе президента наблюдается стремление к поступательному движению в сторону мира и процветания для государства, для своего наро-

да после продолжительного периода безысходности и неуверенности в завтрашнем дне. Данная гипотеза подтверждается наличием в дискурсе Бибилова метафоры разрушения/конструирования: война несет разруху, а наступающий после нее мир благоприятствует созиданию, восстановлению государства. Семейная и бытовая метафора способствуют законченности образа мира и процветания государства. Метафора движения демонстрирует шаг в сторону братского североосетинского народа, стремление к объединению с северными осетинами и существованию в одном политико-правовом пространстве в составе Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М., 1994. 330 с.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М., 1991.
4. Бекоева И. Д., Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Доминантные политтехнологии югоосетинского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015а. № 4 (54). С. 72—80.
5. Бекоева И. Д., Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Стратегии власти в аспекте югоосетинского политического дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2015б. № 4. С. 173—176.
6. Бекоева И. Д., Тамерьян Т. Ю. Полилингвальный модус политической коммуникации // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 8—10.
7. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116—133.
8. Джиоева В. П. Билингвальные стратегии парламентского дискурса // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. С. 33—35.
9. Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Реализация концептов единство/иудинад в югоосетинском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 53—59.
10. Единая Осетия: газ. 2015. № 8 (24), окт.
11. Ефремов А. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности метафорических терминов. — Майкоп, 2013.
12. Кавполит: сайт. <http://kavpolit.com/articles/>.
13. Кобозева И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2001а. С. 100—114.
14. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. МГУ. Филология. 2001б. № 6. С. 132—149.
15. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34—37.
16. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 1999а. Т. 58, № 5—6. С. 3—12.
17. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: материалы Междунар. конф. — Тамбов, 1999б. Ч. 1. С. 6—13.
18. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Ю. С. Кубряковой. — М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
19. Никитин М. В. О семантике метфоры // Вопр. языкознания. 1979. № 1. С. 34—40.
20. Парламент Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]. URL: www.parliamentroso.org.
21. Президент Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]. URL: <http://presidentruo.org/>.
22. Салатова Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США. — Челябинск, 2013.
23. Тамерьян Т. Ю., Цаголова В. А. Профессиональная метафора как способ моделирования образа канцлера Ангелы Меркель (на материале немецкого политического дискурса) // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 4. С. 86—92.
24. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. С. 173—204.
25. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
26. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.
27. Эхо Кавказа: сайт. URL: <http://www.ekhokavkaza.mobi>.
28. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf / D. Yallet (ed.). — Honolulu, 1991.
29. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. — Chicago; London, 1987.
30. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago, 1980.
31. Noguasamonga: сайт. <http://noguasamonga.ru>
32. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 81—87.
33. Tameryan T. Yu., Tsagolova V. A. Oppositive metaphorical models in the German political discourse // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 2 (6). P. 22—23.

V. P. Dzhioeva

Vladikavkaz, Russia

METAPHORICAL IMAGE OF POLITICAL REALITY IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

ABSTRACT. The article studies a metaphorical image of political reality in the Republic of South Ossetia by the example of public speech of A. I. Bibilov - the speaker of the parliament in 2015-2017, and the president since 2017. We consider it significant to present the metaphorical image of the republic, verbalized by the leading public figures, president A. I. Bibilov, in particular. This study was carried out as political discourse analysis in Republic of South Ossetia is a comparatively new field of linguistic study, that's why this research is relevant. To reach the goal of this research, we reviewed the works of prominent scholars and held our own investigation, taking into consideration accomplishments in this field. We drew conclusion that the dominant metaphorical model A. I. Bibilov uses in his public speech is military metaphor. Construction metaphor, family metaphor and motion metaphor are meant to symbolize the craving for unity, prosperity and welfare of Ossetian people as part of Russia. Using other metaphorical models A. I. Bibilov represents the political situation in his country. Socio-political life is presented as a battlefield, circus ring, a living creature with various characteristic features and entrusted with power (brother, neighbor, accountant).

KEYWORDS: military metaphor; metaphorical model; metaphorical images; metaphorical modeling; political discourse; political metaphorology; concepts; political struggle; gastronomic metaphors; biological metaphors.

ABOUT THE AUTHOR: Dzhioeva Varvilina Pavlovna, Post-graduate Student, North-Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. — M.: Progress, 1990. S. 5—32.
2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M., 1994. 330 s.
3. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovaryu. — M., 1991.
4. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Dominantnye polittekhologii yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2015a. № 4 (54). S. 72—80.
5. Bekoeva I. D., Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Strategii vlasti v aspekte yugoosetinskogo politicheskogo diskursa // Vestn. PGLU. 2015b. № 4. S. 173—176.
6. Bekoeva I. D., Tamer'yan T. Yu. Polilingval'nyy modus politicheskoy kommunikatsii // Rechevoe vozdeystvie v politicheskoy diskurse : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 8—10.
7. Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. — M. : Izd-vo MGU, 2001. S. 116—133.
8. Dzhioeva V. P. Bilingval'nye strategii parlamentskogo diskursa // Rechevoe vozdeystvie v politicheskoy diskurse : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. S. 33—35.
9. Dzhioeva V. P., Tamer'yan T. Yu. Realizatsiya kontseptov edinstvo/iudzinad v yugoosetinskoy politicheskoy diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64). S. 53—59.
10. Edinaya Osetiya : gaz. 2015. № 8 (24), okt.
11. Efremov A. A. Kognitivnye i strukturno-semanticheskie osobennosti metaforicheskikh terminov. — Maykop, 2013.
12. Kavpolit : sayt. <http://kavpolit.com/articles/>.
13. Kobozeva I. M. Pragmaticheskii podkhod k identifikatsii metafory v politicheskoy diskurse SMI // Yazyk massovoy informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. — M. : Izd-vo MGU, 2001a. S. 100—114.
14. Kobozeva I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory // Vestn. MGU. Filologiya. 2001b. № 6. S. 132—149.
15. Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivnogo lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // Vopr. yazykoznaniiya. 1994. № 4. S. 34—37.
16. Kubryakova E. S. Semantika v kognitivnoy lingvistike // Izv. AN. Ser. literatury i yazyka. 1999a. T. 58, № 5—6. S. 3—12.
17. Kubryakova E. S. Yazykovoe soznanie i yazykovaya kartina mira // Filologiya i kul'tura : materialy Mezhdunar. konf. — Tambov, 1999b. Ch. 1. S. 6—13.
18. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Yu. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. Yu. S. Kubryakovoy. — M. : Izd-vo MGU, 1996. 245 s.
19. Nikitin M. V. O semantike metfory // Vopr. yazykoznaniiya. 1979. № 1. S. 34—40.
20. Parlament Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Elektronnyy resurs]. URL: www.parliamentso.org.
21. Prezident Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://presidentruo.org/>.
22. Salatova L. M. Metaforicheskoe modelirovanie ekonomicheskogo krizisa 2008 goda v massmediynykh diskursakh Rossii i SShA. — Chelyabinsk, 2013.
23. Tamer'yan T. Yu., Tsagolova V. A. Professional'naya metafora kak sposob modelirovaniya obraza kantslera Angely Merkel' (na materiale nemetskogo politicheskogo diskursa) // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2014. № 4. S. 86—92.
24. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. — M. : Nauka, 1988. S. 173—204.
25. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
26. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
27. Ekho Kavkaza : sayt. URL: <http://www.ekhocavkaza.mobi>.
28. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf / D. Yallet (ed.). — Honolulu, 1991.
29. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. — Chicago ; London, 1987.
30. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago, 1980.
31. Noguasamonga : sayt. <http://noguasamonga.ru>
32. Tameryan T. Yu. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 4 (45). S. 81—87.
33. Tameryan T. Yu., Tsagolova V. A. Oppositive metaphorical models in the German political discourse // Russian linguistic Bulletin. 2016. № 2 (6). P. 22—23.

Е. А. Иванова
Челябинск, Россия

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу политической карикатуры как средства передачи информации в политической коммуникации, основной интенцией которой является критика общественно-политических событий. Карикатура рассматривается как креолизованный текст, включающий вербальный и иконический компоненты. Для проведения анализа вербально-визуального образа выделяются следующие дифференциальные признаки: оценочность, метафоричность, стереотипность, прецедентность. Объектом исследования стали политические карикатуры журнала «The Economist» 2017—2018 гг., адресованные носителям англоязычной культуры. Для анализа были выбраны работы, опубликованные в разделе, освещающем проблемы Старого Света. Каждая статья в этом разделе сопровождается политической карикатурой и заголовком, в котором часто «читается» иронический подтекст, основанный на игре слов. Основные темы, которым посвящены карикатуры — выбор курса развития, определение неформального лидера, который сплотит Европу (в роли последнего выступают А. Меркель и Э. Макрон), внешняя политика Европы, определение места и роли Европы на мировой арене, взаимоотношения Старого Света с такими геополитическими лидерами, как США, Россия, Китай, экономический кризис, проблемы, связанные с мигрантами. Особое внимание автор уделяет символике визуального компонента карикатур и апелляции к прецедентному феномену. Показано, что традиционные символы эзоповской, мифологической и средневековой группы устаревают и уступают место новым, более понятным современному читателю (пиктограммы — международные условные обозначения, флаги стран — участниц ЕС). Когнитивная метафора рассматривается как ключ к пониманию и интерпретации как вербальной, так и визуальной информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованные тексты; политическая коммуникация; образ Европы; политический имидж; прецедентные феномены; когнитивные метафоры; политический дискурс; политическая метафорология; политическая карикатура; СМИ, средства массовой информации; медиадискурс; медиалингвистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: ivanova3@csru.ru.

В рамках современной исследовательской парадигмы интерес к способам визуализации информации и невербальным средствам коммуникации значительно вырос. Это, в частности, определяется смещением вектора исследования и отходом от традиционного понимания текста к общесемиотическому подходу, в рамках которого текст определяется как объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность [см. Валгина 2003]. Знаковые единицы в тексте могут принадлежать одной или нескольким разным семиотическим системам, за счет чего тексты превращаются в гомогенные или синкретические (поликодовые) единства.

Последние получили терминологическое обозначение «креолизованные тексты», предложенное отечественными лингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Карикатура является ярким примером креолизованного текста, т. е. «текста, в структурировании которого наряду с вербальными средствами принимают участие иконические (картинки, фотографии, карикатуры, рисунки) и другие средства (шрифт, цвет, подчеркивание, выделение курсивом и др.). Информация, содержащаяся в креолизованном тексте, предполагает двойное декодирование двух гетерогенных частей, но в силу целостности и связности „воспринимается как некий единый смысл“» [Жукова 2013: 194].

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 04.06.2018 г. № 1/332 по теме «Образ Европы в современном медиадискурсе (на материале английского языка)».

Само слово «карикатура» произошло от итальянского *caricare*, что значит «преувеличивать». Карикатура — это изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями; жанр изобразительного искусства, обладающий тенденциозной социально-критической направленностью, подвергающий осмеянию какие-либо социальные явления, реальных лиц или характерные типы людей [БЭС].

Политическая карикатура активно используется официальными средствами массовой информации в качестве иллюстрации к газетным статьям. В этом случае газетная публикация представляет собой креолизованный текст, состоящий из основного текста статьи (вербальный компонент) и изображения/карикатуры (иконический компонент) с подписью под изображением или внутри него. Кроме того, политическая карикатура как объект неформальной коммуникации может использоваться и самостоятельно, вне публикации, оставаясь креолизованным текстом, состоящим из изображения и подписи.

Объектом нашего исследования будут креолизованные тексты, в которых карикатура выступает в качестве приложения к тексту газетной/журнальной статьи. Однако в фокусе нашего внимания будет именно креолизо-

ванный текст карикатуры, который обладает определенной автономностью и смысловой самостоятельностью. В данном случае иллюстративная функция является одной из ряда функций в сложном взаимодействии визуального и вербального компонентов.

Прежде чем перейти к собственно анализу образа Европы в политической карикатуре, необходимо остановиться на понятии «образ», которое является релевантным для нашего исследования. И. В. Арнольд определяет образ как «отражение внешнего мира в сознании» [Арнольд 1973: 193]. То есть образ является субъективной ментальной категорией, которая соотносится с реальной действительностью и обуславливается индивидуальностью восприятия. Термин «образ» активно используется в литературоведении. Так, М. Б. Храпченко отмечает, что «художественный образ был и продолжает оставаться действенным путем творческого постижения и обобщения явлений действительности, внутреннего мира человека» [Храпченко 1986: 10]. Л. В. Чернец к отличительным чертам художественного образа относит субъективность, зримое присутствие авторского начала, максимальную емкость содержания, экспрессивность и индивидуальность [Чернец 1999: 95].

Безусловно, литературоведческий художественный образ создается с помощью богатства литературного языка, в отличие от образа в креолизованном тексте, который представляет собой синтез вербального и визуального знака. Но, на наш взгляд, понятие художественного образа коррелирует с особенностями визуального образа в карикатуре, который, подобно литературному образу, отражает индивидуальное авторское восприятие, понятное для носителей одной лингвокультуры и одновременно открытое для ряда интерпретаций и толкований.

Ряд исследователей рассматривают понятие «образ» через призму имагологии, или имиджологии (от англ. *image*), как дисциплины, изучающей языковые особенности формирования и функционирования образа «чужого» в конкретном дискурсе. Нам ближе точка зрения Г. Г. Почепцова, который рассматривает имагологию как дисциплину о технологиях формирования **любого** образа [Почепцов 2000: 14]. С точки зрения имиджологии понятие «образ» отходит на второй план, уступая место термину «имидж», который представляет собой вербальные характеристики личности и определяется системой стереотипов. «В отличие от образа, в имидже обнаруживается значительный воздействующий потенциал, в том числе аргументативный и даже манипулятивный»

[Кожевникова 2016: 57]. Для проведения дискурсивного анализа в рамках имагологии исследователи выделяют следующие дифференциальные признаки: оценочность, метафоричность, стилистическая маркированность, стереотипность, разделение по признаку «свой — чужой» и ряд других.

На наш взгляд, проблематику исследования образа в лингвистической имагологии можно распространить и на анализ креолизованного текста. В карикатуре также создается вербально-визуальный образ, обладающий оценочным, аргументативным, интерпретативным потенциалом. Значит, для анализа формирования образа в карикатуре мы можем использовать те же дифференциальные признаки, которые применяются для анализа вербальных характеристик образа.

Для исследования мы отобрали карикатуры из англоязычного журнала «The Economist» за 2017—2018 гг. Несмотря на название журнала (само издание называет себя газетой), основные темы, освещаемые изданием, — политические события, международные отношения, финансы и экономика, наука и культура. Часто в статьях «Economist» встречаются остроты, подписи к рисункам, карикатуры, нередки каламбуры, в том числе в заголовках статей.

В журнале есть несколько разделов, названия которых отражают их тему. Например, *Бюджет* (освещает внутренние проблемы Великобритании) — назван по имени Уолтера Бюджета, британского эксперта XIX в. по конституционному праву, экономиста и одного из первых редакторов «The Economist»; *Ленсингтон* (США) — назван в честь города Ленсингтон, штат Массачусетс, места начала американской Войны за независимость; *Просперо* (книги и искусство) — назван в честь персонажа из пьесы У. Шекспира «Буря».

Нам был интересен раздел *Charlemagne* (назван в честь Карла Великого, императора Франкской империи), который освещает проблемы Старого Света. Каждая статья в этом разделе сопровождается политической карикатурой и заголовком, в котором часто «читается» иронический подтекст благодаря игре слов. Исследуемые карикатуры практически не содержат вербальный компонент (как внутри карикатуры, так и в виде подписи), так как сами по себе являются визуальным элементом газетной статьи как креолизованного текста и не нуждаются в дополнительной вербальной нагрузке, которая была бы избыточной.

Таким образом, если рассматривать корреляцию вербального и визуального компонента креолизованного текста, то в нашем

случае выстраиваются отношения взаимодополнения. То есть изображение на карикатуре вполне понятно, оно поддерживает общий настрой публикации, тем более что каждая статья сопровождается подзаголовком, который можно воспринимать и как своеобразную подпись к карикатуре. Так, например, в статье с подзаголовком *Can Emmanuel Macron revive the Franco-German engine?* на карикатуре изображен поезд с вагонами — странами ЕС и локомотивом, выкрашенным в цвета государственного флага Франции, с Э. Макроном в образе неуклюжего машиниста, пытающегося вывести состав на новые рельсы (рис. 1). Кроме отношений взаимодополнения в корреляции вербального и визуального компонентов, можно отметить выделительную функцию визуального компонента, который фокусирует внимание читателя и подчеркивает какой-то аспект вербальной информации. Теперь обратимся к собственно карикатурам и созданию визуального образа.

Итак, в настоящее время политическая карикатура выполняет не только сатирическую функцию, обнажая и высмеивая пороки и несовершенства, но и обладает мощной социальной функцией, формируя и регулируя общественное политическое сознание. Карикатура выступает «как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [Будаев 2006: 132]. Безусловный интерес вызывает анализ содержания карикатуры, актуальных проблем общества, к которым привлекается читательский интерес. Положение дел в современной Европе оценивается неоднозначно, однако большинство экспертов сходятся во мнении, что современный облик Европы меняется и перед европейскими странами стоят сложные вызовы. Среди основных внутренних проблем Европы называют проблему мигрантов, рост национализма, экономический кризис, угрозу распада ряда стран, что является прямой угрозой целостности всего Европейского союза, и ряд других. Охарактеризуем содержание исследуемых нами карикатур, отражающих политические и социальные проблемы Европы.

По данным журнала «Economist», чаще всего авторы карикатур обращаются к внутренним проблемам Европы, связанным с выбором курса развития, с определением неформального лидера, который сплотит Европу. В роли последнего выступают А. Меркель и Э. Макрон, которые попеременно оспаривают пальму первенства. Примечательно, что отсылка к Великобритании как уже бывшему члену ЕС практически отсутствует в

карикатурах, несмотря на то что издание публикуется в Британии. Лишь на одной карикатуре Великобритании предстает в образе привидения, одетого в одежды с цветами национального флага, которое прерывает трапезу напуганных А. Меркель и Э. Макрона. Редкое изображение Великобритании в том или ином виде в карикатурах указывает на определенное дистанцирование этой страны от лидеров ЕС. Кроме того, в журнале есть отдельный раздел, посвященный проблемам Британии, вопросам ее самоопределения после Брексита.

Следующая проблема, которая находит широкое освещение в карикатуре, — это внешняя политика Европы, определение места и роли Европы на мировой арене, взаимоотношения Старого Света с такими геополитическими лидерами, как США, Россия, Китай. И перевес здесь не на стороне Европы. Еще одна проблема, отраженная в политической карикатуре, связана с взаимоотношениями внутри ЕС между лидирующими странами, Германией и Францией, и европейскими аутсайдерами, странами Восточной Европы, а также странами, которые стремятся стать членами ЕС, но по ряду причин пока остаются вне зоны этого образования. Немногочисленны в нашей подборке карикатуры, связанные с проблемой мигрантов и экономическим кризисом. Это не означает, что данные проблемы разрешены. Экономическое состояние Европы тесно связано с политическими процессами, а проблема мигрантов превратилась в хроническую затяжную болезнь. Ряд исследователей обращаются к проблеме отражения миграционного кризиса в современном медиадискурсе. В частности, исследование В. П. Новиковой посвящено выявлению роли креолизованных текстов в реализации коммуникативных стратегий при представлении проблем миграции в британских общественно-политических изданиях [Новикова 2017].

Определив основное содержание карикатур, перейдем к анализу символики визуального компонента, который конструирует образ. По мнению А. В. Дмитриева, визуальное общение за последние десятилетия значительно изменилось в связи с заметным усложнением изобразительного языка и символов общения. Автор «Социологии юмора» указывает на тенденцию создания проблемной графики, которая «требует от объекта воздействия определенных знаний, способных подтолкнуть зрителя к размышлениям. Произведения такого рода неоднозначны, поскольку используемый в них язык символики и обобщенные образы вызывают у различных наблюдателей не только раз-

ные длины ассоциативной цепи, но иногда и параллельные ассоциации, которые и сам автор заранее не мог предполагать» [Дмитриев 1996: 108].

Традиционные символы эзоповской, мифологической и средневековой группы устаревают и уступают место новым, более понятным современному читателю. Наиболее популярными символами в рассмотренных нами карикатурах являются пиктографические, которые представляют собой международные условные обозначения. Так, чаще других встречаем в карикатурах флаги стран — участниц ЕС: Германии, Франции, реже Италии. При этом чаще используются не изображения самих флагов, а их цветовая символика. Например, на одной из карикатур изображен поезд, где локомотив выкрашен в цвета французского флага, первый вагон, следующий за локомотивом, — в цвета немецкого флага, и второй вагон как символ всех остальных стран Европы синий с 12 золотыми звездами, расположенными по кругу (рис. 1). На другой карикатуре Э. Макрон кубарем скатывается с детской горки, в

основании которой написано слово «change». Буквы в этом слове выкрашены в цвета французского флага (рис. 2). Образ единой Европы символизирует флаг ЕС, который может быть изображен самостоятельно или использоваться в качестве цветового решения других фрагментов карикатуры. Так, в цвета флага ЕС выкрашена штанга, которую вдвоем поднимают Э. Макрон и А. Меркель (рис. 3); парус, под которым на небольшом суденышке выходит в море глава Еврокомиссии (рис. 4); коврик у входа в дом, который символизирует Европу.

Также к группе пиктографических символов можно отнести изображение черного орла с распростертыми крыльями — символ с герба Германии. Вообще пиктографические символы являются наиболее понятными и простыми для декодирования, они служат своего рода ориентирами для читателя-адресата, которому знакомы международные условные обозначения, не требующие никаких специальных лингвокультурных знаний.

Рис. 1

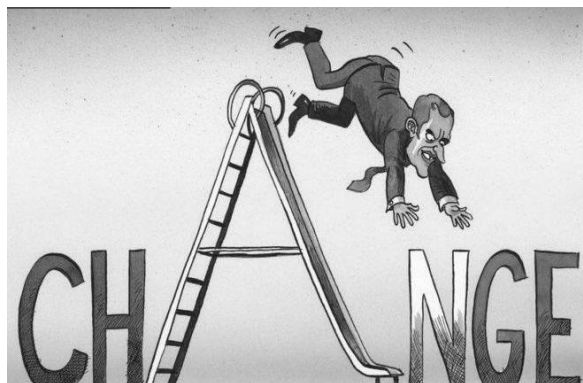

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Кроме пиктографических символов, в рассмотренных карикатурах активно используется вещевая группа символов. По сравнению с предыдущей группой это символы другого порядка, они сложнее, открыты для интерпретации. Примерами символов вещевой группы из данных карикатур можно считать локомотив поезда, старые и новые рельсы, качели, открытую дверь, кораблик в открытом море, подозрительную трубу, штангу, руль автомобиля, башню крепости и др. Эти символы создают сложный метафорический образ, который требует внимательного прочтения. К метафоре в карикатуре мы обратимся чуть позже, так как она безусловно играет весомую роль в создании образа. Возвращаясь к языку символов, отметим, что сам по себе цвет в изображении на карикатуре может быть символическим. Так, красный цвет обладает сложной символикой и выполняет привлекательную функцию. Например, на одной из карикатур изображен министр внутренних дел Италии: в попытке остановить поток мигрантов он вступает на Африканский континент с табличкой, на которой написано «Stop!» и изображен Африканский континент красного цвета. Такое цветовое решение привлекает внимание к проблеме (рис. 5). Красный цвет в данном случае обозначает открытое предупреждение в ультимативной форме, угрозу, агрессию, враждебность.

Некоторые карикатуры представляют собой сложные символические единства, где несколько разных символов создают обобщенный образ, детально изображая острую политическую ситуацию. В качестве примера подобного символического синтеза можно привести карикатуру, на которой изображены только руки двух людей с направленными друг на друга пистолетами. На руках изображены флаги, американский и российский, а также две крупные звезды, белая, как на флаге США, и красная, которая в последнее время считается неофициальным символом Кремля. Дула пистолетов соединяются и превращаются на карикатуре в газопровод,

Рис. 6

над которым в нелепой позе застыл черный орел с герба Германии (рис. 6). Очевидно, ряд пиктографических и вещевых символов на карикатуре отражает злободневную ситуацию, когда Россия пытается договориться с европейскими странами о строительстве газопровода «Северный поток — 2», а США пытаются противостоять этому, навязывая свою политическую волю. В итоге этого противостояния двух сверхдержав потери несут все, в том числе и Европа, которая, подобно немецкому орлу, попала как кур в ошип, оказалась меж двух огней. Комизма данной карикатуре добавляет вербальный компонент — заголовок, который является одновременно и заголовком статьи. «Put that in your pipe» можно прочесть и понять дословно, учитывая изображенный на карикатуре трубопровод. Однако данный заголовок является примером каламбура, усеченного фразеологизма «put that in your pipe and smoke it» (англ. «намотай себе на ус»). Таким образом, в заголовке эксплицитно звучит требование, ультиматум, угроза, которую может выражать любая из противоборствующих сторон.

Итак, символы, не требуя от адресата особых специфических знаний, вызывают ряды ассоциаций, которые составляют визуальный образ карикатуры. Успех карикатуры во многом зависит от того, насколько быстро и легко адресатом распознаются символы. Об этом говорят и зарубежные исследователи: «...the success of a political cartoon rests in its ability to influence public opinion through its use of widely and instantly understood symbols, slogans, referents and allusions» [Baker http]. Аллюзии, упоминаемые в цитате, отсылают нас к интертекстуальности, которая как текстовая категория специфически представлена в карикатуре. Само явление интертекстуальности определяется как общность текстов. Как отмечает Е. А. Артемова, кроме внутритекстовых связей, текст (в том числе и креолизованный) обладает внетекстовыми связями, которые, во-первых, заставляют

адресата воспользоваться фоновыми знаниями для правильного «прочтения» образа, а во-вторых, устанавливают взаимоотношения с другими произведениями всего текстового массива мировой культуры [Артемова 2002: 44]. Карикатуру можно считать вторичной с точки зрения порождения дискурса, так как ее планы содержания и выражения детерминированы исходной прецедентной ситуацией или прецедентным феноменом. Е. А. Артемова выделяет вербальные и невербальные прецедентные феномены; вербальные, в свою очередь, делятся на прецедентное имя, прецедентный текст и прецедентное высказывание; невербальные феномены представлены прецедентной ситуацией и ценностно значимыми артефактами (включающими произведения искусства).

Рассмотрим специфику апелляции к указанным прецедентным феноменам на примере конкретных карикатур. Отсылка к прецедентным феноменам может осуществляться через изображение объекта — носителя имени, через аллюзии (квазиаллюзии) и цитации (квазицитации). Так как в рассмотренных нами карикатурах вербальный компонент сведен к минимуму, то в качестве отсылки к прецедентному феномену чаще всего будут использоваться изображение и аллюзия. Самым распространенным и простым прецедентным феноменом является прецедентное имя, отсылка к которому осуществляется через изображение политических деятелей. В нашем случае на карикатурах изображены следующие политики: А. Меркель, Э. Макрон, Д. Трамп, В. Путин, Р. Т. Эрдоган, Ж. К. Юнкер (глава Еврокомиссии), Марко Миннити (бывший министр МВД Италии), Паоло Джентилони (премьер-министр Италии). В редких случаях на карикатурах

изображен абстрактный политик, как правило, представлены конкретные политические деятели, чьи шаржи с намеренно выделенными характерными чертами легко узнаются читателями.

Кроме собственно изображения, в качестве отсылки к прецедентному имени могут использоваться аллюзии и квазиаллюзии. Примером аллюзивного изображения может быть Uncle Sam (Дядя Сэм) — персонифицированный образ США или персонально президента страны Д. Трампа (рис. 7). Примером квазиаллюзии можно назвать изображение Э. Макрона в образе Наполеона на коне в традиционной шляпе — двухуголке с развевающимся флагом ЕС (рис. 8). Если простое упоминание/изображение объекта — носителя прецедентного имени еще не делает ситуацию комичной, то использование аллюзии и особенно квазиаллюзии, когда происходит соположение реального политического деятеля и исторического или литературного персонажа, безусловно создает комический эффект.

Кроме отсылки к прецедентному имени, наиболее частотной в рассмотренных карикатурах, встречается также отсылка к прецедентному тексту — через квазиаллюзию. Примером может служить А. Меркель в образе принцессы из сказки «Спящая красавица», которая ждет своего принца (рис. 9). Он также изображен на этой карикатуре на коне и в шляпе-двухуголке. В статье говорится о том, что Германия, подобно Спящей красавице, вряд ли сможет восстановить и упрочить положение Европы. В карикатуре автор намекает, что, возможно, такая роль под силу другому европейскому лидеру, Э. Макрону.

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Еще одним примером карикатуры, отсылающей к прецедентному тексту, может быть изображение А. Меркель и Э. Макрона в средневековых одеждах, чью встречу за столом прерывает появившийся призрак в одежде в цветах британского флага (рис. 10). Призрак появился из приоткрыто двери, на которой написано: «Brexit». Вербальный компонент — заголовок «The ghost at the banquet» является аллюзией все к тому же прецедентному тексту, а именно к трагедии У. Шекспира «Макбет», где в одной из сцен во время пира появляется призрак Банко и пугает Макбета. Речь в статье идет о том, что Великобритания еще не успела официально выйти из ЕС, но, проголосовав за Брексит, Британия навсегда изменила облик современной Европы, которая теперь должна окончательно решить для себя болезненный вопрос по отделению Великобритании.

Итак, обращение в карикатуре к прецедентным феноменам отвечает основным задачам данного вида политического дискурса, а именно созданию узнаваемого образа. Ведь прецедент — это некий эталон, хорошо известная всем ситуация, которая используется по аналогии для критического осмысления какой-то политической ситуации. Комический эффект или эффект обманутого ожидания создается при соположении прецедентного феномена и некой политической реальности. Как мы уже отмечали выше, в рассмотренных карикатурах в качестве прецедентного феномена чаще всего используется отсылка к прецедентному имени через изображение политических деятелей. Но в карикатуре недостаточно просто изобразить шарж на какого-то политика, карикатурист создает сложный метафорический образ, который побуждает адресата к критическому «прочтению» карикатуры.

Большое количество работ посвящено исследованию когнитивной метафоры в креолизованных текстах с акцентом на вербальный компонент. Но очевидно, что и метафорика визуального компонента может

Рис. 10

стать ключом к интерпретации карикатуры. Более того, ряд исследований указывает на корреляцию и сходство когнитивных метафор, используемых в вербальных текстах и других семиотических структурах. «В основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики» [Будаев 2006: 60].

Метафоричность визуального и вербального компонентов усиливает аргументативный и прагматический потенциал креолизованного текста. В качестве основной сферы-мишени метафорической экспансии в рассмотренных карикатурах фигурирует сфера политической борьбы, где основные действующие лица — А. Меркель и Э. Макрон — борются за политическое влияние в Европе. В качестве понятийной сферы-источника используется сфера спорта, который подразумевает соперничество, конкуренцию и борьбу за лидерство. Так, на одной из карикатур Э. Макрон и А. Меркель поднимают штангу, на дисках которой изображены звезды, символизирующие ЕС (рис. 3). Комический эффект создается за счет того, что в карикатуре индивидуальный вид спорта, тяжелая атлетика, превращается в командный, парный: политики вдвоем поднимают штангу. В паре явно лидирует Э. Макрон, он легко держит штангу на вытянутых руках, на лице играет улыбка. А. Меркель тянется на цыпочках, практически повисла на штанге, которую держит ее визави, на лице — гримаса усталости. Ей нелегко дается роль первой скрипки в европейской политике.

Метафорическая модель *политическая борьба — это спортивное противостояние* используется и в карикатуре, где политики, Э. Макрон и П. Дзентилоне, премьер-министр Италии, изображены как футболисты своих национальных команд (рис. 11).

В отличие от профессиональных футболистов, политики не знают, что такое fair play. В карикатуре обыгрывается уже ставшая прецедентной ситуация, когда в последнем матче своей спортивной карьеры игрок сборной Франции Зенедин Зидан был удален с поля в добавочное время за удар головой игрока сборной Италии Марко Матерацци. Конфликт с футбольного поля переносится на область политики: лидеры стран не смогли договориться по проблеме мигрантов.

Кроме социоморфной, в карикатурах активно используется артефактная метафора. Одна из частотных метафор данной группы в рассмотренных карикатурах — модель *Европа — это дом*. Она эксплицируется в карикатуре, где двери «европейского» дома открыты, но А. Меркель с ужасом представляет, что в эту дверь могла бы войти Марин Ле Пен, лидер политической партии «Национальный фронт», которая участвовала в президентской кампании во Франции (рис. 12). Хотя двери европейского дома открыты, там не всех готовы принять с распростертыми объятиями. Для стран — участниц ЕС Европа — это большой дом, но для стран, которые пока только мечтают стать частью большой Европы, она предстает в виде непреступной крепости — без окон и дверей (рис. 13). В рамках употребления артефактной метафоры актуализируется образ *Европы — здания фабрики/завода*. Это действу-

ющая фабрика, так как из трубы идет дым, но разбитые окна и отсутствие света создают образ запустения и глубокого кризиса (рис. 14). Символ китайской валюты (юань) на карикатуре намекает на необходимость инвестиций извне, чтобы поддержать слабеющую Европу.

Но Европу сотрясает не только из-за внутренних проблем, ей приходится отстаивать интересы европейских государств в условиях современной мировой геополитики. Наглядно это противостояние и распределение сил продемонстрировано в карикатуре, где сферамишень *внешняя политика* представлена метафорическим образом качелей. Перевес сил на стороне России, Турции и США, которые сидят вместе на одной половине качелей, с другой стороны — Европа в образе женщины, которая зависла наверху, и ее, очевидно, очень пугает такое «подвешенное» состояние (рис. 15). Кроме того, метафорический образ актуализировал также семантику непредсказуемости, которая дополняется и вербальным компонентом — заголовком «The Terrible Trio». Вербальный текст карикатуры представляет собой аллюзию на прецедентный феномен. *The terrible trio* (англ. *ужасная троица*) — это группа злодеев из американских комиксов. Такими себе представляют некоторые европейцы лидеров России, Турции, США — непредсказуемыми и опасными, особенно если они собираются вместе.

Рис. 11

Рис. 12

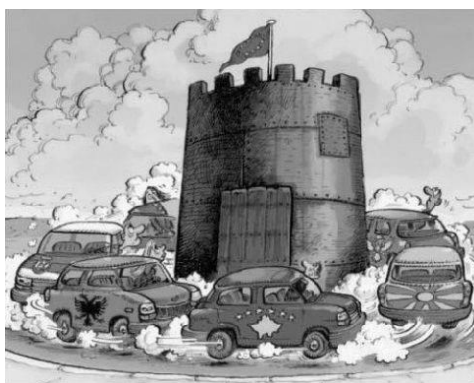

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Итак, карикатура как креолизованный текст использует синтез вербального и визуального компонентов для создания сложного образа. От адресата требуется владение определенными фоновыми знаниями (специфическими, историческими, лингвистическими, лингвокультурологическими) для правильного «прочтения» и интерпретации. Комический эффект и злободневный смысл политической карикатуры создается за счет символики, отсылки к прецедентным феноменам, оценочности, метафоричности образа. При внимательном прочтении политическая карикатура превращается из развлекательного жанра в мощный инструмент формирования и влияния на общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). — Л.: Просвещение, 1973.
2. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002.
3. Большой энциклопедический словарь (БЭС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru.html> (дата обращения: 30.07.2018).
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 2006.

5. Будаев Э. В. Политическая метафора в невербальных семиотических системах // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 57—66.
6. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. — М.: Логос, 2003.
7. Ворошилова М. Б. Политическая карикатура как орудие неформальной коммуникации // Юмор и ирония в политическом дискурсе : моногр. / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. С. 151—163. (Гл. 5).
8. Дмитриев А. В. Социология юмора [Электронный ресурс] : очерки. — М., 1996. URL: <http://www.historich.ru.html> (дата обращения: 2.08.2018).
9. Кожевникова Т. А. К вопросу о лингвистической имагологии // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2016. Вып. 3 (38). С. 56—60.
10. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец, В. Хализева. — М.: Высшая школа : Академия, 1999.
11. Новикова В. П. Отражение миграционного кризиса в креолизованном тексте // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 835—839.
12. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. — М.: Рефл-бук, 2000.
13. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. — М.: Флинта : Наука, 2013.
14. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. — М.: Художественная литература, 1986.
15. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 370 с.
16. Baker Dan. Puck's Role in Gilded Age Politics [Electronic resource]. URL: <http://xroads.virginia.edu/~ma96/puck/home.html>.

E. A. Ivanova
Chelyabinsk, Russia

THE IMAGE OF MODERN EUROPE IN A POLITICAL CARTOON

ABSTRACT. *The article analyzes political cartoon as a means of transmitting information in political communication, the main intention of which is criticism of socio-political events. Cartoon is treated as a creolized text that includes verbal and iconic components. To analyze verbal and visual image. The following differential features of an image are singled out: evaluativity, metaphoricity, stereotype, and precedence. The object of this research is political cartoons published in «The Economist» in 2017–2018 addressed to native English speakers. The cartoons published in the section covering the problems in Europe are analyzed. Each article in each section includes a political cartoon and a title with ironic connotations due to word-play. The main topics for the cartoons are: the choice of the course for development, appointment of an informal leader who will consolidate Europe (for example, A. Merkel and E. Macron), foreign policy of Europe, identification of the role of Europe on the international arena, relations between Europe and the USA, Russia and China, economic crisis and migration crisis. Special attention is paid to the symbolism of the visual component of cartoons and their reference to precedent phenomena. It is shown that traditional symbols of Aesopian, mythological and Middle Age groups get outdated and are replaced by the new and clear symbols, easily understood by the readers (pictograms – international signs, flags of the EU countries). Cognitive metaphor is a key to understanding and interpretation of both verbal and visual information.*

KEYWORDS: *creolized texts; political communication; image of Europe; political image; precedent phenomena; cognitive metaphor; political discourse; political metaphorology; political cartoon; mass media; media; media discourse; media linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Ekaterina Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English and Methods of Teaching English, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya). — L. : Prosveshchenie, 1973.
2. Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2002.
3. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' (BES) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.onlinedics.ru.html> (data obrashcheniya: 30.07.2018).
4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. 2-e izd., ispr. i dop. — Ekaterinburg, 2006.
5. Budaev E. V. Politicheskaya metafora v neverbal'nykh semioticheskikh sistemakh // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 18. S. 57—66.
6. Valgina N. S. Teoriya teksta : ucheb. posobie. — M. : Logos, 2003.
7. Voroshilova M. B. Politicheskaya karikatura kak orudie neformal'noy kommunikatsii // Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / N. B. Ruzhentseva, E. V. Shustrova, M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. S. 151—163. (Gl. 5).
8. Dmitriev A. V. Sotsiologiya yumora [Elektronnyy resurs] : ocherki. — M., 1996. URL: <http://www.historich.ru.html> (data obrashcheniya: 2.08.2018).
9. Kozhevnikova T. A. K voprosu o lingvisticheskoy imagologii // Inostrannye yazyki v vysshey shkole. — Ryazan', 2016. Vyp. 3 (38). S. 56—60.
10. Literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy : ucheb. posobie / pod red. L. V. Chernets, V. Khalizeva. — M. : Vysshaya shkola : Akademiya, 1999.
11. Novikova V. P. Otrazhenie migratsionnogo krizisa v kreolizovannom tekste // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2017. № 30. S. 835—839.
12. Pocheptsov G. G. Imidzhologiya. — M. : Refl-buk, 2000.
13. Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii / I. N. Zhukova, M. G. Lebed'ko, Z. G. Proshina, N. G. Yuzefovich ; pod red. M. G. Lebed'ko, Z. G. Proshinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2013.
14. Khrapchenko M. B. Gorizonty khudozhestvennogo obraza. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1986.
15. Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 370 s.
16. Baker Dan. Puck's Role in Gilded Age Politics [Electronic resource]. URL: <http://xroads.virginia.edu/~ma96/puck/home.html>.

В. В. Катермина, А. А. Гнедаш
Краснодар, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ:
СТРУКТУРНО-СЕТЕВОЙ И ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗЫ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ “WOMEN’S MARCH”)**

АННОТАЦИЯ. Начало XXI века ознаменовалось интенсивным развитием информационно-коммуникативных, сетевых технологий и их активным использованием обществом, что повлекло за собой создание новой реальности — социальных медиа, которые становятся главной ежедневной «точкой входа» в Интернет и важным оперативным источником информации для пользователей. В системе социальных медиа особая роль отводится социальным сетям. Онлайн-пространство своим многообразием информационно-коммуникационных технологий позволяет участникам современного публичного пространства находиться в постоянном и разнообразном взаимодействии, продуктом которого является непрерывно производимый и воспроизводимый политический контент. Комплексное исследование политического контента включает структурно-сетевой и лингводискурсивный анализы: построение и рассмотрение социально-политических процессов и их участников как глобальных сетевых структур — социальных графов, а также изучение процессов создания и интерпретации значений и смыслов в политическом контенте, формируемом социальными сетями и сообществами. Смоделированный социальный граф позволил выявить основные субъекты, формирующие политический контент. Отражаемое языком понимание действительности показывает отношение участников рассматриваемого движения к анализируемым событиям и актуальным идеям. Эти процессы анализируются на примере социального движения “Women’s March”. Описываются причины популярности и востребованности данного движения, история возникновения и развития соответствующей социальной сети. Отмечается, что основными лингвистическими средствами воздействия являются оценочный компонент значения (мелиоративная и дерогативная оценка), использование модальных глаголов, графических, лексических и синтаксических стилистических средств. В статье выявляются особенности дискурса, который производится в онлайн-пространстве и в конечном счете определяет социальные действия, осуществляемые офлайн и задающие вектор развития социально-политических систем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический контент; онлайн-пространство; социальные движения; структурно-сетевой анализ; политический дискурс; дискурс-анализ; информационно-коммуникационные технологии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: katermina_v@mail.ru.

Гнедаш Анна Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 406Н; e-mail: anna_gnedash@inbox.ru.

Появление социальных медиа и сосредоточение активности индивида именно в сфере Интернета создает особые условия и формы мобилизации граждан и сообществ, позволяет накапливать политический капитал в online-пространстве, а также конвертировать политический капитал в конкретные результаты публичной политики в offline-пространстве. Накопление политического капитала происходит посредством участия гражданина в производстве и воспроизводстве политического контента, который представляет собой всю совокупность политической (и околополитической) информации в Интернете — от визуальных форм в социальных платформах «ВКонтакте», коротких текстовых сообщений в «Twitter» до развернутых интерактивных сообщений с текстовым, графическим и видеосодержанием (например, на видеохостингах типа «Youtube»).

Online-пространство за счет многообразия своих информационно-коммуникационных технологий позволяет участникам современного публичного пространства находиться в постоянном и разнообразном взаи-

модействии — продуктом такого взаимодействия является непрерывно производимый и воспроизводимый политический контент. По сравнению с offline политическим контентом контент, находящийся online, непрерывно трансформируется участниками разнообразных социальных сетей и сообществ, поскольку является основой их итеракций. В то же время трансформации политического контента запускают изменения самих социальных сетей и сообществ, определяя социальное и политическое действие в offline.

Для исследования процессов формирования политического контента нами было выбрано социальное движение «Women’s March».

«Women’s March» — это всемирное социальное протестное движение, возникшее 21 января 2017 г. в целях артикуляции, защиты и продвижения законодательства и политики в области прав человека, касающихся следующих сфер: права женщин, права иммигрантов, репродуктивные права, реформа здравоохранения, вопросы расового неравенства, экологические вопросы, права трудящихся и т. д. Главной целью ми-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018—2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

© Катермина В. В., Гнедаш А. А., 2018

тингов 2017 г. и демонстраций (маршей) 2018 г. стала критика и активные протесты в отношении политики президента США Дональда Трампа. Главным мобилирующим компонентом «Women's March» стало общее недовольство женщин и мужчин разных стран мира неоднократными высказываниями и заявлениями и в целом оскорбительная и дискриминационная (антиженская) позиция Д. Трампа в период предвыборной кампании и накануне инаугурации [Malone 2017]. Как отмечают основатели, известные сторонники и активисты движения, женский марш — это «смелое послание нашей новой администрации в первый день его пребывания в должности и всему миру, что права женщин являются правами человека» [Tolentino 2017]. Марши 2017 и 2018 гг. транслировались в прямом эфире видеохостингом «YouTube», социальными платформами «Facebook» и «Twitter». В первом политическом марше в США приняло участие более 5 млн человек, что составило 1,6 % населения США; по всему миру было проведено 673 марша на семи континентах; участие во всем мире оценивается более чем в 7 млн человек [Przybyła 2017].

Организационно протестное движение оформилось в ноябре 2016 г.: на базе социальной платформы «Facebook» была создана социальная сеть «Women's March». За несколько дней тысячи женщин по всему миру присоединились к социальной сети и подписались на участие в женском марше в январе 2017 г. [Cauterucci 2016]. Организаторы утверждали, что они «не нацелились конкретно на Трампа» и что марш проводится для того, чтобы «быть более проактивными в защите прав и свобод женского населения» из-за опасности переведения популистских высказываний Д. Трампа в отношении женщин в конкретную политическую плоскость и возможного ограничения прав и свобод последних [Heuwoer 2017]. Основной рефрен, звучавший в словах всех выступающих, гласил, что задача политика — «строить мосты, а не стены» (отсылка к предложениям Д. Трампа построить пограничную стену) [Aron 2017].

Участники «Women's March» в 84 странах, например, в Бельгии, Коста-Рике, Латвии, Кении, Нигерии и Танзании потребовали прекратить насилие в отношении женщин и внести этот вопрос в политическую повестку всех стран, объявить насилие недопустимым, а также поддержали борьбу за гендерное равенство. Женщины в Индии организовали 21 января 2017 г. общенациональный марш «Я выйду наружу» и потребовали предоставить женщинам право на безопас-

ные общественные места.

Ненависть, фанатизм, дискриминация и гендерно-предвзятая политика являются не только американской проблемой. Именно движение «Women's March» показало, что это глобальные проблемы, на которые моментально откликаются люди во всем мире и активно присоединяются к мирным протестным акциям.

В период до 21 января 2018 г. (второй «Women's March») участники и сторонники проводили (либо принимали в них участие) следующие действия и акции:

– кампания «10 действий за 100 дней»: обращение с ключевым вопросом к политикам каждые 10 дней, например, рассылка писем «Слушай наш голос»;

– акция «Предварительное голосование» (Power to the Polls);

– привлечение женщин к участию в выборах различного уровня. Результатом стал беспрецедентный рост числа женщин-кандидатов от Демократической партии. Например, в штате Вирджиния 11 из 15 вновь избранных депутатов легислатуры были женщины. Екатерина Кортес Масто выиграла выборы в сенат США от штата Невада и стала первой женщиной, представляющей данный штат, и первой латиноамериканкой-сенатором;

– участие в движении (флешмоб) #MeToo: признание известных и неизвестных женщин о сексуальных домогательствах, насилии, гендерной дискриминации и мизогинии на рабочем месте. Результатом совершенных признаний голливудских актрис, певиц и спортсменов стала гендерная модернизация американских киностудий и включение вопросов защиты женщин от насилия и домогательств на рабочих местах в трудовые контракты в разных отраслях и профессиональных сферах США;

– участие в движениях #TimesUp и #TimesNow;

– поддержка протестных акций по запрету оружия в США и участие в этих мероприятиях.

21 января 2018 г. состоялся Второй женский марш, который проходил в городах по всему миру: крупнейшие митинги в США прошли в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Далласе, Филадельфии, Чикаго, Сан-Франциско и Атланте; аналогичные акции состоялись в городах в Канаде, Великобритании, Японии, Италии и других странах мира [Tiefenthäler 2018]. Мнения журналистов и исследователей в отношении оценки количества участников разнятся, но все склонны называть цифры и количество стран и городов, в которых прошел Второй «Women's March», на уровне никак не менее

цифр прошлого года.

Как мы видим, на сегодняшний день «Women's March» — это крупнейшая и мощнейшая социальная сеть, мобилизующая людей на совершение активных социально-политических действий как в online, так и в offline, причем действий, меняющих поле публичной политики.

Комплексное исследование политического контента основано на сетевом подходе и лингвистическом повороте в социальных науках. Структурно-сетевой анализ (построение и рассмотрение социально-политических процессов и их участников как глобальных сетевых структур — социальных графов) выбранного социального движения мы дополнили лингвистическим анализом для выделения и исследования структуры движения в виде сети с выявлением центральных акторов (узлов сети), взаимодействий между акторами (ребра социального графа) и для анализа политического контента данного движения — культурных компонентов социального действия (смыслы, дискурсы, репертуары и нормы, формируемые в политическом контенте участниками исследуемого социального движения — социальной сети).

Лингводискурсивный анализ необходим для изучения процессов создания и интерпретации значений и смыслов в политическом контенте, формируемом социальными сетями и сообществами. В дискурс-анализе конкретный текст или коммуникативная ситуация исследуется всегда в рамках более глобальных социально-политических структур — комплексов текстов, дискурсивной формации, исторического контекста. Социально-политическая реальность в рамках этого исследовательского направления рассматривается не как данность, но как постоянно изменяющийся конструкт. Акцент делается на процесс, на исследование способов производства, воспроизводства и потребления политического контента. В связи с этим дискурс-анализ позволяет рассмотреть не только то, как язык создает, отражает и выражает политический контент, но и другую сторону этого сложного взаимодействия — то, как язык формирует и конструирует сущность коммуникативных процессов как online, так и offline. Иными словами, дискурс-анализ основывается на представлении о диалектическом рекурсивном взаимодействии между языковой и социально-политической реаль-

ностью, а в наиболее радикальных случаях («теория дискурса») отождествляет эту реальность с дискурсивной.

С помощью методологии структурно- сетевого анализа, разработанной Н. А. Рябченко [Ryabchenko 2016: 136—145; Ryabchenko 2016: 49—57], мы смоделировали сетевое ядро движения «Women's March». Данное ядро представлено в виде социального графа, состоящего из 122 хабов — страниц в «Facebook», связанных с официальным представительством движения «Women's March» посредством механизма «Мне нравится» (хаб — объект сетевого анализа с самым большим количеством связей в рамках анализируемого социального графа). Выделяя среди всех хабов самые крупные с точки зрения количества связей, можно проанализировать структуру ядра и описать страны, участвующие в анализируемом движении (рис.).

Анализ основных хабов показывает, что движение охватило следующие страны: США, Великобританию, Швейцарию, Норвегию, Германию, Италию. Так, в частности, онлайн-контент включает в себя сочетания, демонстрирующие обширную географию: названия американских штатов и городов (*Oklahoma, Richmond, Washington D.C., Milwaukee, Florida, Palm Beach, Dallas, Pennsylvania, Los Angeles*), городов Европы и Австралии (*Melbourne, Munich*). Наряду с номинацией многочисленных географических названий, также необходимо учесть и количественный охват участников (*millions of people, several hundred people*) — подобные цифры свидетельствуют о вовлеченности людей, их сплоченности. Все участники своим поведением на маршах также показывают желание добиться своей цели: они скандируют (*chant*), аплодируют (*applaud*), подбадривают друг друга возгласами (*burst into cheers*).

Одежда и предметы участников двух шествий «Women's March» во всех указанных странах и городах направлены на привлечение внимания к своим требованиям. Так, они несут яркие плакаты против действующего американского президента (*colourful signs, anti-Trump signs*), одежда некоторых женщин — красные плащи и белые шляпы (*red cloaks and white hats*) — представляет собой аллюзию на персонажей романа Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» (*The Handmaid's Tale*).

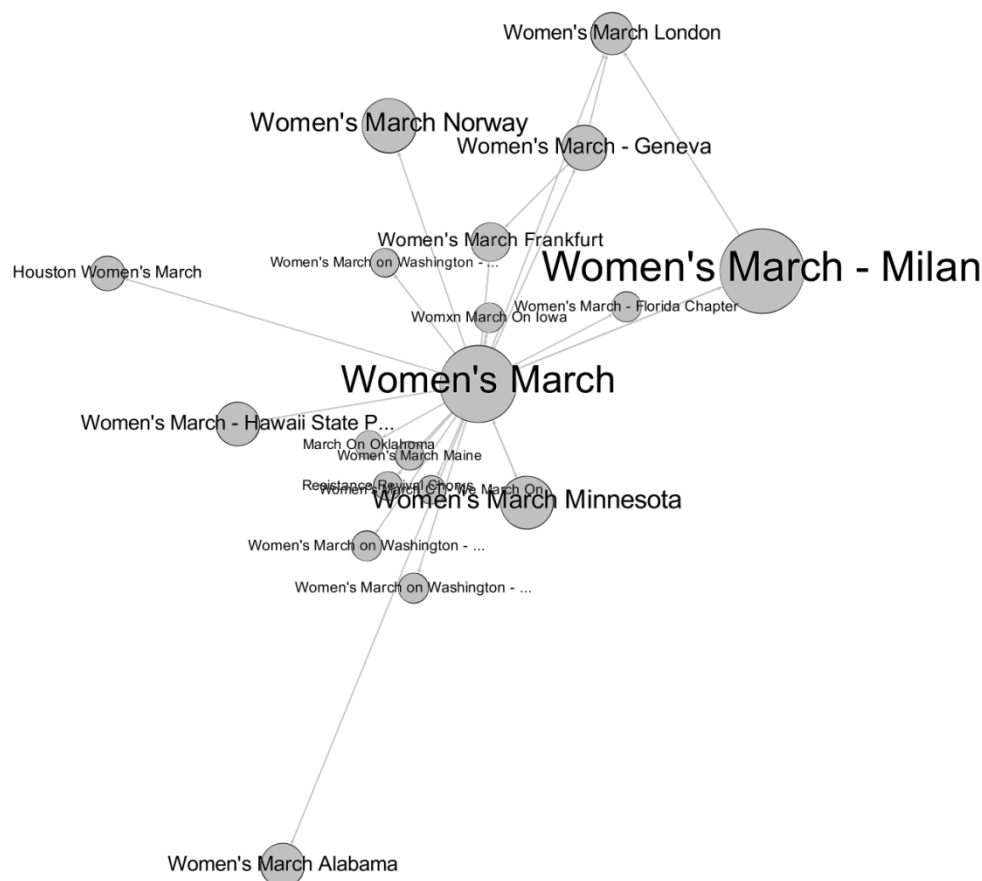

Рис. Основные хабы ядра сетевого движения «Women's March»

Рассмотрим социальный граф движения «Women's March» по ряду сетевых параметров, анализ которых даст нам ключевые описания и характеристики ядра исследуемой социальной сети [Гнедаш 2018: 404—409].

«Users_can_post» — параметр, который определяет, разрешено ли пользователям страницы публиковать на ней посты. 77 % страниц, входящих в ядро социального движения «Women's March», открыты для размещения контента пользователями платформы «Facebook». При этом необходимо отметить, что в оставшиеся 23 % страниц, не разрешающих свободное размещение контента, входит страница, являющаяся официальным представительством движения в «Facebook». Очевидно, такое ограничение было выбрано организаторами движения сознательно для более четкой координации контента и борьбы с троллями и флудерами. В противном случае на начальном этапе развития социального движения не удалось бы отсеять нецелевой контент, размещаемый пользователями. Это также способствовало тому, что в «Facebook» создавались страницы, посвященные анализируемому социальному движению с привязкой к территориям (городам и странам); эти стра-

ницы порождали дискурс в рамках движения и учитывали местную специфику.

«Talking_about_count» — параметр, который определяет количество людей, обсуждающих эту страницу. Самыми обсуждаемыми страницами ядра социального движения являются «AJ+», «Greenpeace UK», «Women's March», «Ai-Media», «Global Citizen», «My Favorite F Word Is Feminism» (страницы указаны в порядке убывания количества упоминаний).

«Post_activity» — параметр, который определяет количество постов, размещенных за час. Это свойство помогает определить центры генерации и распространения контента в социальном графе в совокупности с параметром «Fan_count», который определяет количество лайков, которые получила страница. Центрами генерации контента в сетевом ядре социального движения «Women's March» являются пользователи страниц: «My Favorite F Word Is Feminism», «Global Citizen», «Women's March CT — We March On», «AJ+», «Greenpeace UK», «Scientists for EU», «Un Altro Genere Di Rispetto», «NON UNA DI MENO», «FIFDH, Festival du Film et Forum International sur les Droits Humains», «NARAL Pro-Choice America» (страницы указаны в порядке убывания коли-

чества постов).

Центрами распространения контента в сетевом ядре социального движения «Women's March» являются пользователи страниц: «United Nations Human Rights», «Global Citizen», «Ai-Media», «Ecosia», «Women's March», «Greenpeace UK», «My Favorite F Word Is Feminism», «GLAAD» (страницы указаны в порядке убывания количества «лайков»).

«Category» — параметр, который определяет качественные характеристики объектов сетевого анализа. Анализируя сетевое ядро социального движения «Women's March» через свойство «Category», мы определяем типы сетевых объектов с точки зрения их организации и иницирования. Основную часть страниц сетевого ядра социального движения «Women's March» — 28 % — составляют сетевые сообщества как зеркало сообществ offline (например, «Birmingham March for Science»); 22 % — сетевые некоммерческие организации (например, «Greenpeace UK»); 8 % — политические организации (например, «Democrats Abroad Switzerland»); 8 % — общественные организации (например, «Women's March Norway»).

Определив структурно-сетевые компоненты социального движения, мы перешли к исследованию культурных компонентов социального действия (смыслы, дискурсы, репертуары и нормы) — провели лингвистический анализ всех сообщений ключевых акторов (основных хэбов, описанных выше) движения «Women's March», размещенных на социальной платформе «Twitter». Поиск сообщений осуществлялся путем отбора по хеш-тегам. Период отбора сообщений: январь 2017 — апрель 2018 г.

Принято считать, что существование в обществе ценностных критериев обуславливает определенное отношение субъекта к объекту речи. Оценка может иметь сугубо индивидуальный характер, но чаще всего соотносится с системой заложенных в социуме ценностей. Оценочный аспект взаимодействия действительности и человека различными способами отражается в языке. Это значит, что оценочное значение проявляется посредством языковых средств, которые фиксируют итог оценивания человеком фактов действительности, результатом чего в коммуникации становится оценочное высказывание. Язык на всех уровнях располагает средствами, которые дают возможность говорящему адекватно выражать свое оценочное отношение к предметам и явлениям объективной действительности [Катермина 2015].

Тональность онлайн-сообщений политического контента, производимого и воспро-

изводимого участниками сети «Women's March», содержит лексемы с разного рода оценочностью.

Цель данного движения выражена следующими фразами: *to support female empowerment — поддержать права и возможности женщин; to denounce Mr. Trump's views on immigrations and abortion — осудить взгляды Трампа на вопросы иммиграции и аборта; to urge women to run for office and vote to oppose Mr Trump and the Republicans' agenda — призвать женщин баллотироваться на пост президента и проголосовать против выступления г-на Трампа и повестки дня республиканцев; to stand for rights — выступить за права; to give people hope — дать людям надежду.*

Твит президента США Дональда Трампа, опубликованный 20 января 2018 г., вызвал эмоциональную реакцию.

Donald J. Trump
@realDonaldTrump

Beautiful weather all over our great country, a perfect day for all Women to March. Get out there now to celebrate the historic milestones and unprecedented economic success and wealth creation that has taken place over the last 12 months. Lowest female unemployment in 18 years! — Прекрасная погода во всей нашей прекрасной стране, идеальный день для всех женщин принять участие в демонстрации. Идите туда сейчас, чтобы отпраздновать исторические вехи и беспрецедентный экономический успех и создание богатств, которые произошли за последние 12 месяцев. Самая низкая женская безработица за 18 лет (пер. наш. — В. К., А. Г.).

9:51 PM — Jan 20, 2018

Все ответы и комментарии содержат лексику с эмоционально-оценочным derogативным компонентом:

We were marching in opposition of you and your hateful, racist, mesagonistic, xenophobic positions. The world hates you. #Womens March2018.

You do know we are marching against you right???

Those women are marching AGAINST you!

Your biggest accomplishment yet, Mr President. Millions of people around the world protesting YOU! 300,000 in Chicago; 200k NYC; several hundreds of thousands in both Philly & So Cal. Most unpopular POTUS ever!

Более того, красной нитью через все комментарии проходит идея о том, что будущее за женщинами:

Nationwide millions of women took to the streets we are a serious force to be reckoned with. We will show up exactly like this on election day and take our country back! #Womens

March2018 #TheResistance #MeToo.

We are NOT celebrating. We are warning you: THE FUTURE IS FEMALE.

The future is female, I can't wait for the first female president, I'll make a bet right now it's a republican!

Анализ политического контента выявил следующие особенности.

Особое внимание уделяется использованию модальных глаголов для привлечения дополнительного внимания к проблеме:

Serial sexual abusers should not get a pass, period!

Can someone please remind my husband? He used to be so helpful, but childcare duty seems to have slipped his mind

Any country in the world, any place where you're working — you need to build the culture" to promote #genderequality.

В последней реплике наряду с использованием модального глагола *need* выделяется анафора — *any country, any place*. Помимо нагнетания эмоционального эффекта в данном случае показательно также и использование места: от всеобщей географии (*any country in the world*) до каждого рабочего места (*any place where you're working*) — везде необходимо построение культуры для продвижения гендерного равенства.

Анафора, направленная на усиление воздействия, в сочетании с капитализацией, создает дополнительный эмоциональный настрой:

We're not here to beat around the bush. We're here to RAGE. We've had ENOUGH. Think you've heard it all before??

Еще одним ярким примером анафоры является следующее предложение:

We're still here. We're not going anywhere. In 2018, we're bringing our #PowerToThePolls. Make sure you're registered.

Следует отметить географию движения. Так, например, в Индии набирают обороты судебные разбирательства против юристов, обвиняемых в сексуальных домогательствах:

#MeToo in India — sexual harassment lawsuit filed in Supreme Court against lawyer Rarian Karanjawala.

#MeToo in India — sexual assault lawsuit filed in Supreme Court against lawyer Soli Sorabjee.

В Голливуде также происходят «изменения» в связи с обвинениями:

Emilia Clarke says temperature changed dramatically on sets after #TimesUp movement hit Hollywood.

Метафорические обороты *temperature changed dramatically* и *#TimesUp movement hit Hollywood* свидетельствуют о масштабе

данного движения и его действенности.

Более того, встречаются предложения, рассказывающие о женщинах, выживших в результате домашнего насилия в Афганистане:

One survivor of domestic violence in Afghanistan from our Women's Protection Centre tells how she was able to heal.

Статистика показывает, что подавляющее большинство женщин подвергалось насилию — в Америке, Вьетнаме, Тунисе:

In #VietNam, 10% of ever married women reported that they experienced sexual violence by husbands in their lifetime

In 2016, 60 percent of Tunisian women were victims of domestic #violence

60% of American women say they've been victims of #sexualharassment, according to a poll released In 2017.

Более того, 50 % женщин подвергаются изнасилованию до 18 лет:

We know that about 50 per cent of all of the women who experience a rape are raped by the time they are 18.

В Исландии женщины пытаются бороться с несправедливостью в карьерном росте. Они «откалывают» кусочки «стеклянного потолка» (*glass ceiling — a ceiling based on attitudinal or organizational bias in the work force that prevents minorities and women from advancing to leadership positions* — «карьерный потолок», основанный на пристрастиях компаний, не дающих возможность женщинам и представителями национальных меньшинств продвигаться по карьерной лестнице и занимать высокие посты):

Icelandic women are chipping at the glass ceiling: Today 1/3 of members on boards of larger businesses are women, up from 9.

Движение набирает ход не только в плане географии, но также и в изменениях в законодательстве:

We'll be asking #LewishamEast Candidates to commit to Zero Tolerance of Violence Against Women & Girls — инициатива ООН по обсуждению и принятию мер по предотвращению насилия в отношении девочек и женщин (особенно в странах Африки, насилие в которых является более распространенной причиной смертности среди женщин в возрасте от 15 до 45 лет, чем малярия, рак, ДТП и военные конфликты).

Thirty separate organizations and agencies supported The Repeat Sexual Predator Prevention Act (законодательная инициатива 2018 г. в некоторых штатах США — Закон о профилактике серийного насильственного сексуального поведения, который пока только рассматривают и в поддержку которого со-

бирают голоса).

We're so happy to hear that the Gender-based Violence and Domestic Violence Act became effective today. It is truly a day — этот закон о гендерном насилии, который принят в разных странах мира.

Важность вопросов равенства и безопасности женщин настолько высока, что слышны призывы включить данный вопрос в дебаты 27 мая. Важность объединения усилий звучит в использовании конструкции *Let's make sure — Давайте убедимся!*

Let's make sure issues of #genderequality and women's safety are included in the May 27th Debate.

Поддержка идеи равенства и призыв к продолжению борьбы за свои права звучат в следующих посланиях:

I commend @womenshelter for building this online inventory. It will be a source of valuable, up-to-date information.

#PCSW is advocating for women's empowerment and #genderequality to bring about social change.

Commit to National Action Plan on Violence Against Women in the wake of the Toronto attack — Sign the @.

Back to twitter again... so many things to do together for gender equality... Stay Tuned!

Men are x4 more likely to ask for a pay raise than women. Speak up — women must advocate for themselves!

When you tell your story, other women see, how they are not alone. They see, they matter.

Лексика с положительной коннотацией (*to commend — to praise someone or something formally or publicly — восхвалять кого-либо или что-либо формально или публично; to advocate — to publicly support a particular policy or way of doing things — публично поддерживать определенную линию поведения или курс; empowerment — the granting of the power, right, or authority to perform various acts or duties — передача прав или власти для выполнения различных действий; to speak up — speak one's opinion without fear or hesitation — высказывать свое мнение без страха и сомнения*) усиливает важность данных посланий.

Предложения-призывы направлены на достижение целей движения:

DO your duty to save the Republic... America needs you at the polls Tuesday November 6, 2018!

Read what student organizations have to say about campus sexual violence prevention!

Don't forget to #VOTE!

Stop enabling the abuse by discrediting the victims!

Change does not happen without effort.

В подобных призывах раскрывается желание людей изменить мир: люди понимают, что изменения не происходят без усилий (*change does not happen without effort*); чтобы изменения произошли, необходимо выполнять свой долг (*DO your duty to save the Republic*), для перемен необходимо обладать информацией (*read what student organizations have to say about campus sexual violence prevention*), а также не забывать использовать свое право и голосовать (*Don't forget to #VOTE*).

We cannot sit around and bemoan the results of our inactions! — характерным в данном примере является использование глагола *bemoan* (*bemoan — to complain or say that you are disappointed about something — жаловаться или говорить, что вы разочарованы в чем-либо*). Данный глагол получил широкое распространение благодаря процессам, сопровождавшим выход Великобритании из Евросоюза. Так стали называть людей, которые жалуются на выход Великобритании из Европейского союза: *bemoaner — someone who complains about Britain's exit from the European Union*.

Наряду с предложениями-призывами отмечаются следующие явления.

• **Приоритеты прав женщин:**

Migrant women are entitled to safety and protection too — this is their human right — safety is a RIGHT not a privy.

Авторы убеждены, что женщины-мигранты имеют законное право (*entitled — qualified for by right according to law*) на безопасность и защиту. Это их гражданское право. Безопасность — это не привилегия! Графическое оформление лексемы «право» — капитализация слова — еще раз более четко и эмоционально подчеркивает важность данного понятия.

Капитализация также встречается в эмоциональных призывах (*DO your duty, PROUD OF YOU!!! VOTE VOTE VOTE VOTE TODAY for Conor Lamb for #PA17 in the PA primaries*), дерогативной номинации обидчиков (*sick and tired of ABUSERS*).

• **Обвинения должностных лиц в нежелании обращать внимание на существующие проблемы:**

Most companies have done nothing to fight sexual harassment in #MeToo era.

Just as with Weinstein, the regressive democrats all knew about Schneiderman sex crimes...and they said nothing.

Обвинение в лицемерии и притворстве сквозит в каждом слове:

And the whole time he was speaking he thought... "look at all the women to choose

from”.

Особый интерес представляют числительные: *82 women gathered on the steps at @Festival_Cannes, representing the number of women featured in the festival.*

Ответом служит следующая ремарка: *82 was significant; it's the number of films by female directors (including 7 in mixed-gender teams) that have premie.*

Важным дискурсивным элементом также является и притяжательное местоимение *our*, служащее объединением сил. Собирабельное существительное *sisters* позволяет создать образ женщин, требующих помощи и заслуживающих большего:

Our sisters are traumatized enough by this behavior.

Настроение передается лексическими сочетаниями с отрицательной частицей: *you don't own me, I'm not just one of your many toys, I'm not your toy.*

Более того, метафора *toy* служит показателем того, как на самом деле чувствуют себя многие женщины в современном мире.

Еще одним элементом создания «нужного» настроения наряду с местоимениями *our*, *we* служит риторический вопрос:

Do you think that this is unusual? Do you think that we are unusual? We share the pain of many many woman!

Риторический вопрос также используется и для отрицательных откликов по поводу женских прав и равенства:

Why does the world need 50/50 leaders?

Why women should have equal opportunities and rights in all countries worldwide.

Не все считают, что в мире должно существовать равное в процентном соотношении количество лидеров мужского и женского полов (*50/50 leaders*), а также не во всех странах мира, по мнению противников данного движения, женщины должны иметь равные возможности и права.

Язык — это инструмент, используемый для воздействия на общественное сознание и побуждения массы к действию. Он дает возможность достигнуть поставленных целей, если они будут правильно наименованы. Язык отражает наше понимание действительности, которое, в свою очередь, влияет на наше отношение к людям, событиям и идеям или даже формирует его.

Проведенные структурно-сетевой и лингводискурсивный анализы социального движения позволили проанализировать как структуру социального движения, так и особенности политического контента, который производится в online-пространстве и в конечном счете определяет социальные действия, осуществляемые offline и задающие вектор развития

социально-политических систем.

В современном мире социальные платформы являются основными площадками создания сетевых сообществ и социальных движений. Формируясь как сети в онлайн-пространстве, данные сообщества накапливают политический капитал и мобилизуются для совершения социально-политических действий в офлайн-пространстве. Структурно-сетевой анализ в совокупности с лингводискурсивным анализом позволяет моделировать сеть в виде социального графа, выделять основных акторов данных движений и сообществ, анализировать ключевые смыслы и дискурсы политического контента, которые позволяют движению/сообществу обретать политическую субъектность, а также анализировать основания репертуара дальнейших коллективных действий всех участников движения посредством определения основных культурных компонентов политического контента в виде продуцируемых движением/сообществом/сетью смыслов, дискурсов, репертуаров и норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Сетевой анализ современных протестных движений (на примере социальной сети «Women's march») [Электронный ресурс] // Материалы VIII междунар. социологической Грузинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18—19 апр. 2018 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2018. С. 404—409. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/tezisi_2018.pdf.
2. Катермина В. В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 26—31.
3. Aron I. Bridges Not Walls: anti-Trump protesters have dropped banners on London's bridges [Electronic resource] // Time Out London. 2017. 25 Jan. URL: <https://www.timeout.com/london/blog/bridges-not-walls-anti-trump-protesters-have-dropped-banners-on-londons-bridges-012017>.
4. Cauterucci C. Getting the Women's March on Washington on the Road [Electronic resource] // Slate. 2016. 30 Dec. URL: http://www.slate.com/articles/life/doublex/2016/11/the_women_s_march_on_washington_faces_uncertain_logistics_on_inauguration.html?via=gdpr-consent.
5. Heyboer K. Women's March on Washington 2017: Who's going and when, how to get there and why it's happening [Electronic resource] // The Star-Ledger. 2017. 4 Jan. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2017/01/womens_march_washington_2017_dc_trump_when.html.
6. Malone S., Gibson G. In challenge to Trump, women protesters swarm streets across U.S. [Electronic resource] // Reuters. 2017. 21 Jan. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-women/in-challenge-to-trump-women-protesters-swarm-streets-across-u-s-idUSKBN1550DW>.
7. Przybyla H. M., Fredreka Schouten F. At 2.5 million strong, Women's Marches crush expectations [Electronic resource] // USA Today. 2017. 21 Jan. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/01/21/womens-march-aims-start-move-ment-trump-inauguration/96864158/>.
8. Ryabchenko N. A., Gnedash A. A. Civic tech communities as a modern practice of social reality changes in the era of digital transformation // International Journ. of Computer Applications in Technology. 2016. № 9 (35). P. 49—57.
9. Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedash A. A., Morozova E. V. Crowdsourcing systems on Facebook Platform: Experiment in Implementation of Mathematical Methods in So-

cial Research // Journ. of Theoretical and Applied Information Technology. 2016. № 85 (2). P. 136—145.

10. Tiefenthaler A. Women's March 2018: Thousands of Protesters Take to the Streets [Electronic resource] // The New York Times. 2018. 20 Jan. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/20/us/womens-march.html>.

20/us/womens-march.html.

11. Tolentino J. The Somehow Controversial Women's March on Washington [Electronic resource] // The New Yorker. 2017. 18 Jan. URL: <https://www.newyorker.com/culture/jia-tolentino/the-somehow-controversial-womens-march-on-washington>.

V. V. Katermina, A. A. Gnedash
Krasnodar, Russia

FORMATION OF POLITICAL CONTENT IN ONLINE SPACE: A STRUCTURAL-NETWORK AND LINGUODISCURSIVE ANALYSES OF MODERN SOCIAL MOVEMENTS (AS EXEMPLIFIED BY “WOMEN'S MARCH”)

ABSTRACT. *The beginning of the XXIst century was marked by the intensive development of information and communication technologies and their active use by society which led to the creation of a new reality — social media which become the main daily “entry point” on the Internet and an important online source of information for users. In the social media system a special role is assigned to social networks. Online space with its diversity of information and communication technologies allows participants in modern public space to be in a constant and diverse interaction; the product of this interaction is a continuously produced and reproduced political content. The complex study of political content includes structured-network and linguistic-discursive analyses. It means construction and consideration of socio-political processes and their participants as global network structures — social graphs — as well as the study of the processes of creating and interpreting meanings in political content formed by social networks and communities. The simulated social graph made it possible to identify the main actors forming political content. Understanding of reality reflected in the language shows the attitude of the participants of the analyzed movement, to the analyzed events and topical ideas. The social movement “Women's March” has been taken as an example to show the reasons for the popularity of this movement; the history of the emergence and development of this social network has also been described. It is noted that the main linguistic means of influence are the evaluation component of the meaning (ameliorative and derogatory components), the use of modal verbs, graphic, lexical and syntactic stylistic means. The article reveals the peculiarities of discourse which is produced in online space and ultimately determines social actions that are carried out offline and set the vector of development of social and political systems.*

KEYWORDS: *political content; on-line space; social movement; structural analysis; political discourse; discourse analysis; information and communication technologies.*

ABOUT THE AUTHORS: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

Gnedash Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Acknowledgement. *The research is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanities and Social Science), the research project № 18-011-00910 entitled “The Models and Practices of Political Content Management in Modern States' Online Space in The Post-Truth Era.” (2018-2020)*

REFERENCES

1. Gnedash A. A., Ryabchenko N. A. Setevoy analiz sovremennykh protestnykh dvizheniy (na primere sotsial'noy seti «Women's march») [Elektronnyy resurs] // Materialy VIII mezhdunar. sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii «Sotsiolog 2.0: transformatsiya professii», 18—19 apr. 2018 g. / otv. red. A. V. Kuleshova. — M. : VTsIOM, 2018. C. 404—409. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/tezi_2018.pdf.

2. Katermina V. V. Otsenochnye nominatsii politikov (na materiale russkoy i angliyskoy substandartnoy leksiki) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 26—31.

3. Aron I. Bridges Not Walls: anti-Trump protesters have dropped banners on London's bridges [Electronic resource] // Time Out London. 2017. 25 Jan. URL: <https://www.timeout.com/london/blog/bridges-not-walls-anti-trump-protesters-have-dropped-banners-on-londons-bridges-012017>.

4. Cauterucci C. Getting the Women's March on Washington on the Road [Electronic resource] // Slate. 2016. 30 Dec. URL: http://www.slate.com/articles/life/doublex/2016/11/the_women_s_march_on_washington_faces_uncertain_logistics_on_inauguration.html?via=gdpr-consent.

5. Heyboer K. Women's March on Washington 2017: Who's going and when, how to get there and why it's happening [Electronic resource] // The Star-Ledger. 2017. 4 Jan. URL: http://www.nj.com/news/index.ssf/2017/01/womens_march_washington_2017_dc_trump_when.html.

6. Malone S., Gibson G. In challenge to Trump, women protesters swarm streets across U.S. [Electronic resource] // Reuters. 2017. 21 Jan. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-women/in-challenge-to-trump-women-protesters-swarm-streets-across-u-s-idUSKBN1550DW>.

7. Przybyla H. M., Fredreka Schouten F. At 2.5 million strong, Women's Marches crush expectations [Electronic resource] // USA Today. 2017. 21 Jan. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/01/21/womens-march-aims-start-movement-trump-inauguration/96864158/>.

8. Ryabchenko N. A., Gnedash A. A. Civic tech communities as a modern practice of social reality changes in the era of digital transformation // International Journ. of Computer Applications in Technology. 2016. № 9 (35). P. 49—57.

9. Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedash A. A., Morozova E. V. Crowdsourcing systems on Facebook Platform: Experiment in Implementation of Mathematical Methods in Social Research // Journ. of Theoretical and Applied Information Technology. 2016. № 85 (2). P. 136—145.

10. Tiefenthaler A. Women's March 2018: Thousands of Protesters Take to the Streets [Electronic resource] // The New York Times. 2018. 20 Jan. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/20/us/womens-march.html>.

11. Tolentino J. The Somehow Controversial Women's March on Washington [Electronic resource] // The New Yorker. 2017. 18 Jan. URL: <https://www.newyorker.com/culture/jia-tolentino/the-somehow-controversial-womens-march-on-washington>.

И. Г. Тамразова
Москва, Россия

**ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЭРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ОПЫТ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается интеракционный подход к исследованию эристического дискурса как средства выражения агональной интенциональности коммуникантов. Предметом исследования становится характерная для французской политической электоральной кампании коммуникативная ситуация прямого общения политиков с «простыми избирателями», которая является привычным форматом для СМИ. Анализ видеозаписи одной из таких речевых интеракций позволяет автору показать семиотическую полиmodalность французского эристического дискурса. Автор отмечает типологические особенности французской речевой системы жестов. Отмечается параллелизм эмблематических жестов французского языка с идиоматическими стереотипными формулами — фразеологическими рефлексам. В рассматриваемом речевом взаимодействии эмблематические жесты сопровождаются определенной спонтанно-эмоциональной двигательной схемой, которую автор рассматривает как хореографию эристического речевого взаимодействия. В статье на основе анализа динамики речевого контакта выводится типология эристических жестов, среди которых индексально-интерперсональные, аутореферентные, квазиаутореферентные, метафоро-метонимические, дистанционно-аксиологические, делюктивно-аттенциональные жестовые знаки. В структуре эристического дискурса выделяется элементарная семиотическая единица — эристема, имеющая в плане содержания варьирующуюся пропозициональную и константную иллокутивную составляющую, передающую агональную интенциональность коммуниканта. В плане выражения эристема представлена паравербальным, вербальным и кинетическим уровнями. На фоне эмоционального напряжения пропозициональный план дефокусируется и происходит выдвигание в фокус жестовой и кинестетической составляющей эристеми как семиотического целого. Фиксация и полиmodalный анализ эристической речевой интеракции позволяет выявить речезыковые (кинестетические, лексические, синтаксические, идиоматические) средства выражения речевой агрессии во французском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полиmodalный дискурс; эристический дискурс; речевая интеракция; интеракционная лингвистика; политическая коммуникация; французский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тамразова Илона Геннадьевна, кандидат филологических наук, заместитель начальника Центра проектной деятельности, Московский политехнический университет; 107023, Россия, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38; e-mail: ilona999@mail.ru.

Под эристическим в речи мы понимаем нонконформистское (критическое) речевое поведение, связанное прежде всего с нарушением норм в трех концептосферах: когнитивной — межличностной — речезыковой (дискурсивной). Мы рассматриваем феномен эристики значительно шире исторически сложившегося узкого значения «искусство спора» [Schopenhauer 1993].

Речевое противодействие в виде несогласия, отказа, опровержения и т. д. является неотъемлемой частью коммуникации. И хотя сотрудничество и эмпатия лежат в основе зарождения человеческой цивилизации [Томасселло 2011], доминирование и борьба, конкуренция в различных проявлениях социального и политического бытия человеческого рода не менее (а, может быть, более) релевантна для некоторых типов коммуникации. Исследование механизмов речевой конфронтации продолжает быть актуальной проблемой интеракционной лингвистики в ее социокогнитивном измерении [Болдырев, Дубровская 2015; Ирисханова 2014].

Когнитивный поворот в исследовании дискурса [Кубрякова 2004] предопределил интерес к комплексному исследованию средств речевого взаимодействия. Компьютерная метафора Дж. Фодора [Fodor 1986], определившая поворот самой когнитивистики к полиmodalности, позволила осознать целостность и синергетичность когнитивно-

интеракционных аспектов акта речи, связь вербальных и невербальных компонентов когнитивной трансакции [Йокояма 2005]. Общение как последовательность и парадигмальность паралингвистических когнитивных манифестаций — паравербалики, мимики, жестов, проксемики — стала объектом многих актуальных исследований [Иссакова 2003].

На стадии становления языка полиmodalность коммуникации имела решающее значение и как переходный этап в формировании акустического канала связи, и как компенсаторный механизм недоразвитости вокальных языковых средств выражения [Томаселло 2003]. Сегодня жесты и другие параречевые «инструменты» коммуникации рассматриваются скорее как модальности, подчиненные вербальной коммуникации, однако их значимость в коммуникации не вызывает сомнений (вспомним известную формулу А. Мехрабиана соотношения в коммуникации вербального — жестового — визуального компонентов: «7 %—38 %—55 %» [Mehrabian 2015]). И так, как это часто бывает в науке, маргинальные явления становятся необходимым, а иногда и приоритетным направлением в исследованиях, и ученые предлагают различные подходы к трактовке полиmodalности (ср.: [Ирисханова 2018; Слово 2018; События 2016; Forceville 2018]). При этом непременно складывается некий онтологически и дедуктивно предопределенный

инвариант, который может быть принят за отправную точку исследования, например, в виде некоей матрицы, требующей эмпирического наполнения. Такой онтологически обобщающий открытый классификатор полимодальной коммуникации был представлен исследовательской группой А. А. Кибрика [Кибрик 2018: 72] (рис. 1).

Речевая интеракция, содержащая эристическое противодействие, еще не была предметом полимодального исследования, однако накопленный корпусный и аналитический материал соответствующих тематических исследований [Тамразова 2009, 2013, 2016] позволяет предложить вариант рассмотрения полимодальности эристического дискурса применительно к французской лингвокультуре.

В данной статье на материале одного аутентичного эристического (агонального) речевого взаимодействия покажем взаимопроникновение эмоциональной и кинесико-жестовой модальностей, составляющих семиотическую структуру конфликтной речевой интеракции.

В целом классификация жестов аналогична классификации речевых актов с выделением семиотических — иконографического, индексального и экспрессивно-символического — аспектов, соответствующих локутивной, иллюкутивной, перлокутивной (интерпретационно-смысловой) и элокутивно-импрессивной (риторической) составляю-

щим речезыкового акта [Петренко, Алферов 2007].

Эристические речевые акты выражают *отрицающие* речевые интенции говорящих, обращенные на партнера по коммуникации (оппонента) в рациональном и эмоциональном диапазонах, в пропозиционально-аргументативном, иллюкутивном, интерперсональном и собственно дискурсивном аспектах речевой интеракции [Алферов 2005].

Первым классификационным шагом в описании французской паравербальной речевой эристики будет достаточно тривиальное деление жестов на эмблематические (парадигматические) и процессуально-кинестические (спонтанные и дейктико-эмоциональные).

Оба выделенных типа французских жестов сопровождают ситуацию речевого противодействия (возражение, отрицание, опровержение, пренебрежение, конфликтная инвектива и т. д.).

Характерологической особенностью французских *эмблематических* жестов является их конвенционально-речевой характер [Петренко, Алферов 2007]. Практически каждый узуальный французский жест коррелирует с фразеорефлексом [Тамразова 2015], являющимся его вербальной «легендой», его фразеологической номинацией. Вопрос о функционально-семантических взаимоотношениях между жестами и их речевыми коррелятами требует особого рассмотрения (см., напр.: [Тамразова 2017]).

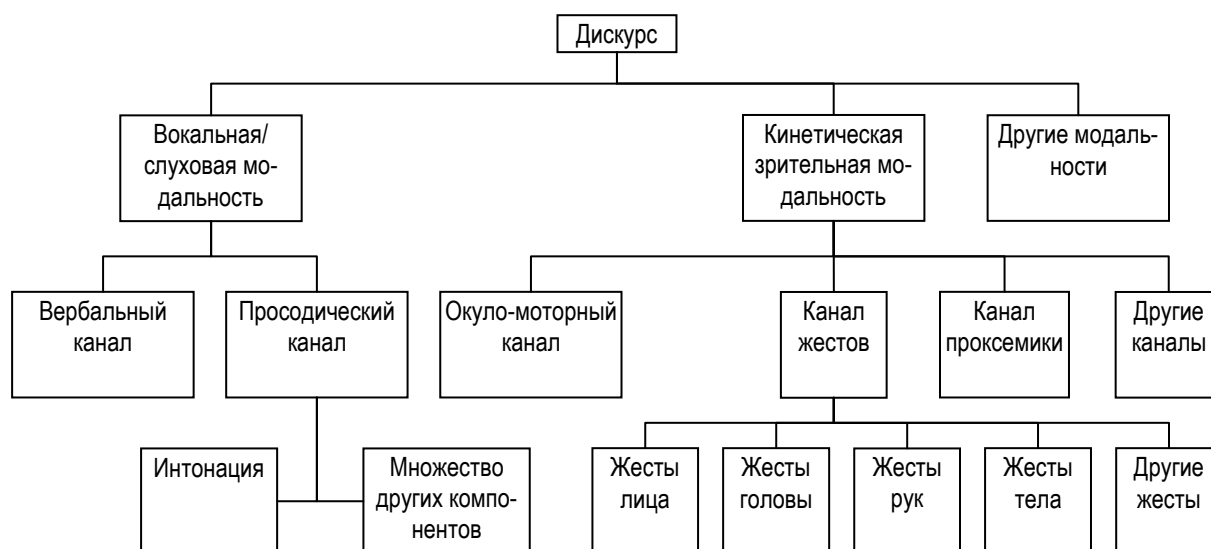

Рис. 1. Модель мультимодального дискурса А. А. Кибрика (на основе рисунка для проекта «Русский мультимодальный дискурс» [Русский мультимодальный дискурс [http](http://...)])

1. Les boules !
Отстой! Лаж!

2. La barbe !
Скукота! Надоел!

3. En avoir ras le bol.
Сыт по горло, к черту!

4. Mon oeil !
Заливаешь! Врешь!

5. Tu peux toujours courir !
Перебьешься!

6. Que dale !
Что, съел? Обломись!

Рис. 2. Конвенциональные французские эристические жесты

7. Attention, hein !
Поосторожней, да!

8. Alors, répète un peu !
Что, что, повтори!

9. Ça va pas la tête ?
Ты в своем уме?!

10. Ah pardon!
Так, позвольте!

11. Non mais, dites donc.
Скажите-пожалуйста!

12. Gare à toi !
Ну, берегись!

Рис. 3. Псевдоконвенциональные жесты и их речевые эквиваленты

Конвенциональность речевых жестов культурологически определяет лингвонациональную идентичность. Понять их значение может только человек, посвященный в семантику жестового языка национальной лингвокультуры. С семиотической точки зрения, это прежде всего символические жесты [Cosnier, Vaysse 1997], при этом жестко кинесетически и иконографически очерченные в соответствии с принятой нормой. Следующие соответствия (рис. 2) лишь приоткрывают номенклатуру конвенциональных французских эристических жестов (стоп-фиксированных в одной из кинетических точек) и

их фразеологических номинаций (жестовый корпус составлен из видеофрагментов, представленных в Интернете [Gestes et expressions françaises http]).

Следующий тип эристических жестов можно рассматривать как псевдоконвенциональные. Они также конвенциональны кинесетически, имея узувальную иконографию и характерную национальную двигательную рефлексивность. Однако их значение более прозрачно для интерпретации: их хореография приближается к спонтанной эмоциональной жестикуляции, имеющей тем не менее идиоматические особенности (см. рис. 3).

Конвенциональность таких жестов уменьшается, их эмоциональная мотивированность более прозрачна. Функциональная семантика этих жестов может быть интерпретирована исходя из «среднеевропейского кинестетического стандарта» (который предположительно существует, по аналогии с SAE — Standard Average European).

Исследование жестовой семантики получило достаточно бурное развитие в отечественной лингвистике в рамках функциональной прагматики (см., напр.: [Тамразова 2013]). Во французском анализе речевого взаимодействия (*Analyse Conversationnelle*) эта тематика также присутствует уже более 30 лет (см., напр.: [Hennel-Brzozowska 2008]). Распространение полимодального подхода в социокогнитивной лингвистике [Ирисханова 2014], в частности, в исследовании диалога [Алферов, Кустова, Попова 2013], возрождает интерес к полимодальной интеракционной синергетике и дополняет семиотический анализ речевой интеракции.

В структуре эристического дискурса нами выделяется элементарная семиотическая единица — *эристема*, объединяющая в плане выражения паравербальный (просодия), вербальный (речеактовый и лексикограмматический) и кинетический (мимика — жесты и язык тела — проксемика) уровни (ср.: [Cosnier, Vaysse 1997; Hennel-Brzozowska 2008]). Эристема — это дискурсивная единица, функциональная семантика которой определяется ее планом содержания — когнитивно-референциальным компонентом, т. е. актом образования элемента смысла как составляющей макроструктурного смысла речевой интеракции.

Наиболее маркированным функциональным жанром эристики является, несомненно, политический дискурс.

Внутренне присущая политическому дискурсу агональность реализуется как на институциональном, так и на бытовом уровнях [Шейгал, Дешевова 2009]. Наиболее ярко антагонизмы политической дискурсивной

формации [Ревзина 2005] проявляются в электоральные периоды, особенно в отношениях между политическим классом и гражданским обществом: первый старается манипулировать вторым, а тот, в свою очередь, получает иллюзию «принятия решения» с обострением «гражданской позиции».

Характерной особенностью французской политической электоральной кампании становится жанр прямого общения политиков с «простыми избирателями», который является неременным форматом в СМИ/Интернете, и часто такое общение превращается в выяснение отношений с переходом на личности, т. е. в *эристический дискурс* в его классическом понимании. Анализ видеозаписи одной из таких речевых интеракций позволит показать семиотическую полимодальность французского эристического дискурса.

Топос интеракции: улица; проходящий сквозь толпу политик (А); человек из толпы (Б) бросает критическое замечание в адрес А, который, останавливаясь, обращается к Б.

А. (1) *Regardez-moi bien droit dans les yeux! Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi, et qui racontent que j'ai des maisons et des voitures...* (Посмотрите мне в глаза! Это придурки распространяют поддельные листовки, называют меня нацистом и рассказывают, что у меня дома и машины...)

Б. (2) <...> *C'est moi le nazi?* (Это я нацист?)

А. (3) *Non, mais je sais pas, Monsieur... Je sais qu' ceux qui font ça, ils seront punis par la loi, sévèrement...* (Не знаю, месье... Я знаю, что те, кто это делает, будут наказаны по закону, жестоко наказаны...)

Б. (4) <...> *Nous verrons...* (Увидим...)

А. (5) *On verra, Monsieur... Ce qu'on va voir c' que dans ce pays tout n'est pas permis... Et il faut pas être très malin...* (Увидим, месье. Мы увидим то, что не всё в этой стране сходит с рук. Не стройте из себя умника!) — см. рис. 4.

A. (1a)
Regardes-moi bien droit dans les yeux!

A. (16)
Les imbéciles qui distribuent des faux tracts, qui me traite de nazi

A. (5a)
C' qu'on va voir c'est que dans ce pays tout n'est pas permis...

A. (56)
Et il faut pas être très malin...

Рис. 4. «Regardez-moi droit dans les yeux!»

Рис. 5. «Voilà, quarante mille euros par mois!»

Инициальная эристема **A. (1a)** выражена фразеорефлексом (стереотипной эристической формулой-вызовом) **Regardez-moi bien droit dans les yeux!** — характерный для французского речевого противодействия — и соответствующим жестом: *выпрямленная ладонь движется, обозначая траекторию от глаз собеседника к глазам говорящего* — индексально-иконический жест (интеракциональный дейксис «ты» — «я»). Элементарный смысл эристемы (ЭСЭ): «Ты меня задел, я вызываю тебя». Далее следует **A. (1б)**: отрицательно-оценочная пропозиция о неизвестных «плохих людях» (рука перемещается вправо-влево, подчеркивая негативное отношение к ним говорящего и их незначительный статус). Косвенный ЭСЭ **A. (1б)**: «Не надо уподобляться „каким-то подонкам“». Косвенное причисление собеседника к обозначенной референтной группе.

Эристема **A. (5a)** — утверждение-декларатив: *указательный палец выпрямлен и назидательно поднят вверх в направлении собеседника*.

ЭСЭ: «Праведное наказание ждет каждого» — косвенный акт угрозы, подтвержденный дополнительной пропозицией-фразеорефлексом **A. (5б)**: «Не надо умничать!» — прямым упреком собеседнику и конвенциональным жестом (ср. рис. 3, жест 9).

Этос интеракции: **Б.** сравнивает оппонента со скандальным политиком Бернаром Тапи.

Б. (6) <...> *comme ce Tapie...* (...как этот Тапи...)

A. (7) *Moi, je suis pas Tapie, j'ai rien à voir avec ça... Vous avez affaire à un homme de gauche.* (Я не Тапи, ничего общего, я человек левых убеждений...)

Б. (8) <...> *un salaud...* (Этот негодяй...)

A. (9) *Monsieur, débrouillez-vous avec c' Tapie, c'est votre...* (Месье, разбирайтесь сами с вашим Тапи...)

Б. (10) <...> *un homme de gauche... qui a quarante mille euros par mois...* (...левых убеждений и имеет сорок тысяч евро в месяц...)

A. (11) *Voilà, quarante mille euros par mois. Vous entendez les amis ?* (Ага, сорок тысяч евро в месяц... Все слышали?)

A. (12) *Oui, comment... alors... comment vous... Allez, démontrez comment j'ai quarante mille euros par mois... Vous ne savez pas, mais vous parlez quand même... Regardez-moi ce gros imbécile!* (Да, откуда, ну да... откуда... Давайте, покажите, откуда у меня сорок тысяч евро в месяц. Нет, вы посмотрите на этого толстого идиота...) — см. рис. 5.

A. (7a): псевдоконвенциональный жест «Запомните!», направленный на собеседника и *указывающий* на нарушение им личностной пресуппозиции «левый политик»; **A. (7б)**: индексальный (указательный) жест — корректирующая «самопрезентация»; **A. (9)** иконографически идентичен и семантически синонимичен **A. (1б)**: «Какой-то Тапи, ничего с ним общего».

Пафос интеракции: **Б.** продолжает атаковать и прибегает к косвенному акту обвинения: «Нельзя быть левым политиком и

иметь такие деньги», называя конкретную сумму в месяц. Такая конкретика, с точки зрения оппонента, требует доказательств — эристема **A. (11a)**: *указательный палец резко направляется в лицо собеседнику*, который вынужден отстраниться: «Ага, 40 000 в месяц!» и далее **A. (11б)**: жестовая и кинетическая апелляция к аудитории «Нет, вы посмотрите!» — указание на собеседника. Именно «аргумент» **Б. (10)** становится наиболее острым конфликтогеном, вызывающим речевую и кинетическую агрессию **A. (12a)**: политик скрещивает на груди руки, голова вытягивается вперед, лицо приближается к лицу оппонента — ЭСЭ: вызов «ну давай, скажи» (ср. рис. 3, жест 11). Эристический выпад усиливается апелляцией к аудитории **A. (12б)**: *презрительное выражение лица, открытая ладонь, разведенные пальцы* — псевдоконвенциональный кинестетический акт выражения пренебрежения.

Далее **Б.** упрекает **A.** в несоответствии статусу сенатора, коим тот, как оказалось, не является:

Б. (13) <...> *être sénateur...* (...быть сенатором...)

A. (14) *Eh oui Monsieur, vous ét'un grand imbécile... Parce que... et oui mon bonhomme... On peut pas être sénateur et député en même temps...* (Ну конечно, месье, да вы просто идиот... Потому что, да-да-да, уважаемый, нельзя быть сенатором и депутатом одновременно...)

Б. (15) <...> *C'est ce que j'disais: Monsieur est impoli...* (Ну, я говорил, он еще и обзывается...)

A. (16) *Ouah, impoli, et vous... qu'est-ce que vous êtes?..* (**A.** обзывается, а вы, вы что делаете?)

Б. (17) <...> *J'sais pas...* (Не знаю...)

A. (18) *Mais si, vous dites une bêtise pour enduire les gens en erreur... Regardez-moi droit dans les yeux! Vous êtes un homme? Alors, je gagne quarante mille euros..., espèce d'imbécile... Vas-y comment tu l'sais... Vas-y, dis le voir...* (Да знаете, вы говорите глупости, чтобы вводить людей в заблуждение... В глаза мне смотреть! Ты мужик или нет? У меня сорок тысяч в месяц, недоумок... Да давай, докажи, давай скажи, скажи...)

Б. (19) <...> *Il va me taper dessus!* (Ох, он меня сейчас ударит!) — см. рис. 6.

A. (14) вводит аргументацию, уличающую **Б.** в незнании законов. Опираясь на ошибку противника, **A.** развивает наступление, «бросая в лицо» **Б.** инвективу *vous ét'un grand imbécile*, и дает **Б.** повод обвинить оппонента в грубости — **Б. (15)**. При этом **Б.** оборачивается на камеру, призывая оператора в свидетели. (Этот жест показывает, что такие пикировки вполне могут быть провокациями по отношению к политикам, вызывающими их на бурные эмоциональные реакции, которые фиксируются на камеру и выкладываются в Интернет с целью дискредитации политического противника.)

A. возмущен и нападает на оппонента, повышая голос, грудью наступая на него, размахивая руками: **A. (16; 18a, б)**, чем вызывает у противника испуг — **Б. (19)**: «Ох, он меня сейчас ударит!» Испуганный человек резко отклоняется назад, опасаясь сжатой в кулак руки противника.

Такая эристическая кульминация сменяется паллиативным окончанием диалога:

A. (20) *Je ne vous taperai pas, t'es un crétin et c'est tout* (Я вас не ударю, ты просто идиот, вот и все).

Б. (21) <...>

A. (22) *Exactement... Parce que vous mentez... Alors, je gagne quarante mille euros... Comment vous le savez, en lisant les tracts du Front National?* (Точно... потому что вы врете. Ага, я получаю сорок тысяч... Откуда вы это взяли? Из листовок Национального фронта?)

Б. (23) *Non, pas du tout, pas du tout...* (Нет. Ни в коем случае...)

A. (24) *Vous n'savez rien du tout, vous avez un pois chiche à la place du cerveau! Eh, vous autres, l'extrême droite, voilà c'que vous êtes... Exactement.* (Да, ничего вы не знаете, у вас д...мо [мусор] в голове. Да вы, вы — это крайне правые, вот кто вы. Да, конечно).

Таким образом, фиксация и полимодальный анализ эристической речевой интеракции позволяет выявить речевые (кинестетические, лексические, синтаксические, идиоматические) средства выражения речевой агрессии во французском языке.

Б. (15)
<...> *C'est ce que j'disais*
Monsieur est impoli...

A. (16)
Ouah, impoli, et vous...
qu'est-ce que vous ôtos...

A. (18a)
vous dites une bêtise pour
enduire les gens en erreur...

A. (18б) — Б. (19)
Regardez-moi bien droit dans
les yeux!
Il va me taper dessus!

Рис. 6. «Il va me taper dessus!»

Среди отмеченных жестов можно выделить несколько категорий: *индексально-интерперсональные* (А. 1а; А. 11б), *аутореферентные* (А. 7а; А. 7б;) и *квазиаутореферентные* (А. 7а), *метафоро-метонимические* (А. 5б; А. 12в), *дистанционно-аксиологические* (А. 1б; А. 5б; А. 7а; А. 9; А. 11б; А. 12б; А. 12в; Б. 15; А. 16), *делокутивно-аттенциональные* (А. 5а; А. 11а; А. 12б; А. 16) и т. д. (ср.: [Cosnier, Vaysse 1997]). В силу интеракционального синкретизма один жест может соотноситься с разными иллокутивными типами. Такая классификация требует метаязыковой формализации и унификации как в плане категоризации, так и в плане метаязыкового описания (терминологии, систем записи и т. д. — ср. [Кибрик 2018]).

Однако уже на начальной стадии полимодального исследования эристического дискурса сбор и систематизация корпусного материала позволяет судить о системном синергетизме речевой интеракции и констатировать взаимодействие между идиоматической и жестами, между кинесикой и речеактивной типологией, соответствующей агональным речевым поведенческим стратегиям — от нонконформизма до агрессивной девиантности, что позволяет считать жестокинетическую хореографию перспективной для разработки и неотъемлемой составляющей описания французского эристического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. Релевантность высказывания // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. 2005. № 1. С. 54—59.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 77—79.
3. Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 14—25.
4. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5—17.
5. Ирисханова О. К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334—344.
6. Иссакова О. П. Элементы жестово-мимической системы как значимые компоненты анализа интонационно-стилистических вариантов высказывания: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003. 167 с.
7. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. — М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
8. Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70—80.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

10. Николаева Ю. В., Кибрик А. А., Федорова О. В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог — 2015 : материалы междунар. конф. — М., 2015. С. 487—489.
11. Петренко Т. Ф., Алферов А. В. Проблемы семиотики : хрестоматия. — Пятигорск, 2007. Ч. 1 : Знак. Система. Коммуникация. 406 с.
12. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66—78.
13. Русский мультимедийный дискурс [Электронный ресурс]. URL: <http://multidiscourse.ru/main/>.
14. Слово и жест : материалы конф. / отв. ред. С. О. Савчук. — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2018. 26 с.
15. События в коммуникации и когниции : материалы Междунар. науч. конф. (Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts), Москва, 19—20 мая 2016 г. — М.: МГЛУ, 2016. 175 с.
16. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2009. 216 с.
17. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики французского и русского эристических дискурсов (контрастивный анализ) // Вестн. Москов. гос. открытого ун-та. Сер.: Общественно-политические и гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 55—57.
18. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85—87.
19. Тамразова И. Г. Повтор и речевая реноминация как делокутивные акты // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 108—111.
20. Тамразова И. Г. Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы // Общественные науки. 2017. № 1. С. 278—285.
21. Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
22. Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). С. 145—148. (Филология. Искусствоведение ; вып. 36).
23. Cosnier J., Vaysse J. Sémiotique des gestes communicatifs // Nouveaux actes sémiotiques. 1997. 52. P. 7—28.
24. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. — Paris : Minuit, 1986. 234 p.
25. Forceville C., Jens E. K. The affordances and constraints of situation and genre: visual and multimodal rhetoric in unusual traffic signs // International Review of Pragmatics. 2018. № 10 (2). P. 158—178.
26. Gestes et expressions françaises [Electronic resources]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=10%20Gestes%20et%20expression%20fran%20C3%A7aises%20-%2020%231&clid=1955453&banerid=04012098%3ASW-248761300016&win=127&lr=11067>.
27. Hennel-Brzozowska A. La communication non-verbale et paraverbale — perspective d'un psychologue // Synergies Pologne. 2008. №5. P. 21—30.
28. Kibrik A. A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / Marcin Grygiel, A. Janda Laura (eds.). — Frankfurt am Main : Lang, 2011. P. 273—304.
29. Mehrabian A. Theoretical foundation for emotion-based strategies in political campaigns // The social psychology of non-verbal communication / A. Kostic, D. Chadee (eds.). — New York : Palgrave Macmillan, 2015. P. 198—219.
30. Schopenhauer A. L'art d'avoir toujours raison / Franco Volpi. — Strasbourg : Circé, 1993. 188 p.
31. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 2003. 388 p.

I. G. Tamrazova
Moscow, Russia

POLYMODALITY OF FRENCH ERISTICAL DISCOURSE: EXPERIENCE OF INTERACTIVE RESEARCH

ABSTRACT. *The article deals with an interactive approach to the study of eristical discourse as a means of expressing the agonial intentionality of communicants. The subject of the study is the communicative situation of direct communication between politicians and "ordinary voters", which is an indispensable format of the French political electoral campaign. The analysis allows to show the semiotic polymodality of French eristical discourse. The author notes the typological features of the French system of gestures. The parallelism of the emblematic gestures of the French language with idiomatic stereotypical formulas — phraseological reflexes — is noted. In the analyzed speech interaction, the emblematic gestures are accompanied by a certain spontaneously-emotional motor scheme, which the author considers as a choreography of the eristical speech interaction. The article on the basis of the dynamics of the speech contact gives a typology of eristical gestures, such as index-interpersonal, autoreferential, quasi-autoreferential, metaphor-metonymic, emotive-axiological, delocutive-intentional gestural signs. In the structure of eristical discourse there is an elementary semiotic unit which contains a changeable propositional and constant illocutionary component, transmitting the agonial intentionality of a communicant. From the point of view of expression the eristem is presented on the para-verbal, verbal and kinetic levels. Against the background of emotional tension, the propositional plan is defocused and the accentuation of the gesture and kinesthetic component of eristem-unit occurs. Fixation and polymodal analysis of eristical speech allows to reveal speech-language (kinesthetic, lexical, syntactic, idiomatic) means of speech aggression in the French language.*

KEYWORDS: *polymodal discourse; eristical discourse; verbal interaction; interactional linguistics; political communication; French.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tamrazova Ilona Gennadievna, Candidate of Philology, Deputy Head of the Project Activity Center, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Alferov A. V. Relevantnost' vyskazyvaniya // Vestn. Pyatigorsk. gos. un-ta. 2005. № 1. S. 54—59.
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interaktsional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2013. № 2. S. 77—79.
3. Boldyrev N. N., Dubrovskaya O. G. O formirovani sotsiokul'turnoy spetsifiki diskursa // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 3 (044). S. 14—25.
4. Iriskhanova O. K. Sotsiokognitivnaya lingvistika: struktury sotsial'nykh znaniy i problemy ikh opisaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2014. № 4. S. 5—17.
5. Iriskhanova O. K. Kognitivnyy rezonans i ego verbal'nye i neverbal'nye proyavleniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. № 32. S. 334—344.
6. Issakova O. P. Elementy zhestovo-mimicheskoy sistemy kak znachimye komponenty analiza intonatsionno-stilisticheskikh variantov vyskazyvaniya: na materiale russkogo yazyka : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2003. 167 s.
7. Yokoyama O. Kognitivnaya model' diskursa i russkiy porjadok slov. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 424 s.
8. Kibrik A. A. Russkiy mul'tikanal'nyy diskurs. Ch. 1. Postanovka problemy // Psikhologicheskyy zhurnal. 2018. T. 39. № 1. S. 70—80.
9. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 s.
10. Nikolaeva Yu. V., Kibrik A. A., Fedorova O. V. Struktura ustnogo diskursa: vzglyad so storony mul'timodal'noy lingvistiki // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog — 2015 : materialy mezhdunar. konf. — M., 2015. S. 487—489.
11. Petrenko T. F., Alferov A. V. Problemy semiotiki : khrestomatiya. — Pyatigorsk, 2007. Ch. 1 : Znaki. Sistema. Kommunikatsiya. 406 s.
12. Revzina O. G. Diskurs i diskursivnye formatsii // Kritika i semiotika. — Novosibirsk, 2005. Vyp. 8. S. 66—78.
13. Russkiy mul'tikanal'nyy diskurs [Elektronnyy resurs]. URL: <http://multidiscourse.ru/main/>.
14. Slovo i zhest : materialy konf. / otv. red. S. O. Savchuk. — M. : In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2018. 26 s.
15. Sobytiya v kommunikatsii i kognitsii : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Events in Communication and Cognition: Book of Abstracts), Moskva, 19—20 maya 2016 g. — M. : MGLU, 2016. 175 s.
16. Tamrazova I. G. Funktsional'no-pragmaticheskie kharakteristiki eristicheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2009. 216 s.
17. Tamrazova I. G. Funktsional'no-pragmaticheskie kharakteristiki frantsuzskogo i russkogo eristicheskikh diskursov (kontrastivnyy analiz) // Vestn. Moskov. gos. otkrytogo un-ta. Ser.: Obshchestvenno-politicheskie i gumanitarnye nauki. 2013. № 4. S. 55—57.
18. Tamrazova I. G. Kognitivnoe prostranstvo eristiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 26. S. 85—87.
19. Tamrazova I. G. Povtor i rechevaya renominatsiya kak delokutivnye akty // Perevod i sopolstavitel'naya lingvistika. 2015. № 11. S. 108—111.
20. Tamrazova I. G. Stereotipnost' delokutivov. Frazerefleksi // Obshchestvennye nauki. 2017. № 1. S. 278—285.
21. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 328 s.
22. Sheygal E. I., Deshevova V. V. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34 (172). S. 145—148. (Filologiya. Iskuststvedenie ; vyp. 36).
23. Cosnier J., Vaysse J. Sémiotique des gestes communicatifs // Nouveaux actes sémiotiques. 1997. 52. P. 7—28.
24. Fodor J. A. La modularité de l'esprit. — Paris : Minuit, 1986. 234 p.
25. Forceville C., Jens E. K. The affordances and constraints of situation and genre: visual and multimodal rhetoric in unusual traffic signs // International Review of Pragmatics. 2018. № 10 (2). P. 158—178.
26. Gestes et expressions françaises [Electronic resources]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=10%20Gestes%20et%20expressions%20fran%20C3%A7aises%20-%20%20231&clid=1955453&banerid=04012098%3ASW-248761300016&win=127&lr=11067>.
27. Hennel-Brzozowska A. La communication non-verbale et paraverbale — perspective d'un psychologue // Synergies Pologne. 2008. №5. P. 21—30.
28. Kibrik A. A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / Marcin Grygiel, A. Janda Laura (eds.). — Frankfurt am Main : Lang, 2011. P. 273—304.
29. Mehrabian A. Theoretical foundation for emotion-based strategies in political campaigns // The social psychology of non-verbal communication / A. Kostic, D. Chadee (eds.). — New York : Palgrave Macmillan, 2015. P. 198—219.
30. Schopenhauer A. L'art d'avoir toujours raison / Franco Volpi. — Strasbourg : Circé, 1993. 188 p.
31. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 2003. 388 p.

Т. М. Шкапенко, И. Ю. Вертелова
Калининград, Россия

МАРКЕРЫ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К ПЕРЕВОДНЫМ СТАТЬЯМ ПОЛЬСКИХ СМИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению интернет-комментариев (далее ИК) к переводным статьям из польских СМИ, размещенным на портале «ИноСМИ.Ру». Основной коммуникативной целью большинства ИК является выражение субъективной эмоциональной оценки Польши как исторического и геополитического субъекта и польской нации как носителя определенного типа менталитета. Превалирующее в высказываниях негативное отношение к Польше и полякам возникает на основе взаимодействия содержащихся в статьях стимулов с уже имеющимися у комментаторов оценочными знаниями в области российско-польских взаимоотношений. В условиях пресуппозиционного давления первичный текст рассматривается читателями как дополнительное подтверждение справедливости уже сформировавшихся позиций и действует в качестве стимула, усиливающего эмоциональность высказываемых отрицательных оценок. Совокупность языковых средств, используемых с целью выражения мнения о Польше и поляках, формирует агрессивный, инвективный дискурс. Основными маркерами вербальной агрессии являются метафорические средства и эмоционально-экспрессивные этнофолизмы, значительное количество которых образовано с помощью различных приемов языковой игры. Изобретаемые пользователями слова дискредитируют объект обсуждения, реализуют иллюкутивную цель намеренного оскорбления и входят в постоянный состав маркеров языка вражды данного интернет-сегмента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; медиалингвистика; интернет-комментарии; инвективный дискурс; язык вражды; этнофолизмы; зооморфные метафоры; морбиальные метафоры; польские СМИ, СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Шкапенко Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru.

Вертелова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: vertelova-irina@yandex.ru.

Введение. Одним из следствий стремительного развития интернет-технологий явилось освоение журналистикой виртуальных площадок, повлекшее за собой видоизменение и обогащение основных журналистских жанров. Значительные изменения претерпела в Интернете традиционная газетная статья, утратившая статус одностороннего канала передачи информации и приобретшая интерактивный формат. Как справедливо указывает И. В. Анохов, «печатные органы окончательно потеряли монополию на рынке информации. Более того, сегодня уже нельзя уверенно сказать, кто является автором информации: редакция газеты или комментаторы на ее сайте <...>» [Анохов 2017: 482]. Интерактивный компонент статей вызывает значительный интерес исследователей медиадискурса, анализирующих данный феномен преимущественно с точки зрения его дифференциальных жанровых характеристик [Гималетдинова 2012; Карпоян 2014] и типологии объектов, порождающих комментарии читателя [Стексова 2013; Савельева 2013].

Значительно реже интернет-комментарии используются в качестве живого эмпирического материала для комплексного изучения трех уровней реализации коммуникативного события: дискурсивного, лингвистического и социального. Особый интерес в данной связи представляют собой комментарии российских читателей к переводным материалам газетных статей из польских СМИ, публикуемым на российском портале «ИноСМИ.ру». Сложный характер польско-

российских взаимоотношений находит свое непосредственное отражение в используемых в комментариях дискурсивных и языковых средствах, предоставляя объективную основу для понимания специфики социальной практики взаимоотношений двух этносоциумов.

Методология. Интерес к изучению интерактивного компонента политического медиадискурса привел к признанию интернет-комментариев в качестве самостоятельного феномена политического дискурса. Одним из наиболее значимых результатов такого осмысления является возникновение в рамках российской политической лингвистики нового парадигмального подхода, получившего наименование «обыденной лингвополитологии» [Голев 2011; Голев, Шанина 2013]. Основной исследовательский алгоритм, предложенный его авторами, состоит в «реконструкции обыденного метаязыкового сознания по его „продуктам“, которые обнаруживаются в текстах рядовых носителей языка, обсуждающих политические проблемы на интернет-сайтах» [Голев 2013: 30].

Нелинейный характер ИК как типовых объектов обыденной лингвополитологии, представляющих собой вторичный по отношению к газетному материалу текст, предполагает включение в процесс анализа трех уровней его реализации. Наиболее релевантную методологию исследования феномена ИК способна предоставить трехмерная модель критического дискурс-анализа Нормана Фэйрклафом [Fairclough 2003], включающая анализ дискурсивного, лингвистического и соци-

ального контекстов анализируемого коммуникативного события.

На первом уровне анализа ИК в работе используется предложенная российскими лингвистами типология объектов первичного текста, выполняющих роль стимулов содержащихся в комментариях высказываний. Согласно Т. И. Стексовой, к таковым относятся пропозитивное содержание текста-стимула; персонаж/герой текста; пропозитивное содержание другого комментария; автор/журналист текста; автор другого комментария; ассоциативные связи [Стексова 2013: 92]. И. В. Савельева строит свою классификацию на основе различных типов восприятия политических статей, указывая на две основные формы восприятия: целостное и фрагментарное [Савельева 2013: 154].

Инвективный характер дискурса, свойственный рассматриваемому интернет-сегменту, обусловил необходимость обращения в работе к анализу средств, конституирующих так называемый язык вражды [Burchfield 1980; Burnap 2015; Nobata 2016], в первую очередь этнофолизмов, под которыми принято понимать слова, используемые как этнические ярлыки в неуважительном или оскорбительном смысле [Куманицина 2005; Djuric 2015; Henderson 2003]. Описание игрем-этнофолизмов опирается на идеи исследователей феномена языковой игры в интернет-дискурсе [Куманицина 2005; Михневич 2015], в то время как в основе анализа метафорических наименований лежит когнитивный подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], развитый и обогащенный по отношению к политическому дискурсу А. П. Чудиновым [Чудинов 2001].

Дискурсивный уровень интернет-комментариев. Объектом нашего исследовательского интереса явились комментарии к статьям из польских печатных и электронных СМИ, переводы которых размещены на интернет-портале «ИноСМИ.ru» в период с 2015 по 2018 г. Спектр представленных польских СМИ достаточно репрезентативен: «Gazeta Wyborcza», «Wirtualna Polska», «Polityka», «Rzeczpospolita», «Nasz Dziennik», «Nowa Europa Wschodnia», «Do Rzeczy», «Newsweek Polska», «fronda.ru», «wPolityce», «Polska» и др. Основная тематика комментируемых статей: присоединение Крыма к России, украинско-российский конфликт, западные санкции по отношению к России, экономическая ситуация в России, российско-американские отношения, польско-американские отношения, личность президента России В. В. Путина, смоленская катастрофа, строительство газопровода «Северный поток», участие России в военной опе-

рации в Сирии, вопрос о так называемой советской оккупации и ликвидации советских памятников, российская оппозиция, отстранение российских спортсменов от участия в Олимпийских играх 2018 г. и другие.

Несмотря на чрезвычайно широкий тематический спектр, только в 18 % комментариев авторы непосредственным образом апеллируют к какому-либо описанному в статье событию, факту или персоне. Все остальные ИК характеризуются удивительным единообразием, представляя собой мнения пишущих о Польше и поляках в целом. Значительно реже объектом комментирования становится автор статьи, однако и в этом случае оценочные высказывания содержат в себе негативные характеристики польского журналиста как типичного представителя своей страны и нации (9 %). Такое же число комментариев апеллирует к персонам, фигурирующим в тексте статьи, к которым чаще всего относятся представители органов власти Республики Польша.

Отличительной особенностью анализируемого сегмента ИК является практически полное отсутствие в ветках комментариев «третичных» текстов, стимулируемых высказываниями других участников обсуждения. Столь редкое для сферы политического комментария единство мнений может объясняться общностью оценки, являющейся результатом эмоциональной реакции на постоянный обвинительный дискурс польских статей, во многом отражающий фундаментальные основы современной польской историографической науки и современной геополитической практики. Как следствие, основным стимулом, вызывающим потребность в комментировании, становится общее содержание статей и присутствующие в них интерпретации различных событий и процессов.

Этнофолизмы как маркеры языка вражды. Конструктивные особенности дискурсивных практик находят свое отражение на лингвистическом уровне ИК. Выбор в качестве основного объекта комментирования генерализованного субъекта — польского государства и нации — обуславливает сконцентрированность авторов на тех языковых средствах, которые позволяют в максимальной степени передать их негативные эмоциональные оценки. В данном ряду выделяются уже существующие в русском языке лексемы-этнонимы и новые, изобретаемые авторами комментариев языковые знаки. К числу первых относятся широко употребительные лексемы *поляки*, *пшеки*, *ляхи*.

Использование этнонима *поляки* в текстах комментариев можно было бы признать нейтральным, не имеющим никаких

дополнительных коннотаций наименованием, если бы не его специфическое контекстуальное окружение. Относящиеся к нему прилагательные характеризуют негативные моральные или интеллектуальные качества представителей польской нации: *глупые, недалекие, тупые, безумные, темные, неблагодарные, злые, завистливые, спесивые, кичливые, гордые, жестокие, убогие* и др.: — *Поляки неблагодарный, завистливый, ничтожный народец. — Неужели все поляки тупые как сельди? Или это только их официальные СМИ такие? — Поляки опять скажут по своим граблям. Убогие...* [ИносмиРу <http://>].^[1]

Эти же прилагательные используются в качестве определений к словам *ляхи* и *пшеки*, уже содержащим в своей семантике негативные коннотации, отмечаемые не всеми словарями. Так, согласно Т. Ф. Ефремовой: «*ляхи*: 1) То же, что: поляки. 2) Название польских племен (в этнографии и истории)» [Ефремова 2000]. В то же время авторы «Словаря русских фамилий» указывают: «*Лях* — прозвище поляка в старину. Из-за частых войн с Польшей слово 'лях' в старину имело и переносное, бранное значение: *супротивник, враг*» [Корнева <http://>].

Слово *пшеки* не регистрируется толковыми словарями русского языка, как и многие другие просторечные этнофолизмы, несмотря на то, что является весьма распространенным в обиходной русской речи наименованием польской нации. Звукоподражательность данного этнонима, в основе которого лежит мотивирующий признак насыщенности польской речи шипящими согласными, имплицитно указывает на принадлежность к пейоративной лексике. Прилагательные, относящиеся к словам *пшеки* и *ляхи*, атрибутируют всему польскому этносу отрицательные моральные или интеллектуальные качества: — *Глупые ляхи хотят свою оборону укрепить за счёт своих хозяев пендосов, совсем забыв при этом, что те могут потребовать за свои услуги кое-что взамен...* — *Лично я о Польше слышу только из ИноСМИ, мания величия у поляков непомерная, одно слово „кичливый лях“.*^[2]

При этом значительная часть высказываний подчеркивает универсальность, «хроничность» и неисправимость общенациональных польских пороков: — *М-да... Поляки хоть бы для разнообразия что-нибудь умное написали. — Поляки в своем репертуаре... Как всегда дышат ядом и брызжут желчью... — Пшеки — вечные лузеры, умудрившиеся проиграть все войны...*

Характерной особенностью речевых ак-

тов ИК является значительный удельный вес фатического общения, обращенного не к автору прочитанного материала, а ко всем полякам в целом: — *Дорогие поляки, к сожалению, у вас нет возможности думать ни своими мозгами, ни задним умом... — Несчастные поляки, как мне их жалко. Правду говорят, когда Бог хочет наказать, то он лишает разума (разумности, наверное, будет точнее).*

В отдельных случаях обращения принимают форму угрозы, выражаемой с помощью различных типов комиссивных речевых актов: — *Отомстит вам, история, ляхи неблагодарные. — Пшеки неблагодарные... Уже и ни смешно, и ни горько. Их Бог регулярно наказывает раздлами за их подлость.*

Постоянное указание на неблагодарность поляков является одним из самых распространенных в ИК, во многом объясняющим причины столь высокой эмоциональности и агрессивности высказываемых оценок. Иллокутивная цель нанести оскорбление находит свое выражение в использовании суффиксальных образований с уменьшительно-уничижительным значением — *полячишки и народец*: — *Этот польский народец отравлен и всегда был отравлен комплексом национальной исключительности. — Полячишки, бросайте выть. Займитесь своей псевдостраной.*

Комментаторы не ограничиваются уже существующими в языке этнонимическими номинациями, создавая собственные игровые средства. К ним относится слово *поленья*, образованное на основе созвучия нейтральных этнонимов (*поляки, Полония*) с существительным *полено*, в переносном смысле обозначающим крайнюю, непроходимую степень тупости. Авторы оригинальной лексики создают новый языковой знак, вплетая в идентификационную семантику существующего нейтрального этнонима субъективную прагматику. В результате конструируется диффузный смысл, в рамках которого польская нация предстает носителем основной, приписываемой им черты, — крайней степени тупости. При этом следует осознавать, что в основе номинации отнюдь не лежит оценка интеллектуального потенциала польской нации. По мнению коллективного интернет-номинатора, тупость поляков состоит в их патологической неспособности понять и принять российскую точку зрения на многие исторические процессы и реалии, в их последовательной антироссийскости, враждебности и исторической неблагодарности по отношению к России.

Образуемый языковой знак имеет явно

выраженную инвективную направленность, становится устойчивой номинацией в рамках данного портала: — *Поленья решили заняться бактериологическим оружием. — Польша России ВАЩЕ не нужна. Постарайтесь это понять. Хотя, куда уж вам, поленьям...* — *Поленья жгут в свойственной им манере.*

Сходный тип конструирования значения посредством образования игрем, выполняющих дискредитационную функцию, характерен для НЕ *подляки, Подльша, подльский*, в которых идентификационная сема национальности подавляется прагматическим признаком подлости, в результате чего рождается гибридный игровой знак.

Сильная эмоциональная реакция, в первую очередь на действия, оцениваемые как историческая неблагодарность поляков, вызывает потребность в создании такого гибридного смысла, в котором само исходное языковое «сырье» ведет номинатора к извлечению таящихся в нем семантико-прагматических «ископаемых». С огромной долей уверенности можно предположить, что открытия внутренних, игровых ресурсов знака не произошло бы, если бы не давление определенных экстралингвистических факторов, направляющих лингвокреативный поиск комментаторов в соответствующее русло. Потенциальное наличие в нейтральных этнонимах *Польша* и *поляки* фонемы *д* обыгрывается в следующем примере, относимом к так называемым «афонаризмам» недели на форуме «ForUA»: *Жили-были два племени — в Киеве и окрестностях подляне, а на территории современной Польши — подляки. А потом клятая имперская историография выкинула из их исторических названий буквы „д“ для благозвучия [ForUA http].*

Игровые модели конструирования инвектив характерны и для образования новых знаков-названий страны, представляющих собой дериваты от названий-этнонимов: *пшеки: Пшекия, ляхи — Ляхляндия, поляки — Поляндия, поленья — Поления, подляки — Подльша*. Стремление подчеркнуть жалкость и убожество политических претензий и амбиций Польши выражается в образовании семантико-прагматического гибрида *Великопшекия*. Та же субъективная оценка амбиций Польши как достойных исключительно жалости и осмеяния отражается в основанном на параномазии игровом преобразовании официального наименования польского государства *Rzecz Pospolita (Печь Посполитая)* в *Ржачьпосполита*.

Конкретные примеры употребления данных «лингвосамородков» либо апеллируют к прошлому: *Какому-такому духу свободы*

могут нас, русских, научить пшеки? Той свободе, с которой польская национальная героиня Мария Валевска раздвигала свои изящные ножки перед Наполеоном Бонапартом, выключившая у этого французика восстановление границ ВеликоПшекии времен 1774г.? — либо указывают на жалкую роль современной Польши как прислужницы Вашингтона, который также получает новый семиотический ракурс *Фашингтона*: — *А ржачьпосполита о том, как бы хорошо было снова стать любимой женой белого (ой, ныне черного!) господина. — Зря эти нищоброды поставили на фашингтон в противовес Европе, да ещё и против России.*

Рассматриваемые игремы выполняют функцию намеренной дискредитации и оскорбления номинируемых объектов, генерируют новые социальные смыслы, ставящие знак равенства между национальной принадлежностью и той чертой характера, которая избирается в качестве определяющей сущности национального менталитета в целом.

Зооморфная и морбиальная метафора как маркеры языка вражды.

К числу основных маркеров языковой вражды в рамках анализируемого интернет-сегмента относятся также метафорические средства номинации. В рамках зооморфной метафоры чаще всего доменным источником выступает собака (*шавки, собачонка*), а именно такие ее свойства, как наличие хозяйина, беспрекословное служение тому господину, который ее кормит, а также проявление враждебности и агрессии по отношению к его врагам. Такое метафорическое видение объективируется в указании на действия, производимые этими животными, которые *тявкают, лают, брешут, оскаливаются, убегают, поджав хвосты*, и т. п.: — *Полония служит собакой в Белом доме, оттого ей „предложили внести коррективы в маршрут самолёта“.* — *Польские шавки тявкают на Россию и оглядываются на полкана, а максимка лишь ухмыляется.*

Средства зооморфной метафоры подчеркивают геополитическую незначительность польского государства, продажность и сервильизм его властей. Речевые акты, направленные на понижение статуса Польши, одновременно повышают статус собственного государства.

Следующим высокочастотным источником зооморфной метафоры являются образы *шакала* и *гиены*, которым в словарях даются такие характеристики: «шакал — это хищное, похожее на волка животное семейства собачьих, питающееся преимущественно падалью. 2. разг. Жадный, хищный человек» [Ефремова 2000], «гиена — хищное

млекопитающее, обитающее в открытой местности, <...> и питающееся обычно падалью. II м. и ж. 1. разг. сниж. Жадный и коварный человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово» [Там же].

— *Вот шакалье*) даже смешно читать, как полякам не противно быть таким заискивающим существом. — *Господин назначил меня любимой женой! двусторонний военный союз Вашингтона и Варшавы ... жалкое шакалье ... — А для чего России нужно было сбивать малазийский лайнер? Неужели только для того чтобы накормить вечно голодных польских гиен????*

Данные метафоры являются одним из самых распространенных в рамках ИК средством выражения намеренного оскорбления Польши. Примечательно, что многие авторы пытаются разделить ответственность за инвективный дискурс, апеллируя к авторитетным источникам (К. Маркс и Ф. Энгельс, У. Черчилль, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Р. Киплинг). Так, «шакалья» метафора актуализируется с помощью цитаты из «Книги джунглей» Р. Киплинга: *Шерхан поднял голову, а шакалёнок закричал: „А мы пойдём на север!“ Вот и вся сказочка!* Уподобление польского государства гиене неоднократно связывается авторами с «первоисточником» данной метафоризации, премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, сказавшим: «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [Цит. по: Леонтьев 2012: 32].^[3] Высокий уровень интертекстуальности, свойственный данному порталу в целом, свидетельствует не только о наличии определенного багажа знаний, но и о стремлении аргументировать собственные негативные оценки, связать текущие события и исторический опыт в единое целое.

Комментаторы не ограничиваются уже существующими метафорами, изобретая новые словоформы. Так, предлагая оригинальное обозначение *семейство поляковые*, его автор строит свое определение по образцу научных дефиниций, перечисляя основные дифференциальные признаки вида:

Поляк — единственный представитель Семейства Поляковые, отряда приматов. Обитают на Равнинах Восточной Европы. Самки намного крупнее самцов. Всеядны, не брезгают падалью. Держатся небольшими стаями. Довольно пугливы, при первой же опасности спасаются бегством. В неволе агрессивны, приучаются плохо. Могут укусить тех, кто кормит с рук.

Биологизация атрибутируемых польской нации свойств в качестве конституирующих их национальный менталитет подчеркивает

их стабильный, по мнению комментатора, вневременной характер. Присущая данному определению инвективная направленность низводит статус характеризуемого объекта на самый низкий уровень, лишая его права принадлежать к виду *homo sapiens*.

В рамках морбиальной метафоры основным концептуальным источником служат наименования различных умственных и психических расстройств: — *По ходу, это у пшеков паранойя: всюду мерещатся враги в облике России. — Поляки сама посредственность. У них мания величия и синдром недостатка внимания. — Общепольский диагноз — паранойя с манией величия.*

Авторы ИК не довольствуются расхожими диагностическими формулировками со стертой метафоричностью, изобретая название новой болезни, в которой слово *поляк* ставится в качестве замены самого диагноза — *поляк головного мозга*: — *Вы не в курсе, приняли ли во всем мире формулировку диагноза „поляк головного мозга“? — Веслав Биненда — диагноз: острый поляк головного мозга... лечить полонезом Огинского, до посинения...*

Отдаленное рифмическое созвучие с наименованием смертельной, разрушающей мозг болезни становится основанием для появления безапелляционного игрового диагноза. Участники обсуждения одобряют инвективную метафорическую людему, комментируя: — *Очень похоже на польскую паранойю. Уж не скажешь лучше, чем было сказано: „поляк головного мозга“.*

Примечательно, что как наследственное заболевание квалифицируется авторами ИК свойственная полякам русофобия: *Так что, прочитав все это, я пришел к выводу, что, несмотря на то, что на ИноСМИ периодически появляются здравые польские статьи — поляки в своем сознании никогда не изменятся, у них русофобия с молоком матери видимо выпитывается.*

Кроме вышеуказанных номинаций, существуют менее распространенные, окказиональные способы морбиальной метафоризации, например, использование медицинского термина *фимоз*, обозначающего врожденную патологию наружной крайней плоти, вызывающую половую дисфункциональность субъекта. При этом авторы используют метонимический перенос болезни с одной части тела на другую: *Почитал комменты на польском форуме — это жесткач (((. Они ж фимозны на всю голову.*

Таким образом, основным объектом ИК становится обобщенный образ Польши и поляков, вокруг которого не только склады-

вается особая инвективная зона, но и кипит лингвокреативная деятельность, реализуется ономазиологический талант комментаторов, изобретающих новые, окказиональные средства языка вражды. Крайняя степень возмущения, которую вызывает у комментаторов позиция авторов польских статей, требует выхода в образовании новых языковых знаков, способных в полной мере удовлетворить эмоциональное стремление авторов к намеренной депрециации и оскорблению объекта их враждебного отношения.

Одновременно большинство комментаторов стремятся передать чувство собственного превосходства, подчеркнуть, что все агрессивные выпады поляков против России лишь забавляют их и доставляют удовольствие: — *Как же я люблю польскую „пляску Витта“! С утра до ночи читала бы польские статьи. Помнится только ради них и осталась на ИНОСМИ. — Как пшек наяривает. Читать приятно. — Пшеки — мелкие пакостники, но поржать с них весело. — Убогие пшеки пребывают в своём привычном состоянии — бьются в русофобской истерике. И это радует.*

Повышение собственного статуса за счет понижения статуса адресата характерно также для иронических высказываний: — *Какие гордые поляки, прям кушать не могут... — Какое очаровательное бешеное полено!*

В определенной части комментарий юмор приобретает черную окраску, отражая все более возрастающую враждебность авторов ИК. Такие высказывания в первую очередь характерны для переводных материалов, описывающих мнения польских комиссий или специалистов, излагающих конспирологические версии смоленской катастрофы в 2010 г. и подозревающие российские власти в причастности к ней.

Заключение. Язык ИК к переводным статьям польских журналистов представляет собой совокупный продукт оценки конкретной статьи и долговременных социальных практик, сложившихся на протяжении длительной истории российско-польских взаимоотношений. Под воздействием устойчивых межнациональных стереотипов все тексты польских статей изначально получают в восприятии читателей портала «ИноСМИ.Ру» презумпцию виновности, выполняя роль пускового механизма для агрессивного речевого поведения комментаторов. Основным стимулом высказываний становится не внутренняя фактология статьи, а обобщенный образ польского государства и нации, которым приписываются многочисленные негативные свойства. В результате формируется сосредоточенный вокруг одного объекта ин-

вективный дискурс, образуемый разноуровневыми маркерами языка вражды.

Языковой уровень представлен дериватами с суффиксами субъективной (негативной) оценки, эмоционально-экспрессивными этнофолизмами, функционирующими в русском языке или изобретаемыми авторами комментариев, а также характеристиками описываемого объекта с помощью средств зооморфной и морбиальной метафоры. Многочисленные авторские игры подвергаются в рамках данного портала узуализации, входя в состав постоянных лексических маркеров языка вражды.

К основным дискурсивным характеристикам рассмотренных ИК относится унификация и генерализация адресата, в роли которого выступают Польша и поляки как носители определенных черт менталитета. Иллокутивная цель дискредитации и оскорбления обуславливает преобладание прямых и косвенных речевых актов отрицательной оценки, в том числе направленных на создание иронического эффекта. Совокупность составляющих язык вражды разноуровневых средств обеспечивает выполнение ими инвективных функций и отражает негативный, агрессивный характер отношения участников портала к объекту комментирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Здесь и далее приводятся высказывания участников портала «ИносмиРу» (<https://inosmi.ru/>). Орфография авторов комментариев сохраняется.

[2]. Автор ставит данное определение в кавычки, ссылаясь на известное стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России», увековечившее неравный спор между *кичливым ляхом и верным россом*.

[3]. Историческим фоном данного высказывания явилось предъявление Польшей ультиматума Чехословакии о «возвращении» Тешинской области, где проживало 80 тысяч поляков и 120 тысяч чехов. 30 сентября 1938 г., в день подписания Мюнхенского соглашения, одновременно с немецкими войсками Польша ввела свою армию в Тешинскую область, предмет территориальных споров между ней и Чехословакией в 1918—1920 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. ИносмиРу [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/>.

2. ForUA [Электронный ресурс]. URL: <http://forua.info/viewtopic.php?f=2&t=28130> (дата обращения: 03.03.2018).

ЛИТЕРАТУРА

3. Анохов И. В. От средств массового вещания к средствам массового соучастия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 4. С. 482—495.

4. Гималетдинова Г. К. Лингвистические основы интерак-

тивной газетной статьи: к постановке вопроса // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 143—148.

5. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика : тез. междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. С. 66—69.

6. Голев Н. Д., Шанина А. В. Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (41). С. 178—186.

7. Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: мета-языковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. — М.: Русский язык, 2000. 1088 с.

9. Карпоян С. М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2014. 25 с.

10. Корнева О. В. Словарь русских фамилий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okorneva.ru/proishozhdenie--familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/lyahov/> (дата обращения: 01.05.2018).

11. Куманицина Е. И. Феномен языковой игры в СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2005. Сер. 2 (4). С. 165—170.

12. Леонтьев М. Л. Большая игра. Британская империя против России и СССР — М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб, 2012. 347 с.

13. Михневич О. И. Особенности языковой игры в массмедийном политическом дискурсе // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность; Лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 99—104. Савельева И. В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде // Вестн. КемГУ. 2013. № 2 (54). С. 152—156.

T. M. Shkapenko, I. Y. Vertelova
Kaliningrad, Russia

HATE SPEECH MARKERS IN INTERNET COMMENTS TO TRANSLATED ARTICLES FROM POLISH MEDIA

ABSTRACT. *The article focuses on the discourse features of Internet comments (further IC) on Polish media articles translated into Russian language and placed on the website Inosmi.ru. The main communicative purpose of the commenting utterances is to express an emotional attitude to Poland as historical and geopolitical subject, and to the Polish nation as the carrier of a certain type of mentality. Prevailing negative assessments of Poland and Poles evolve from interaction of the incentives found in the articles with the already existing attitude to the Russian-Polish relationship. Under the pressure of presupposition the primary text is considered by readers only as an additional confirmation that the views formed before are fair and in these terms the primary text works as a trigger enhancing the emotionality of negative utterances. The set of the linguistic means used with the aim of expressing the opinion on Poland and Poles forms an aggressive, invective discourse. The main markers of verbal aggression are metaphorical means and expressional ethnophobias, the large part of which is formed by the commentators as a result of language game act. The invented words discredit the subject of discussion, add the illocutionary purpose of intended insult and become a constant part of markers of speech hatred on this Internet segment.*

KEYWORDS: *political discourse; media discourse; medial linguistics; Internet comments; invective discourse; language of opposition; ethnophobism; zoomorph metaphors; morbid metaphors; Polish media; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHORS: *Shkapenko Tatiana Mikchailovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.*

Vertelova Irina Jur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

REFERENCES

1. InosmiRu [Elektronnyy resurs]. URL: <https://inosmi.ru/>.
 2. ForUA [Elektronnyy resurs]. URL: <http://for-ua.info/view-topic.php?f=2&t=28130> (data obrashcheniya:03.03.2018).
 3. Anokhov I. V. Ot sredstv massovogo veshchaniya k sredstvum massovogo souchastiya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. Т. 6. № 4. С. 482—495.
 4. Gimaletdinova G. K. Lingvisticheskie osnovy interaktivnoy gazetnoy stat'i: k postanovke voprosa // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). С. 143—148.
 5. Golev N. D. Obydennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tez. mezhdunar. nauch. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. С. 66—69.
 6. Golev N. D., Shanina A. V. Obydenny politicheskiy diskurs na saytakh Runeta s fashistskim i antifashistskim soderzhaniem // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (41).

14. Стеклова Т. И. Объекты комментариев в интерактивной газетной статье // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. № 10. С. 91—95.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

16. Burchfield R. Dictionaries and Ethnic Sensibilities // The State of the Language / ed. Leonard Michaels, Christopher Ricks. — California : Univ. of California Pr., 1980. P. 15—23.

17. Burnap P., Williams M. L. Cyber hate speech on twitter: An application of machine classification and statistical modeling for policy and decision making // CWSM Workshop on Religion and Social Media. — Oxford : Univ. of Oxford, 2015. № 7 (2). P. 223—242.

18. Djuric N., Zhou J., Morris R., Grbovic M., Radosavljevic V., Bhamidi N. Hate speech detection with comment embeddings // In Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web. — New York, NY, USA, 2015. P. 29—30.

19. Fairclough N. Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003. 270 p.

20. Henderson A. What's in a Slur? // American Speech. 2003. Vol. 78 (1). P. 52—74. DOI: <https://doi.org/10.1215/00031283-78-1-52/>.

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

22. Nobata C., Tetreault J., Thomas A., Mehdad Y., Chang Y. Abusive language detection in online user content // Proceedings of the 25th International Conference on World Wide Web. — Montréal : Québec, Canada, 2016. P. 145—153.

S. 178—186.

7. Golev N. D. Obydenny politicheskiy diskurs: metazykovoy i metalingvisticheskiy aspekty // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. — М.: Русский язык, 2000. 1088 с.

9. Карпоян С. М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2014. 25 с.

10. Корнева О. В. Словарь русских фамилий [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.okorneva.ru/proishozhdenie--familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/lyahov/> (data obrashcheniya: 01.05.2018).

11. Куманицина Е. И. Феномен языковой игры в СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2005. Сер. 2 (4). С. 165—170.

12. Леонтьев М. Л. Большая игра. Британская империя против

Rossii i SSSR — M. : Astrel' ; SPb. : Astrel'-SPb, 2012. 347 s.

13. Mikhnevich O. I. Osobennosti yazykovoy igry v mass-mediynom politicheskom diskurse // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost' ; Lingvistika kreativa. 2015. № 1. S. 99—104. Saveleva I. V. Strategii vospriyatiya politicheskikh tekstov avtorami kommentariy v internet-srede // Vestn. KemGU. 2013. № 2 (54). S. 152—156.

14. Steksova T. I. Ob"ekty kommentariy v interaktivnoy gazetnoy stat'e // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013. № 10. S. 91—95.

15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

16. Burchfield R. Dictionaries and Ethnic Sensibilities // The State of the Language / ed. Leonard Michaels, Christopher Ricks. — California : Univ. of California Pr., 1980. P. 15—23.

17. Burnap P., Williams M. L. Cyber hate speech on twitter: An application of machine classification and statistical modeling for policy and decision making // CWSM Workshop on Religion and Social Media. — Oxford : Univ. of Oxford, 2015. № 7 (2). P. 223—242.

18. Djuric N., Zhou J., Morris R., Grbovic M., Radosavljevic V., Bhamidi N. Hate speech detection with comment embeddings // In Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web. — New York, NY, USA, 2015. P. 29—30.

19. Fairclough N. Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003. 270 p.

20. Henderson A. What's in a Slur? // American Speech. 2003. Vol. 78 (1). P. 52—74. DOI: <https://doi.org/10.1215/00031283-78-1-52/>.

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

22. Nobata C., Tetreault J., Thomas A., Mehdad Y., Chang Y. Abusive language detection in online user content // Proceedings of the 25th International Conference on World Wide Web. — Montréal : Québec, Canada, 2016. P. 145—153.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1-93-343.4(Яковлева Ю.)
ББК ШЗ83(2Рос=Рус)64-8,44

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.01.10; 10.01.01

О. Ю. Багдасарян
Екатеринбург, Россия

«ДЕТИ ВОРОНА» Ю. ЯКОВЛЕВОЙ: ЖАНРОВАЯ ЛОГИКА VS. АВТОРСКИЙ СЦЕНАРИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается первая книга из «Ленинградских сказок» Ю. Яковлевой — «Дети ворона». С опорой на исследования А. Эткнда, Э. Сантнера и др. делается попытка охарактеризовать авторскую стратегию работы с исторической памятью. Анализируемая авторская сказка — один из примеров функционирования так называемой «мягкой памяти» сообщества, которая, в отличие от «твердой», являющейся результатом общественного консенсуса и коллективных (в том числе государственных) усилий по легитимации собственной истории, представляет собой то, что делается конкретными субъектами, выражающими свою художественную и гражданскую позицию. При написании «Ленинградских сказок» автор намеревался говорить с детьми и подростками об истории страны, ее трудных временах (репрессии, блокада), при этом выбранный Яковлевой сценарий внутренне конфликтен. Авторское стремление проработать историческую травму наталкивается на жанровые законы сказки: страшная историческая конкретика в книге метафоризирована и остается неясной для ребенка 12—13 лет, которому адресовано издание; кроме того, приключения героев как бы заранее оправданы сказочной логикой инициации (однако не могут быть оправданы и мотивированы человечески и исторически). Жанр страшной сказки, с одной стороны, делает повествование возможным (и интересным) для детей, с другой — препятствует работе с исторической темой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детская литература; авторские сказки; литературные сюжеты; литературные мотивы; детские писатели; литературное творчество; исторические травмы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: obagdasar@gmail.com.

«Дети ворона» Ю. Яковлевой вышли в издательстве «Самокат» в 2016 г., это первая книга из запланированных пяти. На сегодняшний день в серии «Ленинградские сказки», которую анонсировало издательство, уже три книги автора: «Дети ворона» (2016), «Краденый город» (2017), «Жуки не плачут» (2018). Наиболее успешной была первая — «Дети ворона». Как указано на сайте издательства, книга стала «главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии „Ясная Поляна“, попала в международный список „Белые вороны“ — среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграла IN OTHER WORDS британского фонда поддержки детской литературы BOOK TRUST» [Самокат].

Юлия Яковлева живет в Осло, пишет на норвежском и русском языках. Первая ее книга для детей «История хвоста» (на норвежском языке) вышла в 2013 г. с иллюстрациями Дарьи Рычковой и получила престижную итальянскую премию «Bologna Ragazzi Award 2014».

Автор пишет и для взрослых — в 2017 г. издательством «Эксмо» опубликован детектив «Вдруг охотник выбегает», о котором написали все более или менее значимые СМИ, заинтересованные в продвижении книг. Взрослая книга Яковлевой, как и «Ленинградские сказки», активна с точки зрения жанровой модели: жанр у Яковлевой существует для читателя не в снятом виде, а становится одним из самых ярких (и самых интересных для читателя) элементов поэтики.

На примере «Вдруг охотник выбегает» это заметно особенно хорошо: ретродетектив Яковлевой вписан в исторические обстоятельства, и, как отмечает редактор книги, это «первый русский детектив, открыто играющий — по литературным правилам — с темой репрессий и государственного преступления как такового» [Рыбакова 2017].

По мнению Елены Рыбаковой, основной прием автора (и в книгах для детей, и в книге для взрослых) — остранение, и именно жанр выступает для автора и читателей носителем «наивного и здорового взгляда на свихнувшуюся реальность» [Рыбакова 2017]. В романе «Вдруг охотник выбегает» Яковлева обращается к детективу как жанру, основанному на нерушимости связи между причиной и следствием. Детектив же, в котором действие происходит в 1930-е г., невольно сталкивает два мира: жанровый, в котором есть зависимость между виной и наказанием, и советский мир чисток и репрессий, в котором «эта связь окончательно потеряна» (или настолько искажена, что фактически неуловима). Именно «напряжением между этими двумя мирами и живет роман» [Рыбакова 2017].

За написание детских книг в жанре сказки Ю. Яковлева взялась с очевидным стремлением включиться в диалог на такие трудные темы, как репрессии и блокада. Издательством «Самокат» и рецензентами «Ленинградские сказки» позиционируются как «таблетка» от исторического беспамятства для детей и подростков. В обзорах книг для детей на исторические темы «Ленинградские

сказки» упоминаются наряду с книгами О. Громовой «Сахарный ребенок», Е. Ельчина «Сталинский нос», М. Козыревой (1928—2004) «Девочка перед дверью» — произведениями, спровоцировавшими дискуссии о необходимости/возможности репрезентации тяжелого исторического опыта страны в детской литературе.

Названные тексты (в том числе и благодаря возникающим вокруг них обсуждениям) — один из примеров функционирования так называемой «мягкой памяти» сообщества. Это понятие А. Эткинды, который говорит о функционировании культурной памяти в двух вариантах — мягкой и твердой: «Мягкая память включает главным образом тексты — исторические, художественные и другие нарративы, а твердая — это прежде всего памятники» [Эткінд 2016: 228]. Отличие «твердой» памяти от «мягкой» в том, что «твердая» — результат общественного консенсуса и коллективных (в том числе государственных) усилий по легитимации собственной истории, а мягкая — то, что делается конкретными субъектами, выражающими свою художественную и гражданскую позицию.

Литературные нарративы — важный способ работы с прошлым, зачастую они провоцируют обсуждения и задают определенные модели репрезентации (и конструирования) памяти о коллективной травме. Циркулирующая в культуре «мягкая память» нередко способствует переводу исторических травм на уровень сообщества (когда личное становится социально значимым). Именно таким способом, если пользоваться терминологией социолога Джеффри Александера, «социальные группы, национальные сообщества, а иногда даже целые цивилизации устанавливают на сознательном уровне источник человеческих страданий» и «принимают на себя существенную ответственность за них» [Александр 2012: 7]. При этом работа в области эстетического невольно попадает в рамки определенных жанров, художественных моделей и шаблонов [Александр 2012: 24]. Попытаемся рассмотреть на примере книги «Дети ворона», как именно авторская стратегия работы с культурной памятью консолидирована с жанром сказки, вынесенным в название серии.

«Дети ворона» — история о мальчике Шурке, родители которого попали под репрессии в 1938 г. В одну из ночей исчез папа, в следующую — мама и младший брат Бобка. Семилетний Шурка и его девятилетняя сестра Таня остались одни, но не отправились к тете Вере (как просила сделать мама), а решили искать родителей и Бобку, которых, если судить по испуганному шепоту

соседей, унес ворон. Повествование, которое на протяжении первых частей истории развивается вполне реалистично и исторически конкретно, постепенно превращается в сказочное. Шутка Тани о том, что надо спросить у птиц (раз ворон, унесший родных, тоже птица), где искать папу, запускает интенсивное сказочное движение, однако участвует в нем по большей части Шурка, а не Таня.

«Дети ворона» — авторская сказка, которая, как показывают исследователи [Брауде 1979; Липовецкий 1992; Овчинникова 2001], свободна в обращении с традициями фольклорной сказки. При этом «общее направление сюжета» и «нравственная философия сказки», по замечанию Л. Овчинниковой, «в литературных вариантах сохраняются, но происходит их развитие и видоизменение на основе собственно авторской организации художественного мира» [Овчинникова 2001: 140].

Действительно, в «Детях ворона» сказочное сюжетное движение вполне узнаваемо: начинается оно даже раньше поворотного разговора с птицами, просто до этого момента все происходящее реалистически мотивировано и оттого сказочная подкладка сюжета не сразу заметна. В целом же история Яковлевой учитывает многие сюжетные мотивы и систему персонажей сказки, которые когда-то описал В. Пропп [Пропп 2001]:

1. Нарушение запрета. Читатель знакомится с героем, когда тот вместе с приятелем (общаться с которым Шурке родители не разрешают) занимаются опасным делом: подкладывают под колеса проходящих поездов всякую металлическую мелочь, чтобы получить тонкую блестящую «лепешку». Запреты Шуркой нарушаются постоянно (он вообще ведет себя не как послушный мальчик): сначала вокзал, потом бумажка, которую выбросил какой-то человек из поезда, а мальчишки подобрали, потом — разбитое стекло соседки, а еще далее — встреча папанинцев, на которую наказанному Шурке идти было строго запрещено. На этой встрече он знакомится с подозрительным гражданином, который угощает его мороженым (еще одно запретное, но очень притягательное удовольствие, против которого мальчик не может устоять).

2. Антагонист наносит героям вред (ущерб): после всех описанных в экспозиции перипетий исчезает Шуркин отец, а вслед за ним пропадают мама и Бобка. Таня и Шурка, вопреки жизненной логике, но следуя сказочной, отправляются восполнять «недостачу» (искать пропажу).

И далее, по морфологии волшебной сказки: герой покидает дом, испытывается,

встречает волшебных помощников / дарителей (Крысу), герой приводится к месту нахождения искомого (Дому Ворона), герой вступает в борьбу с вредителем (но не побеждает его — Шуркина вера в справедливость оказывается обманутой). В сказке есть и ложный герой — Король улиц, который оказывается предателем (и добровольно уходит в Серый дом, чтобы стать одним из подчиненных Ворона).

В сказке Яковлевой путь, который проходит мальчик, отчетливо ассоциируется с инициацией — и действительно, ряд пройденных испытаний и трансформаций приводит Шурку к «новому облику»: *Словно кулак ударил ему в живот. Что-то рванулось вверх к горлу. Шурку согнуло пополам. Он раскрыл рот. И увидел, как изо рта шлепнулось вниз серое существо. Оно было похоже на толстую сардельку. Без глаз и ушей. Но с жадным ртом, по кругу усеянным мелкими острыми зубками. Шлепнулось и, бешено извиваясь, метнулось прочь. Существа эти были его прежними мыслями. Серой стаей, разевая зубастые ротики, они врассыпную бросились прочь. Раскатились кто куда. Только спинки мелькнули* [Яковлева 2016: 229—230].

Сказочная логика направляет героя к счастливому финалу: сначала освобождение от прежних мыслей и внутренняя свобода, а после — спасение Бобки. Шурка и Бобка, отчаянно убегающие от толпы одинаковых детей Ворона, проходят по волшебному мосту и оказываются в кабинете начальницы — перед Таней и тетей Верой, которые пришли их забрать.

Успокоительный финал — важный атрибут сказки для детей. Метафорически проводя детей вместе с героем по пути испытаний (литературного эквивалента взросления), сказка, в конце концов, оставляет его в гармонизированном и успокоенном мире, в котором добро торжествует, а зло если не наказано, то названо и посрамлено. Этот привычный механизм срабатывает и в книге Яковлевой: помимо спасения детей, здесь знаком торжества добра становится взгляд, который посылает тетя Вера смотрительнице сиротского дома — прямота и строгость этого взгляда противопоставляются бесчестности и трусости людей, служащих Ворону.

Кроме сюжета, авторская сказка эффективно использует и сказочную образность. Метафора, обозначающая вредителя/антагониста, у Яковлевой по природе своей и исторична, и мифологична. Истоки мотива «унес ворон» в историческом контексте более чем очевидны и отсылают к черному ворону / воронку — служебным авто, кото-

рые выпускались только в черном цвете и предназначались специально для нужд НКВД (собственно, советский язык, в котором «черный ворон» закрепился как устойчивое выражение, и сам апеллировал к народной этимологии — тут и черный ворон, и конь вороной масти).

Однако в книге, в которой ворон фигурирует как устрашающая сила и сказочное существо, образ этот пробуждает семантику еще более древнюю (и знакомую детям по фольклорным и литературным сказкам: Ворон Воронович, унесший одну из дочерей неудачливого старика, Король Ворон из французской сказки и т. д.). В мировых мифологиях ворону приписано множество всяких функций (он и культурный герой, и трикстер), однако почти во всех вариантах ворон — медиатор между мирами (земным и небесным и особенно — между жизнью и смертью) [Мифы народов мира 1994: 245—247]. У Яковлевой Ворон неуловим, мир его видится Шурке буквально как inferнальный. Ворон «переносит» людей из их привычного жизненного пространства в новое, в котором взрослые, кажется, просто исчезают, а детям меняют имена и убивают их прежнюю сущность — в результате они не способны испытывать радость и не помнят родных (см. мотив царевны Несмеяны, а также известный сказочный мотив забывания). К волшебным сказкам отсылает и упоминание Дома Ворона, изображенного здесь как зловещий замок, по соседству с которым — своеобразная избушка на курьих ножках (*Дом Ворона обступал со всех сторон. Посредине двора торчал небольшой серый домик с маленьким окошком сбоку и широкой дверью полукругом*).

Намеком на функцию героя становится эпизод, в котором Крыса, помогающая Шурке, называет его Дураком, как будто имея в виду не только глупость героя, решившегося сбежать из страшного дома, но и его сказочное предназначение.

Всем этим не исчерпываются возможности комментирования сказки Яковлевой с жанровых позиций (сюда можно присоединить и другие типично волшебные элементы, такие как «разговор с птицами», испытание героя и его помощь встречному, который отплатит добром, и т. д. и т. п.). Безусловно, подобные элементы легко опознаются детьми, авторская сказка Яковлевой не порывает с памятью жанра, а гибко приспосабливает ее под индивидуальную художественную систему, которая, как мы помним, создавалась с вполне конкретными (эстетической и воспитательной) целями — говорить с детьми в увлекательной форме о советском прошлом.

Как же читается история СССР 1930-х в свете сказочной жанровой модели? Как мы уже отмечали, сказочная образность повести-сказки двупланова: она, с одной стороны, связана с историческими реалиями, с другой — с культурной архетипикой. Однако для детей, мало представляющих эпоху, в которой происходит действие, образность остается чисто фикциональной, метафорической и ни к чему, кроме собственно сказочной системы мотивов, не отсылает.

Так, зловещая семантика Ворона, как было сказано, неплохо знакома детям — но в книге автор, выбирая между исторически конкретным объяснением образа и сказочным, апеллирует, очевидно, ко второму — на эту мысль наводят сцены столкновения Шурки с Вороном, в которых никогда до конца не проявляется мистическая природа антагониста: *Черный Ворон крался не спеша по набережной, словно прислушиваясь к домам и окнам. Он казался огромным, но в остальном совершенно обычным — таких полно на улицах. От этого становилось особенно жутко. Поблескивали черные лакированные крылья. ...Ворон остановился. Шурка прямо стоял перед ним. Под мышками сделалось горячо. Круглые глаза Ворона без всякого выражения смотрели на Шурку* [Яковлева 2016: 125].

Схожий механизм работает и в отношении других образов, с которыми встречается читатель, следя за путешествием Шурки: тех, кто представляет реалии и историческую атмосферу 1930-х гг., «глаза и уши стен» отсылают к советской шпиономании, одинаковые дети из Серого дома (в котором они оказываются сначала как невольники Ворона, а потом становятся его «служителями») — не только к ассоциациям с сиротскими приютами, где содержались дети врагов народа, но и к советскому коллективизму как идее. Сюда же может быть отнесена и развернутая через весь текст метафора людей-невидимок, живущих (после исчезновения близких) своей обычной жизнью, но не замечаемых окружающими; с исторической точки зрения очевиден параллелизм между поведением стаи птиц и «стаи людей», которая готова немедленного сплотиться против очередного «врага».

В итоге исторические события, легко улавливаемые взрослыми за сказочной метафорикой, для детского сознания (в первую очередь сознания героя — но вслед за ним и сознания ребенка-читателя) выглядят как «морок», сказочное наваждение. Историческая травма непрямо трансформируется в книге в сказочные страхи, намекая на ее (травмы) фантазматическую природу — и отстраняя ее таким образом от реальности.

При этом, как вслед за Д. Ля Капра отмечает Э. Сантнер, проработка травмы требует именно реальности и дифференциации и дистанции собственных установок «от тех, которые связаны с травматическим событием» [Сантнер 2009: 393].

В том случае, если ребенок пробьется через неясность (и неясность для указанной возрастной категории 12—13 лет) исторических аллюзий, сказочная логика создает парадоксальную ситуацию при работе с историческим материалом.

Так, Шурка плохо ведет себя в начале истории (не слушается родителей, делает то, что строго запрещено), и буквально сразу после нарушения родительских запретов исчезает папа, а потом мама и Бобка. Исторически ситуация понятна и объяснима, но сказочный контекст косвенно делает виновником последующих событий героя (отсылая, например, к знакомой всем российским детям сказке «Гуси-лебеди»). Жанровая сюжетная логика оставляет в подтексте мысль о том, что герой в какой-то степени виноват, однако на уровне идеи книги это как раз та мысль, с которой постоянно сражается Шурка (никто не виноват, враги народа — это не по ошибке и не за дело, это такое извращенное уничтожение одних людей с преступного согласия других).

Трудно согласиться и с наложением на сюжет о репрессиях сюжета инициации — «посвящения» героя. Естественность/привычность этого сюжета для сказки (герой должен пройти через испытания, чтобы обрести новый статус), сказочная ритуальность, экстраполированная на историю, снимает ощущение катастрофизма исторических событий, которым посвящена книга.

В противофазе находятся и исторический и сказочный финалы книги: если с исторической точки зрения драматические времена для детей и тети Веры только начинаются, то с жанровых позиций финал благополучен и завершен (Шурка действительно прошел испытания, не струсил, дети снова вместе, из Серого дома они уходят вместе с Верой). Как писал А. Синявский, «если впереди сказки, в ее финале, найдется все самое лучшее, то позади сказки, в ее начале, предполагается самое худшее. Так действует закон самого сюжетостроения» [Синявский 1001: 16]. Финал «Детей ворона» (при всех попытках автора сделать его открытым — см. заключительную фразу «Никто не обнимался») читается как успокоительный — и в этом смысле в очередной раз снимает ощущение тревоги и беспокойства, которые могут быть вызваны исторической конкретикой и достоверностью.

В книге есть вставки, которые должны возвращать читателя к реалистической мотивировке, уводить от сказочной фантастической — это разговоры Шурки и Тани после случившегося, а также собственно повествовательные приемы вроде «Шурка потом не мог объяснить, почему он так сделал». Все это вводит (или пытается ввести) в текст еще один уровень — уровень рефлексии, однако эта рефлексия, как и закругленный сказочный финал, работает не аналитически, а эмоционально-успокоительно: Таня убеждает брата в том, что маленькие иногда придумывают, когда сталкиваются с чем-то страшным или непонятным. В итоге и герой, и читатель-ребенок остаются в странном положении: все страшно-сказочное придумано, однако и реальность, которую оно замещает, для них отсутствует тоже (потому что исторический контекст никак не прояснен).

Не срабатывает и традиционная для детских книг рефлексивная линия, связанная с героями-взрослыми и их способностью и желанием объяснять героям-детям причины и суть происходящих событий. В книге Яковлевой (в соответствии с жанровыми конвенциями) дети самостоятельно проходят путь испытаний, однако даже условно-реалистическая экспозиция истории не предполагает никакого диалога ребенка и родителя (в отличие, например, от «Сахарного ребенка» Громовой): мама Шуры и Бобки не пытается ничего объяснить детям, а в следующей книге тетя Вера отправляет сестре посылки тайком от племянников.

В интерпретации Э. Сантнера, такого рода тексты реализуют стратегию «нарративного фетишизма»: «...конструируют (или используют) нарратив, сознательная или бессознательная цель которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу» [Сантнер 2009: 392]. Нарративный фетишизм, как отмечает С. Ушакин, — одна из «стратегий выживания», однако в нем серьезный анализ причин травмы и ее последствий подменяется повествованием об утратах и страданиях, метафорической реконструкцией прошлого, т. е. анализ исторической травмы вытесняется эмоционально заряженным рассказом о ней, *проработка* травматического опыта сведена к *истории* о травме, ее метафорическому воспроизведению [Ушакин 2009: 33].

Детям не свойственна рефлексия над собственным прошлым (и уж тем более над коллективным прошлым и культурными травмами), поэтому на детскую литературу

ложится еще и эта — рефлексивная — функция. Литература предлагает ребенку спектр моделей межличностных отношений человека с окружающим миром. Естественно ожидать, что, говоря на трудные исторические темы, она берет на себя функцию проработки коллективной памяти, рефлексии о ней и распределения ответственности. Однако, как показывает анализ, обращение к событию не исключает продолжения «вытеснения травмирующего воздействия этого события» [Сантнер 2009: 402].

В целом книга Ю. Яковлевой отправляет читателю довольно противоречивое послание, выбранный автором сценарий внутренне конфликтен: авторское стремление проработать историческую травму наталкивается на жанровые законы. Всё «исторически страшное» в книге метафоризировано и превращено в сказочное, приключения героев как бы заранее оправданы сказочной логикой инициации (однако не могут быть оправданы и мотивированы человечески и исторически). Жанр страшной сказки, с одной стороны, делает повествование возможным (и интересным, книгу интересно читать), с другой стороны — препятствует серьезному разговору на историческую тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6—40.
2. Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. — М., 1979. 208 с.
3. Издательский дом «Самокат» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.samokatbook.ru/ru/book/view/431/> (дата обращения: 2.02.2018).
4. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920—1980-х годов). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 184 с.
5. Мифы народов мира : энцикл. В 2 т. Т. 1. / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Рос. энциклопедия, 1994. 671 с.
6. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01, 10.01.09. — М., 2001. 387 с.
7. Пропп В. Морфология волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 2001. 144 с.
8. Рыбакова Е. Там советский гражданин мертв [Электронный ресурс]. 13.02.2017. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/13908> (дата обращения: 2.02.2018).
9. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 389—407.
10. Синявский А. Иван-дурак: очерк русской народной веры. — М. : Аграф, 2001. 464 с.
11. Ушакин С. Нам этой болью дышать? // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 5—41.
12. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2016.
13. Яковлева Ю. Дети ворона. — М. : Самокат, 2016. 264 с.

O. Yu. Bagdasaryan
Ekaterinburg, Russia

“THE CROW’S CHILDREN” BY YU. YAKOVLEVA: THE LOGIC OF GENRE VS. AUTHOR’S SCENARIO

ABSTRACT. *The article analyzes the first book “The Crow’s Children” from the series “Leningrad Fairytales” by Yu. Yakovleva. With regard to research works of A. Etkind and E. Santer, the article makes an attempt to characterize the author’s strategy of depicting historical memory. The fairy tale under study is one of the examples of functioning of the so-called “soft memory” of society, which, as different from “hard memory” being the result of the social consensus and unanimous efforts (including those of the state) to legitimize the history, is the actions of certain people expressing their artistic and civil viewpoint. “Leningrad Fairytales” are addressed to children and teenagers and tell them about the history of our country, its difficult periods (political repressions and siege); at the same time the scenario chosen by Yu. Yakovleva is based on an inner conflict. The author’s desire to analyze the historical trauma is combined with the genre canons of a fairy tale: the harsh historical reality is expressed metaphorically and remains unclear to a child of 12-13; besides, the adventures of the characters are justified by the initiation logic (however they cannot be justified and forgiven by people). The genre of frightful fairy tale enriches the story (and makes it interesting for children), but at the same time, it distorts historical memory.*

KEYWORDS: children’s literature; author’s fairytales; literary plots; literary motives; children’s writers; writing; historical trauma.

ABOUT THE AUTHOR: Bagdasaryan Olga Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sotsiologicheskii zhurnal. 2012. № 3. S. 6—40.
2. Braude L. Yu. Skandinavskaya literaturnaya skazka. — M., 1979. 208 s.
3. Izdatel'skiy dom «Samokat» [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.samokatbook.ru/ru/book/view/431/> (data obrashcheniya: 2.02.2018).
4. Lipovetskiy M. N. Poetika literaturnoy skazki (na materiale russkoy literatury 1920—1980-kh godov). — Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1992. 184 s.
5. Mify narodov mira : entsikl. V 2 t. T. 1. / gl. red. S. A. Tokarev. — M. : Ros. entsiklopediya, 1994. 671 s.
6. Ovchinnikova L. V. Russkaya literaturnaya skazka XX veka (istoriya, klassifikatsiya, poetika) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01, 10.01.09. — M., 2001. 387 s.
7. Propp V. Morfologiya volshebnoy skazki. — M. : Labirint, 2001. 144 s.
8. Rybakova E. Tam sovetskiy grazhdanin mertv [Elektronnyy resurs]. 13.02.2017. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/13908> (data obrashcheniya: 2.02.2018).
9. Santner E. Istoriya po tu storonu printsipa naslzhdeniya: razmyshlenie o reprezentatsii travmy // Travma:punkty : sb. st. / sost. S. Ushakin, E. Trubina. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 389—407.
10. Sinyavskiy A. Ivan-durak: ocherk russkoy narodnoy very. — M. : Agraf, 2001. 464 s.
11. Ushakin S. Nam etoy bol'yu dyshat'? // Travma:punkty : sb. st. / sost. S. Ushakin, E. Trubina. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 5—41.
12. Etkind A. Krivoe gore: pamyat' o nepogrebennykh / avtoriz. per. s angl. V. Makarova. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
13. Yakovleva Yu. Deti vorona. — M. : Samokat, 2016. 264 s.

Е. Г. Васильева
Петрозаводск, Россия

**ПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ КОРОЛЯ ФРАНЦИИ ГЕНРИХА IV
КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЗНАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

АННОТАЦИЯ. В статье королевский парадный портрет рассматривается как текст-изображение, являющийся знаком и обладающий собственными семиотическими свойствами. Изображение короля в эпоху абсолютной монархии является одним из самых сложных механизмов репрезентации монархической системы, когда важно дистантно продемонстрировать зрителю короля как воплощение власти. Автор показывает, что здесь пересекаются художественный и политический дискурс. Интерпретируя знаки, представленные на эстампе с изображением Генриха IV в коронационном костюме руки французского гравера фламандского происхождения Тома де Лё, автор статьи раскрывает способы, с помощью которых актуализируется идея королевской власти. Внешние символы монархической власти являются средствами семиотизации власти в парадном королевском портрете. Они транслируют величие и могущество французского монарха и служат символами легитимации королевской власти. Кроме того, регалии, а также другие детали парадного королевского портрета, изображенные на портрете Генриха IV в коронационном костюме, отражают принцип династической монархии, и еще шире — принцип наследственной преемственности верховной власти. В статье доказывается, что визуальная репрезентация власти имеет целью создание и распространение образа идеального правителя, используемого для обоснования легитимности правления монарха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; семиотическое пространство; французские короли; политические деятели; парадный портрет; регалии; семантика власти.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильева Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 185002, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Чапаева, д. 6А; e-mail: libellule_26@mail.ru.

Семиотическое пространство политического дискурса состоит из знаков разной природы. Как указывает Е. И. Шейгал, они могут быть вербальными, невербальными и смешанными [Шейгал 2001]. К невербальным знакам, помимо флагов, эмблем, бюстов, зданий, относятся и портреты. Королевский парадный портрет представляет собой семиотическое пространство, знаки которого формируют и визуализируют образ верховной власти [Викулова, Васильева 2018: 63]. Согласно утверждению А. И. Фофина, «основной закономерностью семиотического существования живописного произведения является его диалогическое существование. При интерпретации картины происходит „столкновение“, взаимопроникновение двух смысловых потоков, как это происходит в любом диалогическом процессе: проекции, которую задает сама картина, и проекции, которая исходит из способа видения картины интерпретатором-экспертом» [Фофин 2013: 264]. Однако, на наш взгляд, диалог происходит не только между картиной и «интерпретатором-экспертом», но и любым субъектом, смотрящим на нее, или «наблюдателем» (термин М. Ямпольского) [Ямпольский 2012]. Для семиотической интерпретации портрета как совокупности знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов и одним из способов хранения культурной памяти, важно учитывать максимально полно весь экстралингвистический контекст, включающий исторический и личностный параметры, на фоне которого он создавался [Словарь лингвокультурологических терминов 2017: 40]. Предметом нашего анализа

Рис. Henri IV sur son trône,
en costume de sacre
[www.photo.rmn.fr/archive/05-522095-
2C6NU07CYT_0.html]
Leu Thomas de (1560-1612)
Pau, musée national du château de Pau

является эстамп (см. рис.) «Генрих IV на троне в коронационном облачении» (*Henri IV*

sur son trône, en costume de sacre) [Portrait d'Henri IV par Thomas De Leu [http](http://)] выдающегося французского гравера фламандского происхождения Тома де Лё (Thomas de Leu, 1560—1612), на котором изображен первый представитель династии Бурбонов — французский монарх Генрих IV (Henri IV, 1553—1610), правивший страной более 20 лет (1589—1610). В качестве даты создания эстампа указана последняя четверть XVI в. Это позволяет предположить, что портрет короля был выполнен при его жизни.

В эпоху Реформации во Франции изображения людей по-прежнему были редкими. Лишь ограниченный круг лиц имел возможность лицезреть королевских особ. Увидеть сильных мира сего позволяли, среди прочего, портреты. Слово *portret* (portraict) — результат субстантивации причастия прошедшего времени, образованного от глагола *portraire* [Dictionnaire historique de la langue française 2010: 1715]. В XVI в. глагол *portraire* использовался в самом широком значении изображения — *набросать, изобразить*. Само же существительное *portrait* означало *набросок, контуры, рисунок, изображение по сходству, подобие* [Bourgeaux 2005]. И только в XVII в. за словом *portraict* закрепилось значение *изображение человека*. Кроме картин на полотнах, большой популярностью пользовалась гравюра. Изображения людей на эстампах — произведениях графического искусства, представляющих собой гравюрный либо иной оттиск на бумаге с печатной формы (матрицы) — при Генрихе IV были распространенным явлением. Исследователями отмечается, что именно изображения королей отличаются выразительностью и точностью передачи их внешности [Poirson1867: 594].

Образ Генриха IV с первых лет его правления прочно вошел в искусство [Федотова 2016: 159]. Еще до коронации 27 февраля 1594 г. лицо Генриха Наваррского было уже известно его будущим подданным благодаря многочисленным эстампам, скульптурам, медальонам, распространявшимся по всей стране. Это давало представление о высоком предназначении человека, утвердившемся в культурно-исторической сфере страны.

Российский историк С. Л. Плешкова отмечает, что статус Генриха IV поднимали, «изображая рядом с Цезарем, Александром Македонским, Карлом Великим и даже с Геркулесом, дополняя картинку словами: „Прекрасный среди самых блестящих мужей“ или „Галльский Геркулес“» [Плешкова 1999], т. е. французского монарха сравнивали с великими воинами и героями. Так, в

римской мифологии Геркулеса, воинственного бога, характеризовали как «победителя», как «непобедимого». Он имел славу борца с несправедливостью и обладал беспримерной выносливостью, смелостью и готовностью служить людям. Такими же чертами наделяли и Генриха IV. Лексема «герой» выполняет функцию семантического выделения человека из общей массы, из остальной группы людей как чего-то особенного, исключительного [Плахов 2008: 14]. При этом, как отмечает Е. О. Омеличкина, для концептосферы французского языка характерен типаж героя-рыцаря. Генриха IV можно назвать *héros combattant* (герой-борец), поскольку он совершал героические поступки и обладал личными эталонными качествами (подлинно героическими, которые позволяют человеку преодолеть страх и совершить подвиг, и куртуазными, свидетельствующими о его благородстве и моральности), что получало положительную оценку со стороны социума в рамках установившейся во французской культуре ценностной системы [Омеличкина 2013: 88]. Именно черты героя приписывали и Генриху IV.

Вольтер посвящает героическую поэму французскому монарху Генриху IV, получившую название «Генриада». Впервые она была опубликована в 1723 г., то есть спустя 113 лет после гибели короля. Следует подчеркнуть, что героическая поэма — это один из древнейших видов эпических произведений, который за его возвышенность, гражданственность, героизм был признан венцом поэзии. Героем эпической поэмы непременно выступает историческая личность, а события, к которым причастен герой, должны иметь общенациональное, общечеловеческое значение. При этом герой должен также обладать высокими нравственными качествами и быть примером человеческого поведения. Вольтер прославляет в поэме французского короля как идеального правителя и наделяет его такими качествами и функциями, как веротерпимость, охрана общественной свободы, гражданских уставов и прав подданных, способность укротить рознь и сохранить мир, покровительство наукам и искусствам. Как теоретик «просвещенного деспотизма», французский философ-просветитель много сил вложил в создание нового образа королевской власти [Кушёва]. Для Вольтера Генрих IV является не только образцом монарха-просветителя, но и истинным героем, победителем, отцом французского народа [Voltaire]. И сегодня Генрих IV почитается во Франции как национальный герой. В этой связи можно согласиться с утверждением Н. В. Алферовой о том, что в

представлении героев-моделей, в героепочитании состоит одна из важнейших функций портретного искусства [Алферова 2006].

Чешский лингвист Я. Мукаржовский предлагал рассматривать художественное произведение как знак, выполняющий две функции: функцию автономного знака и функцию коммуникативного, или сообщающегося знака [Мукаржовский 1936: 194]. Исходя из данного утверждения, парадный портрет короля следует рассматривать как форму политической коммуникации, в которой реализуется институциональный дискурс. Институциональность проявляется в том, что французский король выступает как носитель верховной власти, занимая верхнюю ступеньку социальной иерархической лестницы, а это диктует соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм [Чудинов 2008: 54]. Так, в соответствии с правилами парадного портрета, на эстампе монарх изображен во всем величии. Каждый элемент портрета наполнен ценностным содержанием и создает целостный образ королевской власти. Семантика власти на нем представлена следующими составляющими:

- 1) социально-иерархической семантикой;
- 2) эстетической семантикой;
- 3) духовно-идейной семантикой [Ковшова 2015: 24].

Социально-иерархическая семантика представлена такими элементами, как трон, лавровый венок, в центре которого скрещены две пальмовые ветви и который несут два ангела, а также регалии (скипетр, увенчанный геральдической лилией, рука правосудия, далматика, украшенная лилиями и отделанная горностаем) — внешние знаки королевской власти, которыми монарх наделяется во время коронации. Вместо королевской короны голова Генриха IV увенчана лавровым венком. Другой составляющей социально-иерархической семантики выступает трон — парадное кресло венценосных особ, являющееся символом верховной власти. Как и положено, этот важный королевский атрибут находится на возвышении под навесом из дорогой ткани в знак божественного покровительства, оказываемого его обладателю [Вовк 2006: 494]. Трон выступает важным предметным семиотизированным репрезентантом власти [Викулова, Васильева 2018: 66].

Генрих IV облачен в коронационную мантию, расшитую геральдическими лилиями и окаймленную мехом горностаем. В правой руке он держит скипетр, увенчанный бурбонской лилией, а в левой — руку правосудия, или «длань справедливости», явля-

ющуюся символом верховного правосудия. Она представляет собой фигурку руки, сложенной в двоеперстие [Вовк 2006: 493]. По словам известного французского историка-медиевиста, специалиста по геральдике М. Пастуро, «рука правосудия», одна из регалий короля Франции, является одновременно и эмблематическим атрибутом, который идентифицирует короля Франции и выделяет его среди других суверенов (которые никогда ее не использовали), и символическим предметом, выражающим некую идею французской монархии» [Пастуро 2017: 9—10]. Что касается геральдической лилии, то, как указывает М. Пастуро, этот цветок лилии является «подлинно историческим объектом — политическим, династическим, художественным, эмблематическим и символическим одновременно». Эта гербовая фигура представляет символ французской монархии. В ней сливаются три символических значения: непорочность, плодovitость и господство [Пастуро 2017: 102—103].

Цветочная эмблема, которую король делит с Богородицей, указывает на то, что французский монарх является посредником между Богом и подданными своего королевства. В том, что королевская мантия усыпана лилиями, М. Пастуро видит «мощный символический заряд: это образ усыпанного звездами небосвода, звездное небо, космический рисунок, который опять-таки подчеркивает ту особую связь, которая существует между Царем Небесным и королем Франции — его представителем на земле. В королевском контексте усеянное фигурами поле ассоциируется с церемонией миропознания и коронации и подчеркивает божественное происхождение власти». Французский историк отмечает такую деталь: если большинство королей Запада коронуются в мантии, усеянной звездами, иногда в сочетании с полумесяцами (еще один космический узор), то король Франции этому правилу не следует: он помазывается и коронуется в мантии, усеянной лилиями, т. е. в мантии с изображением собственного герба, которая обеспечивает ему покровительство Царицы Небесной и представляет французского короля как единственного в своем роде суверена [Пастуро 2017: 108—109]. Все описанные предметы наполнены социально-иерархической семантикой.

Эстетическая семантика парадного портрета Генриха IV заключена в панегирической, иными словами в торжественной, прославляющей монарха интонации. Король в глазах его подданных — один из самых красивых людей в королевстве. И такое восприятие совершенно естественно, ведь речь

идет о короле, а как указывает французский историк С. Перес, красота входит в список добродетелей, которые панегиристы и придворные воспевают в своих текстах [Stanis2003]. Так, французский поэт П. Скаррон (1610—1660) писал:

*Le plus aimable Roi de tous
les Rois du monde
Si charmant et si beau, qu'entre tous
ses sujets,
S'il s'en peut rencontrer qui soient assez
bien faits
Pour avoir de son air, je veux que l'on
me tonde* [Scarron].

Суть этих строк можно передать так: Король является самым любезным из всех королей на свете, таким обаятельным и красивым, что поэт готов держать пари, что среди его подданных прекраснее Короля никого не встретишь.

Несомненно, величественная, статная фигура монарха, роскошное убранство призваны внушать зрителю, наблюдателю благоговение перед королем.

Духовно-идейная семантика представлена в первую очередь инсигниями — орденом Святого Михаила как редким и престижным знаком отличия, символом преданности королю, верности монархии и орденом Святого Духа как символом сплочения французского дворянства вокруг особы короля [Васильева 2017: 45]. Не случайно девизом ордена стало: *Duce et Auspice* (*Предводительствуя и покровительствуя*) [Викулова, Васильева 2018: 67]. Смыслы добра и зла, жизни и смерти, победы и поражения также сосредоточены в оружии, которое король попирает ногами. Оно символизирует его военные победы, так же как и пальмовые ветви в руках ангелов. В памяти французов монарх остался великим полководцем. Солдаты называли его «король храбрых» [Le Brun 2002: 191]. Обладая духовно-идейной семантикой, регалии представляют короля как защитника, обеспечивающего мир в своем королевстве.

Что касается пальмовых ветвей, то, как указывает французский историк М. Пастуро, они являются христологическим атрибутом и знаком власти [Пастуро 2017: 113—114]. Слово *palme* (лат. *palma*, «ладонь») в переносном значении стало употребляться для обозначения части ствола пальмы, из которой росли ветви, а позднее для обозначения самого дерева.

В XIII в. слово *palme* использовалось во французском языке по латинской модели как символ победы [Dictionnaire Historique 2010: 1518—1519]. В целом лилии и оливковые ветви «свидетельствуют о сущности этой

монархии, которая всегда стремилась выделиться на общем фоне, заявить о себе как о самой чистой, законной, священной. Отличиться, не быть обычным сувереном, не пользоваться общим набором королевских знаков отличия — именно в этом состояла основная линия символического позиционирования, которой на протяжении столетий придерживались французские короли» [Пастуро 2017: 114]. Таким образом, парадный королевский портрет нес большое идеологическое значение.

Перечисленные идентификационные элементы власти на портрете короля Генриха IV являются существенным фактором легитимации королевской власти. В этой связи справедливо утверждение В. Э. Согомоняна о том, что «полноправное и полномочное обладание системой знаков власти, как и способность их использования в процессе властвования является не только насущной необходимостью для любой власти, но и ее институциональной обязанностью, служит подтверждением ее экзистенции и легитимности» [Согомонян 2012: 46]. Очевидно, что цель создания парадного портрета Генриха IV — продемонстрировать высокий статус модели, ее место в общественной иерархии — достигнута.

На эстампе, как и ряде других изображений, Генрих IV представлен улыбающимся. Однако, как указывает французский историк Я. Линёре, короли на портретах серьезны и обычно не улыбаются, за исключением лишь некоторых. Так, улыбка угадывается на портретах Генриха III, она более искренняя на портретах Генриха IV и не сходит с лица Франциска I. По своей природе и своему назначению улыбка не входит в канон парадного королевского портрета, особенно если он должен служить пропаганде, представлять суверена таким, каким его должно воспринимать население [Ligneux 2010]. Генрих Манн в романе «Молодые годы короля Генриха IV» писал: «Король должен быть далек и недоступен, точно на портрете, всем своим видом он держит людей на почтительном расстоянии — тем, как он стоит, выступает, смотрит на них косящим взглядом из-под полуопущенных век» [Манн 1991: 224]. Как отмечает известный советский и российский специалист по эстетике, философии и психологии искусства Е. Я. Басин, «категория комического противопоставлена „архетипу“ жанра портрета. Эстетическим инвариантом портрета является категория „серьезного“. Портрет — серьезен. Модель на портрете изображена в серьезную минуту жизни. Портрет опускает то, что принадлежит простой случайности, мимолетной ситу-

ации, присущей человеку в реальной жизни. Существует внутренняя связь между созерцанием-размышлением и эстетической серьезностью. Когда человек серьезен, он не смеется. Там, где на портрете модели смеются, жанр портрета находится на границе с другими жанрами — этюдом, эскизом, „жанром“ и т. п. Духовный аспект — главное в портрете» [Басин].

Однако французского монарха отличал добрый нрав. Так, Я. Линёре цитирует известного юрисконсульта и поэта XVI в. Пьера Констана, писавшего в 1592 г. о том, что доброжелательность и улыбочивость короля, отраженные на его лице, уже сами по себе способны преодолеть преграды испорченной натуры того, кто отказывается внимать голосу Разума и Справедливости: *Je veux, Ligueur, te depeindre / Le Monarque des François, / Pour te forcer à le craindre / Et fléchir des soubz ses loix, / Puisque ce Prince sublime, / Ton vray Roy&legitime, / Ne peut entrer en ton cœur, / Je feray par ma peinture / Que ta perverse nature / Regorgera ton erreur [...]. Or vois tu sa face peinte / D'un vermillon Jovial, / Toute notoire, & non feinte / Soubz un front hault& royal, / Et ce nez Persan encore / Qui, comme un beau mont, decore / Entre deux soleils rians, / Ceste genereuse face, / Et dont l'agreable audace / Domte les plus foudroyants* (Pierre Constant, *Portraict du tres-auguste Henry III Roy de France et de Navarre, Dedié à sa tres-chrestienne Majesté, A Chaalons, chez Claude Guyot, Imprimeur ordinaire du Roy, 1592, in-8°, 6 ff.* — BNF, Rés. YE 3756) [Цит. по: Ligneureux 2010].

С раннего детства французский король имел веселый характер. Именно таким его представляет Генрих Манн в романе «Молодые годы короля Генриха IV»: *Mais en s'écriant allègrement **Ventre-Saint-Gris** au moment même où il lui fut révélé tout le danger effroyable de la vie, il fit connaître au destin qu'il relevait de défi et qu'il gardai pour toujours et son courage premier et sa gaîté native* («Однако, весело воскликнув: „Клянусь святым Пупом“, в ту самую минуту, когда ему открылись все грозные опасности жизни, он заявил судьбе, что принимает ее вызов и сохранит навсегда и свое изначальное мужество, и свою прирожденную веселость») [Манн 1991: 45].

Таким образом, все элементы исследуемого портрета как невербального знака политического дискурса конструируют элитарность изображенного на портрете монарха, раскрывая его иерархическую дистанцированность и могущество. В его образе доминирует фигура героя и победителя, дополненная чертами приветливого и близкого к

народу человека. Созданный портретом образ власти французского короля является порождением политической культуры, существовавшей во Франции во времена правления Генриха IV. При этом портрет передает и личностные характеристики Генриха Наваррского, который сохранился в памяти народа не только как великий правитель, но и как *le bon roi Henri* — «Добрый король Анри».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова Н. В. Функции портрета в русской культуре [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/funktsii-portreta-v-russkoy-kulture#ixzz5L4LcWszm>.
2. Басин Е. Я. Портрет в изобразительном искусстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PORTRET_V_IZOBRAZITELNOM_ISKUSSTVE.html.
3. Васильева Е. Г. Мягкая сила королевского портрета в пространстве семиотики // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы : материалы 18-й Междунар. конф. Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной (Москва, 13—16 сент. 2017 г.). — М. : МГИУ : Языки народов мира. С. 41—46.
4. Викулова Л. Г., Васильева Е. Г. Вербализация портрета монарха как вторичная семиотизация института власти // Верхневолж. филол. вестн. : науч. журн. 2018. № 1. С. 63—71.
5. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. — М. : Вече, 2006. 528 с.
6. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. — М. : Гнозис, 2015. 368 с.
7. Куцёва М. В. Представление о королевской власти в политической культуре Франции первой половины XVIII в. (1715—1748 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/kuscheva-o-korolevskoj-vlasti-francii.htm>.
8. Манн Г. Молодые годы короля Генриха IV : роман / пер. с нем. В. Станевич. — М. : Дет. лит., 1991. 589 с.
9. Мукаржовский Я. Искусство как семиологический факт [Электронный ресурс] // Исследования по эстетике и теории искусства. — М. : Искусство, 1994. С. 190—198. (Впервые: Actes du huitième Congrès international de philosophie à Prague. 1934. — Prague, 1936). URL: http://philologos.narod.ru/texts/mukarz_semio.htm.
10. Омеличкина Е. О. Реализация лингвокультурного типажа «héros combattant» в художественном дискурсе (на материале французского языка) : дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2013. 215 с.
11. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. — СПб. : Александрия, 2017. 448 с.
12. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. — СПб. : КАРО, 2008. 240 с.
13. Плешкова С. Л. Генрих IV Французский [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 65—81. URL: <http://historystudies.org/2012/06/pleshkova-s-l-genrix-iv-francuzskij/>.
14. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков ; отв. ред. М. Л. Ковшова. — М. : Гнозис, 2017. 192 с.
15. Согомонян В. Э. Что такое дискурс власти? // 21-й ВЕК. 2012. № 1 (12). С. 34—51.
16. Федотова Е. Д. Жанр «великие люди» и интерпретация образа Генриха IV во французском искусстве. // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5. № 11. С. 159—162.
17. Фофин А. И. Антропоцентричность как принцип интерпретации живописного произведения (на материале текстов о «библейском» творчестве Марка Шагалы) // Человек и его Язык : материалы юбилейной 16-й Междунар. конф. научной Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной. — СПб. : Скифия,

2013. 336 с.

18. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 3-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2008. 256 с.

19. Шейгал Е. И. Невербальные знаки политического дискурса [Электронный ресурс] // Основное высшее и дополнительное образование. — Волгоград, 2001. Вып. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm>. (Philology.ru. Русский филологический портал).

20. Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. — СПб. : Мастерская ЕАНС, 2012. 344 с.

21. Bourgeaux L. L'apparition du portrait gravé dans le livre au XVIème siècle [Electronic resource] // Mémoire de recherche. Sous la direction de Vanessa Selbach, conservateur des bibliothèques. 2005. URL: <http://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/604-l-apparition-du-portrait-grave-dans-le-livre.pdf>.

22. Dictionnaire Historique de la langue française : Nouvelle édition. Sous la direction d'Alain Rey. — Paris : Le Robert, 2010. 2616 p.

23. Henri IV sur son trône, en costume de sacre [Electronic resource] : image. URL : https://www.photo.rmn.fr/archive/05-522095-2C6NU07CYT_0.html.

24. Le Brun C. Dictionnaire encyclopédique de l'histoire de

France. — Paris : Maxi-Livres, 2002. 416 p.

25. Ligneux Y. Le visage du roi, de François Ier à Louis XIV [Electronic resource] // Revue d'histoire moderne&contemporaine. 2010. № 4. № 57/4. — Paris ; Belin, 2010. 288 p. URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-moderne-et-contemporaine-2010-4-page-30.htm>.

26. Poirson A. Histoire du règne de Henri IV [Electronic resource]. Vol. 4. 2e éd. — Paris : Editions Didier et Cie, 1867. 667 p. URL : <https://books.google.fr/books?id>.

27. Portrait d'Henri IV par Thomas De Leu [Electronic resource]. URL : <https://www.museejeannedalbret.com/portrait-dhenri-iv-par-thomas-de-leu/>.

28. Scarron P. Le Roy [Electronic resource]. URL: <https://www.poemes.co/le-roy.html>.

29. Stanis P. Les rides d'Apollon : l'évolution des portraits de Louis XIV // Revue d'histoire moderne & contemporaine. 2003. № 3 (no50-3). URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-moderne-et-contemporaine-2003-3-page-62.htm#no41>.

30. Voltaire M.-F. La Henriade [Electronic resource]. — Londres, 1728. 202 p. URL: https://archive.org/details/McGillLibrary-rbcs_henriade_voltaire_quatro53-15860.

E. G. Vasileva

Petrozavodsk, Russia

THE ROYAL CEREMONIAL PORTRAIT OF HENRY IV AS A SEMIOTIC SIGN OF POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *In the present article, the royal ceremonial portrait is analyzed as a text-image that represents a sign and possesses its own semiotic properties. The image of the king during the period of the absolute monarchy is one of the most complex mechanisms of representation of the monarchical system, when it is important to show the king distantly as the embodiment of power. The author shows that this is the point of intersection of artistic and political discourse. Interpreting the signs represented in the print of Henry IV in a coronation suit by the French engraver of the Flemish origin Thomas de Leu, the author reveals the ways the idea of royal power is actualized. The external symbols of monarchical power are the means of the semiotization of power in a ceremonial royal portrait. They translate the greatness and power of the French monarch and serve as symbols of the legitimization of royal power. In addition, regalia, as well as other details of the ceremonial royal portrait, represented in the portrait of Henry IV in a coronation suit, reflect the principle of dynastic monarchy, and, in a broader sense, — the principle of hereditary continuity of supreme power. The author proves that the visual representation of power is aimed at creating and disseminating the image of the ideal ruler which is used to justify the legitimacy of the monarch's rule.*

KEYWORDS: *political discourse; semiotic space; French kings; political leaders; ceremonial portrait; regalia; semantics of power.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasileva Ekaterina Guennadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Karelian Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Petrozavodsk, Russia.*

REFERENCES

1. Alferova N. V. Funktsii portreta v russkoy kul'ture [Elektronnyy resurs] : avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. — SPb., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/funktsii-portreta-v-russkoy-kulture#ixzz5L4LcWszm>.

2. Basin E. Ya. Portret v izobrazitel'nom iskusstve [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PORTRET_V_IZOBRAZITELNOM_ISKUSSTVE.html.

3. Vasil'eva E. G. Myagkaya sila korolevskogo portreta v prostranstve semiotiki // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitiy yazyka: kategorii, faktory, mekhanizmy : materialy 18-y Mezhdunar. konf. Shkoly-seminara im. L. M. Skrelinoy (Moskva, 13—16 sent. 2017 g.). — M. : MGPU : Yazyki narodov mira. S. 41—46.

4. Vikulova L. G., Vasil'eva E. G. Verbalizatsiya portreta monarkha kak vtorichnaya semiotizatsiya instituta vlasti // Verkhnevolzh. filol. vestn. : nauch. zhurn. 2018. № 1. С. 63—71.

5. Vovk O. V. Entsiklopediya znakov i simbolov. — M. : Veche, 2006. 528 s.

6. Kovshova M. L. Semantika golovnog ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyy kod kul'tury. — M. : Gnozis, 2015. 368 s.

7. Kushcheva M. V. Predstavlenie o korolevskoy vlasti v politicheskoy kul'ture Frantsii pervoy poloviny XVIII v. (1715—1748 gg.) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/kuscheva-o-korolevskoy-vlasti-francii.htm>.

8. Mann G. Molodye gody korolya Genrikha IV : roman / per. s nem. V. Stanevich. — M. : Det. lit., 1991. 589 s.

9. Mukarzhovskiy Ya. Iskusstvo kak semiologicheskii fakt [Elektronnyy resurs] // Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva. — M. : Iskusstvo, 1994. S. 190—198. (Vperyye: Actes du huitième Congrès international de philosophie à Prague. 1934. — Prague, 1936). URL: <http://philologos.narod.ru/texts/mukarzhovskiy.htm>.

10. Omelichkina E. O. Realizatsiya lingvokul'turnogo tipazha «héros combattant» v khudozhestvennom diskurse (na materiale

frantsuzskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2013. 215 s.

11. Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo Srednevekov'ya / per. s fr. E. Reshetnikovoy. — SPb. : Aleksandriya, 2017. 448 s.

12. Plakhov V. D. Geroi i geroizm. Opyt sovremennogo osmysleniya vekovoy problemy. — SPb. : KARO, 2008. 240 s.

13. Pleshkova S. L. Genrikh IV Frantsuzskiy [Elektronnyy resurs] // Voprosy istorii. 1999. № 10. S. 65—81. URL: <http://historystudies.org/2012/06/pleshkova-s-l-genrix-iv-francuzskij/>.

14. Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov / avt.-sost. M. L. Kovshova, D. B. Gudkov ; otv. red. M. L. Kovshova. — M. : Gnozis, 2017. 192 s.

15. Sogomonyan V. E. Chto takoe diskurs vlasti? // 21-y VEK. 2012. № 1 (12). S. 34—51.

16. Fedotova E. D. Zhanr «velikie lyudi» i interpretatsiya obraza Genrikha IV vo frantsuzskom iskusstve. // Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2016. T. 5. № 11. S. 159—162.

17. Fofin A. I. Antropotsentrichnost' kak printsip interpretatsii zhivopisnogo proizvedeniya (na materiale tekstov o «bibleyskom» tvorchestva Marka Shagala) // Chelovek i ego Yazyk : materialy yubileynoy 16-y Mezhdunar. konf. nauchnoy Shkoly-seminara im. L. M. Skrelinoy. — SPb. : Skifiya, 2013. 336 s.

18. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.

19. Sheygal E. I. Neverbal'nye znaki politicheskogo diskursa [Elektronnyy resurs] // Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie. — Volgograd, 2001. Vyp. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm>. (Philology.ru. Russkiy filologicheskii portal).

20. Yampol'skiy M. B. Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya. — SPb. : Masterskaya EANS, 2012. 344 s.

21. Bourgeaux L. L'apparition du portrait gravé dans le livre au XVIème siècle [Electronic resource] // Mémoire de recherche. Sous la direction de Vanessa Selbach, conservateur des biblio-

thèques. 2005. URL: <http://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/604-l-apparition-du-portrait-grave-dans-le-livre.pdf>.

22. Dictionnaire Historique de la langue française : Nouvelle édition. Sous la direction d'Alain Rey. — Paris : Le Robert, 2010. 2616 p.

23. Henri IV sur son trône, en costume de sacre [Electronic resource] : image. URL : https://www.photo.rmn.fr/archive/05-522095-2C6NU07CYT_0.html.

24. Le Brun C. Dictionnaire encyclopédique de l'histoire de France. — Paris : Maxi-Livres, 2002. 416 p.

25. Ligneux Y. Le visage du roi, de François Ier à Louis XIV [Electronic resource] // Revue d'histoire moderne&contemporaine. 2010. № 4. № 57/4. — Paris ; Belin, 2010. 288 p. URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-moderne-et-contemporaine-2010-4-page-30.htm>.

26. Poirson A. Histoire du règne de Henri IV [Electronic resource]. Vol. 4. 2e éd. — Paris : Editions Didier et Cie, 1867. 667 p. URL : <https://books.google.fr/books?id>.

27. Portrait d'Henri IV par Thomas De Leu [Electronic resource]. URL: <https://www.museejeannedalbret.com/portrait-dhenri-iv-par-thomas-de-leu/>.

28. Scarron P. Le Roy [Electronic resource]. URL: <https://www.poemes.co/le-roy.html>.

29. Stanis P. Les rides d'Apollon : l'évolution des portraits de Louis XIV // Revue d'histoire moderne & contemporaine. 2003. № 3 (no50-3). URL: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-moderne-et-contemporaine-2003-3-page-62.htm#no41>.

30. Voltaire M.-F. La Henriade [Electronic resource]. — Londres, 1728. 202 p. URL: https://archive.org/details/McGillLibrary-rbsc_henriade_voltaire_quatro53-15860.

О. В. Нагорных, А. А. Керимов
Екатеринбург, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИКЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

АННОТАЦИЯ. В российской политической науке феномен эмоций и их влияние на политические процессы изучены недостаточно, отечественные исследователи при анализе влияния эмоций на политику опираются на результаты научных разработок западных ученых. Эмоции в политической сфере предлагается определить как совокупность сознательных и бессознательных реакций субъектов и объектов политической деятельности на внешние и внутренние изменения политической среды в отношении господства, подчинения, руководства и распределения ресурсов. Рассматривается история изучения эмоциональной составляющей в политике. Эмоциональный компонент в политике привлекает внимание исследователей в период постмодернизма в условиях плюралистической теоретической среды в связи с ростом влияния лингвистического и психологического подходов. Изучается взаимодействие сознательных и бессознательных реакций при формировании политических отношений и политических суждений, что способствует прогнозированию реакции граждан в ходе избирательных кампаний, снижению политической напряженности, принятию политических решений. Приводятся основные особенности политических эмоций: во-первых, они не обязательно должны осознаваться (сознательный гнев против политического противника может быть симптомом подавленного стыда), во-вторых, имеют как ситуативный, так и долговременный характер, сопровождая деятельность политических институтов и их практики, формируя общественную культуру. Характеризуются выделяемые в современной науке не до конца осознаваемые политические эмоции: страх, надежда, обида, цинизм. Так, обида действует либо как увековечивающий фактор групповой вражды, либо как катализатор насилия. Проявление эмоции цинизма в политической сфере вызвано кризисами легитимности политической власти, выражающимися в абсентеизме, неудовлетворенности политикой, гражданском неповиновении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмоции; эмоциональные состояния; политическая психология; надежда; страхи; обиды; цинизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Нагорных Олег Владимирович, аспирант, кафедра политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: nagornyh72@mail.ru.

Керимов Александр Алиевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: kerimov68@mail.ru.

Роль эмоций в политике трудно переоценить: печаль, радость, тревога и гнев не просто сопровождают политику, но нередко становятся ее движущими силами. Современный политический процесс изобилует примерами воздействия эмоций на политику. Практически все эпизоды политики сопровождаются эмоциональными переживаниями. Эмоции проявляются как во время трагических событий — войн, революций, природных катаклизмов, так и в мирное время — в парламентских дебатах, переговорных процессах и т. д. Эмоции приобретают особое значение в постконфликтных обществах и имеют непосредственное влияние на политические процессы и ход институциональных реформ [Long, Wresche 2003].

При анализе роли эмоций в политической сфере возникает необходимость в установлении соотношения и взаимосвязи между категориями «эмоции» и «чувства», поскольку иной раз эти категории рассматриваются как взаимозаменяемые. В данной статье мы будем исходить из того, что соотношение между этими категориями должно быть установлено на основе параметра «видовое / родовое» [Пешкова (Зотова) 2014: 79], поскольку «чувства являются подклассом эмоциональных процессов, и их особенностью является выраженный характер как результат обобщения эмоций (чувство любви к родине, человеку, ненависти к врагу)» [Ильин 2016: 29]. Эмоции являются внешни-

ми, наблюдаемыми проявлениями чувств, которые часто имеют скрытый характер. Чувства же — это сущность, являющаяся в форме эмоций. Именно через эмоции чувства становятся видимыми, превращаясь из сугубо личного переживания в социальный факт. В научной литературе это явление нередко определяют с помощью категории «чувственного дисплея» [Ashforth, Humphrey 1995: 125].

Проблематика эмоциональной составляющей в политике всегда находилась в центре внимания философов. Так, мыслители Античности и Средневековья — Аристотель, Августин, Фома Аквинский, Макиавелли, Спиноза, Гоббс и др. — рассматривали эмоции через призму исторической и культурной эволюции человека в аспекте изменения общественно-политической ситуации под влиянием властных и имущественных отношений.

В Новое и Новейшее время в трудах исследователей изучение эмоционального фактора в политике получает новый импульс. Так, А. Грамши вводит понятие «политическая страсть», тем самым подразумевая, что политика — это не только экономика, но и «такие чувства и устремления, в накаленной атмосфере которых самый расчет человеческой жизни подчиняется законам, которые отличаются от законов, обеспечивающих выгоду индивидууму» [Грамши, Лукач 2017: 120]; А. де Токвиль связывает

политические процессы с эмоциями, но при этом отмечает, что «страсти выплывают наружу, только если задеты материальные интересы». При исследовании американских демократических порядков исследователь выделяет роль таких эмоций, как гнев, чувство вины, стыда, презрение и др. [Токвиль http]. Л. Н. Кибардина в работе «Анализ харизматического лидерства в социологии Макса Вебера» отмечает такое явление, как «эмоциональная общность», которую образуют лидер и его ближайшие сторонники с целью создания «харизматического господствующего союза» [Кибардина 2008: 35]. Б. Андерсон задается вопросом об историческом развитии наций, при этом исследователь акцентирует внимание не только на механизмах и причинах их изменения, но и на том, «какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью» [Андерсон 2001: 27].

Двадцатое столетие стало эпохой революционного прорыва в развитии политических наук. В частности, активно начинает внедряться бихевиористский подход, разработанный Г. Госnellом, Г. Лассуэллом, Г. Мерриамом. Данный подход сводится к изучению поведения индивида как части политической системы. Благодаря этому подходу в политической науке стали появляться такие понятия, как «убеждения», «поведение электората», «установка». Тем не менее представители этого направления не уделяли особого внимания эмоциям.

В период постмодернизма в условиях плюралистической теоретической среды эмоциональный компонент становится значимым почти для всех социогуманитарных наук. Это стало возможным благодаря применению лингвистического и психологического подходов, явившимися постмодернистским вызовом социогуманитарным наукам, которые в большей степени функционировали в рамках структурно-функциональной парадигмы. Таким образом, перед аналитиками политических явлений возникла дилемма выбора метода исследования политических процессов: либо рациональный выбор, согласно которому люди и человечество будут продвигаться в лучший мир, если они будут полагаться на разум и собственные интересы; либо политический культурный подход, основанный на концепции «поведенческой революции» [Алмонд 1997], предполагающий, что люди участвуют в политике в разных модальностях посредством взаимодействия когнитивных, аффективных и оценочных предрасположенностей. Однако, как показало дальнейшее развитие

политической науки, сторонники «рационалистического» подхода постепенно интегрировали эмоции в свои исследования. Например, Дж. Элстер отмечает, что при эмоциональном восприятии различных социально-политических явлений возможна их субъективная трактовка, обусловленная принятием желаемого за действительное. В сфере социального взаимодействия именно эмоции оказывают значительное влияние на поведение, убеждения, ментальные установки и моральные устои индивида [Элстер 2011: 85].

Современные исследования влияния эмоций в политике основываются на результатах изучения взаимодействия сознательных и бессознательных реакций при формировании политических отношений и политических суждений. Они позволяют прогнозировать реакции граждан в ходе избирательных кампаний, способствуют снижению политической напряженности, принятию политических решений и т. д. Например, Дж. Куклински уделяет большое внимание тому, как эмоции влияют на индивида при обработке информации, выстраивании суждений и выводов о политике [Kuklinski 2001]. По мнению Д. О. Сирса, каждый индивид может быть вовлечен в сферу политики через эмоциональное восприятие повседневной реальности. В данном контексте следует отметить, что сфера политики становится символической, т. е. у каждого политического действия появляется смысловая нагрузка и соответствующая трактовка, которая будет сопряжена с предшествующим эмоциональным опытом человека. В этом случае восприятие политики опирается на стереотипы и связанные с ними эмоциональные отклики [Sears 2001].

Большинство исследователей в области психологии и политической психологии сходятся во мнении, что эмоции состоят из оценки внутренних или внешних стимулов; физиологических изменений, приводящих к готовности к действию; лицевых, голосовых и лингвистических выражений; сознательного субъективного чувства; а также функции адаптации к окружающей среде [Scherer 2009]. Социологи же, исследующие тему эмоций в общественных отношениях, выявляют социально-культурные условия, которые ведут к возникновению разных эмоций, стремятся обосновывать их проявления [Turner, Stets 2005]. Очевидно, что каждый из этих компонентов включает в себя огромное разнообразие измерений и элементов, таких как характер оценки, связь между эмоциями и мотивацией, мотивацией и действием, прямое и косвенное воздействие эмоций на

политические суждения и т. д. Кроме того, нередко социологи и политологи рассматривают термины «эмоции», «ощущения», «чувства» как обладающие взаимозаменяемыми дефинициями.

В современной литературе обычно выделяют две основные особенности политических эмоций: во-первых, считается, что некоторые политические эмоции не обязательно должны сознательно ощущаться. Как показал Т. Шефф, сознательный гнев против политического противника может быть симптомом подавленного стыда, а чувство ответственности — подавленным чувством вины [Scheff 1994]; во-вторых, традиционно отмечается, что политические эмоции имеют как ситуативный, так и долговременный характер, сопровождая деятельность политических институтов и их практики, формируя общественную культуру. В качестве длительных эмоциональных состояний политические эмоции де Ривера называет «эмоциональным климатом». Под этим термином понимается длительный и стабильный опыт, у которого нет определенного предмета; это формы притяжения и отталкивания, которые способствуют коллективной солидарности и/или враждебности [Rivera [http](#)].

В политической науке на современном этапе в качестве не до конца осознанных политических эмоций обычно выделяют страх и надежду, обиду и цинизм.

Исследовательская группа политологов и социологов из университета г. Шеффилда и Междисциплинарного центра в Герцлии (Израиль), возглавляемая специалистом в области социальной психологии и социальной философии Смадар Кохен-Чен, исследовала влияние эмоций на восприятие индивидов в условиях долгосрочного конфликта (более 25 лет) между Израилем и Палестинской автономией. Данные исследования в области политической психологии подтверждают, что «эмоции влияют на общественное мнение по вопросам переговоров и компромиссов, а также увеличивают или уменьшают осознание рисков при разрешении конфликтов» [Cohen-Chen [http](#)]. Авторы отмечают, что эмоции зависят от конкретной ситуации, но также на них влияют ментальные установки, долговременное межкультурное взаимодействие, общие и индивидуальные переживания индивидов. Когда речь идет о политическом контексте, эти длительное время влияющие диспозиции воплощены в терминах политической идеологии. Социологическое исследование доказало, что эмоции играют важную роль в объяснении взаимосвязи между идеологией и принятием решений в свете политических

событий.

В рассматриваемом исследовании авторы предложили гипотезу, согласно которой «в контексте неразрешимых конфликтов дискретные эмоциональные процессы (а не просто позитивно-негативные последствия) играют важную роль в том, как люди обрабатывают новую информацию о возможностях мира» [Ibid.]. Как отмечают авторы, эмоции надежды и страха имеют различное влияние на восприятие информации о конфликте. Результаты исследования показывают, что, несмотря на то, что эмоции надежды и страха не оказывают влияние на количество информации, которое индивиды желают получить, они по-разному влияют на то, какую именно информацию индивиды воспринимают из общего потока. Так, эмоции надежды подталкивают индивида воспринимать информацию о высокой вероятности заключения мирного договора, тогда как эмоции страха стимулируют восприятие информации о невозможности прекращения конфликта, усиливают внутригрупповые отношения, склонность к рискованным политическим тенденциям, подавление творческих идей и возражение против межгрупповых переговоров [Ibid.].

Эмоция обиды изучалась в трудах Р. Петерсена и М. Шелера. Объясняя этническое насилие в восточноевропейских странах в XX в., Р. Петерсен развивает основанную на признании значительной роли эмоций теорию конфликта и трактует «обиду» как «инструментальную» эмоцию, которая облегчает индивидуальные действия для удовлетворения определенного желания или беспокойства. По мнению исследователя, обида действует либо как увековечивающий фактор групповой вражды, либо как катализатор насилия [Petersen [http](#)]. На личностном же уровне, по мнению М. Шелера, обиженный человек не способен противостоять социальному давлению, так как не обладает необходимыми психологическими ресурсами. Это может быть связано с чувством обиды за свой низкий социальный статус, при этом человек демонстрирует мстительность по отношению к окружающим. Сначала такой человек восхищается богатым, успешным, образованным, знаменитым индивидом. При невозможности достижения определенных материальных благ или личных качеств, присущих объекту восхищения, появляется чувство острой социальной несправедливости, связанное с неравномерным распределением благ [Шелер 1994]. В результате человек начинает постепенно недооценивать то, чем он когда-то восхищался. В психоаналитических терминах это называется защитным

механизмом от давления.

Проявление эмоции цинизма в политической сфере вызвано кризисами легитимности политической власти, выражающимися в абсентеизме, нестабильности избирательного поведения, неудовлетворенности политикой, политической апатии, гражданском неповиновении, уменьшении гражданской активности. Обычно политический цинизм понимается как неверие в искренность, честность или доброту политических властей, политических групп, политических институтов или даже всей политической системы со стороны граждан, что способствует уменьшению их политической активности. Однако политический цинизм также проявляется в отношении власти к населению.

К таким выводам, например, пришел А. Миллер, основывавшийся на результатах деятельности Исследовательского центра Мичиганского университета, а именно анкетирования, касавшегося государственной политики в сфере расовых отношений, внешней политики и ряда внутренних проблем в США. Цель исследования заключалась в выявлении соотношения политической эффективности власти и политического цинизма. А. Миллер пришел к выводу, что политический цинизм возникает из-за проводимой в стране политики и невозможности удовлетворения всех потребностей населения, а также неэффективного решения современных проблем [Miller http]. По нашему мнению, такая политика способствует поляризации общества, в котором часть людей стремится к социальным изменениям, а основная группа боится перемен. Подобная ситуация способствует снижению политического доверия, создает параноидальную подозрительность к политикам и процессам принятия решений, возникновению интенсивного политического конфликта и проявлений внеправового поведения. Данные процессы сопровождаются эмоциональными переживаниями в виде меланхолии, пессимизма, скрытого отчаяния, иронии, жалости к себе, безнадежности, скептицизма, сарказма, недобросовестности и нигилизма.

В российской политической науке феномен эмоций и их влияние на политические процессы изучены недостаточно. До сих пор отечественные исследователи при анализе влияния эмоций на политику опираются на научные разработки западных ученых. Эмоции относятся к категории, широкого используемой как в политологии, так и в психологии, социологии и других науках. Существуют разнообразные подходы к определению сущности и характеристик данной категории, ее стандартная дефиниция, устроившая бы

всех исследователей, не выработана. Нам представляется обоснованным рабочее определение, согласно которому эмоции в политической сфере — совокупность сознательных и бессознательных реакций субъектов и объектов политической деятельности на внешние и внутренние изменения политической среды в отношении господства, подчинения, руководства и распределения ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997. № 6. С. 175—183.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Грамши А., Лукач Д. Наука политики. Как управлять народом. — М.: Алгоритм, 2017. 336 с.
4. Ильин В. И. «Чувства» и «эмоции» как социологические категории // Вестн. СПбГУ. 2016. Сер. 12. Вып. 4. С. 28—40.
5. Кибардина Л. Н. Анализ харизматического лидерства в социологии Макса Вебера // Омск. науч. вестн. 2008. № 2 (66). С. 34—38.
6. Пешкова (Зотова) А. Б. К вопросу о соотношении понятий «эмоция» и «чувство» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 12. С. 79—82.
7. Токвиль. А. Демократия в Америке. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf (дата обращения: 11.07.2018).
8. Шелер М. Материальная этика ценностей // Избр. произведения. — М.: Гнозис, 1994. 490 с.
9. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. — М.: Изд. дом гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2011. 470 с.
10. Ashforth B., Humphrey R. Emotion in the workplace: A reappraisal // Human Relations. 1995. Vol. 48. P. 97—125.
11. Cohen-Chen S. The differential Effects of Hope and Fear Information Processing in Intractable Conflict [Electronic resource]. URL: <https://jspp.psychopen.eu/article/view/230/pdf> (date of access: 10.07.2018).
12. Kuklinski J. Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2001. 520 p.
13. Long W. J., Brecke P. War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution. — Cambridge, MA: The MIT Pr., 2003. 247 p.
14. Miller A. H. Political issues and trust in government: 1964—1970 [Electronic resource]. URL: <https://web.stanford.edu/class/polisci92n/readings/oct30.1.miller.jstor.pdf> (date of access: 18.07.2018).
15. Petersen R. D. Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/understanding-ethnic-violence/D41C65F6699289EEA4468C6198FA5652> (date of access: 05.07.2018).
16. Rivera de J. Emotional Climate: Social Structure and Emotional Dynamics [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/288262904_Emotional_climate_Social_structure_and_emotional_dynamics (date of access: 14.07.2018).
17. Scheff T. J. Bloody Revenge: Emotions, Nationalism and War. — Boulder: Westview Pr., 1994. 162 p.
18. Scherer K. R. Emotion theories and concepts (psychological perspectives) // Oxford companion to emotion and the affective sciences / eds D. Sander, K. R. Scherer. — Oxford Univ. Pr., 2009. P. 145—149.
19. Sears D. O. The role of affect in symbolic politics // Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology / J. H. Kuklinski (ed.). — New York: Cambridge Univ. Pr., 2001. P. 14—40.
20. Turner J., Stets J. The Sociology of Emotions. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2005. 368 p.

O. V. Nagornykh, A. A. Kerimov
Ekaterinburg, Russia

EVOLUTION OF VIEWS ON THE ROLE OF EMOTIONS IN POLITICS IN FOREIGN SOCIOLOGICAL SCIENCE

ABSTRACT. *The phenomenon of emotions and their influence on political processes are understudied and Russian linguists have to refer to foreign research works to analyze and interpret the influence of emotions on politics. Emotions in political sphere are a unity of conscious and unconscious reactions of subjects and objects of political activity on external and internal changes of political environment in reference to the state, subordination, government and resource distribution. The history of studies of emotional component is discussed. Emotional component in politics attracts researchers' attention of postmodern times in the frames of pluralistic theoretical environment and in connection with the influence of linguistic and psychological approaches. The article studies correlation between conscious and unconscious reactions in formation of political relations and political judgments, which helps to predict people's reaction during election campaigns, to reduce political tension and make political decisions. The main peculiarities of political emotions are the following: firstly, they should not necessarily be conscious (conscious anger with a political opponent may be a sign of suppressed shame), secondly, they may be both momentary or long-term accompanying political establishments and forming social culture. The article characterizes partially-conscious political emotions: fear, hope, offence and cynicism. Partially-conscious political emotions are either a factor of group enmity or a catalyst of violence. The emotion of cynicism in political sphere is caused by the crisis of legitimate political power manifested in absenteeism, dissatisfaction with politics, political apathy and civil disobedience.*

KEYWORDS: *emotions; emotional state; political psychology; hope; fear; offence; cynicism.*

ABOUT THE AUTHORS: *Nagornykh Oleg Vladimirovich, Post-graduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Kerimov Alexander Alievich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after, the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Almond G. Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny // Polis. 1997. № 6. S. 175—183.
2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. — M. : Kanon-Press-Ts; : Kuchkovo pole, 2001. 288 c.
3. Gramshi A., Lukach D. Nauka politiki. Kak upravlyat' narodom. — M. : Algoritm, 2017. 336 s.
4. Il'in V. I. «Chuvstva» i «emotsii» kak sotsiologicheskie kategorii // Vestn. SPbGU. 2016. Ser. 12. Vyp. 4. S. 28—40.
5. Kibardina L. N. Analiz kharizmaticheskogo liderstva v sotsiologii Maksa Vebera // Omsk. nauch. vestn. 2008. № 2 (66). S. 34—38.
6. Peshkova (Zotova) A. B. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «emotsiya» i «chuvstvo» // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2014. № 12. S. 79—82.
7. Tokvil'. A. Demokratiya v Amerike. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf (data obrashcheniya: 11.07.2018).
8. Sheler M. Material'naya etika tselestoy // Izbr. proizvedeniya. — M. : Gnozis, 1994. 490 s.
9. El'ster Yu. Ob'yasnenie sotsial'nogo povedeniya: eshche raz ob osnovakh sotsial'nykh nauk. — M. : Izd. dom gos. un-ta Vyssh. shk. ekonomiki, 2011. 470 s.
10. Ashforth B., Humphrey R. Emotion in the workplace: A reappraisal // Human Relations. 1995. Vol. 48. P. 97—125.
11. Cohen-Chen S. The differential Effects of Hope and Fear Information Processing in Intractable Conflict [Electronic resource]. URL: <https://jssp.psychopen.eu/article/view/230/pdf> (date of access: 10.07.2018).
12. Kuklinski J. Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2001. 520 p.
13. Long W. J., Brecke P. War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution. — Cambridge, MA : The MIT Pr., 2003. 247 p.
14. Miller A. H. Political issues and trust in government: 1964—1970 [Electronic resource]. URL: <https://web.stanford.edu/class/polisci92n/readings/oct30.1.miller.jstor.pdf> (date of access: 18.07.2018).
15. Petersen R. D. Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe [Electronic resource]. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/understanding-ethnic-violence/D41C65F6699289EEA468C6198FA5652> (date of access: 05.07.2018).
16. Rivera de J. Emotional Climate: Social Structure and Emotional Dynamics [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/288262904_Emotional_climate_Social_structure_and_emotional_dynamics (date of access: 14.07.2018).
17. Scheff T. J. Bloody Revenge: Emotions, Nationalism and War. — Boulder : Westview Pr., 1994. 162 p.
18. Scherer K. R. Emotion theories and concepts (psychological perspectives) // Oxford companion to emotion and the affective sciences / eds D. Sander, K. R. Scherer. — Oxford Univ. Pr., 2009. P. 145—149.
19. Sears D. O. The role of affect in symbolic politics // Citizens and Politics: Perspectives from Political Psychology / J. H. Kuklinski (ed.). — New York : Cambridge Univ. Pr., 2001. P. 14—40.
20. Turner J., Stets J. The Sociology of Emotions. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2005. 368 p.

Н. В. Потапова, В. А. Каменева
Кемерово, Россия

**ВОЗРАСТ АДРЕСАТА — ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СТРУКТУРНЫЕ,
ЯЗЫКОВЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСТНЫХ ГИПОТЕКСТОВ**

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено изучению структурных, временных и лингвистических особенностей американских онлайн-новостей в зависимости от возраста целевой аудитории. Новостные гипотексты, ориентированные на взрослых, строятся по принципу «перевернутой» пирамиды и содержат все компоненты новостной схемы Т. А. ван Дейка. При этом структура новостных гипотекстов, рассчитанных на детскую аудиторию, имеет вид «усеченной» «перевернутой» пирамиды из-за отсутствия одного из наиболее важных элементов структуры — заголовка. Проведенный анализ показал, что новостные гипотексты, ориентированные на детскую аудиторию, могут быть подразделены на три типа: 1) собственно новость, 2) новость + обширный фоновый план (чаще прошлого), 3) фоновый план (прошлого), преподносимый как новость. Существенные различия наблюдаются и в стилистико-языковом оформлении новостных гипотекстов. Тенденция к нейтральности и обезличенности, высокой степени клишированности, достоверности и фактологичности типичны для новостных гипотекстов, ориентированных на взрослых, в то время как для детских новостей характерны прямое обращение к адресату и экспрессивная лексика. В качестве основных методов исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения, а также лингвистические методы контент-анализа, дискурсивный и интерпретационный анализ, метод стилистического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средства массовой информации; СМИ; медиалингвистика; медиадискурс; онлайн-новости; новостные гипотексты; новостные гипотексты; целевая аудитория; лингвистические особенности; темпоральные особенности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Потапова Наталья Вадимовна, старший преподаватель кафедры английской филологии; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6409; e-mail: nv_potapova@mail.ru.

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6409; e-mail: russia_science@mail.ru.

The globalization of communication due to technological progress has made any news text of electronic media available to almost any user: an adult as well as a child who has the access to the Internet and who is able to understand the language in which news is written. Nowadays it is much easier to be in the know of everything happening worldwide than ever before. At the same time, regardless of all the opportunities which the media provide users with, there is a problem of low pupils' motivation to learn from this significant source of knowledge. Pupils know little about current domestic and foreign affairs as well as major historical events. How to make children learn from the media? How to make children learn from reading news? How to make children read news at all? What should there be in news to attract children's attention?

It is obvious that all texts are initially designed for a certain target audience, allocated for gender, race, social status, educational level, religious affiliations, and so on. In the context of electronic news texts, the orientation toward the addressee is even more significant, since the author must clearly understand the characteristics of the reader in order for the material to reach its goal. Among all social and anthropocentric parameters that predetermine linguistic features of news hypotext, the age of the target audience plays a very important role in news making. The pressure of the addressee leads to the situation that "it is not he (the author) who writes, but he is written" [Epstein 2001: 36].

For decades news has been in the center of scientific interest of researchers worldwide [Fowler 1991; McCombs 2004; Reah 1998]. The studies of content and structure of news are current issues of modern research of news hypertext. The subject was studied by such researchers as T. Dijk, J. Reis, C. Ihlstrom, P. Uotila [Dijk 1988; Ihlstrom 2004; Reis 2015; Uotila 2011] and many others. The question of the functional potential of Internet news is also topical among modern research of news discourse. Despite the differences in terminology and the number of functions, the main functions of Internet news are informative [Crystal 2001; Nazarov 2002; Shemelina 2008] and influencing, or ideological [Dobrosklonskaya 2005; Dobrosklonskaya 2006].

Although different aspects of news have been studied so far, we can't but see a research gap in this field. A lot has been said about news media, but no reference has been made as to the age of a reader, and this factor, being a very important one, cannot be ignored. There are few works discussing questions of the relationship between news media and children and even fewer works devoted to news media produced for children.

We do not deny that there are works investigating these questions. Media as an educational service for children are examined by quite a number of researchers. With the time flow from an educational service for children news media have changed into a media market and children — into consumers in this market [York 2015; Mavoia 2017]. Recent research has suggested that, although standard news is often

considered as inappropriate for children, its consumption is important for children's social and political socialization [Alon-Tirosh 2017; Beaudoin 2014].

Another aspect of media — research on representations of children in the news — has recently become a focus of attention in media studies. For example, Emiljano Kaziaj [Kaziaj 2017] investigates the portrayal of children in Albanian news media and concludes that children are shown in limited roles as objects of emotional appeal, victims or performers. Cristina Ponte [Ponte 2007] as well as Frankie Asare-Donkoh [Asare-Donkoh 2017] shares the same point of view saying that media picture children as a powerful symbol of victimization and give little attention to children's issues hence a very low reportage.

Speaking about media produced for children, we cannot but mention M. Alon-Tirosh [Alon-Tirosh 2017] who investigates children's news programs in Israel. The researcher insists that to make such programs comprehensible and palatable creators should adapt them to children's cognitive and emotional abilities. Having examined opinions of 15 children's news program creators, the researcher concludes that news programs should “feature both standard news items and content pertaining to children's lives, achieving a balance between heavier and lighter content, and generating a youthful atmosphere”.

Despite the sufficient number of works devoted to news media, there are still a lot of questions to be answered. To date, for example, there are no works describing how the age of readers may affect the form, content, and the way of news presentation. To fill this gap we compared two groups of online news texts, which are presented as the hypotexts linked to each other within the viewed hypertext of the US news site CNN (www.cnn.com) and CNN10 (www.cnn.com/cnn10) — aimed at adults (from 25 years and older) and children (middle and high school students).

We found out differences in content, structure, and the style of online news writing. Besides in the current research we discussed possible ways of representing online news to attract children. This work enhances the theory of news representation, improving awareness among journalists of the difference between adult and children online news presentation.

To achieve our goals, a number of tasks were accomplished. All the tasks we divided into two sets. Bearing in mind that news as a genre of media discourse is characterized by certain constitutive features that determine their structure and content, the first set of tasks was to investigate the structure of online news arti-

cles targeted at readers of different ages. By random sampling we chose English-language news articles addressed to adults and children posted on the US news site CNN and CNN10 in the period from January to September 2017. The articles, chosen for the analysis, are presented as the hypotexts linked to each other within the viewed hypertext of the US news site CNN and CNN10. The total number of the hypotexts — 100 units. The number of hypotexts analyzed in each group was 50 units, correspondingly.

Following Teun A. van Dijk [Dijk 1988], and applying discourse analysis as well as its part — structural analysis — we found all the structural categories of news proposed by him, such as Summary (introduced by Headline and Lead), Main Events, Backgrounds, and Comment (which consists of two major subcategories: Evaluation and Expectations) in the analyzed texts. First, we analyzed the structure of news hypotexts for adults, then the structure of news hypotexts for children, and then, sticking to qualitative descriptions of the details, we compared the previously obtained data with the results, received by us. In this first part of our investigation we found significant differences in the structures of the online news hypotexts of the two target groups.

At the second stage our aim was to investigate the content of online news. Initially, we identified topics covered in news reports for both target audiences, applying methods of observation and content analysis. Like the entire modern media discourse, the CNN media discourse is structured around specific thematic blocks or thematic dominants. Carrying out a comparative analysis of the topics, we found out what topics were relevant for adults and what topics were relevant for children.

As we know, “news” in the media discourse is defined as an information message about recent or current events that are of political, social or economic interest to the addressee with their freshness, and that are operatively distributed in the recipient's perceived form, mainly through the media [Busyguina 2016: 12]. A distinctive feature of news is its novelty, that is, the “primacy” of presentation and perception, the transition from the category of the unknown to the known [Negryshev 2014]. News is a source of “primary” latest information. In accordance with this definition we wanted to see how the presented online information correlates with the notion “news”.

Applying the methods of analysis and synthesis, method of the content analysis, we revealed the temporal correlation of news messages with the reality for the two target groups by picking out adverbial modifiers of time (such

as *today*, *yesterday*, *tomorrow*, *last Monday*, and the like) and verbal tense forms used in the analyzed hypotexts to see if the event described in the news happened in the past, will happen in the future, or is taking place in the present. Comparing the obtained results, we found out significant differences in the two groups of online news texts.

Lastly, we compared the language of news hypotexts for the two target audiences. At this stage with the help of the content analysis we looked for passive structures, impersonal constructions, cliché, citations, numbers, spoken style features (e.g., expressive vocabulary, phraseology, rhetorical questions, emotional interjections, puns), and others. To achieve this goal, the method of stylistic analysis as well as the method of discursive analysis were used. We should mention that differences in stylistic representation of the two groups of online news texts were also registered. Besides in carrying out the research, the conceptual and terminological apparatuses of the theory of the text and the theory of Internet communication were used.

Having analyzed the selected online news texts addressed to the adult and children audiences, we found great differences in their **structure**.

Investigating news hypotexts for adults we noticed that in most cases the texts were built according to the principle of the “inverted” pyramid and contained all the components of the news scheme of T.A. van Dijk [Dijk 1988]. Unlike the texts of the political thematic block, where all the categories were usually presented, in hypotexts of such thematic blocks as “Technologies”, “Travel”, “Money”, “Sport” there could be no category of Background or Commentary, which was connected with a certain communicative intent of the author of the message. However, the integral and most important component of any online news text, i.e. the headline, was found in all news texts targeting at adults.

News hypotexts addressed to children are built on the same principle of “inverted” pyramid. However, here it is necessary to talk about the variability of the structure. Any news hypotext for children (called transcript by the journalists) consists of 3-5 news items. These news items, like T.A. van Dijk’s categories, are arranged according to the principle of the “inverted” pyramid: in order of decreasing importance. Children’s news hypotexts start with the news of significant international or local value (this can be compared to the category Main Events), for example: terrorist attack in the subway in Russia, the attack of chemical weapons in Syria, natural disasters in Colombia, changes in the US Senate, etc. The main news then is fol-

lowed by minor news of such thematic blocks as medicine, science, information technology, sports (this can be compared to the category Backgrounds), for example: winter Olympians from Afghanistan, a new type of mask for fire-fighting, reports on the mission to Saturn, etc. Finally, any news hypotext for children is finished with a news item, which is more entertaining in nature and does not have important international or local significance, for example: home purchases in the USA, new application of thermochromic ink, bird drones that keep their natural counterparts away from airports, etc. Such news items often contain the presenter’s comments, his point of view and his attitude to the reported information. Thus, this can be compared to the category Comment.

One more important detail is that the “inverted” pyramid of online news texts for children is “truncated”. All children’s news hypotexts lack one of the most important elements that make up the category Summary — a Headline (with the exception of the Lead, which is always presented and conveys the main content of the news text in 2-4 sentences). The headline is expressed with a large-formatted date in bold, for example, **CNN 10 — April 12, 2017**.

As for the **content** of online news texts, methods of observation and content analysis revealed that the thematic blocks covered on the main page of CNN (relevant for adults) include politics, economics, ecology, business, sports, culture. In addition to the mentioned thematic blocks, news on health and technical issues become topical for the young consumers of CNN10.

Applying the methods of analysis and synthesis, method of the content analysis, we revealed three types of the temporal correlation of online news texts with the reality.

The first type is about past events. Journalists of CNN try to present news as an actual, new event that has happened recently and more often that one which occurred in the past 24 hours. That is why they use the names of the days of the week (sometimes in the combination with the words *last* or *this*) as adverbial modifiers of time and either the Present Perfect or Past Simple verbal forms. Thus, in the news hypotext on July 26, 2017 (Wednesday), it is said about the event that took place the day before, i.e., on Tuesday, namely, about the bill which gives Congress the right to block any attempts of the White House to weaken sanctions against Russia, Syria and South Korea. The markers of the accomplished event are: the House of Representatives overwhelmingly **passed** a bill; the vote **was** 419-3; Bob Corker **indicated**; which **was negotiated** between the House and Senate; **told** reporters **Tuesday**; the

three votes against the bill **came** from Republicans (*House overwhelmingly passes Russia sanctions bill*. July 26, 2017).

The second type of the temporal correlation of online news texts with the reality is about the events that occur in the present. So, in this case, the adverbial modifier of time (*right*) *now* and the verb forms of the Present Continuous Tense are found. For example, the news about the annual World Economic Forum in Davos, Switzerland: the meeting that's **going on right now is looking at** the uncertainty of the year ahead, like an investor or a skier might look at risk and then try to minimize it (CNN10 — January 19, 2017).

The third type of the temporal correlation of online news texts with the reality is about the events that will occur in the near future. So, we found messages describing upcoming events, for example: At 10:30 on the morning of Inauguration Day, President Obama **will say** goodbye to 1600 Pennsylvania Avenue. <...> He and President-elect Donald Trump **will meet** again before heading to the inaugural ceremony. As soon as they **walk** out the door, the White House chief usher and almost 100 staffers **will swing** into action (CNN10 — January 12, 2017). In this case, to maintain the future plan of the events in the text, the verbal forms of Future Simple, Present Simple in the subordinate clause to indicate the future action are used.

Applying the mentioned above methods, we found significant differences in online news texts content aimed at children. Unlike online news texts for adults, in most cases with news texts for children, it is not so much important when exactly an event occurs, but why it occurs, and what its consequences are. For this reason, in the news hypotexts for children there are very few references to the exact time of the event (day and month), but frequent such adverbial modifiers as *over the weekend*, *this week*, *last year*, *more recently*, *until recently*, *in April*, *after Christmas*, *the recent warm spell*, *shortly afterwards*, and the like.

Speaking about the temporal correlation of news texts with reality on CNN10, it is important to note that news hypotexts for children do not always refer to the events that occur here and now and, therefore, are not news as such.

We found out that all news hypotexts of the children channel can be divided into three types:

(a) actual news, i.e. an event selected according to the criteria of “newsworthiness”: relevance, objectivity, freshness, efficiency, reliability, concreteness, scale, and conflictness [Belenkaya 2015];

(b) news + extensive background plan (often past);

(c) background plan (of the past) presented as news.

The example of news hypotexts of the first type can be the following: police in Quebec, a province of Eastern Canada, are investigating a shooting that happened at a mosque on Sunday night. Six people were killed and five wounded victims were in the hospital last night. Police say there were 39 other people in the mosque who were not hurt.

Witnesses said they saw at least two gunmen opened fire at the Quebec Islamic Cultural Center and police have arrested one suspect. But there are still a lot of questions about the attack. Investigators say they're not sure yet what the motive might have been, though Canadian Prime Minister Justin Trudeau called the shooting a terrorist attack on Muslims. Vigils were planned for last night, in Quebec City and nearby Montreal (CNN 10 — January 31, 2017).

This news message fully corresponds to the concept of “news”, because meets the three basic requirements: subject, function and method. First, the subject of this message is an event that meets all of the above criteria of “newsworthiness”. Secondly, the analyzed message performs the function of news, namely attracts public attention to the accented aspects of reality. Thirdly, the event is represented by a distinctive method: a brief immediate summary of an incident with minimum background information.

News hypotexts of the second type will include news reports that contain the news itself + an extensive background plan (often the past one). So, in the next news hypotext the subject of the news is the following: “it’s a force of 4,000 U.S. troops, plus 2,400 pieces of military equipment, including tanks, artillery and armored trucks. It’s all part of a deployment lasting nine months and it’s moving throughout Eastern Europe on training exercises.” Further in the text there is a rather extensive background plan with the reasons for these exercises. Then comes a historical summary of when NATO was created and for what purpose. Besides the text provides a view on the possible danger that Russia might pose to Eastern European countries (CNN 10 — January 18, 2017). As can be seen from the above example, news of the second type is a combination of the actual news and an extensive background plan that reveals the essence of the event being covered, the reasons for its occurrence, and possible consequences. However, this kind of news hypotexts, in our opinion, can also be considered as news, as it reflects changes or a fragment of reality, valuable and relevant for a large number of people.

As an example of the third type of news, which is a background fact (more often of the past), presented as news, we will cite the hypotext which refers to the Martin Luther King celebration

in the USA. Journalists used only one sentence to present this event: "For many people in America, yesterday was a day off school or work". It does not provide any details of the celebration of the day. But then follows historical background from which readers learn that the holiday is considered official since 1986 after President Ronald Reagan signed it into law. But in recent years, the U.S. government has pushed for the Martin Luther King Jr. holiday to be recognized not as a "day off" but as "day on", a day of service which would reflect the essence of one of Martin Luther King's major statements: life's most persistent and urgent question is, what are you doing for others? Martin Luther King advocated non-violent methods of protesting against racial discrimination, physical violence and segregation. Followed by boycott and strike, march on Washington had its goal the set of 10 demands. Though much has been accomplished since the march, at the time, opposition to change persisted, and so did violence. The Birmingham church bombing, Bloody Sunday, and the murder of the movement's leader set the country on fire (CNN 10 — January 17, 2017). Such news reports cannot be called "news", as they do not meet the three main requirements mentioned above: subject, function and method.

Quantitative portrayal of the analyzed hypotexts for adults and children is the following: out of 50 "main" adult news hypotexts the actual news count for 100%; out of 50 children news hypotexts the actual news count for 43%, news + extensive background plan count for 38%, and background plan presented as news count for 19%.

As for the **language** of news hypotexts for adults, the following features can be distinguished:

1. A tendency for neutrality and certain impersonality.

News hypotexts for adults do not contain a direct appeal to the addressee, the journalist does not impose his/her point of view, minimally uses the evaluation vocabulary. Impersonality and impartiality are normative accomplishments (Dijk, 1988). This explains the wide use of passive verbal forms (*22 bodies were found, a building is damaged, a car is crushed, will remain closed, people were told not to return*). The use of impersonal structures (*it is thought that, it is said that*) and the construction *there is* (*there is no racial discrimination in Orania, there's been an apparent chemical weapons attack in the Middle Eastern nation of Syria, there are a lot of programs*) also indicates the intentional distancing of the creators of the news hypotext from its content and recipients. Despite the fact that the personal attitude can be expressed in various ways — when choos-

ing the topic of the article, developing this topic, using structural categories, choosing an appropriate vocabulary — the journalist still plays the role of an impartial observer, an intermediary in the transfer of facts.

2. High degree of cliché.

Thus, the total number of word combinations that in some way possess the property of cliché, according to T.G. Dobrosklonskaya, in English news texts can reach up to 30-40% of the total number of syntagmatic units [Dobrosklonskaya 2005]. The frequently used clichés are the following: *according to the governor of the hard-hit state of Oaxaca, officials said, Dorothy Munoz told CNN, high concern over, to shake hands, to take place, to make a move, nuclear weapons program, a top level meeting*, and others.

3. A large number of citations and references to various sources of information.

This is intended to give a news message greater certainty. For example: *officials said, the Mexico City resident said, a fire department spokeswoman said, President Peña Nieto told citizens, according to the US Geological Survey, based on Judge Gorsuch's record at the Department of Justice*, and so on.

4. A tendency for factuality. The use of a large number of numbers: *that takes 60 votes, 100,000 nurses, a 12 percent reduced risk of early death*.

Again, comparing the language of online news texts for children and for adults, we could not but notice significant differences.

Firstly, the journalists' priority of CNN10 is not just a statement of facts, but an explanation of the situation. They try to identify stories of international and local significance and then clearly describe why they're making news, who is affected, and how the events fit into a complex, international society. Thus, the most important thing here is the detailed consideration of the situation, the identification of its causes and possible ways of development. CNN10 journalists primarily try to explain, examine, and explore the essence of the covered event. Hence, there is a certain choice of lexical units: *we explain, we're examining, we explore, we'll also show you, we take a historic look at, today's show gives you an in-depth look at, CNN 10 reports on, today's show begins by explaining, today's show explores, we're also covering, today's explanatory coverage centers on*, etc.

Secondly, the addressee and addresser are not impersonal in online news texts for children. Each news hypotext starts with the greeting of the host (*Hi. I'm Carl Azuz. Thank you for watching CNN 10*) and ends with his witty farewell (*I'm Carl Azuz with enlightening and colorful puns on CNN 10*). Also the anchor acts on behalf of the

whole corporation CNN, using the pronoun “we”: *we’re explaining how...; we’re looking at the potential risk; we’re introducing the people* and so on. In addition, the hypotexts may contain a direct address to the reader, expressed by the pronoun “you”: *thank you for using CNN 10; we welcome you; hope to see you tomorrow*.

Thirdly, unlike the adult news hypotexts, the style of children ones is also different. Here an impersonal interpretation of facts is skillfully combined with expressive vocabulary (*Thursday’s attack so horrible, enraged responses, sheer horror, incredibly expensive*), phraseology (*tenure on the bench, the cat in the hat, to do well in life*), rhetorical questions (*So, what happens now? What’s the value in this?*), emotional interjections (*Yeah! Heh! oh my!*), puns (*to shroud a shroud, to cloak a cloak*), and the like. Thus, we can conclude that in news hypotexts for children, styles are mixed: here there is a journalistic style, conversational (rhetorical questions and exclamations), and official business (extracts from official documents).

The analysis has shown that news hypotexts of the websites CNN and CNN10 are built on the principle of an “inverted” pyramid. At the same time, the structure of news hypotexts designed for children audience looks like a truncated “inverted” pyramid due to the absence of a headline as one of the most important elements of the structure. Dates of news releases which replace headlines are graphically marked.

The material presented by journalists fully corresponds to the definition of the concept “news” only in reference to adult news. These are promptly circulated information messages about the events that have happened recently or are taking place at the moment or will take place in the near future, representing political, social or economic interest for the addressee with their freshness. In news hypotexts for children it is very often reported not so much about the event itself, which is topical, fresh, and novel, as about some background information providing causes and possible consequences of the event. In this regard, we identified three types of news hypotexts for the children audience: (a) the actual news, (b) news + an extensive background plan (more often the past), and (c) the background plan (the past) presented as news.

A comparative analysis of the topics covered in news hypotexts for adults and children has shown that the thematic dominants of adult “main” news are politics, economics, ecology, sport. While for children news, in addition to the above mentioned, the topics of health and new technologies become also significant. According to the classification of news reports in terms of their content, adult news hypotexts (on political, economical, ecological topics) can be re-

ferred to as “hard news” [Dobroskolonskaya 2008]. “Hard news” is messages with a solid factual basis, answering questions what, where, when and focused first of all on informing.

Unlike the adult “hard news”, children news is more likely to be classified as “soft news”. Based on the factor of human interest, they are focused on causing sympathy, admiration, surprise, etc. Such reports supplement, “dilute” the facts by appealing to universal human values and emotions. In addition to the primary function of information, news hypotexts (and more for the children target audience) are focused on providing a certain impact on their addressee.

For the temporary correlation of news messages with the reality in the texts of both groups, the same adverbial modifiers and tense forms of verbs are used. However, we note that the concept of “news” in the case of a children target audience undergoes deconstruction, i.e.: the third type of news for children is not an event selected according to the criteria of “newsworthiness”. This event is not relevant, fresh, immediate, large-scale, conflictual. Also, the above news report of this type does not have any serious impact on its readers and does not focus their attention as an event that is significant for a large number of people. The possible goal of such “news” is educational, consisting in expanding students’ knowledge. As for the method of presenting the event, this message is not a brief immediate summary of the incident. The incident as such is absent here, and the entire message is the background information.

Significant differences are also observed in the language of news hypotexts for the age groups under analysis: in addition to neutrality, intentional distancing, cliché, certainty, factuality of the texts of both groups, a mixture of styles is observed in children news hypotexts which makes it possible to use expressive vocabulary, phraseology, rhetorical questions, emotional interjections, puns. The texts are written with elements of conversational style and are simple for children’s understanding.

Although further work is required to gain a more complete understanding of the age-related changes in news texts writing, our findings indicate that the age of the target audience plays a very important role. It is the orientation toward a specific addressee that determines the choice of the stylistic norm, lexical and grammatical linguistic units, and initially determines the content of the news hypotext.

REFERENCES

1. Alon-Tirosh M. Children and news: opinions of children’s news program creators in Israel // *Journ. of Children and Media*. 2017. Vol. 11, Iss. 2. P. 132—146.
2. Asare-Donkoh F. Children in the media: how much space do they get in Ghanaian newspapers? // *Journ. of Children and Media*. 2017. Vol. 11, Iss. 4. P. 417—435.

3. Beaudoin C. The Mass Media and Adolescent Socialization: A Prospective Study in the Context of Unhealthy Food Advertising // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2014. № 91 (3). P. 544—561.
4. Belenkaya Yu. P. Television news as a means of forming a regional information agenda in the electoral period. — Voronezh ; Stavropol : NCFU, 2015. 23 p.
5. Busyguina M. V. Media-press “press release”. — Volgograd : PrintTerra-Design, 2016. 108 p.
6. Crystal D. Language and the Internet. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. 272 p.
7. Dijk T. A. News as discourse. — Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1988. 208 p.
8. Dobroskolonskaya T. G. The issues of studying media texts (the experience of researching the modern English media media). Ed. 2nd, stereotyped. — M. : Editorial URSS, 2005. 288 p.
9. Dobroskolonskaya T. G. Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media. — M. : Flinta, 2008. 263 p.
10. Epstein M. *Filosofiya vozmozhnogo*. — SPb. : Aleteya, 2001. 336 p.
11. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press. — London ; New York : Routledge, 1991. 254 p.
12. Kaziaj E. “The adult gaze”: exploring the representation of children in television news in Albania // *Journ. of Children and Media*. 2016. Vol. 10, Iss. 4. P. 426—442.
13. Mavoja J., Gibbs M., Carter M. Constructing the young child media user in Australia: a discourse analysis of Facebook comments // *Journ. of Children and Media*. 2017. Vol. 11, Iss. 3. P. 330—346.
14. McCombs M. E. Setting the agenda: the mass media and public opinion / Maxwell McCombs. — Cambridge [UK] : Polity ; Malden [MA] : Blackwell Pub., 2004. XIV, 184 p.
15. Nazarov M. M. Mass communication in the modern world: the methodology of analysis and the practice of research. Ed. 2nd. — Moscow : Editorial URSS, 2002. 240 p.
16. Negryshev A. A. To the question of the genre status of news // *Medialinguistics / S.-Petersburg State Univ.* 2014. Iss. 3. P. 89—92.
17. Ponte C. Mapping news on children in the mainstream press // *European Societies*. 2007. Vol. 9, Iss. 5. P. 735—754.
18. Reah D. *The Language of Newspapers*. — London ; New York : Routledge, 1998. 126 p.
19. Shemelina Yu. V. Linguo-cognitive aspects of English news texts: on the material of the British high-quality press : avtoref. dis. cand. philol. sciences. — Belgorod, 2008. 20 p.

N. V. Potapova, V. A. Kameneva
Kemerovo, Russia

AGE OF ADDRESSEE AS A FACTOR DETERMINING STRUCTURAL, LINGUISTIC AND TEMPORAL FEATURES OF NEWS HYPOTEXTS

ABSTRACT. *The paper focuses on the variability of structure, temporal and linguistic features of American online news depending on the age of the target audience. News hypotexts aimed at adults are built according to the principle of the “inverted” pyramid and contain all the components of the news scheme of T.A. van Dijk. The “inverted” pyramid of online news texts for children is “truncated”. All children’s news hypotexts don’t have a Headline. The analysis has proven that all news hypotexts aimed at children can be divided into three types: actual news, news + extensive background plan and background plan of the past presented as news. The analysis has shown the difference in the language of news hypotexts for adults and children. A tendency for neutrality and certain impersonality, high degree of cliché, a large number of citations and references to various sources of information, a tendency for factuality are typical of news hypotexts aimed at adults. News hypotexts aimed at children contain a direct address to the reader and have expressive vocabulary. As main methods of research process general scientific methods of analysis, synthesis and comparison, as well as linguistic methods of content analysis, discursive and interpretative analyses, the method of stylistic analysis were used.*

KEYWORDS: mass media; media; media linguistics; media discourse; on-line news; news hypertexts; news hypotexts; target audience; linguistic peculiarities; temporal features.

ABOUT THE AUTHORS: Potapova Natalia Vadimovna, Senior Lecturer, English Philology Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Kameneva Veronica Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, English Philology Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

20. York C. Youth Antecedents to News Media Consumption. Parent and Youth Newspaper Use, News Discussion, and Long-Term News Behavior // *Journalism & Mass Communication Quarterly* / C. York, R. Scholl. 2015. Vol. 92, Iss. 3. P. 681—699.

DATA COLLECTION

21. CNN.com. (April 1, 2017). Why China is banning beards and veils in Xinjiang. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/03/31/asia/china-xinjiang-new-rules/index.html>.
22. CNN.com. (July 26, 2017). House overwhelmingly passes Russia sanctions bill. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/07/25/politics/iran-sanctions-bill/index.html>.
23. CNN.com. (September 1, 2017). A third of Bangladesh under water as flood devastation widens. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/09/01/asia/bangladesh-south-asia-floods/index.html>.
24. CNN.com. (September 2, 2017). Kenya Supreme Court nullifies presidential election, orders new vote. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/09/01/africa/kenya-election/index.html>.
25. CNN.com. (September 2, 2017). US, South Korea set to revise bilateral missile treaty. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/09/02/asia/south-korea-us-missile-treaty/index.html>.
26. CNN.com. (September 4, 2017). More than 1,000 firefighters battling largest fire in Los Angeles history. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/09/02/us/los-angeles-wildfire/index.html>.
27. CNN.com. (September 20, 2017) Central Mexico earthquake kills more than 200, topples buildings. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/09/19/americas/mexico-earthquake/index.html>.
28. CNN.com. CNN 10 — January 12, 2017. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/01/11/studentnews/ten-content-thurs/index.html>.
29. CNN.com. CNN 10 — January 17, 2017. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/01/16/studentnews/ten-content-tues/index.html>.
30. CNN.com. CNN 10 — January 18, 2017. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/01/17/studentnews/ten-content-weds/index.html>.
31. CNN.com. CNN 10 — January 19, 2017. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/01/18/studentnews/ten-content-thurs/index.html>.
32. CNN.com. CNN 10 — January 31, 2017. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2017/01/30/studentnews/ten-content-tues/index.html>.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.133.1'42:811.161.1'42
ББК ШП47.11-51+ШП41.12-51

ГСНТИ 16.21.43

Код ВАК 10.02.20

Ю. В. Богдавленская
Екатеринбург, Россия

М. С. Мельман
Реймс, Франция

К. Пайкин
Лилль, Франция

М. В. Плотникова
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ *PLUIE DE + NI* ЕЕ РУССКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается метафорическая репрезентация существительного «дождь» во французском и русском языках. Метафорическое словоупотребление французского существительного «*pluie*» обязательно сопровождается расширением номинативного значения, в то время как развитие его русского эквивалента «дождь» может происходить как с номинативным, так и с адъективным вектором. В данном корпусном исследовании были выделены три наиболее продуктивные концептуальные сферы метафорической экспансии концепта «дождь» в виде природоморфной, военной и экономической метафоры. В обоих языках метеоним «дождь» частично теряет свое атмосферное значение и метафоризируется по двум основным моделям: «ДОЖДЬ — ЭТО НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО» и «ДОЖДЬ — ЭТО НАПРАВЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ИЗ НЕКОЕГО ИСТОЧНИКА». Эти элементы могут быть связаны как с деструктивными событиями (например, «дождь пуль»), так и с позитивными (например, «дождь из денег») или нейтральными (например, «дождь цветов»). Стоит отметить, что материальная природа элементов менее важна во французском языке, где номинативные значения могут присутствовать даже у абстрактных существительных. Во французском языке существительное «*pluie*» может функционировать и как семантическое ядро именной группы, и как квантификатор, сопоставимый со сложными модификаторами, такими как «*un tas de*» («куча»), тогда как в русском языке существительное «дождь» функционирует только как семантическое ядро.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоры; погода; дожди; квантификаторы; метафорическая экспансия; метафорические модели; метафорическое моделирование; русский язык; французский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Богдавленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: jvbg@yandex.ru.

Магшельд Мельман, доктор филологии, Реймский университет (г. Реймс, Франция); U.F.R. Lettres et Sciences Humaines, 57, rue Pierre Taittinger — 51096 Reims Cedex, France; e-mail: machteld.meulleman@univ-reims.fr.

Пайкин Катя, доктор филологии, Лилльский университет (г. Лилль, Франция); Domaine universitaire du «Pont de Bois», rue du Barreau — BP 60149, 59653 Villeneuve d'Ascq, France; e-mail: katia.paykin@gmail.com.

Плотникова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

Introduction

Les phénomènes météorologiques sont omniprésents dans la vie des êtres humains. Ainsi, ils conditionnent notre quotidien, structurent nos activités agricoles et constituent le sujet de nos conversations. La météorologie peut même être considérée comme un domaine prenant part à la constitution des cultures et civilisations. Pensons, par exemple, au rôle des phénomènes météorologiques dans la prise de conscience de soi de l'homme, au moment où il commence à se distinguer des éléments naturels qui l'entourent, dans la mise en place de systèmes de croyances liés à la divinisation des forces naturelles ou dans la structuration du monde (cf. entre autres la place réservée aux phénomènes atmosphériques dans les védas ou dans la délimitation du temps et l'établissement des calendriers, notamment du

calendrier républicain français). Aussi, n'est-il pas étonnant que l'expression linguistique des météores constitue un champ de comparaison particulièrement intéressant dans la mesure où chaque langue doit trouver ses propres moyens d'exprimer des phénomènes qui se produisent indépendamment de l'implication et du contrôle humains et qui se décomposent difficilement en procès et en actants impliqués (cf. entre beaucoup d'autres, [Keenan 1976; Ruwet 1986, 1990; Paykin 2003]).

Le terme *météore* provient du grec, μετέωρος, qui signifie 'qui est en l'air', selon P. Chantraine [Chantraine 1977], ou 'qui est en haut, qui s'élève', selon E. Boisacq [Boisacq 1950]. Il s'agit d'une forme composée de la préposition μετά 'après, au-delà de, avec' et du verbe αείρω 'élever, emporter'. Selon P. Chantraine [Chantraine 1977], le nom μετέωρος

entretient le même rapport avec le verbe ἀείρω que le nom λόγος 'paroles, considération, explication' entretient avec le verbe λέγω 'rassembler, choisir'. Dans la mesure où le verbe ἀείρω tire son origine de ἀήρ 'air' et signifie proprement 'mettre en l'air' (cf. [De Campos Leyza 1874]), le terme *météore* dénote alors 'celui qui est élevé au milieu de l'air', en d'autres termes l'ensemble des phénomènes qui se manifestent dans l'atmosphère. Cependant, déjà à l'époque d'Aristote, ce terme recouvrait également les phénomènes de la rosée et du givre dont les manifestations ne se situent pas stricto sensu dans l'air. Les météores subsument ainsi des phénomènes atmosphériques qui, selon Aristote (*Les Météorologiques*), « n'ont qu'une existence passagère et se détruisent au fur et à mesure de leur formation ».

Malgré la grande diversité existant au sein des météores, qui peuvent dénoter aussi bien des précipitations que des états atmosphériques et des événements, la pluie a toujours été le phénomène de prédilection des linguistes, surtout pour ce qui est de son expression verbale¹. Si ce statut privilégié pourrait lui être contesté dans le domaine purement atmosphérique², il semblerait parfaitement justifié dans l'emploi métaphorique. En effet, la majorité des mentions métaphoriques des corpus dans le domaine météorologique contiennent le verbe 'pleuvoir' ou le nom 'pluie', du moins en français et en russe. D'après I. Żołnowska [Żołnowska 2011], le concept anglais RAIN est structurellement associé à l'infortune quelle que soit la catégorie grammaticale de la dénotation linguistique du phénomène. Cette hypothèse nous semble très osée, voire provocatrice. En effet, même si la pluie peut faire que certaines de nos activités tombent littéralement à l'eau, l'on ne peut que se dire que contrairement à la neige ou les éclairs par exemples, la pluie est fondamentale pour notre agriculture et donc la survie de l'espèce humaine³.

La présente étude examinera l'emploi métaphorique du nom 'pluie' en français et en

russe, deux langues où ce type d'emploi est relativement fréquent dans divers domaines d'expérience. Nous prenons appui sur le traitement des métaphores proposé par A. Чудинов [Чудинов 2001] et G. Lakoff [Lakoff 1993] et basons nos analyses sur les données à partir de 1800 des corpus suivants : *Frantext* [Base textuelle Frantext] et le corpus du français de l'université de Leipzig [Corpus du français de l'université de Leipzig] pour les données de la langue française, ainsi que le *Russian National Corpus* [Russian National Corpus] pour les données de la langue russe.

Notre analyse se composera de deux étapes. Tout d'abord, nous dresserons le répertoire des structures syntaxiques disponibles dans les deux langues sous étude pour accueillir le nom *pluie* et son équivalent russe *dožd'* dans leur emploi métaphorique. Puis, nous examinerons les différents vecteurs de l'expansion métaphorique en russe et en français.

1. Répertoire des structures syntaxiques.

Dans ce qui suit nous identifierons d'abord les structures syntaxiques autorisant l'emploi métaphorique du nom *pluie*, et ensuite celles où figure son équivalent russe *dožd'*.

1.1. Pluie de N et son potentiel métaphorique.

Lorsque le nom français *pluie* prend une interprétation métaphorique, il est suivi d'un autre N, apparaissant ainsi dans une structure de type N1 de N2 avec *pluie* en position de N1. Cette structure présente la particularité de permettre deux rapports syntaxiques inversés : le nom tête du syntagme peut être soit le N1 soit le N2⁴.

Lorsque le nom *pluie* constitue la tête du SN comme dans *une pluie d'orage*, l'interprétation du SN est météorologique et le N2 exprime une caractéristique du phénomène 'pluie'. Lorsque c'est le N2 qui constitue la tête du SN comme dans *une pluie de roses*, *une pluie de fonctionne* essentiellement comme une locution déterminative de quantification comparable à *un tas de* ou *une pile de* (cf. [Leeman 2004]) et le N1 ne désigne plus le phénomène météorologique de la 'pluie' mais prend une lecture métaphorique. Dans ce cas de figure, le N2 peut se trouver aussi bien au singulier qu'au pluriel ; il peut s'agir d'un nom dénombrable (*cadeau, mouche, sarcasme*) ou massif (*acier, ironie*), concret ou abstrait. La métaphore peut se limiter au N1, comme dans l'exemple (1), ou être filée dans la proposition

¹ Cf. notamment les analyses de R. Jackendoff [Jackendoff 1983] ou de L. Talmy [Talmy 2000] qui utilisent le verbe *to rain* 'pleuvoir' comme modèle permettant la description des verbes météorologiques dans leur ensemble.

² Cf. en particulier les études portant exclusivement sur la météorologie [Paykin 2003, 2010], [Meulleman & Paykin 2016].

³ Cf. également Endzelin (cité dans [Фасмер 1986 : 522]) qui rejette l'étymologie du nom *dožd'* comme venant de **dus-djus* 'ciel couvert, mauvais temps', apparenté au vieux indien *dus* 'mauvais, vilain', considérant le changement du sens 'mauvais temps' > 'pluie' comme improbable, puisque pour l'agriculture la pluie n'est pas un désastre mais au contraire une bénédiction.

⁴ Pour une présentation synthétique des structures *N de N* voir [Strnadová 2008].

entière, se retrouvant ainsi, par exemple, au niveau du verbe dont le SN dépend directement. En effet, on peut observer la présence des verbes comme *tomber* en (2) et *arroser* en (3), y compris avec les N2 désignant des référents abstraits, comme dans (4).

(1) <...> dès la naissance du prince, leur avait promis toute **une pluie de cadeaux** pour le jour du baptême <...> [E. Zola. Son Excellence Eugène Rougon (1876)]

(2) <...> aussitôt **une pluie de mouches** tomba sur la nappe. [G. de Maupassant. Contes et nouvelles, t. 2 (1884)]

(3) Deux fois de suite un 155 explose ainsi et nous arrose d'**une pluie d'acier**. [M. Genevoix. M. Ceux de 14 (1950)]

(4) Je ne peux plus ouvrir la bouche sans qu'**une pluie d'ironie et de sarcasmes** me tombe dessus. [A. Capri. Est-ce qu'on sait ce qu'on a dans la tête? (1975)]

1.2. Structures du nom *dožd'* dans son emploi métaphorique.

Les données du corpus russe montrent que là où le français n'autorise qu'une structure à complément du nom, le russe offre trois structures différentes principales¹. Classées par ordre de fréquence dans le corpus, elles sont les suivantes : *dožd'+N_{GEN}*, *ADJ+ dožd'* et *dožd'+iz+ N_{GEN}*.

1) *Dožd'+N_{GEN}*

La structure la plus répandue est celle où le nom *dožd'* est suivi d'un ou plusieurs autres noms au génitif, comme 'brochures' et 'posters' dans l'exemple (5).

(5) Его уважаемые учителя не стеснялись так говорить, хотя ещё полыхали митинги, шёл **дождь брошюр, плакатов, всё было насыщено политикой, призывами, казалось, ими одними можно повернуть русскую машину к новой жизни**. [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

On trouve aussi bien des noms concrets (дождь орехов / пуль / цветов 'pluie de noix / balles / fleurs') que des noms abstraits (дождь наград / удач 'pluie de récompenses / succès'), dénombrables (дождь нарциссов / шишек 'pluie de narcisses / pommes de pin') que massifs (дождь безобразия 'pluie de désordre'). Cependant, les noms massifs employés sont exclusivement abstraits.

¹ Nous ne parlerons pas ici des structures combinant des expansions nominales avec un adjectif, même si elles présentent des caractéristiques particulières. Nous considérons ce type de structures, existant mutatis mutandis également en français, comme secondaire et réservons leur analyse pour les études ultérieures.

2) *ADJ+dožd'*

La structure contenant un adjectif suivi du nom *dožd'* est la deuxième selon la fréquence². Les adjectifs déclenchant la lecture métaphorique font toujours référence à la substance précipitée (*огненный / денежный / свинцовый / хрустальный / каменный* 'de feu / de billets de banque / de plomb / de cristal / de pierre(s)'). Leur nombre est assez limité et l'adjectif *золотой* 'd'or' faisant référence à l'argent est largement le plus répandu.

(6) Обещанные миллиарды рублей должны пролиться **золотым дождем** на экономику страны — перевооружить ее. [Александр Волков. Год нано-техы пробил // «Знание — сила», 2008]

3) *dožd'+iz+ N_{GEN}*

Enfin, la troisième structure contient le nom *dožd'* suivi d'un syntagme prépositionnel formé de la préposition *iz* 'de' imposant le génitif, comme dans (7) où figure le génitif du nom *лепестки* 'pétales'.

(7) В остальном все как обычно: круг почета, **дождь из золотых лепестков**, поклонны трибунам... Кубок России 2008/2009 гг. [У нас ажиотаж по-ниже и игра по-ниже... // Советский спорт, 2009.06.02]

La préposition *iz* est polysémique en russe (cf. [Efremova 2012] qui lui distingue 17 sens différents). Cependant, combiné avec le nom *dožd'*, la préposition *iz* ne signifie que 'fait, composé de', faisant référence, comme l'adjectif dans la structure précédente, à la substance précipitée (*дождь из роз / из флажков / из мусора / из водяной пыли* 'pluie de roses / de drapeaux / d'ordures / de poussière d'eau'). La structure n'autorise que des noms concrets, aussi bien dénombrables que massifs (cf. exemple (8)), contrairement à la première structure qui peut prendre des noms abstraits mais n'accepte pas de noms concrets massifs.

(8) Волны с силой ударяют в левый борт, на палубу фонтаном летят брызги и сыпется мелкий **дождь из водяной пыли**, срывается ветром с волн. [В. М. Зензинов. Пережитое (1953)]

Ainsi, les trois structures métaphoriques du russe spécifient dans leurs expansions nominales ou adjectivales les caractéristiques du phénomène 'pluie', en précisant la substance précipitée comparable à des gouttes d'eau faisant partie intégrante du phénomène atmosphérique.

² La correspondance entre la structure N de N en français et Adj.+N en russe n'est pas réservée aux emplois métaphoriques du nom 'pluie'. Le russe emploie l'adjectif là où le français utilise le N2 sans article (cf. par exemple *l'âge d'or* — *золотой век* ou *une montre de dame* — *женские часы*).

1.3. Comparaison.

Lorsque les noms *pluie* et *dožd'* s'utilisent de façon métaphorique, ils apparaissent dans des structures syntaxiques spécifiques assez différentes à travers les langues. En français le nom *pluie* se retrouve dans une structure *N de N* où il est précédé d'un déterminant et suivi d'un complément du nom. Dans les emplois métaphoriques la structure tend à fonctionner comme une locution complexe à valeur quantificatrice comparable à *un tas de* et le nom *pluie* n'assume plus le rôle de tête laissant ce rôle syntaxique au N2. En revanche, dans les emplois métaphoriques du nom *dožd'* en russe, le N reste toujours la tête syntaxique, qu'elle soit modifiée par un N au génitif, un adjectif de matière ou un SP introduit par la préposition *из* 'de'.

2. Analyse contrastive des vecteurs de l'expansion métaphorique des noms *pluie* et *dožd'*.

L'emploi métaphorique dans le domaine météorologique concerne l'usage des termes dénotant les phénomènes atmosphériques pour exprimer autre chose que le phénomène en question. Ainsi, le nom 'pluie' ne peut plus dénoter un véritable météore mais doit permettre la conceptualisation d'un tout autre phénomène comparable à de la pluie.

Pour comprendre comment se construisent les emplois métaphoriques du nom 'pluie' en français et en russe, nous partirons dans ce qui suit des principales sphères conceptuelles où ces métaphores s'opèrent afin d'identifier les « cadres (frames)¹ » du concept 'pluie' qui sont mobilisés pour leur structuration².

Dans notre corpus, constitué aussi bien de la langue littéraire que journalistique, les

¹ Nous utilisons le terme de *cadre (frame)* qui est compris comme un fragment de la vision naïve du monde (la vision non réfléchie) qui structure le domaine conceptuel concerné (sphère mentale).

² Du point de vue de la linguistique cognitive, la métaphore « n'est pas un moyen de description reliant deux significations mais une opération mentale fondamentale qui unit deux sphères notionnelles et offre la possibilité d'utiliser le potentiel de structuration de la sphère source pour la conceptualisation d'une nouvelle sphère. La métaphore est la manifestation des possibilités analogiques de l'esprit humain. Les métaphores font partie intégrante du système conceptuel de l'esprit. Elles constituent une sorte de schèmes de réflexion et d'action des êtres humains » [Чудинов 2001 : 37] (c'est nous qui traduisons). [Метафора] — «это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора — это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует».

emplois métaphoriques de *pluie* et de *dožd'* s'avèrent se situer dans trois domaines conceptuels principaux : les sphères naturelle, militaire et économique. Sur le plan théorique, nous nous inspirerons, d'une part, des études sur la métaphore de P. Д. Керимов [Керимов 2012] et de А.П. Чудинов [Чудинов *et al.* 2015, Чудинов 2001] et, d'autre part, du travail de G. Lakoff [Lakoff 1993].

La pluie étant un phénomène naturel, nous commençons par étudier les contextes où le N2 est d'origine naturelle avant de nous pencher sur les contextes (plus nombreux) où le N2 réfère à des artefacts que ce soit dans le domaine militaire ou économique.

2.1. Domaine conceptuel naturel.

Le domaine conceptuel naturel dans lequel on trouve des emplois métaphoriques de *dožd'* et de son équivalent français est le moins fréquent dans nos corpus. Il s'agit de la description de la nature, souvent en insistant sur sa beauté. Dans ce cadre l'on peut distinguer entre deux types principaux d'éléments de la nature, à savoir les plantes et les animaux, d'un côté, et les êtres humains (et leurs parties du corps), de l'autre.

Pour ce qui est des plantes, il s'agit le plus souvent de types de fleurs et de leurs parties (*дождь цветов / лепестков / бутонов / мимоз / сирени / роз / нарциссов* 'pluie de fleurs / pétales / boutons / mimosa / lilas / rose / narcisses'). Tant en russe qu'en français, l'emploi métaphorique de 'pluie' dans ce contexte s'explique sans doute par le fait qu'une fois fanées les fleurs tombent des arbres ou des vases, du haut vers le bas, et cela à un moment précis plus ou moins imprévu et de façon plus ou moins massive. Le sens de la chute est souvent explicité par le verbe russe *падать* et son équivalent français *tomber*, comme en (9) et en (10).

(9) *И опять солнечные дни, голубое небо, южное тепло, на улицах продают букеты лиловых фиалок, и золотой дождь мимоз падает из корзин цветочниц...* [П. Н. Краснов. *Ложь* (1938-1939)]

(10) <...> *le vent secouait les grands arbres en fleurs, et c'était une pluie de pétales d'un rouge de carmin qui tombaient jusque dans l'église.* [Loti, P. *Pêcheur d'Islande*, 1886]

L'emploi métaphorique du nom 'pluie' exploite ici surtout l'élément du sens lié à la chute rapide, contrairement à la chute des flocons de neige, par exemple. De plus, même si l'on peut visuellement distinguer les différents éléments de la substance abondante qui est précipitée, les unités séparées n'ont pas d'importance de façon isolée. La

métaphore privilégiée donc le mouvement continu du haut vers le bas.

Dans le cas de N2 référant à l'être humain, il s'agit le plus souvent de parties du corps qui descendent en quelque sorte du haut vers le bas comme dans le cas des cheveux. Cependant, la beauté ne découle pas de ce mouvement fictif, mais plutôt de la masse de cheveux, comme dans (11). Dans le cas des larmes, qui descendent généralement des yeux le long des joues, c'est plutôt le « cadre » de l'abondance qui compte et potentiellement la intensité de la manifestation, comme dans (12).

(11) а. *Копна рыжих локонов рассыпалась из-под упавшей шапочки, отражая в золотом дожде волос мерцание церковных свечей.* [Н. Н. Шпанов. Ученик чародея (1935-1950)]

б. *On aurait dit un chien coiffé, une pluie de petits cheveux blonds sur un nez délicat <...>* [E. Zola. L'Œuvre (1886)]

(12) а. *Встала жизнь передо мной, как страшный бред, как снежный вихрь тревожных слов и горячий дождь слёз, неустанный крик отчаяния и мучительная судорога всей земли, болящей недоступным разуму и сердцу моему стремлением.* [Максим Горький. Исповедь (1908)]

б. *Une pluie de larmes ne peut rien contre la sécheresse du cœur.* [J. Prévert. Spectacle (1951)]

Cette métaphore, que l'on pourrait formuler comme LA PLUIE C'EST LA PROFUSION, peut être étendue à des N2 inanimés qui sont des artefacts humains. C'est le cas par exemple du vin, comme dans (13), mais aussi des mots prononcés, comme dans (14). Dans le premier cas, le N2 est un liquide versé qui tombe en effet de haut en bas telle l'eau de pluie. Dans cette expansion l'on voit que c'est la quantité qui prend le dessus, ce qui est illustré par la présence de l'adjectif *petite* (*une petite pluie de*) équivalent à la locution quantificatrice *un petit peu de*. Dans l'exemple (14b), la métaphore de la pluie comme profusion est soulignée par l'adjectif *confus* qui se réfère au contenu des paroles, mais qui participe avec *pluie* à créer une impression de confusion générale (l'on ne sait pas d'où viennent le grand nombre de paroles en question).

(13) <...> *son ventre grésillait d'une écume rouge, et une petite pluie de vin tombait dans la cuve.* [J. Giono. Jean Le Bleu (1932)]

(14) а. *Ей надоело нести на своих плоских покорных листах буквы, буквы и снова буквы; мириады бессмыс-*

лиц, притворившихся смыслами; нудный дождь слов, от которого не то лужи, не то книги — не разберёшь. [С. Д. Кржижановский. Бумага теряет терпение (1939)]

б. *Une pluie de paroles confuses qui réveillaient des masses d'idées accablantes <...>* [H. de Balzac. Histoire de la grandeur et de la décadence de César Birotteau (1837)]

Beaucoup plus rarement, le N2 réfère à un animal, comme les poules en (15a) ou les crapauds en (15b). Dans ce cas, la métaphore ne peut que rarement s'expliquer par la trajectoire. En revanche, l'élément du sens qui semble maintenu est celui de l'impression massive qui est notamment soulignée par l'adjectif de couleur 'doré' dans l'exemple (15a).

(15) а. *Золотой дождь цыплят, взмахивающих слабыми крылышками и трепещущих в воздухе, посыпался на поляну.* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)]

б. *Et il en sortait tout le temps du marais ! Une pluie de crapauds, je te dis ! Cinq cents au moins qu'ils étaient, et sales, et puants à ne pas approcher d'eux pour les buter, mon vieux !...* [R. Vercelet. Capitaine Conan (1934)]

La métaphore de la pluie en tant que profusion est assez répandue dans les deux langues, mais garde toujours un trait clairement littéraire.

2.2. Domaine conceptuel militaire.

Tant en russe qu'en français un grand nombre de N2 réfèrent à des objets issus d'armes de destruction. Le cas de base est sans doute celui du nom 'bombe' qui lorsqu'il est associé avec un N1 'pluie' se limite à des bombes aériennes, c'est-à-dire larguées depuis des avions. Dans ce cas, le N2 suit une trajectoire de haut en bas (éventuellement en biais), tout à fait comparable à celle de la pluie.

(16) а. *Не такой, как под обстрелом или под дождём бомб с пикирующих бомбардировщиков.* [С. Ястребов. Лунная соната (2007)]

б. *Au début de septembre 1943, le 7e arrondissement de Paris a été gratifié d'une pluie de bombes.* [D. Guérin. Le feu du sang : autobiographie politique et charnelle (1977)]

Cependant, dans le cas d'autres projectiles, comme les balles, les obus ou les flèches, la trajectoire parcourue par le référent du N2 est légèrement différente en ce sens que l'arme l'ayant projeté ne se trouve souvent pas dans le ciel mais au même niveau ou à peine plus haut que la cible.

(17) а. *В ответ полился свинцовый дождь пуль и картечи, но это не могло остановить бурного порыва наших бойцов и первая линия обороны противника была взята.* [Нигамс. Огонь по отступающему (1930.02.12) // «Набат молодежи» (1930)]

б. *De l'autre côté, une pluie de balles en criblait les murs, <...>* [E. Zola. La Débâcle (1892)]

(18) а. *А на ладью стал падать дождь огненных стрел, и скоро она превратилась в уплывающий от берега костер.* [В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

б. *Les charges des mamelouks, accompagnées d'une pluie de flèches, contre tous les éléments de la colonne franque qu'ils cherchaient à rompre, ne cessaient ni jour ni nuit.* [R. Grousset. L'Épopée des croisades (1939)]

La métaphore de la pluie dans le contexte militaire est tellement ancrée dans les cultures linguistiques russe et française que l'on trouve dans les deux langues des N2 référant uniquement à la substance chimique dont les projectiles sont constitués.

(19) а. *<...> кто откажется снова повидать мужественного донельзя Бандераса, одной рукой играющего на гитаре, другой — поливающего свинцовым дождем недругов, а третьей — обхватывающего тело Сальмы Хайек.* [Д. Подоляк. Кино, июнь (2004) // «Хулиган», 2004.06.15]

б. *Les pirogues approchaient de l'île sous une pluie de plomb, d'acier et de laiton, filant de plus en plus vite et formant d'habiles zigzags nerveux pour entraver les visées des viseurs.* [J. Echenoz. Le Méridien de Greenwich (1979)]

Le fait que la trajectoire du haut vers le bas n'a plus d'importance est particulièrement claire dans le cas où le N2 ne réfère pas au projectile lui-même mais aux éclats matériels causés par son impact. Ainsi, dans les exemples ci-dessous, les éclats peuvent même parcourir une trajectoire du bas vers le haut.

(20) а. *Вспоминая, она едва заметно шурилась, ресницы дрожали, и Печигин поневоле представлял дождь осколков, сыплющийся на эти большие глаза, на нежную кожу узкого сосредоточенного лица.* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)]

б. *<...>, quotidien le sifflement des obus qui précédait de peu une pluie de verre, de plâtre et de gravats dont les*

sauveteurs bénévoles, eux-mêmes pilonnés par le camp adverse, auraient le plus grand mal à vous extraire, vous ou votre cadavre, <...>. [J.-L. Benoziglio. Cabinet portrait (1980)]

Les modèles de verbalisation de la métaphore de la pluie dans un contexte militaire semblent parfaitement coïncider dans les deux langues sous étude. La pluie est ainsi perçue comme une propulsion d'objets destructifs, ce qui peut paraître curieux dans la mesure où l'on pourrait s'attendre à ce que le phénomène le plus adapté à ce genre de transfert soit la grêle¹. Dans les deux cultures linguistiques il s'agit de projectiles en nombre important, référant toujours à une masse d'objets provenant d'origine indéterminée et dont la position spatiale n'importe pas ou peu. Etant donné le contexte militaire, il s'agit de N2 destructifs, ce qui corrobore l'hypothèse de Żolnowska que la pluie est associée à l'infortune.

Cette métaphore s'étend dans les deux langues aux emplois avec des noms dénotant des objets naturels ou artificiels dotés de force destructive si projetés en grande quantité, comme *камень* 'pierre' dans les exemples (21).

(21) а. *И ракшаса превратился в массу синих облаков на небосводе, украшенном радугой, и начал падать дождем камней.* [С. Пахомов. Войны богов // «Зеркало мира» (2012)]

б. *Au même instant, une pluie de grosses pierres commença à tomber du haut de la façade.* [V. Hugo. Notre-Dame de Paris (1832)]

Le fait que le nom français *pluie* en emploi métaphorique tend à fonctionner comme un quantifieur pourrait expliquer l'expansion de la métaphore vers un assez grand nombre de noms abstraits, comme *engueulades* en (22a) ou *chagrin* en (22b), portant tous le sens négatif ou destructeur. Même si leurs référents ne peuvent pas effectuer de mouvement, le « cadre » de la chute est rappelé dans le sens figuré pour signifier l'accablement.

(22) а. *<...> lorsqu'elle sera bien logée dans un des appartements de Columbia, alors on verra, avec elle tout vu, un déferlement de reproches, une pluie d'engueulades, elle passe tellement de temps à me remonter les bretelles <...>* [S. Doubrovsky. Un homme de passage (2011)]

б. C'était alors, sur son cœur, com-

¹ Notons que l'anglais préfère dans ces contextes effectivement le terme *hail* 'grêle' (cf. par exemple, *The district attorney himself and his wife were murdered at dawn in a hail of bullets* (Corpus of Contemporary American English)).

me **une pluie de chagrin**, une inondation de désespoir qui tombait ... [G. de Maupassant. Contes et nouvelles, t. 2 (1886)]

2.3. Domaine conceptuel économique.

Dans nos corpus, le nom 'pluie' est aussi fréquemment utilisé de façon métaphorique dans le domaine conceptuel de l'économie. Le plus souvent il s'agit de la sphère monétaire, mais l'on y trouve également d'autres types de N2 référant à des bénéfices divers. Il va de soi que ces bénéfices ne tombent pas du ciel littéralement¹, mais ils arrivent en quelque sorte au bénéficiaire, de sorte que le « cadre » de déplacement reste présent.

En russe, le transfert métaphorique dans ce domaine s'opère souvent à travers les adjectifs de couleur *золотой* 'd'or, doré' et *зеленый* 'vert', comme dans (23). En effet, pour les locuteurs du russe, l'argent et la richesse sont traditionnellement associés avec l'or, alors que l'expansion économique du dollar américain a largement influencé les représentations mentales des locuteurs russes et l'adjectif de couleur 'vert' se voit souvent employé en association avec l'argent.

(23) а. *Чиновники считают, что на медицинские учреждения и страховые компании после этого польется **золотой дождь***. [Н. Баранчикова. Медицинские осложнения страхования // «Деловой квартал» (Екатеринбург), 2003]

б. *Мы все им завидуем, особенно глядя на их успехи и на то, как у них от внезапного зеленого дождя отъезжает крыша*. [И. Мальцев. Ду Неуловимый // Известия, 2014.04.23]

Dans cette structure, il peut également s'agir de types de bénéfices économiques autres que strictement monétaires tels que les dons ou le champagne, associé à la célébration, comme dans (24).

(24) а. *В эту первую половину месяца у нас был, таким образом, неслыханный **золотой дождь подарков самых неожиданных***. [А. Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948)]

б. *Теперь **дождь из шампанского** ожидает победителей многих спортивных состязаний*. [В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)]

Cependant, l'on trouve également l'emploi métaphorique du nom 'pluie' dans ce contexte avec le nom dénotant l'argent au génitif, précédé ou non de la préposition *из* (*дождь из*

¹ Cependant, l'expression française *tomber du ciel*, qui signifie 'arriver à l'improviste et, généralement, fort à propos' (cf. TLFi) peut jouer sur le « cadre » dénotant la chute bénéfique provenant d'une source inconnue.

купюр / монет 'pluie de billets de banque / pièces de monnaie'). Il peut également s'agir d'autres types d'avantages, tels que des médailles menant à la promotion sociale.

(25) а. *Но с этими довольно пошлыми атрибутами (а будут ещё непеременимые **дождь из купюр** и объятия на фоне заката) Манучаров справляется замечательно, ловко демонстрируя то стальной взор, то медовую улыбку и придавая своему герою бездну обаяния*. [Ж. Сергеева. Почему опиум для народа? // Труд-7, 2009.09.30]

б. *Удержались бы ваши идеалы под воздействием **дождя медалей, наград**, подобострастного почтения?* [Д. Бирюков. Чувство отвоёванной свободы // Библиотека «Огонек», 1990]

Dans notre corpus français, nous trouvons des exemples comparables où le nom issu de la sphère économique apparaît sous la forme d'un complément du nom. Celui-ci fait appel à la mention explicite de référents dénotant l'argent (*pluie de billets*) ou d'autres types de bénéfices de valeur économique ou autre (*récompenses / cadeaux / subventions*).

(26) а. <...> *Se dessinant sous une **pluie de pièces de monnaie** dans une rue de Venise* <...> [A. Gavalda. La Consolante (2008)]

б. <...> *celui-là, s'il pouvait seulement ouvrir les mains un jour, ferait tomber sur tout le monde une **pluie de récompenses, de cadeaux, de subventions***. [E. Zola. Son Excellence Eugène Rougon (1976)]

Ainsi, dans les deux langues, le nom 'pluie' s'utilise de façon métaphorique pour désigner une masse de bénéfices. Les « cadres » qui sont retenus dans ce contexte sont d'une part l'abondance et d'autre part le déplacement. En termes de Lakoff (1993), on pourrait dire que LA PLUIE, C'EST L'ARRIVEE INATTENDUE D'UNE MASSE DE BENEFICES, ce par quoi l'hypothèse de Żołnowska selon laquelle la pluie dans son emploi métaphorique est typiquement associée à l'infortune se voit donc battue en brèche. Cependant, la comparaison de nos corpus français et russe suggère que 'pluie' connaît certains emplois métaphoriques propres à la culture linguistique française. Ainsi les bénéfices en question peuvent être moins matériels en français, car il peut s'agir de 'baisers', de 'remerciements', voire de 'joies'.

(27) а. *Qu'une **pluie de remerciements** tombe sur Françoise Douset et Jean-Philippe Postel; s'ils ne savent pas pourquoi, l'auteur le sait*. [D. Pennac. Monsieur Malaussène (1995)]

б. *Vous pleurez dans l'heure où une*

pluie de joies va tomber sur l'humanité en votre honneur [J. Giraudoux. Amphitryon 38 (1929)]

A nouveau, comme dans le cas de la métaphore dans le domaine militaire, l'expansion de l'emploi aux noms abstraits avec une certaine perte des éléments du sens de la pluie atmosphérique semble aller de pair avec une grammaticalisation plus poussée de *une pluie de* en tant que quantifieur en français.

2.4. Modélisation métaphorique.

L'analyse des données des corpus nous permet d'identifier trois modèles métaphoriques de base de la conceptualisation de *pluie / dožd'*:

- a) l'apparition d'une matière abondante ou la simple profusion d'un référent,
- b) la propulsion d'objets destructeurs, ou
- c) l'arrivée imprévue de bénéfices matériels.

Dans les trois cas, la composante du mouvement de haut en bas sert de base à l'expansion métaphorique, ce qui s'observe par le fait que cet élément de la signification du nom 'pluie' est souvent maintenu dans les contextes par les verbes couramment utilisés avec ce nom dans son emploi atmosphérique: *tomber / arroser / s'abattre* en français et *uđmu / поливать / пролиться / обрушиться* en russe. Cependant, cette trajectoire peut disparaître pour laisser place à la seule nécessité d'une arrivée massive et imprévue.

Si l'on peut observer un grand isomorphisme des mécanismes de transfert métaphorique entre les cultures linguistiques française et russe, le français connaît systématiquement des expansions plus variées à l'intérieur de ces trois métaphores de base. Ainsi, pour les seconde et troisième métaphores le trait de la matérialité des objets destructeurs et des bénéfices semble plus facilement absent en français. Ceci pourrait s'expliquer par une grammaticalisation plus poussée de la structure française N1 de N2 qui a pu mener à une réduction sémique plus importante dans les emplois métaphoriques du nom 'pluie'.

Conclusion

Dans cette contribution nous avons étudié l'emploi métaphorique du nom météorologique 'pluie' en français et en russe. Nous avons montré que contrairement à ce qui est avancé par Źołnowska (2011), le phénomène de la pluie n'est pas systématiquement associé au malheur et à l'infortune mais plutôt à la survenue abondante d'éléments souvent mais pas nécessairement destructeurs ou bénéfiques, du moins dans son emploi métaphorique nominal en français et en russe. En effet, dans les deux langues en question le nom 'pluie' s'accompagne dans son emploi métaphorique

d'un deuxième N (ou d'un adjectif équivalent), souvent à connotation positive ou négative, dont il exprime la présence abondante dans un contexte donné. En français cet emploi métaphorique du nom *pluie* se voit confirmé par les caractéristiques linguistiques de la structure *une pluie de N2* où le groupe *une pluie de* peut fonctionner comme locution déterminative quantitative comparable à *un tas de*. En russe cette grammaticalisation du nom *pluie* dans une locution quantificatrice n'a pas eu lieu et pourrait être freinée, d'une part, par l'absence d'articles indéfinis dans cette langue et, d'autre part, par le fait que le N2 peut revêtir plusieurs formes grammaticales, à savoir en apparaissant au génitif directement derrière le nom, au génitif précédé de la préposition *iz* et même sous la forme d'un adjectif antéposé au N 'pluie'. Le fait que dans ces structures russes le nom *dožd'* reste toujours la tête syntaxique pourrait expliquer pourquoi le nom garde plus de traits sémiques dans son emploi métaphorique que son équivalent français. Cette interprétation se voit confirmée par le fait que l'emploi métaphorique du verbe 'pleuvoir', correspondant au même phénomène, révèle une différence analogue entre le français et le russe. En effet, si en français l'emploi métaphorique du verbe *pleuvoir* se fait par une expansion nominale qui fonctionne comme un argument interne du prédicat (cf. *Il pleut des balles*), l'emploi métaphorique du verbe russe *doždít'* passe par une expansion nominale à l'instrumental caractérisée plutôt par un fonctionnement adverbial (cf. *Дождило свинцом* 'il pleuvait à la manière du plomb'). La métaphore du français opère alors sur des éléments autres que les gouttes d'eau tombant comme de la pluie, alors que la métaphore russe décrit la pluie comme tombant d'une manière propre à d'autres substances¹.

REFERENCES

1. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 2 т. — М. : Русский язык, 2000. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1104640.html>.
2. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации : моногр. — Кемерово : Офсет, 2012. 455 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. = Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1986. 576 с.
5. Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Метафорический антропоморфизм в социально-экономической коммуникации // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 276—279.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—

¹Pour plus d'information sur l'emploi métaphorique des verbes météorologiques, cf. Paykin (2010) et Meullemann & Paykin (2016).

2000) : моногр. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

7. Base textuelle Frantext [Electronic resource]. URL: <http://www.frantext.fr>.

8. Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. — Heidelberg : Carl Winter — Universitätsverlag, 1950.

9. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — Paris : Klincksieck, 1977.

10. Corpus du français de l'université de Leipzig [Electronic resource]. URL: http://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012.

11. De Campos Leyza E. Analyse étymologique des racines de la langue grecque pour servir à l'histoire de l'origine et formation du langage. — Bordeaux : Imprimerie générale d'Emile Crugy, 1874.

12. Jackendoff R. Semantics and Cognition. — Cambridge : MIT Press, 1983.

13. Keenan E. L. Towards a Universal Definition of 'Subject' // Subject and Topic / Ch. N. Li (ed.). — New York : Academic Pr., 1976. P. 303—333.

14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. 2nd ed. / A. Ortony (ed.). — Cambridge ; New

York ; Melbourne : Cambridge Univ. Pr., 1993. P. 202—252.

15. Leeman D. Les déterminants du nom en français : syntaxe et sémantique. — Paris : Presses Universitaires de France, 2004.

16. Meulleman M., Paykin K. Weather Verbs Sifted through a Motion Sieve // Contrastive Linguistics. 2016. № 5. P. 58—67.

17. Paykin K. Noms et verbes météorologiques : des matières aux événements : thèse de doctorat. — Université Lille 3, 2003.

18. Paykin K. Il pleut des idées reçues. NP Expansions of Weather Verbs // Linguisticae Investigationes. 2010. № 33.2. P. 253—266.

19. Ruwet N. On Weather Verbs // Papers from the regional Meetings / Chicago Linguistic Society. 1986. № 22-1. P. 195—215.

20. Ruwet N. Des expressions météorologiques // Le Français moderne. 1990. № 58. P. 43—97.

21. Strnadová J. N1 de N2 : Une diversité formelle et fonctionnelle // Acta Universitatis Carolinae — Philologica. 2009. № 2 ; Romanistica Pragensia XVIII. 2010. P. 97—109.

22. Talmy L. Toward a cognitive semantics : 2 vols. — Cambridge : MIT Pr., 2000.

23. Żołnowska I. Weather as the source domain for metaphorical expressions // Avant : the Journ. of the Philosophical-Interdisciplinary Vanguard. 2011. Vol. II. P. 165—179.

Yu. V. Bogoyavlenskaya

Ekaterinburg, Russia

M. C. Meulleman

Reims, France

K. Paykin

Lille, France

M. V. Plotnikova

Ekaterinburg, Russia

LES EMPLOIS METAPHORIQUES DU NOM PLUIE EN FRANÇAIS ET DE SON EQUIVALENT RUSSE : ASPECTS LINGUISTIQUES ET COGNITIFS

METAPHORICAL USES OF THE FRENCH NOUN *PLUIE* AND ITS RUSSIAN EQUIVALENT: LINGUISTIC AND COGNITIVE ASPECTS

ABSTRACT. *Our article examines the metaphorical uses of the noun 'rain' in French and Russian. The metaphorical use of the French noun pluie necessarily contains a nominal expansion, while its Russian equivalent doždj' can take both nominal and adjectival expansions. Our corpus-based study distinguished three productive conceptual spheres for the metaphorical expansion of the noun 'rain', namely the natural, military and economical spheres. In both languages, the weather noun 'rain' loses some of its atmospheric meaning and is used in metaphors to insist on abundance of elements in a given context, often in movement and coming from a not clearly identified source. These elements may be associated to destructive events (such as 'a rain of bullets') but they can also be involved in beneficial episodes (such as 'a rain of money') or in neutral incidents (such as 'a rain of flowers'). However, the material nature of the elements is less important in French, where nominal expansions can include abstract nouns. In French, the noun pluie can function both as a semantic head of the NP and as a quantifier comparable with complex modifiers such as un tas de ('loads of'), while in Russian the noun doždj' necessarily functions as a semantic head.*

KEYWORDS: *metaphors; weather; rain; quantifiers; metaphorical expansion; metaphorical models; metaphorical modeling; Russian; French.*

ABOUT THE AUTHORS: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, PhD with habilitation, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University; Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Machteld Meulleman, PhD, Associate Professor, Reims University, Champagne-Ardenne, CIRLEP, EA 4299, Reims, France.

Katia Paykin, PhD, Associate Professor, Lille University, STL, UMR 8163, Lille, France.

Plotnikova Maria Vjacheslavovna, PhD, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Efremova T. F. Novyy tolkovno-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] : v 2 t. — M. : Russkiy yazyk, 2000. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1104640.html>.

2. Kerimov R. D. Metaforicheskiy antropomorfizm v nemetskoj sotsial'no-politicheskoj kommunikatsii : monogr. — Kemerovo : Ofset, 2012. 455 s.

3. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. = Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

4. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M. : Progress, 1986. 576 s.

5. Chudinov A. P., Nakhimova E. A. Metaforicheskiy antropomorfizm v sotsial'no-ekonomicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 276—279.

6. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

7. Base textuelle Frantext [Electronic resource]. URL: <http://www.frantext.fr>.

8. Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. — Heidelberg : Carl Winter — Universitätsverlag, 1950.

9. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — Paris : Klincksieck, 1977.
10. Corpus du français de l'université de Leipzig [Electronic resource]. URL: http://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fr_mixed_2012.
11. De Campos Leyza E. Analyse étymologique des racines de la langue grecque pour servir à l'histoire de l'origine et formation du langage. — Bordeaux : Imprimerie générale d'Emile Crugy, 1874.
12. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. — Cambridge : MIT Press, 1983.
13. Keenan E. L. Towards a Universal Definition of 'Subject' // *Subject and Topic* / Ch. N. Li (ed.). — New York : Academic Pr., 1976. P. 303—333.
14. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought*. 2nd ed. / A. Ortony (ed.). — Cambridge ; New York ; Melbourne : Cambridge Univ. Pr., 1993. P. 202—252.
15. Leeman D. *Les déterminants du nom en français : syntaxe et sémantique*. — Paris : Presses Universitaires de France, 2004.
16. Meulleman M., Paykin K. Weather Verbs Sifted through a Motion Sieve // *Contrastive Linguistics*. 2016. № 5. P. 58—67.
17. Paykin K. *Noms et verbes météorologiques : des matières aux événements : thèse de doctorat*. — Université Lille 3, 2003.
18. Paykin K. Il pleut des idées reçues. NP Expansions of Weather Verbs // *Linguisticae Investigationes*. 2010. № 33.2. P. 253—266.
19. Ruwet N. On Weather Verbs // *Papers from the regional Meetings / Chicago Linguistic Society*. 1986. № 22-1. P. 195—215.
20. Ruwet N. Des expressions météorologiques // *Le Français moderne*. 1990. № 58. P. 43—97.
21. Strnadová J. N1 de N2 : Une diversité formelle et fonctionnelle // *Acta Universitatis Carolinae — Philologica*. 2009. № 2 ; *Romanistica Pragensia XVIII*. 2010. P. 97—109.
22. Talmy L. *Toward a cognitive semantics : 2 vols.* — Cambridge : MIT Pr., 2000.
23. Żołnowska I. Weather as the source domain for metaphorical expressions // *Avant : the Journ. of the Philosophical-Interdisciplinary Vanguard*. 2011. Vol. II. P. 165—179.

Ван Цинь
Далянь, КНР

Тао Ин
Москва, Россия

ИМИДЖ КИТАЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИ ЦЗИНЬПИНА

АННОТАЦИЯ. Обосновывается применимость к исследованиям политических текстов дискурсивно-исторического подхода. Дискурсивно-исторический подход предполагает следующие этапы исследования: 1) определение содержания и темы высказывания; 2) анализ дискурсивной стратегии; 3) анализ формальных особенностей высказывания. В ходе исследования могут привлекаться экстралингвистические, социально-культурные и исторические данные, что обуславливает особое внимание к интертекстуальности (взаимосвязи и трансформации текстов, смыслов, социально-исторических реалий). Материалом исследования послужили выступления Си Цзиньпина, открывшие важные политические международные мероприятия — саммит «Большой двадцатки» (Ханчжоу, 2016 г.) и форум «Один пояс — один путь» (май 2017 г.). Объектом исследования стал создаваемый политиком образ страны — Китая. Ключевые термины анализируемых выступлений: «мир», «сотрудничество», «открытость» и «инновации». Инновации являются важным экономическим элементом имиджа Китая как государства. Сотрудничество понимается как обоюдовыгодное глобальное партнерство, путь ко всеобщему процветанию; подчеркиванию этого служит интертекстуальное обращение к истории Китая, указание на необходимость прокладывания нового Великого шелкового пути. Открытость внешнему миру характеризуется как необходимое условие взаимной выгоды всех участников международных отношений, залог прогресса в экономике; пагубность «закрытости страны» подтверждается данными истории Китая эпохи правления династии Цин. Важным элементом имиджа Китая является и приверженность идее мирного развития международных отношений. Как показали исследованные речи, ключевые слова национальной идеологии Китая — «мир» и «общее процветание». На них строится конструктивный дискурс, создающий позитивный образ Китая как современной быстроразвивающейся страны, стремящейся к установлению мирной международной обстановки и всеобщему обоюдовыгодному процветанию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интертекстуальность; политический дискурс; политические деятели; языковая личность; национальный имидж; политические тексты; политическая риторика; политические речи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ван Цинь, аспирант направления «Политическая лингвистика», Даляньский университет иностранных языков; 116004, Китай, г. Далянь, ул. Люйшунь, 6; e-mail: dlulflwang@mail.ru.

Тао Ин, аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 21-3; e-mail: katherine.ty@mail.ru.

1. Введение

Дискурсивно-исторический подход является одним из важных методов исследования в рамках критического дискурс-анализа, открывающим перед дискурсивным анализом новые перспективы. Дискурсивно-исторический подход требует учитывать при анализе экстралингвистическую информацию (политические, экономические, культурологические сведения), связанную с социальными проблемами, а также заостряет внимание на влиянии идеологии, что позволяет объективно раскрыть сложные отношения между языком, властью и идеологией. При использовании дискурсивно-исторического подхода к изучению различных дискурсов одним из важных пунктов анализа становится рассмотрение интертекстуальности.

Выступления государственных лидеров, приуроченные к важным международным мероприятиям, являются эффективным способом распространения национальной культуры и идеологии и формирования национального имиджа (имиджа государства). Основная цель упомянутого подхода — изучить язык и иные семиотические системы с точки

зрения их использования властными элитами для поддержания своего доминирования. Важный принцип дискурсивно-исторического подхода — объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. При этом контекст понимается как сложный феномен, состоящий из нескольких уровней: лингвистический контекст (co-text), интертекстуальный и интердискурсивный уровни, экстралингвистический уровень, социально-политический и исторический уровни [Будавев 2016: 13]. Используя дискурсивно-исторический подход для изучения интертекстуальных особенностей речевых произведений национальных лидеров, мы можем детализировать создаваемый ими имидж страны.

В данной статье дискурсивно-исторический подход используется для анализа идеологических представлений, передаваемых интертекстуальными средствами в политическом дискурсе, а именно в речах, позволяющих реконструировать представленный в них образ страны. Материалом для исследования послужили церемония открытия саммита G20 в Ханчжоу (сентябрь 2016 г.) и открывающая речь на форуме «Один по-

本文为辽宁省大连市大连外国语大学2017年度博士生创新项目《中俄对“一带一路”的认知差异性研究》(YJSCX2017-081)的阶段性成果。

Статья подготовлена при поддержке проекта аспирантского инновационного центра Даляньского университета иностранных языков в 2017 г.: проект YJSCX2017-081 «Сравнительное исследование когнитивных различий в восприятии концепции „Одного пояса — одного пути“ в Китае и России».

яс — один путь» (май 2017 г.). В качестве форума для международного экономического сотрудничества встреча «Группы двадцати» (G20) характеризуется широким кругом членов, представляющих основные экономики мира. На долю «Группы двадцати» приходится 90 % мировой экономики и 80 % мировой торговли. Саммит этих государств играет важную роль в содействии устойчивому развитию мировой экономики. Инициатива «Один пояс — один путь» призывает к тому, чтобы экономический обмен, сотрудничество в области экономики и гуманитарных наук между странами способствовали их одновременному развитию и достижению всеобщего процветания. Основная цель названных форумов — содействие экономическому развитию и процветанию экономик всех стран. Таким образом, материалом исследования стали открывающие речи двух указанных мероприятий, оказавших значительное влияние на мировую экономику.

2. Теоретическая база и методы исследования

2.1. Дискурсивно-исторический подход Р. Водак

Дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach, DHA), предложенный Р. Водак, австрийским специалистом по критическому анализу дискурса [Wodak 2009], диалектико-реляционный подход (Dialectical Relational Approach, DRA), выдвинутый Норманом Фэйрклафом [Fairclough 2009] и Т. ван Дейком [Van Dijk 2009, 2014], социально-познавательный подход (Socio-Cognitive Approach, SCA) — три основных метода в области исследований критического дискурса.

Дискурсивно-исторический подход состоит из трех основных этапов: 1) определение содержания и тематики высказывания; 2) анализ дискурсивной стратегии рассматриваемого текста; 3) описание формальных характеристик. Преимущество DHA заключается в том, что при опоре на текст этот метод позволяет привлекать социально-культурные и исторические данные, тем самым проводить многоуровневое углубленное исследование и анализ дискурса. Этот метод использовался зарубежными учеными для проведения критического дискурсивного анализа дискриминации по признаку пола, этнической дискриминации и формирования национальной идентичности [Wodak et al. 1998, 1999], но не применялся и не получал научной оценки в Китае.

Р. Водак [Wodak, Meyer 2001: 67] предлагает при использовании DHA для после-

довательного анализа дискурса переходить от разбора конкретного текста к классификации тем, соответствующих частным проблемам, и изучать интертекстуальные связи между различными текстами. Анализ изучаемых проблем сквозь призму интертекстуальности позволяет привлекать данные о социальном, политическом, культурном и историческом контекстах, в которых функционирует дискурс.

Что касается формирования имиджа страны, изучение интертекстуальных особенностей дискурса в рамках DHA позволяет проанализировать имидж государства, создаваемый за счет такого свойства дискурса, как конструктивность. О конструктивности дискурса писал Н. Фэйрклаф [Fairclough 2003: 9], предположивший, что с точки зрения социальной значимости дискурс конструктивен и может определять социально значимые темы, социальные отношения и идеологию. Выражение отношений власти и идеологии — одна из главных функций политического дискурса [Van Dijk 1993: 249—283].

Дискурсивный анализ политического текста позволяет выявить интенции и идеологию выступающего. Публичное выражение идеологии, социально-политической доктрины — важный элемент при выстраивании имиджа страны. Таким образом, анализ интертекстуальных особенностей выступлений национальных лидеров с рассмотрением выявленных идеологических представлений в контексте событий прошлого с определенным результатом и условно реконструируемой структуры текущих событий позволяет определить взаимовлияние идеологии и отношений власти [Li Jingjing 2017: 62], а затем проанализировать имидж страны, который лидер создает посредством дискурса.

2.2. Интертекстуальность

Интертекстуальность — важное понятие, предложенное в рамках литературоведения в 1960-х гг. французской исследовательницей литературы и языка Ю. Кристевой в результате развития теории «диалогизма» М. М. Бахтина. Если первоначально явление интертекстуальности упоминалось только в сфере литературной критики, то в последние годы оно все чаще рассматривается в связи с анализом дискурса, особенно в критическом дискурсивном анализе [Fairclough 1992, 1995, 2003; Lemke 1985, 2002, 2004; Xin Bin 2001, 2005, 2006].

С точки зрения дискурсивно-исторического подхода интертекстуальные связи между текстами позволяют выявить принципиальные для углубленного анализа дискурса моменты и служат основой для ответа на вопросы исследования. В самом общем смысле интертекстуальность относится к

взаимосвязи и трансформации текстов, значений, предметов, социально-исторических реалий и типов идентичности [Li Yurping 2012]. Ю. Кристева считает, что «любой текст сращивается с помощью мозаичных цитат, и любой текст — поглощение и преобразование других текстов» [Kristeva 1980: 66]. В связи с этим понятие интертекстуальности может использоваться для анализа взаимосвязи между текстом и другими текстами, которая проявляется, например, в виде цитат, приложений и выводов. Ю. Кристева [Там же] первоначально разделяла интертекстуальность на горизонтальную и вертикальную. Н. Фэйрклаф [Fairclough 1992: 85], фокусирующий внимание на критическом анализе дискурса, предлагает различать явную интертекстуальность и условную интертекстуальность. С целью облегчения практической работы по анализу дискурса Синь Бинь [Xin Bin 2000] предложил выделять конкретную интертекстуальность и жанровую интертекстуальность. Первый тип относится к дискурсу конкретного источника (т. е. теме), а второй характеризует соотношение стиля, жанра и регистра дискурса. В данной статье рассмотрение

интертекстуальности ограничивается конкретным типом.

В работе для изучения имиджа страны, конструируемого в дискурсе, основное внимание будет уделено первым двум этапам дискурсивно-исторического подхода. Исследование осуществлялось по следующему плану: 1) определение фактологического содержания и темы двух политических текстов; 2) анализ интертекстуальных явлений, проявляющихся в текстах, в соответствии с выявленным содержанием и темой с привлечением социологических, культурологических и исторических данных, т. е. рассмотрение интертекстуальности на примере конкретных текстов; 3) обобщенное представление конструируемого на основе интертекстуальных связей имиджа Китая.

3. Результаты исследований и обсуждение

3.1. Фактологическое содержание и тема двух политических текстов

Выступление Президента Си Цзиньпина на церемонии открытия саммита G20 состояло из 6886 слов, его же выступление на церемонии открытия форума «Один пояс — один путь» — из 6257 слов.

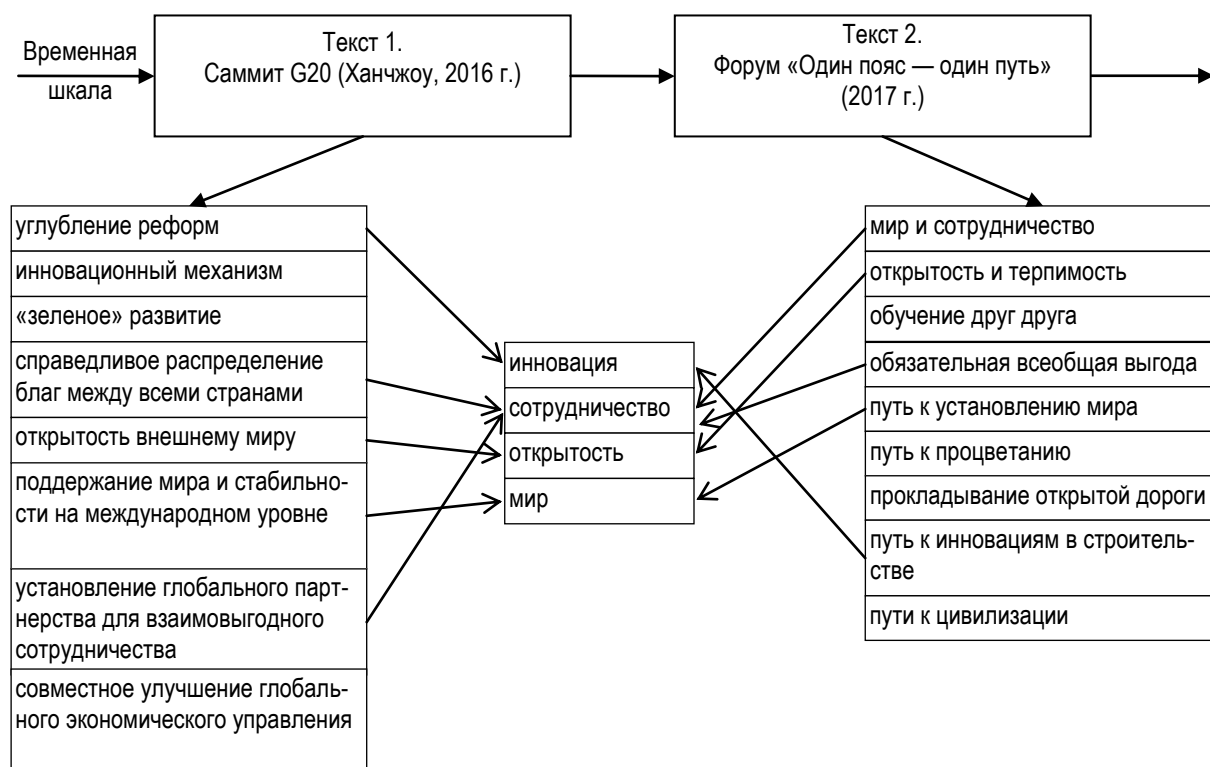

Рис. Интертекстуальные связи выступлений

В речи на открытии G20 было обозначено восемь основных тем: *углубление реформ, механизм инноваций, «зеленое» развитие, справедливое распределение благ между всеми странами, открытость внешнему миру, поддержание мира и стабильности на международном уровне, установление глобального партнерства для взаимовыгодного сотрудничества и совместное улучшение глобального экономического управления*. На церемонии открытия форума «Один пояс — один путь» было заявлено девять основных тем: *мир и сотрудничество, открытость и терпимость, обучение друг друга, обязательная всеобщая выгода, путь к установлению мира, путь к процветанию, прокладывание открытой дороги, путь к инновациям в строительстве и пути к цивилизации*. В целом совпадения в основном содержании двух выступлений превышают пятьдесят процентов.

Из сравнения содержания рассматриваемых выступлений видно, что в этих двух докладах некоторые темы совпадают, т. е. некоторые явления упоминаются в обоих дискурсах: *мир, сотрудничество, открытость и инновации*. Использование дискурсивно-исторического подхода позволяет представить интертекстуальные связи двух рассматриваемых дискурсов в структурированном виде (см. рис.).

Далее будут анализироваться выявленные интертекстуальные связи, отражающие общие для двух политических текстов идеи.

3.2. Инновации

В речах двух выступлений Си Цзиньпина неоднократно встречался термин «инновации». Си Цзиньпин считает, что технологические инновации вскоре приведут к промышленной революции, позволят построить инновационную экономику и будут использованы для развития мировой экономики. Инновации являются важной частью имиджа Китая.

В речи на встрече G20 интертекстуальная единица «инновации» использовалась два раза. Си Цзиньпин впервые предложил Китаю взять на себя обязательство по созданию страны, ориентированной на инновации, а затем повсюду доказывать их важность ввиду сложной ситуации в мировой экономике. Политик считает, что инновации определяют экономическое развитие не только Китая, но и всего мира.

Си Цзиньпин отметил, что, внедряя новые институциональные механизмы взаимодействия и создавая новые бизнес-модели, «мы будем неуклонно проводить инновационные стратегии развития, создавать более сильные драйверы роста и способствовать

появлению инновационных стран и мировых технологических мощностей; мы будем углубленно изучать и решать неотложные технологические проблемы в экономическом и промышленном развитии»; «Китай поднял вопрос о режиме инновационного роста в качестве ключевого на саммите в Ханчжоу и способствовал разработке „Концепции развития для инновационного роста „Группы 20“. В ответ на глобальный спад экономического роста предложил эффективно сочетать финансовые и монетарные реформы с политикой структурных реформ».

На саммите «Один пояс — один путь» Си Цзиньпин выступил за то, чтобы развитие инициативы «Один пояс — один путь» основывалось на инновациях, интеграции науки и техники, чтобы создать путь инноваций в рамках инициативы «Один пояс — один путь»: «Инновация является важной силой для содействия развитию... Необходимо придерживаться принципа внедрения инноваций в дальнейшем развитии, сотрудничать в таких междисциплинарных областях, как цифровая экономика, искусственный интеллект, нанотехнологии и квантовые компьютеры, ...оптимизировать инновационную среду и накопление инновационных ресурсов. Мы должны создать предпринимательские пространства и предпринимательские заводы для молодежи всех возрастов в эпоху Интернета и реализовать мечты молодежи о будущем».

На двух экономических форумах Си Цзиньпин подчеркнул, что акцент на «инновации» в экономическом развитии в основном проявляется в трех вариантах. 1. Технологические инновации. Быстрое развитие науки и технологий и применение науки и техники для содействия экономическому прогрессу. 2. Инновации в экономической политике. Содействие эффективному сочетанию экономических структурных реформ и фискальной и денежно-кредитной политики. 3. Оптимизация инновационной среды. Обеспечение инновационного пространства для молодых предпринимателей.

Си Цзиньпин три раза заявил на указанных мировых форумах, что экономическое развитие зависит от инноваций. Это позволяет отнести упоминание инноваций к интертекстуальным явлениям.

С точки зрения трех охарактеризованных вариантов использования инноваций были предложены соответствующие нововведения и политический курс, демонстрирующие базирование экономического развития современного Китая на инновациях. Инновации являются важным элементом имиджа Китая в экономическом аспекте.

3.3. Сотрудничество

Си Цзиньпин сказал в своем выступлении на саммите G20 о «всеобщем сотрудничестве», «обеспечении выгодного всем глобального партнерства»; на церемонии открытия форума «Один пояс — один путь» он употребил фразы «мир и сотрудничество» и «взаимная выгода и отсутствие проигравших». Таким образом, в обеих речах политика есть указания на «сотрудничество», которое тем самым становится интертекстуальной единицей, демонстрирующей, что китайский лидер воспринимает сотрудничество в качестве важного элемента имиджа государства.

На саммите G20 Си Цзиньпин обобщенно представил текущий уровень экономического развития Китая и выдвинул предложение о необходимости для Китая занять новую отправную точку эволюции, изменить путь экономического развития и открыться миру. Си Цзиньпин указал: «Оказавшись в новой отправной точке, мы будем неуклонно содействовать распространению всеобщего сотрудничества. Мы сосредоточимся на справедливости, исходя из реальных интересов людей и того, что их больше всего беспокоит, будем постоянно улучшать качество и уровень жизни народа». Данное высказывание показывает, что Китай в настоящее время уделяет больше внимания кругу вопросов, связанных с интересами людей и их жизненными приоритетами, и ставит себе задачу по достижению общего процветания и сотрудничества. Си Цзиньпин далее предложил «создать глобальные беспроблемные партнерские отношения. Мы должны заложить основы осознания человеческим сообществом своей общей судьбы, продвигать общение на тесном уровне между людьми разных стран с разными культурными традициями, способствовать более глубокому пониманию друг друга, работать вместе, чтобы построить новые международные отношения, основанные на сотрудничестве и обоюдной пользе». Согласно мнению Си Цзиньпина, не только в Китае, но и на международной арене все народы должны взаимодействовать, совместно работать над общим процветанием и вести человечество к общему прогрессу. Тем самым создается имидж государства, основанный на концепции «всеобщего сотрудничества».

На форуме «Один пояс — один путь» Си Цзиньпин неоднократно упоминал концепцию «всеобщего сотрудничества». Прежде всего для описания современных экономических процессов политик обратился к истории и выдвинул идею о воссоздании Великого шелкового пути, который с древнейших

времен олицетворяет международное сотрудничество и ассоциируется со взаимной выгодой и отсутствием проигравших среди экономических партнеров. Отсылки к истории повысили привлекательность имиджа Китая за счет указания на то, что страна сосредоточилась на партнерстве и на том, чтобы международное сотрудничество приносило пользу всем участникам глобального партнерства, без появления отстающих и проигравших стран. С точки зрения фактов Китай и многие страны заключили прагматическое соглашение о сотрудничестве в рамках стратегии «Один пояс — один путь» и будут активно содействовать скорейшему началу реализации данного проекта. В течение длительного времени Си Цзиньпин разрабатывал и вводил в имидж Китая идею «сотрудничества и взаимовыгодности», истоки которой политик усматривает в истории страны.

3.4. Открытость

В своей речи на саммите G20 Си Цзиньпин дважды упомянул понятие открытости. Сначала было предложено, что Китай должен неуклонно увеличивать свою открытость внешнему миру для достижения всеобщей выгоды без появления проигравших, отстающих стран. Тем самым политический лидер в очередной раз подчеркнул, что политика Китая направлена на достижение взаимной выгоды участников международных отношений, а это укрепляет имидж Китая как страны, которая стремится к полезности принимаемых мер для всех народов мира.

В качестве примера Си Цзиньпин указал на инициативу «Один пояс — один путь», отметив, что это важная мера для обеспечения открытости внешнему миру. Цель международного проекта — разделить возможности развития Китая с другими странами и достичь на этом пути всеобщего процветания. Си Цзиньпин отметил, в частности: «Новая инициатива Китая по распространению новых механизмов взаимодействия направлена на достижение взаимовыгодного сотрудничества и совместное развитие, а вовсе не против кого-то. Китай открыт для внешнего мира, и все страны могут участвовать с ним в общем развитии и поддерживать всеобщий прогресс». Здесь еще раз подчеркивается приверженность Китая концепции взаимной выгоды и отсутствия проигравших, а также подразумевается, что у Китая создается «мирный» имидж. Си Цзиньпин, обращаясь к истории мировой экономики, находит доказательства того, что «открытость ведет к прогрессу, закрытость приводит к отсталости», и еще раз подчеркивает важность «открытости» для экономики.

На форуме «Один пояс — один путь» Си Цзиньпин сделал экскурс в историю, указав, что Великий шелковый путь — это путь «открытости и толерантности», когда «цивилизация развивается в условиях открытости, а люди сосуществуют в интеграции». Политик предлагает построить «Один пояс — один путь» на основе открытости, добиться либерализации, экономической глобализации и упрощения деятельности в мировой экономике и торговле.

Во время династии Цин Древний Китай пережил почти столетие «закрытости страны» и строгого ограничения обмена с другими государствами во внешнеэкономических, культурных и научных сферах. Параллельно этому западные страны осуществляли индустриальную революцию и вступали в новую эру быстрого роста производительности труда. После того как правители династии Цин закрылись от внешнего мира, у них пропала возможность отслеживать происходящие в мире изменения, своевременно знакомиться с новейшими научными достижениями Запада и новыми методами производства. Постепенно это сделало Китай отстающим от передовых западных стран и всего мира. Быстрое развитие экономики Китая началось после реформирования в духе открытости. Данные реформы включали внутренние меры и внешнеполитические мероприятия, связанные с увеличением открытости внешнему миру. Эти меры Китай начал проводить после Третьего пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 11-го созыва в декабре 1978 г. Провозглашенный тогда курс значительно повлиял на развитие Китая: реформы, направленные на открытость, позволили заметно увеличить национальный доход и большими темпами осуществлять модернизацию Китая.

В двух анализируемых выступлениях Си Цзиньпин неоднократно упоминал об «открытости», т. е. данный термин относится к интертекстуальным единицам. Постоянная ссылка Си Цзиньпина на концепцию «открытости» демонстрирует приверженность этой политике и намерение продолжить ее, а также выражает уважение оратора к Дэн Сяопину. Кроме того, тем самым формируется имидж Китая как «открытого государства».

3.5. Мир

В выступлении Си Цзиньпина на саммите G20 и выступлении на форуме «Один пояс — один путь» упоминался «мир», что позволяет считать эту лексему интертекстуальной единицей. Си Цзиньпин призвал «Группу двадцати» на саммите в Ханчжоу твердо держаться идеи «совместно защищать мир и

стабильность международной среды... Все страны должны придерживаться целей и принципов Устава ООН, поддерживать концепции многосторонности при разрешении разногласий и споров путем диалога и консультаций».

На Международном форуме «Один пояс — один путь» Си Цзиньпин повторил содержание своего выступления на встрече G20: «Китай будет сотрудничать с участвующими в проекте странами на основе пяти принципов мирного сосуществования. Китай готов поделиться опытом развития с другими странами мира, но он не будет вмешиваться в их внутренние дела...»

С распадом Советского Союза и окончанием холодной войны Соединенные Штаты Америки сократили свою сферу влияния в Азии. В то же время развитие Китая рассматривается как попытка с его стороны занять прежние позиции США в Азии. Из-за неверного понимания намерений Китая возникли «теория китайской угрозы» и неблагоприятное международное общественное мнение. Чтобы преодолеть эти отрицательные тенденции, Си Цзиньпин в речах на двух крупных международных мероприятиях (саммит «Большой двадцатки» в Ханчжоу и Международный форум «Один пояс — один путь») упомянул концепцию «мира», что очень важно для формирования позитивного имиджа страны. Таким образом, Си Цзиньпин не только пропагандирует идеалы мира, но и формирует имидж Китая, политика которого основана на концепции «мирного развития».

4. Заключение

В данной статье использовался метод ДНА для проведения интертекстуального дискурсивного анализа выступлений Си Цзиньпина на саммите G20 в Ханчжоу и на Международном форуме «Один пояс — один путь». Вначале были определены содержание и темы дискурса, затем к анализу были привлечены экстралингвистические — социальные, культурные и исторические данные. Национальную идеологию Китая отражают два ключевых слова речей Си Цзиньпина: **мир** и **общее процветание**. Идеология может отражать ценности, которыми руководствуется страна в своей политике. За счет интертекстуальности, выдвигающей на передний план концепции мира и общего процветания, в рассмотренных дискурсах создан образ Китая, нацеленного на мирное развитие и общее процветание человечества. Проанализированные речи относятся к политическому дискурсу, охарактеризованному Н. Фэйрклафом [Fairclough 2003: 3, 9],

т. е. конструирующему имидж страны. Следует особо отметить, что рассмотренные выступления позволили выделить лишь часть имиджа Китая (на материале двух речей, проанализированных методом ДНА). В дальнейшем мы планируем использовать представленную модель анализа на более обширном материале, что позволит как проследить эволюцию дискурса, так и тщательнее описать имидж страны и средства его формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 12—17.
2. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. — London : Sage, 2nd ed. 2009. P. 162—186.
3. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social research. — London ; New York : Routledge, 2003. 55 p.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. — London ; New York : Longman, 1995. 47 p.
5. Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge : Polity Pr., 1992. 259 p.
6. Kristeva J. Word, Dialogue and the Novel, Desire // Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. — New York : Columbia Univ., 1980. 305 p.
7. Lemke J. Ideology, intertextuality and the communication of science // Relations and Functions within and around Language / P. H. Fries, M. Cummings, D. Lockwood, W. Spruiell (eds). — London : Cassell, 2002. P. 32—55.
8. Lemke J. Ideology, intertextuality, and the notion of register // Systemic Perspectives on Discourse / J. D. Benson, W. S. Greaves (eds). — Norwood : Ablex, 1985. Vol. 1. P. 275—294.
9. Lemke J. Intertextuality and educational research // Uses of Intertextuality in Classroom and Educational Research / N. Shuart-Faris, D. Bloome (eds). — IAP Information Age Publishing, 2004. P. 3—16.

Wang Qinyi, Tao Ying

Dalian, China; Moscow, Russia

THE CHINESE NATIONAL IMAGE IN THE POLITICAL TEXTS OF XI JINPING

ABSTRACT. The article justifies the possibility to analyze political texts using discursive-historical approach. Such approach has the following stages: 1) determination of the topic and content of the statement; 2) discursive strategy analysis; 3) analysis of formal features of the statement. The research may refer to extralinguistic, socio-cultural and historical data, which is caused by the great attention paid to intertextuality (interrelations between and transformation of texts, meanings and socio-historical reality). The research is based on Xi Jinping's speeches at international meetings and forums, such as the 2016 G20 Hangzhou summit and One Belt One Road Forum (May 2017). The object of this research in the image of China created by the politician. The key terms of the analyzed speeches are the following: peace, cooperation, openness and innovations. Innovations are an important economic element of the Chinese image. Cooperation is global partnership beneficial for both parties, it is a way to prosperity; such conception is underlined by intertextual references to Chinese history and emphasis of the need to build a new Silk Road. Openness is characterized as a necessary condition of mutual benefit of all the international partners, it is a guarantee of economic progress; the bad consequences of the closed society have their proofs in the Chinese history of the Qin Dynasty times. An important element of Chinese image is its commitment to the idea of peaceful development of international relations. As the research shows the key words of the Chinese national ideology are "peace" and "general prosperity". They are in the foundation of constructive discourse that creates a positive image of China as of a modern and quickly developing country striving to peace and prosperity in the world.

KEYWORDS: intertextuality; political discourse; political leaders; linguistic persona; national image; political texts; political rhetoric; political speeches.

ABOUT THE AUTHORS: Wang Qinyi, Postgraduate Student in Political Linguistics, Dalian University of Foreign Languages, China, Dalian.

Tao Ying, postgraduate student, department of the Russian language and the teaching methods, Peoples' Friendship University of Russia; Russia, Moscow.

10. Li Jingjing. Discourse History Analysis and Norwegian National Image Construction: Taking the 70th and 71st Sessions of the Norwegian Prime Minister's Lecture as an example // Foreign Languages and Literature (bimonthly). 2017. № 3. P. 61—66. = 李菁菁. 话语历史分析法与挪威国家形象构建 — 以挪威首相第70届和第71届联大演讲为例[J]. 外国语文(双月刊). 2017. № 3. P. 61—66.
11. Li Yiping. An analysis of the definition of intertextuality // Literature and Culture. 2012. № 4. P. 16—22. = 李玉平. 2012. 互文性定义探析[J]. 文学与文化. 2012. № 4. P. 16—22.
12. Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. 2nd ed. — London : Sage, 2009. P. 62—86.
13. Van Dijk T. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.
14. Van Dijk T. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4 (2). P. 249—283.
15. Wodak R. [et al.]. The Discursive Construction of National Identity. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 1999. 269 p.
16. Wodak R. [et al.]. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität. — Frankfurt : Suhrkamp, 1998. 567 p.
17. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. 2nd ed. — London : Sage, 2009. P. 63—94.
18. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. — London : Sage, 2001, 201 p.
19. Xin Bin. Critical Linguistics: Theory and Applications. — Shanghai Foreign Language Education Pr., 2005. 204 p. = 辛斌. 批评语言学: 理论与应用[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2005. 204 p.
20. Xin Bin. Intertextuality: Non-stable Meaning and Stable Significance // Journ. of Nanjing Normal Univ. 2006. № 3. P. 114—120. = 辛斌. 互文性: 非稳定意义和稳定意义[J]. 南京师范大学学报. 2006. № 3. P. 114—120.
21. Xin Bin. Pragmatic Analysis of Genre Intertextuality and Subject Position // Foreign Language Teaching and Research. 2001. № 5. P. 348—353. = 辛斌. 体裁互文性与主体位置的语用分析[J]. 外语教学与研究. 2001. № 5. P. 348—353.
22. Xin Bin. Pragmatic analysis of textual intertextuality // Foreign Language Studies. 2000. № 3. P. 14—16. = 辛斌. 语篇互文性的语用分析[J]. 外语研究. 2000. № 3. P. 14—16.

REFERENCES

1. Budaev E. V. Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 6. S. 12—17.
2. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis*. — London : Sage, 2nd ed. 2009. P. 162—186.
3. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social research*. — London ; New York : Routledge, 2003. 55 p.
4. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. — London ; New York : Longman, 1995. 47 p.
5. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. — Cambridge : Polity Pr., 1992. 259 p.
6. Kristeva J. Word, Dialogue and the Novel, Desire // *Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. — New York : Columbia Univ., 1980. 305 p.
7. Lemke J. Ideology, intertextuality and the communication of science // *Relations and Functions within and around Language / P. H. Fries, M. Cummings, D. Lockwood, W. Spruiell (eds)*. — London : Cassell, 2002. P. 32—55.
8. Lemke J. Ideology, intertextuality, and the notion of register // *Systemic Perspectives on Discourse / J. D. Benson, W. S. Graves (eds)*. — Norwood : Ablex, 1985. Vol. 1. P. 275—294.
9. Lemke J. Intertextuality and educational research // *Uses of Intertextuality in Classroom and Educational Research / N. Shuart-Faris, D. Bloome (eds)*. — IAP Information Age Publishing, 2004. P. 3—16.
10. Li Jingjing. Discourse History Analysis and Norwegian National Image Construction: Taking the 70th and 71st Sessions of the Norwegian Prime Minister's Lecture as an example // *Foreign Languages and Literature (bimonthly)*. 2017. № 3. P. 61—66.
11. Li Yuping. An analysis of the definition of intertextuality // *Literature and Culture*. 2012. № 4. P. 16—22.
12. Van Dijk T. *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. — London : Sage, 2009. P. 62—86.
13. Van Dijk T. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.
14. Van Dijk T. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. Vol. 4 (2). P. 249—283.
15. Wodak R. [et al.]. *The Discursive Construction of National Identity*. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 1999. 269 p.
16. Wodak R. [et al.]. *Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität*. — Frankfurt : Suhrkamp, 1998. 567 p.
17. Wodak R. *The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. — London : Sage, 2009. P. 63—94.
18. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Analysis*. — London : Sage, 2001, 201 p.
19. Xin Bin. *Critical Linguistics: Theory and Applications*. — Shanghai Foreign Language Education Pr., 2005. 204 p.
20. Xin Bin. Intertextuality: Non-stable Meaning and Stable Significance // *Journ. of Nanjing Normal Univ.* 2006. № 3. P. 114—120.
21. Xin Bin. Pragmatic Analysis of Genre Intertextuality and Subject Position // *Foreign Language Teaching and Research*. 2001. № 5. P. 348—353.
22. Xin Bin. Pragmatic analysis of textual intertextuality // *Foreign Language Studies*. 2000. № 3. P. 14—16.

О. И. Михневич
Екатеринбург, Россия

РИТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: БАУЭР ЭЙЛИ

АННОТАЦИЯ. В рамках истории становления политической лингвистики рассматривается роль риторической критики как научной школы, которая с середины XX века получила широкое признание в Северной Америке и Западной Европе. В качестве ведущих признаков этой научной школы обозначено внимание не только к достижениям оратора, но и к причинам его неудач, а также стремление выявить скрытую от поверхностного взгляда информацию, максимальный учет социальной, национальной и политической реальности и иных дискурсивных факторов. Среди наиболее крупных достижений риторической критики выделены также новые приемы и эвристики: критика метафорики, идеографическая критика, жанровая критика, нарративный анализ, кластерный анализ, текстуальный анализ, рассмотрение исторического и культурного контекста. К числу широко известных специалистов по риторической критике относится Бауэр Эйли (1903—1977) — профессор Орегонского университета, эксперт в области ораторского мастерства, политической риторики и речевой коммуникации, который, помимо прочего, известен как сторонник активного использования при обучении риторике текстов выступлений рядовых ораторов, «не только Авраама Линкольна», но и «выступающих на очередном заседании кафедры в университете».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; риторическая критика; политическая лингвистика; политическая коммуникация; научные школы; публичные выступления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ПЕРЕВОДЧИКЕ: Михневич Ольга Игоревна, аспирант, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бауэр Эйли (1903—1977), заслуженный профессор риторики Орегонского университета. Преподавал в Миссурийском университете (1930—1957), Колумбийском университете (1941—1957), Орегонском университете (1957—1873).

Обращение к истории политической лингвистики свидетельствует, что в основе ее формирования лежали несколько магистральных направлений, в том числе риторический подход к анализу политической коммуникации, который доминировал в США вплоть до середины прошлого века [Будаев, Чудинов 2007; Будаев 2009; Будаев, Аникин, Чудинов 2008 и др.]. В рамках риторического направления различалось несколько научных школ, в том числе риторическая критика (Rhetorical Criticism). Если традиционно считалось, что ученые должны давать объективные описания риторической практики, руководствуясь риторической теорией, восходящей к античности, то сторонники риторической критики считали необходимым определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желательным и нежелательным в определенном обществе» [Borchers 2006: 176], т. е. максимально учитывать политическую реальность. Поэтому исследователь должен показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы и как эти стереотипы отражаются в риторике. Представители рассматриваемой научной школы подчеркивали, что риторические факты часто содержат в себе много скрытой для поверхностного взгляда информации [Brummett 1994: 72], а поэтому задача ученого — показать, что еще, кроме очевидного, есть в риторических фактах. Специалист должен «сделать невидимое

видимым», например, показать, как в выступлении на определенную тему передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности соответствующего сообщества, или как риторика создает «Третью Персону» — образ того, «кем нельзя становиться» [см.: Wander 1984]. В качестве ведущих признаков этой научной школы выделяют также внимание не только к достижениям оратора, но и к причинам его неудач.

Смена акцентов в исследовании политической коммуникации привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопросам идеологии, аксиологии, семиотики и в меньшей степени психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили одним из источников современной американской политической лингвистики.

Среди наиболее крупных достижений риторической критики выделяют новые приемы и эвристики: критику метафорики, идеографическую критику, жанровую критику, нарративный анализ, кластерный анализ, текстуальный анализ, рассмотрение исторического и культурного контекста [Foss 2004].

К числу широко известных специалистов по риторической критике относится Бауэр Эйли (1903—1977) — заслуженный профессор риторики Орегонского университета, эксперт в области ораторского мастерства, риторической критики и речевой коммуникации. Он получил степени бакалавра и маги-

стра в университете штата Миссури; в 1941 г. защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете.

Б. Эйли преподавал риторику в университете штата Миссури, в Колумбийском университете, а с 1957 по 1973 г. — в Орегонском университете. Он является обладателем различных наград и премий, присужденных за достижения в сфере изучения речевой коммуникации, автором множества книг, статей и монографий, которые задали новые перспективы для теории и методики обучения ораторскому мастерству и послужили основой для дальнейших исследований в области американской риторики.

Бауэр Эйли последовательно подчеркивал роль риторики в истории принятия решений в многочисленных организациях и собраниях Соединенных Штатов. Веря в свободные, открытые, объективные дебаты, он постоянно повторял, что наилучшее решение — это тщательно обдуманное решение, а любое политическое действие требует детального обоснования. По мнению ученого, общественные дебаты — это не место для чувствительных, легкоранимых и ограниченных людей. Будучи жестким оппонентом, Бауэр Эйли практиковал навыки, которым он обучал своих студентов.

Б. Эйли справедливо полагал, что именно ораторское мастерство — это типичное американское искусство, и изучать это искусство нужно не только на примере речей так называемых «гигантов», но и на основе обращения к публичным выступлениям рядовых ораторов, «не только одного Авраама Линкольна, но других парней из Клеры Гроув». Таким образом, заслуживают внимания не только национальные лидеры, но и спикеры на очередном заседании кафедры в университете.

В знак признания заслуг Б. Эйли его ученики подготовили и опубликовали сборник статей под названием «Риторика народа: „Есть ли в мире что-нибудь лучше надежды?“» [*Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world*], перевод статьи из которого представлен ниже.

В этой статье детально обоснована важная для исследователя идея о том, что при обучении риторике очень полезно изучать ошибки, которые допускают ораторы, и ошибки, которые допускают специалисты при оценке ораторского мастерства. К числу наиболее типичных автор относит три ошибки, к которым «склонны преподаватели ораторского мастерства» и которые Бауэр Эйли называет ошибкой успеха, ошибкой добродетели и ошибкой величия.

Б. Эйли

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Можем ли мы улучшить обучение ораторскому мастерству, изучая современные публичные выступления? Предпринимая попытку ответить на этот вопрос, для начала я должен высказать свое основное предположение. Я думаю, что при обучении ораторскому мастерству, особенно когда это касается политики и управления государством, мы уделяем значительное, если не основное внимание убеждению, основная цель которого — эффективность в побуждении мужчин и женщин к вере или действию. Действительно, убеждение — это полезный навык, который может быть использован в различных видах человеческой деятельности. Очевидно, что он может быть использован как честными людьми в интересах их союзников, так и лживыми для осуществления преступных замыслов.

Высказав предположение, которое является основой моего аргумента, сейчас я безоговорочно хочу ответить *Да* на главный вопрос данной статьи: «Можем ли мы улучшить обучение ораторскому мастерству, изучая современные публичные выступления?». Изучение современных публичных выступлений или истории официальных обращений может помочь нам при обучении риторике и ее изучении, а также позволяет выявить по крайней мере три ошибки, к которым мы, преподаватели ораторского мастерства, склонны. Для краткости я буду называть их ошибкой успеха, ошибкой добродетели и ошибкой величия.

Ошибка успеха

Как известно, эффективность является основной целью убеждающей речи, достичь которой не всегда удается. Человеческим устремлениям часто недостает амбиций, и никто не достигает абсолютного успеха. Разумеется, ораторы не являются исключением из этого правила. Убеждение бывает неуспешным абсолютно или относительно. Бывает, что спикер может быть не способен достичь своей цели, даже если он достаточно убедителен. Хотя успех возможен и без этого: добиться приговора «невиновен» или склонить присяжных изменить свои голоса в итоге.

Надо признать, добиться успеха — не простая задача. Действительно, спикер

может провалиться даже в относительно благоприятных условиях. Даже положительно настроенная аудитория может изменить свое мнение после прослушанной речи. Многие спикеры так задевали благожелательных или нейтрально настроенных слушателей, что те начинали действовать вопреки желаниям оратора.

Кроме того, опираясь на известные работы, касающиеся истории американских публичных выступлений, мы предлагаем нашим ученикам примеры речей, как правило, произнесенных людьми успешными в этом деле, а успех одного человека — это зачастую поражение другого. Разумеется, известие о том, что герой — Кэлхун, Клэй, Уэбстер или Гамильтон одержал победу, затмевает поражение другой партии. Но даже если формально лавры победителя достались оппоненту, проигравший, безусловно, достигает значительной моральной победы. Очевидно, что риторическая критика уделяет недостаточное внимание ораторским неудачам.

Следует ли нам отказаться от понятия эффективности в публичных выступлениях и стоит ли уделять внимание неудачным речам и неуспешным ораторам? Учитывая наше профессиональное предубеждение в пользу успеха, может, мы не будем особо заострять внимание на противоречивых фактах, идущих вразрез с нашими взглядами?

Пожалуй, это предположение не требует серьезных обоснований, хотя при необходимости аргументацию можно детально разобрать. Так, может быть найдено какое-то педагогическое объяснение, позволяющее новичку понять, что он не первый спикер, попавший в затруднительное положение. Разумеется, мы должны иногда подстегивать наших студентов, последовательно сравнивая их с другими успешными спикерами. Но разве случайное упоминание провальной речи не является стимулом для неуверенного спикера? Не будет ли рассмотрение ораторских провалов вдохновлять молодых людей на охоту за госпожой Удачей? Приблизит ли это нас к истинному, исчерпывающему пониманию публичных выступлений?

Если вы следите за ходом моих мыслей, то нет необходимости приводить вам примеры, имеющиеся в огромном количестве среди современных публичных выступлений. Возможно, еще никогда в истории человечества не было так много неэффективных и слабых речей, обращенных к терпеливым слушателям, произнесенных такими плохо подготовленными спикерами, как в США в 1951 г.

Ошибка добродетели

Если риторические приемы доступны как честным, так и нечестным людям, людям с сомнительной репутацией, то шарлатаны наверняка не менее прозорливы, чем честные граждане, и непременно воспользуются этими приемами. Даже те, кто твердо уверен, что истина дороже, а правда рано или поздно восторжествует, едва ли могут предположить, что сами допускают разные формы лжи. Кроме того, опираясь на информацию по истории американских публичных выступлений, где почти ничего не сказано об ораторах-шарлатанах, наши студенты, вероятно, убеждены, что политическая риторика в США является искусством, практикуемым исключительно теми, кто является просто образцами добродетели, честно и праведно трудившимися на благо человечества.

Разумеется, одних примеров разоблачения недостаточно для понимания американской риторики. Но только наивные будут утверждать, что шарлатаны, крючкотворы и вербальные мошенники не произносили речей в Америке. Будет ли удовлетворен общий интерес рассмотрением этих вопросов? Будет ли обращение к ораторам-шарлатанам полезно нашим студентам, а также будет ли это способствовать более глубокому пониманию общественного дискурса?

Можем ли мы найти примеры вербального мошенничества в современной Америке? Действительно ли это возможно? Я не могу говорить за Юг. Не имея информации, я полностью доверяю моим коллегам с Юга, которые утверждают, что за линией Мэйсона — Диксона не зафиксировано ни одного случая политического мошенничества. Но к северу от линии Мэйсона — Диксона, я могу вас уверить, примеры не придется долго искать. Надеюсь на ваше понимание, если в этой части мы отойдем от обсуждений современной риторики и обратимся к истории вопроса.

В качестве примера я искал человека с сомнительной репутацией; полагаю, мне нет необходимости объяснять, кто такой шарлатан. Это другой вопрос. Я также не хочу здесь обращаться к морально-этической стороне вопроса относительно выбранного в качестве примера человека. Для наших целей нам просто нужно выбрать человека, которого считали шарлатаном во все времена. Например, вице-президент США Аарон Берр — сын президента Принстонского университета, внук Джонатана Эдвардса.

После дуэли с Гамильтоном Берр отправился в путешествие на Запад США и участвовал в известном заговоре против правительства Соединенных Штатов. Пережив

судебное разбирательство, он бежал в Европу, где провел несколько лет в изгнании. Затем, вернувшись в Нью-Йорк, Берр возобновил адвокатскую практику. Мы знаем о нем из истории и биографий, а не из книг или монографий по американской риторике. Действительно, в работах по риторической критике о нем ничего не сказано. Однако как в личном общении, так и на публике он был удивительно эффективным оратором. Очевидно, что в западном заговоре он выиграл Бленнерхассет безоговорочно. Согласно свидетельству Клэя, Берр совершенно сбил его с толку. Между тем Клэр сам был оратором и, разумеется, не простаком. Канцлер Кент, уважаемый юрист, который слышал большинство ведущих адвокатов того времени, заявил, что в остроте мысли Аарон Берр мог уступить только Александру Гамильтону. Даже небольшое исследование позволит обнаружить достаточно доказательств эффективности Берра в трактовке закона, который он, как многие полагают, определял как то, что нужно смело защищать и честно отстаивать.

Почему для Аарона Берра не нашлось места среди американских ораторов? Я думаю, причина кроется в том, что несмотря на наше признание идеи того, что риторика — это аморальная сила, наша профессиональная этика и моральные принципы не позволяют нам включать в плеяду ораторов тех, кого воспринимают негативно. Следует ли, изучая ораторское мастерство, рассматривать в качестве примера Берра и таких как он? Стоит ли знакомить наших студентов с некоторыми ораторами-мошенниками, которых можно найти в сфере современной американской политической риторики? Учитывая наши предубеждения, нашу склонность отождествлять ораторское искусство с нравственными ценностями, может не стоит уделять особое внимание каким-то шарлатанам, которые кажутся успешными в ораторском мастерстве?

Если бы мы преподавали политическую риторику в 1951 г., мы должны были бы учить наших студентов тому, как разговаривать с шарлатанами и как бороться с ними. Для того чтобы честные представители какой-либо партии могли противостоять мошенничеству в политике, они должны знать, как разоблачить и аннулировать поддельные фотографии, сфабрикованные псевдодоказательства, распознать технику Гитлера — *большая ложь*. Если наши ученики должны оставаться честными и, кроме того, пережить предвыборную кампанию, то они должны уметь противостоять мошенничеству в дискуссии, так же как и на рынке.

Ошибка величия

Если убеждающая речь — это полезный прием, который применяют в различных сферах бизнеса, как в малом, так и в большом, то мы можем обнаружить его не только в большой политике, но и на всех остальных уровнях управления государством. Однако наши студенты опираются на работы по истории американской риторики, которые формируют представление, что риторика — это искусство великих ораторов и великих вопросов. Изучение различных политических выступлений существенно не изменит представления, и, к сожалению, учебники по истории не способствуют этому.

С готовностью соглашаясь с тем, что биографии ораторов отражают историю публичных выступлений, мы слишком мало знакомы с риторикой, как это уже было сказано, не так называемых гигантов, а обычных рядовых спикеров, не только одного Авраама Линкольна, но других парней из Клери Гроув. Надо сказать, мы еще не начали изучать американскую аудиторию.

Следует признать, что мы не поймем, каким образом создаются политические речи в Америке, до тех пор пока не уясним, что это не эксклюзивная компетенция 28 или даже 128 выдающихся ораторов. Какая бы она ни была хорошая или плохая, пристойная или непристойная, величественная или нелепая, американская риторика принадлежит американским гражданам. Успешный дискурс публичных выступлений, а не литература, не музыка, не живопись, не скульптура — типичное американское искусство. В течение последних ста шестидесяти лет американцы свободно и беспрепятственно выражали общественное мнение, как никакая другая нация. Полагаю, именно для этих целей предназначено это типичное американское искусство, а не для того, чтобы изучать дискуссии великих ораторов. Будет ли систематическое изучение современной политической риторики способствовать более глубокому пониманию публичных выступлений как преподавателями, так и студентами? Но если мы не изучаем опыт великих ораторов, что именно должны мы изучать? Нам следует изучать ораторов, отдельные ситуации, тематику и, прежде всего, аудиторию не в особых, примечательных, а в обычных, текущих ситуациях. Если обратиться к историческим документам, мы найдем следующие малоизвестные новостные сообщения из Сент-Луиса:

3 августа 1860 г.

Одно из самых больших приходских собраний, которое когда-либо состоялось в Первом приходе, было создано в Гейдекере,

на углу Лафайета и Одиннадцатой улиц, вчера вечером. Г-н П. Дж. Поли и Альберт Фишер обратились к народу на немецком, а Джеймс Джордж на английском языке. Их обращения были приняты с энтузиазмом и произвели потрясающее впечатление.

Или эти антикризисные новостные сообщения из Луизианы:

Преподобный г-н. Блунд читает проповедь „Божье провидение“ в следующее воскресенье в Демпси Гроув в 10.00 и в 16.00. Между службами проповедник будет участвовать в скачках на своей гнедой кобыле Джулии против любой лошади, пригодной для скачек. Призовой фонд — 50 000 \$.

Чтобы лучше понять функционирование современного общественного дискурса, нам необходимо больше узнать о следующих политических ситуациях: Южная конвенция, которая состоялась 21 мая 1859 г. в Виксберге, штат Миссисипи, речи, произнесенные судьей Шоки, полковником Т. С. Мартином, преподобным доктором Маршалом и др.; а также речи, произнесенные при линчевании 28 марта 1851 г. в Сакраменто, штат Калифорния; встреча, состоявшаяся 20 ноября 1850 г. в Холидейсберге, штат Пенсильвания, когда судья Келли обсуждал возможность строительства железной дороги Питтсбург — Сан-Франциско; речь на грандиозном празднике 20 июля 1838 г. в Маунт-Клеменс, штат Мичиган, когда было начато строительство канала Клинтон — Каламазу.

В современной политической риторике нам следует обращать внимание как на местного прокурора, так и на губернатора Дьюи. Нам необходимо изучать речи представителей из округа Атчисон, так же как и речи сенатора Лоджа. Следует отметить, что рядовой агитатор может быть интересен не менее, чем вице-президент Баркли. Разумеется, в этом случае у нас остается меньше времени на Калхоуна, Вебстера, Клэя или даже для Тафта, Томаса и Трумэна, но мы можем показать нашим студентам, что истинный американский политический дискурс намного глубже и шире и не может быть ограничен только риторикой великих ораторов. В свободной стране все люди участвуют в управлении государством, и многие из них произносят речи. У каждого спикера найдутся

что-то, чему можно поучиться.

Заключение

Таким образом, я просто предлагаю, чтобы мы при обучении наших студентов использовали все возможные речи, обращения, встречающиеся вокруг нас, чтобы показать, что спикер не всегда успешен, добродетелен и велик, напротив, иногда мы можем наблюдать его неуспешным, недоброжелательным и незначительным. Надо сказать, вероятно, наша профессиональная репутация пострадает, если мы воспользуемся этим предложением, но оно того стоит. У нас появится больше возможностей для изучения тех, кто произносит и слушает речи. И нашим студентам действительно удастся овладеть навыками, описанными Джоном Морли:

— Я надеюсь, — говорит он, — что ваши преподаватели риторики будут учить вас совершенствовать это удивительное искусство: использовать только точные формулировки; высказывания без подвохов, притворства и позерства; добиваться естественной силы речи, а не просто декламировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. О трех направлениях в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 129—131.
2. Будаев Э. В., Аникин Е. Е., Чащина С. С. Риторическая критика в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2008. № 2. С. 136—138.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. 252 с.
4. Aly B. The contemporary rhetoric of politics and statecraft // Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world / ed. and with introductions by Harold Barrett. — Amsterdam, 1974. P. 17—25.
5. Benson T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism // Landmark Essays in Rhetorical Criticism. — Davis, CA : Hermagoras Pr., 1993. P. XI—XXII.
6. Borchers T. A. Rhetorical Theory. An Introduction. — Belmont : Wadsworth, 2006.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. — New York : St. Martin's Pr., 1994.
8. Burke K. The Rhetoric of Hitler's "Battle" // The Southern Review. 1939. Vol. 5. P. 1—21.
9. Foss K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. — Long Grove, Illinois : Waveland Pr., 2004.
10. Stelzner H. G. War Message, December 8, 1941: An Approach to Language // Communication Monographs. 1966. Vol. 33. P. 419—437.
11. Wander P. The Third Persona: An Ideological Turn in Rhetorical Theory // Central State Speech Journ. 1984. Vol. 35. P. 197—216.

O. I. Mikhnevich
Ekaterinburg, Russia

RHETORICAL CRITICISM AS AN AREA IN RESEARCH OF POLITICAL COMMUNICATION FIELD: BOWER ALY

ABSTRACT. *Rhetorical criticism as a scientific school, which has been wide spread in North America and Western Europe since the middle of the XXth century, plays an important role in the process of political linguistics development. This scientific school focuses on discursive factors such as enormous attention on the social, national and political reality, revealing hidden information, consideration of successful speakers as well as oratory failures. Among the most important achievements of rhetorical criticism we find new techniques and heuristics: metaphoric criticism, ideographic criticism, genre criticism, narrative analysis, cluster analysis, textual analysis, description of*

the historical and cultural context. One of the prominent experts in rhetoric criticism is Bower Aly (1903-1977), Professor Emeritus of Speech, University of Oregon. Professor Aly was a specialist in the field of oratory, political rhetoric, speech communication studies, he was also known as a scholar in the history of public addresses. He claimed that we should give due attention to oratory failures and defeated orators. He underlined that it was important to teach public speaking "not on the basis of Abraham Lincoln's speeches only" but using "the faculty of the University of Oregon regular session addresses" as examples.

KEYWORDS: *political rhetoric; rhetoric criticism; political linguistics; political communication; scientific schools; public speeches.*

ABOUT THE AUTHOR AND TRANSLATOR: *Mikhnevich Olga Igorevna, Post-graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bower Aly (1903-1977), Professor Emeritus of Speech, University of Oregon. University of Missouri (1930-1957), Columbia University(1941-1957), University of Oregon (1957-1973), retired in 1973.*

REFERENCES

1. Budaev E. V. O trekh napravleniyakh v amerikanskoj politicheskoy lingvistike // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 3. S. 129—131.
2. Budaev E. V., Anikin E. E., Chashchina S. S. Ritoricheskaya kritika v amerikanskoj politicheskoy lingvistike // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 2. S. 136—138.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg, 2007. 252 s.
4. Aly B. The contemporary rhetoric of politics and statecraft // Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world / ed. and with introductions by Harold Barrett. — Amsterdam, 1974. P. 17—25.
5. Benson T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism // Landmark Essays in Rhetorical Criticism. — Davis, CA : Hermagoras Pr., 1993. P. XI—XXII.
6. Borchers T. A. Rhetorical Theory. An Introduction. — Belmont : Wadsworth, 2006.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. — New York : St. Martin's Pr., 1994.
8. Burke K. The Rhetoric of Hitler's "Battle" // The Southern Review. 1939. Vol. 5. P. 1—21.
9. Foss K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. — Long Grove, Illinois : Waveland Pr., 2004.
10. Stelzner H. G. War Message, December 8, 1941: An Approach to Language // Communication Monographs. 1966. Vol. 33. P. 419—437.
11. Wander P. The Third Persona: An Ideological Turn in Rhetorical Theory // Central State Speech Journ. 1984. Vol. 35. P. 197—216.

Рев Васкадуве С. С. Т.
Шри-Ланка, Челябинск, Россия

Е. В. Харченко
Челябинск, Россия

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ ШРИ-ЛАНКИ)

АННОТАЦИЯ. Цель этой статьи состоит в выявлении и описании значений цветообозначений (колоронимов), связанных с политикой, у жителей Шри-Ланки. В данном исследовании главным образом использовался свободный ассоциативный эксперимент, реакции которого анализировались и объяснялись в ходе экспертной оценки. Для анализа мы выбрали 500 анкет, отбраковав недостаточно заполненные и небрежно оформленные. В итоге получилось 250 мужских и 250 женских анкет. В качестве стимулов были выбраны колоронимы «красный», «черный», «зеленый», «белый». При анализе полученных ассоциативных полей оказалось, что связанная с политикой семантика есть только у колоронимов «зеленый» и «красный», а у колоронимов «черный» и «белый» подобных сем не было. В процентном отношении реакции на стимул «зеленый», связанные с политикой, составляют 16 % (из них в мужских анкетах — 24,8 %, в женских — 7,2 %), а реакции на стимул «красный», связанные с политикой, — 12,8 % (из них в мужских анкетах — 24,8 %, в женских — 7,2 %). В мужских анкетах в 2—3 раза больше реакций, связанных с политикой, чем в женских, также в них в 7—8 раз больше реакций, связанных с политикой вообще, чем в женских. Также мы выявили различия между мужчинами и женщинами в отношении политических вопросов. Было установлено, что цвета, используемые в политике и текстах политической тематики, обязательно связаны с мифологемами и несут дополнительную смысловую нагрузку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория языка; политическая лингвистика; психолингвистика; ассоциативные эксперименты; цветообозначения; сингальский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Рев Васкадуве Сири Сарана Тхеро, аспирант, младший научный сотрудник, кафедра русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 78б, к. 302; e-mail: waskaduwesthero@gmail.com.

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 78б, к. 302; e-mail: Ev-kharchenko@yandex.ru.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном мире политика становится неотъемлемой частью жизни каждого человека, который вынужден следить за мировыми событиями, международными контактами, поскольку все это влияет на его жизнь, безопасность и благосостояние.

В данной статье предлагается анализ цветообозначений политических реалий, так как при проведении ассоциативного эксперимента с жителями Шри-Ланки мы столкнулись с тем, что реакции на колоронимы часто были связаны с политикой. Цель этой статьи состоит в выявлении и описании значений цветообозначений (колоронимов), связанных с политикой, у жителей Шри-Ланки.

На первом этапе в качестве метода исследования использовался свободный ассоциативный эксперимент, затем реакции анализировались и объяснялись с помощью опросов и оценки экспертов (к экспертам в данном случае мы отнесли людей, профессионально занимающихся политикой, или тех, кто следит за политикой на протяжении многих лет).

Цвет относится к свойствам реальности, которые воспринимаются перцептивно (с помощью органов чувств) большинством людей. Можно предположить, что каждый человек должен воспринимать его объективно, однако в большинстве культур именно цветообозначения имеют дополнитель-

ные смыслы, позволяющие выявить этнокультурную специфику. Особый интерес вызывает роль колоронимов в тех сферах, где очень высока семиотичность. К таким сферам можно отнести политику. Как показывают наши данные, наряду с культурно-специфичными, у некоторых цветов, ассоциирующихся с политикой, формируются интернациональные ассоциации, в связи с чем для нашего исследования можно привлекать сведения о русском и других языках.

А. В. Бабайцев в своей статье пишет, что зеленый цвет в первую очередь связан с природой, юностью, молодостью, неопытностью, весной, жизнью, плодородием, радостным ожиданием, надеждой. И далее перечисляет варианты использования зеленого в качестве политического символа: «...как священный цвет ислама (зеленые знамена, „Зеленая книга Муаммара Каддафи“ и т. д.); как цвет природы, экологической чистоты (движение „зеленых“ в различных странах мира, цвет на государственных флагах, трактуемый как цвет плодородия, и т. д.); как цвет жизни, свободы и развития (партийный цвет ПАСОК — Всегреческого социалистического движения и т. д.); как цвет мира (зеленая линия на Кипре, в Бейруте и т. д.). Эмоциональный тон зеленого, как и желтого, очень сильно зависит от оттенка, фактуры, наполнения „чистоты“ и т. д. Желтовато-зеленый — цвет болезненный, желчный, злобный, раздражающий, ненадежный, опасный. Так, для того чтобы показать

© Рев Васкадуве С. С. Т., Харченко Е. В., 2018

злость и опасность, очень часто глаза или лица персонажей карикатур, политических плакатов изображаются ядовитым желто-зеленым цветом» [Бабайцев 2007]. В этой же статье дается характеристика красного цвета в политике. Автор пишет, что красный является символом борьбы за свободу, независимость, против эксплуатации, угнетения и насилия [Бабайцев 2007].

Д. Р. Будаева в своей работе подробно рассматривает общую семиотику политических цветообозначений. Опираясь на общую характеристику цвета и его психофизиологического воздействия на адресата, автор описывает его использование в семиотическом пространстве политики. Так, в статье говорится о том, что красный цвет — возбуждающий, экспрессивный, страстный, кричащий. Именно поэтому данный цвет используется как символ бунтов и революций, в которых ставка делается на активность и агрессию, а не на рефлексию и рассудительность. В подтверждение своих слов исследователь ссылается на античных авторов, которые упоминают красные фригийские колпаки восставших рабов, носивших эти головные уборы в качестве опознавательных знаков. Далее в той же статье описывается использование красного цвета во время восстаний, например, красные знамена во время восстания тайпинов в Южном Китае в середине XIX в. В Европе красный цвет становится символом революционных масс, участвующих в буржуазно-демократических революциях. Именно как символ пролетарского революционного движения с 1876 г. красный цвет принимают русские революционеры, а с 1898 г. красное знамя становится партийным знаменем РСДРП. Красный цвет становится символом коммунизма в 1917 г. Интересно, что примерно в это же время приобретают политическое значение и его оттенки: розовый — цвет оппортунизма в мировом рабочем движении, малиновый — цвет анархо-синдикалистских группировок и партий в рабочем движении (вместо черного или наряду с ним) [Будаева [http](http://)].

Как мы видим, цветообозначения очень широко используются в политике, причем некоторые цвета имеют похожий смысл в разных культурах. Так, зеленый — цвет природы, поэтому можно предположить, что во всех странах мира есть так называемые «зеленые» партии, которые главной политической идеей выдвигают заботу об экологии, чистоте природы и т. д. Красный — цвет коммунистического движения. Во многих странах его связывают с цветом крови, пролитым за свободу.

Цвет с символической семантикой ис-

пользуется в государственной символике. Так, современный флаг России включает три цвета: красный, синий и белый. Официального объяснения, почему выбраны именно эти цвета, не существует. Однако основными версиями, которые можно встретить в интернет-источниках, являются следующие. Первое объяснение связывает цвета с качествами и чувствами, которые присущи людям. В этом случае белый цвет символизирует благородство и откровенность; синий — верность, честность, безупречность и целомудрие; красный — мужество, смелость, великодушные и любовь.

Второе достаточно распространенное толкование соотносит цвета флага с историческими областями Российской империи: Белой (белый цвет), Малой (синий цвет) и Великой Русью (красный цвет). Это объяснение исходило из полного титула царей и императоров России: «Всея Великия, и Малыя и Белья России», символизировавшего единение великороссов, малороссов и белорусов. Кроме того, в дореволюционные времена существовали разнообразные трактовки значений этих цветов, например: белый — цвет свободы; синий — цвет Богородицы; красный цвет — символ державности [Будаева [http](http://)].

Флаг Шри-Ланки включает три цвета: фоном является бордовый, символизирующий собой этническое большинство сингалцев, зеленый цвет представляет мусульман, а оранжевый — индуистов.

Мы провели ассоциативный эксперимент в Шри-Ланке, в котором приняли участие 812 респондентов в возрасте 17—25 лет, как мужского, так и женского пола. Для анализа было отобрано 500 анкет, поскольку в процессе обработки были отбракованы не полностью заполненные и небрежно оформленные. В итоге получилось 250 мужских и 250 женских анкет.

В качестве стимулов были выбраны цветообозначения *красный*, *черный*, *зеленый*, *белый* (за основу при выборе цветов были взяты данные Славянского ассоциативного словаря [Славянский ассоциативный словарь 2004]). При анализе полученных ассоциативных полей оказалось, что политический смысл есть только у колоронимов «зеленый» и «красный», а у колоронимов «черный» и «белый» таких смыслов не было.

Рассмотрим зеленый цвет. Как мы уже писали выше, зеленый цвет имеет очень сильную смысловую нагрузку, связанную с экологией, окружающей средой, и является цветом тех политиков, кто в первую очередь заявляет об охране окружающей среды. Также зеленый цвет используется в ислам-

ской политике. В Шри-Ланке основная правая (капиталистическая) политическая партия под названием «Объединенная национальная партия» (එක්සත් ජාතික පක්ෂය — *eksat jātika rakṣaya*) использует зеленый цвет в качестве своего символа. В результатах нашего ассоциативного эксперимента в Шри-Ланке именно реакции на зеленый цвет, связанные с этой партией, оказались наиболее частотными.

Рассмотрим наиболее частотные реакции на стимул «зеленый», включая те, которые относятся к политике, полученные от респондентов мужского и женского пола.

Зеленый — ගජ (дерево) — 147; U.N.P (название политической партии на английском языке) — 41; පරිසරය (окружающая среда) — 22; ගිරවා (попугай) — 19; ඒ.ජා.ප (название политической партии на сингальском языке) — 17; ගස්වැල් (дерево) — 14; ලස්සන (красивый) — 13; තණකොළ (луговая трава) — 12; පාට (цвет) — 11; ජීවය (нравится) — 9; කොළ (листья) — 8; කැලය (джунгли) — 7; රනිල් වික්‍රමසිංහ (Ранил Викрамасингха) — 6; ගස්වල කොළ (лист дерева) — 5; පියකරු (красивый) — 5; හරිත (зеленый) — 5; අප්පිරියයි (не нравится) — 4; කැන (уродливый) — 4; පක්ෂයක් (партия) — 4; සතුට (счастье) — 4; අකමැති (не нравится) — 3; අලියා (слон) — 3; ඇඳුම් (одежда) — 3; ගවුම (женское платье) — 3; ගස්කොළන් (дерево и лист) — 3; නැවුම්බව (свежий) — 3; ස්වභාවදහම (природа) — 3; ස්වභාවික (натуральный) — 3; දේශපාලනය (политика) — 3; t.shirt (футболка) — 2; ඇසට ජීවය (положительный) — 2; එලිය (свет) — 2; කලර්ලයිට් (светофор) — 2; නිදහස (свобода) — 2; නිල්පාට (синий) — 2; පිච්චුරු 2, මාර්ග සංඥාව (светофор) — 2; වනය (лес) — 2; හරිත ශාක (зеленые растения) — 2; සැනසීම (комфорт) — 2; සිසිලය (прохлада) — 2; අකමැති පක්ෂය (партия, которая не нравится) — 1; අගමැති (වර්තමාන) премьер-министр (нынешний) — 1; ඡන්දය (голосование) — 1 (0,4 %); දේශපාලන පක්ෂයක පාටක් නිසා කැමති නෑ (не нравится этот цвет, потому что это цвет политической партии) — 1 (0,4 %); පාර්ලිමේන්තුව (парламент) — 1 (0,4 %); රාජීන සේනාරත්න (Раждита Сенаратна) — 1.

Выделим из полученных реакции, связанные с политикой.

U.N.P (название политической партии на английском языке) — 41, ඒ.ජා.ප (название политической партии на сингальском языке) — 17, රනිල් වික්‍රමසිංහ (Ранил Викрамасингха) — 6, පක්ෂයක් (партия) — 4, අලියා (слон) — 3, දේශපාලනය (политика) — 3, අගමැති (වර්තමාන) премьер-министр (нынешний) — 1, අකමැති පක්ෂය (партия, которая не нравится) — 1, ඡන්දය (голосование) — 1 (0,4 %), දේශපාලන

පක්ෂයක පාටක් නිසා කැමති නෑ (не нравится этот цвет, потому что это цвет политической партии) — 1, පාර්ලිමේන්තුව (парламент) — 1 (0,4 %), රාජීන සේනාරත්න (Раждита Сенаратна) — 1.

Таким образом, реакции на стимул «зеленый», связанные с политикой, составляют 16 % (из них в мужских анкетах — 24,8 % и в женских — 7,2 %).

Некоторые шри-ланкийские социалистические (левые) политические партии используют красный цвет. Среди них — Фронт освобождения народа (ජනතා පෙරමුණ විමුක්ති — *janata vimukti peramuna*), политическая партия, в течение последних нескольких десятилетий сохраняющая третье место по популярности. По результатам ассоциативного эксперимента, именно реакции на красный цвет, связанные с этой партией, оказались наиболее частотными.

Рассмотрим наиболее частотные реакции на стимул «красный», включая те, которые относятся к политике, полученные от респондентов мужского и женского пола.

මළු (кровь) — 160; JVP (название политической партии на английском языке) — 34; රතුපාට (красный цвет) — 33; රෝස (роза) — 17; ජ.වි.පෙ (название политической партии на сингальском языке) — 11; බිය (страх) — 10; අකමැති (не нравится) — 8; නිල් (синий) — 8; ලස්සන (красивый) — 8; ඇඳුම (одежда) — 7; ආදරය (любовь) — 6; ගවුම (женское платье) — 6; කොඩි (флаги) — 5; මල් (цветы) — 5; අනතුර (авария) — 4; හයානක (опасно) — 4; වද මල (гибискус) — 4; ආසම පාට (любимый цвет) — 3; කළු (черный) — 3; කැමැත්ත (нравится) — 3; කොඩිය (флаг) — 3; මරණය (смерть) — 3; යුද්ධය (война) — 3; රතු කොඩිය (красный флаг) — 3; සුදු (белый) — 3; අප්පිරියයි (неприятный) — 2; ආකර්ශනය — 2; ආශාව (подобно) — 2; ඇපල් (яблоко) — 2; කැන (уродливый) — 2; තදපාට (темный цвет) — 2; නවතින්න (стоп) — 2; පක්ෂය (партия) — 2; පිළිකල — 2; මුහුද (море) — 2; රතු ඉන්දියානුවා (индеец) — 2; රතුකුරුස (Красный крест) — 2; සරාභී (сексуальный) — 2; චීන කොඩිය (китайский флаг) — 1; සමාජවාදය (социализм) — 1; ලෙනින් (Ленин) — 1; මැයි රැළිය (майский парад) — 1; විප්ලවය (революция) — 1.

Выделим из полученных реакции, связанные с политикой.

J.V.P (название политической партии на английском языке) — 24; ජ.වි.පෙ (название политической партии на сингальском языке) — 8; රතු කොඩිය (красный флаг) — 3; කොඩිය (флаг) — 3; පක්ෂය (партия) — 2; චීන කොඩිය (китайский флаг) — 1; සමාජවාදය (социализм) — 1; ලෙනින් (Ленин) — 1; මැයි රැළිය (майский парад) — 1; විප්ලවය

(революция) — 1.

Таким образом, реакции на стимул «красный», связанные с политикой, составляют 12,8 % (из них в мужских анкетах — 24,8 % и в женских — 7,2 %; см. диаграмму на рис. 1).

На диаграммах (рис. 1 и 2) видно, что в мужских анкетах в 2—3 раза больше реакций, связанных с политикой, чем в женских.

Можно отметить, что 22 респондента мужского пола дали разнообразные реакции, связанные с политикой, на оба цвета, и только 3 респондента женского пола дали

аналогичные реакции на оба цвета. 40 мужчин и 15 женщин продемонстрировали реакцию, связанную с политикой, только при упоминании зеленого цвета. 21 мужчина и 18 женщин дали реакции, связанные с политикой, только для красного цвета.

На диаграммах (рис. 3, 4, и 5) видно, что в мужских анкетах в 7—8 раз больше реакций, связанных с политикой, чем в женских. Это показывает разницу между мужчинами и женщинами в интересе к сфере политики.

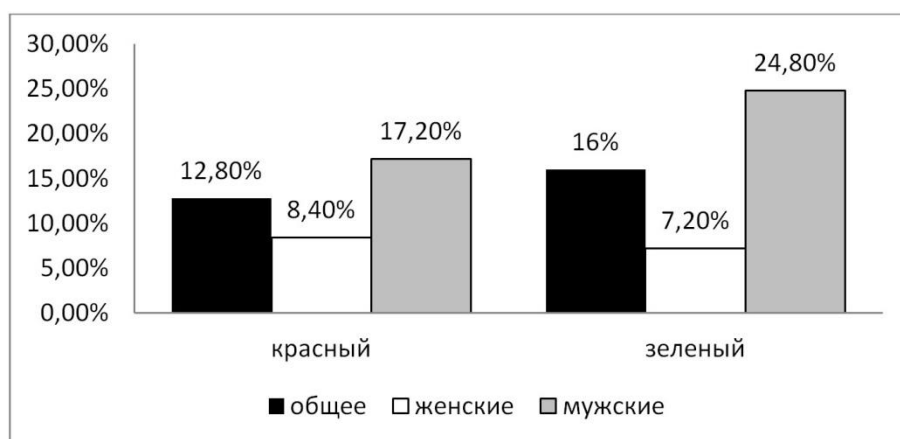

Рис. 1. Процентное соотношение реакций на стимулы «зеленый» и «красный», связанных с политикой

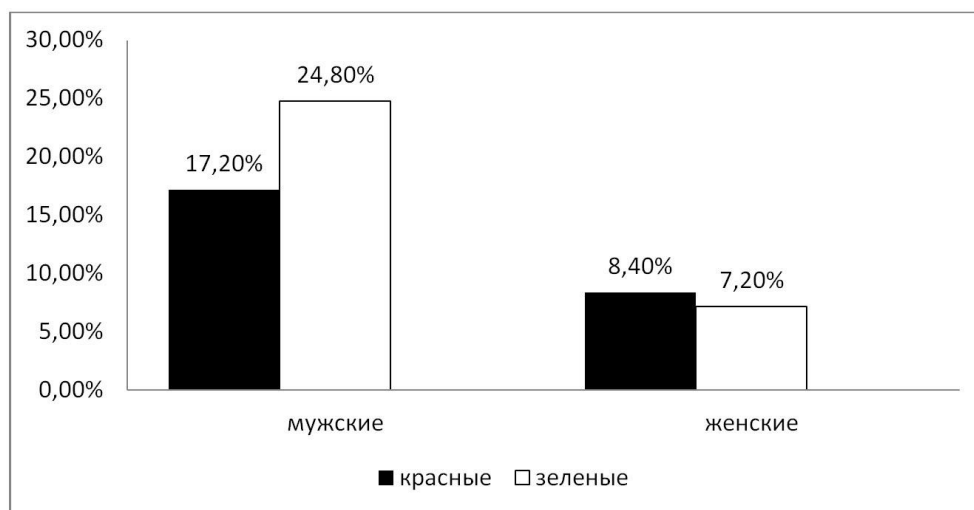

Рис. 2. Распределение реакций на стимулы «зеленый» и «красный», связанных с политикой, между мужскими и женскими анкетами

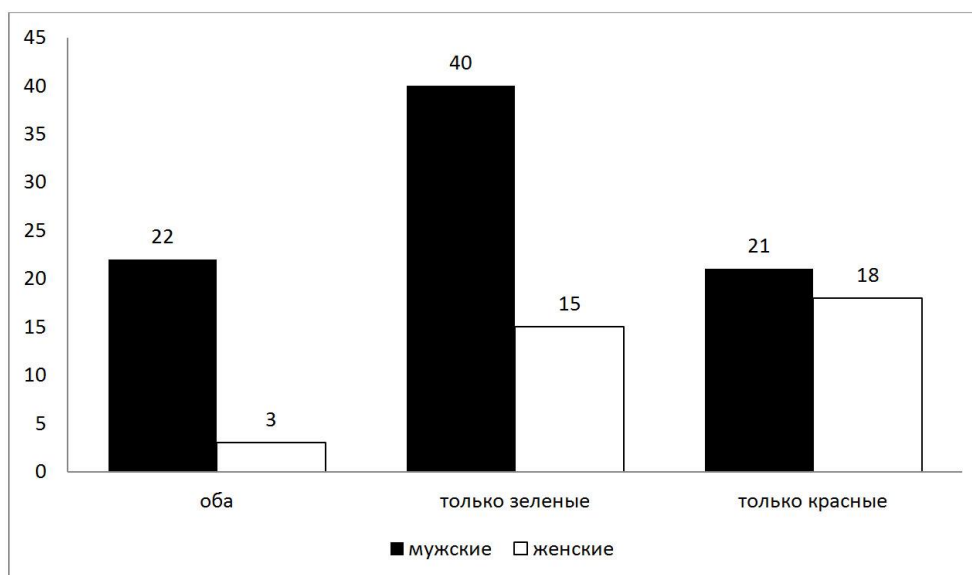

Рис. 3. Распределение связанных с политикой реакций на оба цвета и отдельные цвета между мужскими и женскими анкетами

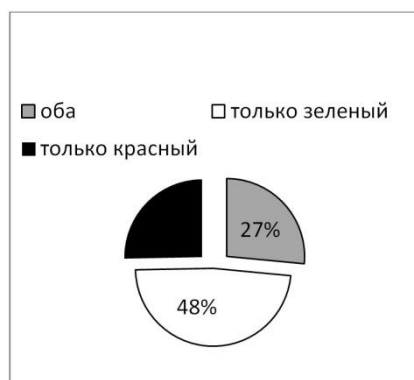

Рис. 4. Распределение реакций на оба цвета и отдельные цвета, связанные с политикой, в мужских анкетах

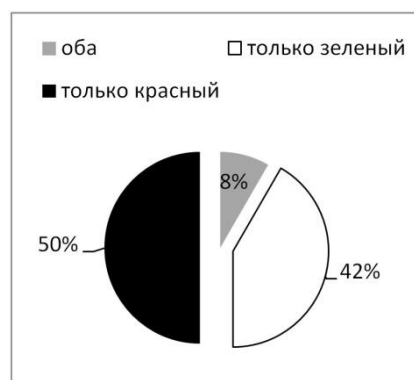

Рис. 5. Распределение реакций на оба цвета и отдельные цвета, связанные с политикой, в женских анкетах

При опросе экспертов с целью анализа результатов исследования мы столкнулись с тем, что многие упоминали в качестве политически нагруженного синий цвет, поскольку он является символом шри-ланкийской правящей партии. Есть даже выражение *синий человек*, обладающее значением *сторонник правящей партии*. Цвет партии очень важен в Шри-Ланке — сторонники определенной политической силы даже говорят, что «внутри они цвета своей партии», поэтому распространены словосочетания «красный человек», «зеленый человек», «синий человек».

Если зеленый и красный цвета в большей степени отражают универсальную символику, о которой мы писали выше, то синий цвет обладает именно национально-культурной спецификой. Считается, что синий цвет принадлежит богу Вишну, который является покровителем Шри-Ланки. По легенде, именно этому богу было поручено

охранять Шри-Ланку от разных бед. Этот пример показывает, что символическое значение каждого цвета обязательно имеет свое объяснение, часто цветообозначения, используемые в политике, связаны с мифологемами, которые известны только носителям конкретной культуры.

Таким образом, мы установили важность для политики цветообозначений, которые могут обладать как общими для разных культур символическими смыслами (например, зеленый и красный), так и этнокультурно обусловленными, национально-специфичными (например, синий для Шри-Ланки). Как правило, специфические смыслы получают те цвета, которые связаны с легендами и мифами, имеют особое значение для носителей культуры. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить реакции, связанные с политикой, которые затем необходимо интерпретировать с помощью носителей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцев А. В. Политический символизм цвета [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-simvolizm-tsveta> (дата обращения: 30.03.2018).
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / отв. ред. В. П. Филин. — М.: Наука, 1975. 288 с.
3. Будаева Д. Р. Цветообозначения в политическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2807/1/licu-2011-05-01.pdf>.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1997.
5. Зольникова Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2010.
6. Иссерлин Е. М. История слова «красный» // Рус. яз. в школе. 1951. № 3. С. 10—12.
7. Колесов В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // Свет и цвет в славянских языках / сост. Karoly Gadanyi. — Melbourne, 2004.
8. Мичугина С. В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005.

Rev Waskaduwe S. S. T.
Sri Lanka; Chelyabinsk, Russia

E. V. Kharchenko
Chelyabinsk, Russia

COLOR-IMAGES OF POLITICAL REALITIES (ON THE BASIS OF SRI LANKA)

ABSTRACT. *The purpose of this article is to identify and describe the meaning of names of colors (coloronyms) associated with politics among Sri Lankans. This article is based on a free associative experiment; it analyzes and interprets the reactions of the respondents. For the analysis, we selected 500 questionnaires (belonging to 250 men and 250 women). As stimuli, the coloronyms "red", "black", "green", "white" were chosen. When analyzing the obtained associative fields, it turned out that the "green" and "red" colors only have a political meaning, and there were no such political meanings for the "black" and "white" colors. The percentage of responses to the stimulus "green" associated with politics is 16% (of which 24.8% in men's questionnaires and 7.2% in women's questionnaires) and the percentage of reaction to the "red" stimulus associated with politics is 12.8% (of which in men's questionnaires — 24.8% and in women's profiles — 7.2%). In male questionnaires, there are 2-3 times more reactions related to politics than in women's questionnaires. In general, men mentioned politics in their responses 7-8 times more than women. Thus, we see that some colors when used in politics, are necessarily linked to the myths and carry some extra meaning.*

KEYWORDS: *language theory; political linguistics; psycholinguistics; associative experiments; names of colors; Sinhalese.*

ABOUT THE AUTHORS: *Rev Waskaduwe Siri Sarana Thero, Post-graduate Student Junior Researcher, Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

Kharchenko Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. Babaytsev A. V. Politicheskiy simvolizm tsveta [Elektronnyy resurs]. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-simvolizm-tsveta> (data obrashcheniya: 30.03.2018).
2. Bakhilina N. B. Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke / otv. red. V. P. Filin. — M.: Nauka, 1975. 288 s.
3. Budaeva D. R. Tsvetooboznacheniya v politicheskom diskurse [Elektronnyy resurs]. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2807/1/licu-2011-05-01.pdf>.
4. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — M., 1997.
5. Zol'nikova Yu. V. Tsvetovye frazeologizmy kak fragment idiomaticheskoy kartiny mira russkogo i nemetskogo yazykov (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tyumen', 2010.
6. Isserlin E. M. Istoriya slova «krasnyy» // Rus. yaz. v shkole. 1951. № 3. S. 10—12.
7. Kolesov V. V. Svet i tsvet v «Slove o polku Igoreve» // Svet i tsvet v slavyanskikh yazykakh / sost. Karoly Gadanyi. — Melbourne, 2004.
8. Michugina S. V. Denotativnoe prostranstvo prilagatel'nykh tsveta v angliyskom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2005.

9. Nikiforova A. M. Politicheski okrashennyye tsveta SSHA [Elektronnyy resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheski-okrashennyye-tsveta-ssha-1>.
10. Svetlichnaya T. Yu. Sravnitel'nyye lingvokul'turnyye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliyskom i russkom yazykakh : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2003.
11. Sepir E. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii : per.s angl. — M.: Progress, 1993. 656 s.
12. Suzdal'tseva V. N. Simvolika tsveta i funktsionirovaniye tsvetooboznacheniy v massmediynom politicheskom diskurse // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2014. № 1. S. 81—96.
13. Terner V. U. Simvol i ritual. — M.: Nauka, 1983.
14. Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A., Karaulov Yu. N., Tarasov E. F. Slavyanskiy assotsiativnyy slovar'. — M.: Mosk. lingv. gos. un-t, 2004. 792 s. ISBN: 5-7904-0366-2.
15. Nikitskiy. Pochemu u Rossii trekhcvetnyy flag? [Elektronnyy resurs] // Yablor. 2013. 23 avg. URL: <http://yablor.ru/blogs/pochemu-u-rossii-trehcvetnyy-flag/2996695>.

9. Nikiforova A. M. Politicheski okrashennyye tsveta SSHA [Elektronnyy resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheski-okrashennyye-tsveta-ssha-1>.
10. Svetlichnaya T. Yu. Sravnitel'nyye lingvokul'turnyye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliyskom i russkom yazykakh : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2003.
11. Sepir E. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii : per.s angl. — M.: Progress, 1993. 656 s.
12. Suzdal'tseva V. N. Simvolika tsveta i funktsionirovaniye tsvetooboznacheniy v massmediynom politicheskom diskurse // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2014. № 1. S. 81—96.
13. Terner V. U. Simvol i ritual. — M.: Nauka, 1983.
14. Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A., Karaulov Yu. N., Tarasov E. F. Slavyanskiy assotsiativnyy slovar'. — M.: Mosk. lingv. gos. un-t, 2004. 792 s. ISBN: 5-7904-0366-2.
15. Nikitskiy. Pochemu u Rossii trekhcvetnyy flag? [Elektronnyy resurs] // Yablor. 2013. 23 avg. URL: <http://yablor.ru/blogs/pochemu-u-rossii-trehcvetnyy-flag/2996695>.

Й. Сипко
Прешов, Словакия

ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ВЫШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ

АННОТАЦИЯ. Обосновывается, что миграция стала одной из главных проблем Евросоюза. Тема миграции в европейских СМИ стала очень активно обсуждаться в связи с военными событиями в Сирии, где против власти президента Асада выступили разные вооруженные группы. Миграция переросла в базовую мировую проблему, когда в больших человеческих потоках стали появляться беженцы из других ближневосточных и африканских стран (Афганистана, Ирака, Ливии, Судана и т. д.). На разных уровнях зазвучали мнения о том, что причиной их миграции являются не столько военные конфликты в конкретном регионе, сколько очень низкий жизненный уровень миллионов жителей указанных стран. Рассматривается освещение этих проблем в словацких СМИ, приводятся включающий апеллятивы и онимы (упоминания конкретных политиков) список ключевых слов, становящихся особенно частотными в прессе. Основное внимание в СМИ в материалах, посвященных указанной проблеме, уделяется политике стран Вышеградской четверки, выступающих по данному вопросу против официального курса ведущих стран Евросоюза. Тема миграции раскрывается с привлечением целого ряда показателей, например, оцениваются характер выборов в родных странах мигрантов, возникновение новых радикальных партий и конкретные политические меры, направленные на преодоление миграционного кризиса. Уже сам этот кризис вызывает напряжение в Евросоюзе, которое только возрастает в связи с требованием решить проблемы миграции в Европе большинством голосов при наличии кворума, что категорически отвергают страны Вышеградской четверки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция населения; беженцы; радикализм; политические кризисы; антимиграционная пропаганда; демографический кризис; миграционные процессы; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковая картина мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики, Прешовский университет; 08005, Словакия, Прешов, Важечка, 14, e-mail: sipkojz@upiro.sk.

1. Введение — фрагменты из прошлого

Миграция представляет собой неоднозначное и часто повторяющееся явление с точки зрения мировой истории. Можно заметить, что современная цивилизация со своими политическими и географическими параметрами — это в значительной степени результат тысячелетних миграционных процессов, вызванных первоначально естественными причинами, например **демографическим взрывом**, когда отдельные племена переселялись в менее заселенные регионы Земли. Здесь можно вспомнить гипотетические и исторически подтвержденные волны миграции в давние времена. Антропологи и археологи приводят свидетельства того, что первые люди появились в Центральной Африке, откуда их потомки расселились по всей Земле. В рамках обсуждения миграционных процессов истории также говорят, например, о первых жителях Америки, которые якобы переселись из Азии через нынешний Берингов пролив около 20 тысяч лет назад и постепенно заняли весь континент. На самом деле Америка за последние столетия стала самым наглядным примером миграции. Конечно же, это относится к эпохе после 1492 г., когда Колумб «открыл» Америку. Почти весь **новый континент** заселили главным образом западноевропейцы, и эта миграция стала одной из самых **агрессивных** в мировой истории. В ее результате коренное население Америки, которое европейцы называют **индейцами**, было почти полностью истреблено. По материалам телеканала «Виасат Хистори»

(«Viasat History»), только во второй половине XVI в. в Южной Америке из-за испанской колонизации погибло около 90 % инков! Подобные данные имеются также и в отношении других регионов Земли, которые заняли западноевропейцы. Современная Америка почти полностью заселена **мигрантами, переселенцами, беженцами** со всех концов мира, включая и наших предков. И данная проблема актуальна до сих пор: против **мигрантов**, главным образом из Мексики, нынешнее американское правительство решило построить забор длиной около 8 тысяч километров, также был принят закон, на основе которого США не будут принимать мигрантов из отдельных мусульманских стран. При этом Госдепартамент США ежегодно издает отчет о нарушении прав человека в современном мире. За 2017 г. к повинным в этом странам причислили Россию, Китай, Иран и Северную Корею. Оказывается, что, например, в той же Саудовской Аравии, согласно официальным американским данным, права человека полностью соблюдаются.

2. Современность — Европа и Ближний Восток

В наши дни при слове **миграция** самые частотные ассоциации связаны с событиями на Ближнем Востоке и в Европе, где в центре внимания находится прежде всего **Германия**. После Второй мировой войны, когда начался экономический подъём, сотни тысяч людей, например из Турции, приезжали в Германию за работой, и они стали известны как **гастарбайтеры**. Уже внутренняя

форма данного немецкого термина говорит о том, что первоначально обозначаемые им люди были *трудящимися гостями*, призванными помочь восстановить экономику страны, после чего, как ожидалось, они вернутся на родину. В современной Германии проживает уже третье и четвертое поколение потомков послевоенных *мигрантов*, миллионы из них стали гражданами Германии, создали свою культуру и добились разрешения на возведение мечетей.

После *распада/развала СССР* в Германию стали переселяться сотни тысяч бывших его граждан, которых чаще всего именуют *русскоговорящими*. Некоторые из них являются членами *Союза русских в Германии*.

Аналогичные процессы проходили в других бывших социалистических странах, и буквально миллионы их жителей стали *мигрантами*, главным образом обосновавшись на Западе. Например, в наше время в **Англии** насчитывается около 800 тысяч поляков, причём британцы утверждают, что на их территории сегодня проживает около 6 миллионов *мигрантов*, в том числе приблизительно 3 миллиона из стран Евросоюза, и они якобы живут за счет английского бюджета. Именно феномен *миграции* стал главной причиной *Брексита* — выхода Англии из Евросоюза по результатам референдума.

Тема *миграции* стала очень активно обсуждаться в связи с военными событиями в **Сирии**, где против власти президента *Асада* выступили разные вооруженные группы, поддерживаемые в первую очередь Западом, а также другими странами. По всей видимости, это представляет продолжение геополитического проекта Запада под названием *Арабская весна*, в результате которого были ликвидированы режимы *Хусейна* в Ираке, *Мубарака* в Египте, *Каддафи* в Ливии. Попытка свергнуть сирийского президента не удалась в том числе потому, что его стала поддерживать Россия, которая вышла на мировую политическую сцену, как отмечают наблюдатели, в 2007 г., после конференции в Мюнхене, на которой президент *Путин*, по сути дела, отверг американскую политику *однополярного мира*. Из Сирии стали уходить сотни тысяч *беженцев*, особенно в Турцию, а оттуда — в Грецию и другие европейские страны, но это лишь одна из крупных этнических групп *мигрантов* современности.

Миграция сделалась базовой мировой проблемой, когда в больших человеческих потоках стали появляться *беженцы* из других ближневосточных и африканских стран (Афганистана, Ирака, Ливии, Судана и т. д.).

На разных уровнях стали раздаваться мнения о том, что причиной этой *миграции* являются не столько военные конфликты в конкретном регионе, сколько очень низкий уровень жизни миллионов жителей указанных стран. Многие из таких *беженцев* прибывают в Германию, Францию, Англию и в другие западные государства, где уровень жизни является высоким. Постепенно выяснилось, что именно этот мотив *миграции* стал главным, и таких *беженцев* стали называть *экономическими*. За последние годы к этой категории мигрантов можно отнести несколько миллионов человек, и с ними связаны очень серьезные проблемы, касающиеся **безопасности** европейских стран. В связи с этим у европейской общественности проблема *миграции* стала вызывать настороженность, в СМИ и политических партиях стала раздаваться острая критика в адрес тех политических лидеров, которые считаются ответственными за *миграционный кризис*. Например, это в полной мере касается *А. Меркель*, четырехкратного канцлера Германии. Под давлением общественности, СМИ и оппозиционных политиков ведущие политики Евросоюза стали предлагать решения по *ограничению миграции*. И хотя за прошедший, 2017 г. поток *мигрантов* в Европу уменьшился, *миграция* по-прежнему представляет собой сложную политическую, социальную, экономическую и культурную проблему, в результате чего растет напряженность, этническая вражда, получают поддержку ксенофобские идеи, и на этой основе создаются радикальные политические объединения, деятельность которых направлена в основном против *мигрантов*.

3. Вышеградская четверка — паршивая овца Евросоюза?

Вместе с тем ведущие страны Евросоюза требовали и требуют от остальных, в особенности от государств Центральной Европы: Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, условно объединяемых в группу *Вышеград-4*, или *Вышеградская четверка* (*V-4*, *Vyšehradská štvorka*), — чтобы те тоже в обязательном порядке принимали определенное количество *беженцев*. *Вышеградская четверка* такое требование отвергла. В этом плане самым острым противником и критиком Запада стал премьер-министр Венгрии *Виктор Орбан*. По его инициативе на южных границах Венгрии построили высокий забор, чтобы не пропускать *мигрантов* с юга в *Шенгенскую зону*. Ведущие политики Запада и их сторонники в Венгрии стали остро критиковать *Орбана*. В ответ на критику *Ор-*

бан заявил, что *проблема миграции появилась в результате политики колониальных держав, а у Венгрии никогда колоний не было*. Орбан, таким образом, привел одну из главных причин современного миграционного кризиса — **колониализм и неоколониализм Запада**. Кроме того, он стал откровенно критиковать и другие политические решения Запада, с которыми ассоциируется миллиардер еврейско-венгерского происхождения Сорос, проживающий в США и выделяющий немалые деньги для разных неправительственных организаций под названием *Open society*, Венгрии прямо действующие против современного венгерского правительства. К тому же Орбан — один из немногих европейских политиков, который встречается с президентом России В. Путиным. Всё это является поводом для острейшей критики премьера Венгрии в контексте миграционного кризиса.

По большому счету миграция регулярно становится объектом споров при обсуждении любой политической проблемы. Когда в Чехии в январе 2018 г. проходили президентские выборы, то в заключительный тур вышли президент Земан и один из его соперников Драгош. Как известно, Земан стал второй раз президентом страны, причем интересным феноменом в предвыборной кампании стало обсуждение темы миграции. Публично все кандидаты на пост президента Чехии выступали против принятия мигрантов, но сторонники Земана создали плакат с надписью «Голосуйте против Драгоша и мигрантов». Тем самым лагерь Земана навязывал чешской общественности мысль о том, что при президенте Драгоше в Чехию придут массы беженцев.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Польше, где власти радикально выступают против беженцев. Актуальным еще недавно подобное положение дел было и для Словакии, где премьер Р. Фицо многократно критиковал политику ЕС относительно мигрантов.

Кроме всего прочего, представители *Вышеградской четверки* заявляют, что они будут соблюдать *Шенгенские правила* относительно мигрантов, у которых нет соответствующих документов, и будут их высылать в страны, откуда они прибыли.

Страны *Вышеградской четверки* становятся в данном контексте объектом частой критики со стороны Евросоюза и сторонников Запада вообще. Уже озвучивались предложения сократить им поддержку из еврофондов.

Необходимо добавить, что страны Четверки апеллируют к Евросоюзу еще и на том основании, что на их территории сегодня

живут и работают десятки тысяч иностранцев, например, из Украины, Балканских стран и т. д. Интересными в этом плане представляются данные по Чехии, где количество выходцев из Украины превышает число словаков, традиционно проживающих в Чехии. Кроме того, десятки тысяч украинцев в настоящее время трудятся также в Польше. Однако нужно признать, что мигранты, принадлежащие к названным народам, всё-таки в культурном и ментальном отношении близки жителям стран, в которые они переселились.

Важным является еще и тот факт, что в странах Вышеградской группы, в особенности в Чехии и Словакии, имеется недостаток рабочей силы, хотя, скажем, в Словакии безработица достигает около 5 %. При этом категорию безработного населения в своем большинстве формируют граждане, потерявшие привычки к труду — *pracovné lávuку*. Официально об этом практически запрещено говорить, но среди безработных доминируют цыгане — они составляют около 10 % населения Словакии, и многие из них практически не способны устроиться на работу.

При продолжающемся экономическом росте и строительстве новых заводов всё более актуальной становится проблема нехватки рабочей силы. Некоторые фирмы принимают на работу иностранцев нелегально, что вызывает опасения у коренного населения. В результате указанных процессов создалась обстановка, когда правительство вынуждено решать данную проблему путем ограничения приема иностранцев на словацкие предприятия. Это подтверждают журналисты С. Пахерова и Б. Тома [Pachrová, Toma 2018]: *Obmedzenie cudzincov spôsobí problému. — Ограничение иностранцев создаст проблемы* (Р. 29.4.2018).

Иностранцев в Словакии в качестве рабочей силы нанимают в основном автомобильные заводы. Многие из этих людей прибывают в страну без необходимых документов и находятся на положении нелегальных мигрантов, о количестве которых, как отмечает Т. Михалкова [Michalková 2018], нет точных данных: *O počte cudzincov v okolí Trnavy sú dohady. — О количестве иностранцев в окрестностях Трнавы нет точных сведений* (Р. 30.4.2018).

При характеристике *Вышеградской четверки* важно отметить еще и исторический аспект. Практически вся современная территория *Вышеградской четверки*, кроме значительной части Польши, относилась долгие столетия к Австро-Венгрии, новые государства образовались после Первой

мировой войны, когда монархия Габсбургов распалась. Несмотря на драматические события прошлого столетия, общие корни и определенная культурная близость между *Вышеградскими странами* проявляются и в XXI в. В этом отношении их объединение в *Вышеградский блок* представляется естественным. В рамках Евросоюза эти страны пытаются проводить единую политику, причем лучше всего это им удастся именно в области *миграции*. Под давлением руководства ЕС страны *Вышеградской четверки* вынуждены идти на некоторые компромиссы. Например, они принимают ограниченное количество *беженцев-христиан* из мусульманских стран.

4. Миграция и радикализм в политике

Антимиграционная пропаганда пользуется целым рядом приемов: на телеэкранах часто показывают массы *беженцев*, в рядах которых преобладают **молодые мужчины**, хорошо одетые, с современными электронными устройствами. Тем самым подчеркивается тот факт, что они на самом деле *не беженцы*, а лишь люди, которые стараются попасть в страны с высокими материальными стандартами жизни. В то же время некоторые из них представляют опасность для Европы. Об этом, наряду с прочим, свидетельствуют результаты расследования целого ряда терактов во Франции, Бельгии, Германии и т. д. Угроза **террора**, таким образом, прямо связана с темой *миграции*. В духе известного библейского высказывания *Что посеешь, то и пожнешь* насилие опять плодит только насилие. Это относится не только к терроризму. Регулярно в СМИ появляется информация о сотнях жертв среди *беженцев*, которые **тонут чаще всего в Средиземном море**, находясь на переполненных судах. *Миграция* многих жителей Африки и Ближнего Востока в Европу создала благоприятные условия для разных **преступных организаций**, которые зарабатывают на этом большие деньги. Были трагические случаи, когда в переполненных фургонах в пограничном регионе Венгрии, Словакии и Австрии находили десятки мертвых *беженцев*, которые погибли от недостатка воздуха! В Германии в конце 2016 г. сотни *мигрантов* совершили нападения на молодых женщин, были отмечены случаи изнасилований, целый ряд других негативных результатов *антагонизма культур*.

Бесспорным представляется факт, что межэтнические конфликты на фоне роста *миграции* за последние годы усилились. В отдельных странах Европы активизируются радикальные политические организации и

партии, и базисом их деятельности является в первую очередь **ксенофобия**. В Словакии вошла в парламент (*Национальный совет — Národná rada*) «*Народная партия наша Словакия*» (*Ludová strana naše Slovensko*), представители которой многократно высказывали свои ксенофобские взгляды, и данные политики пользуются постоянной поддержкой около 10 % избирателей. В Венгрии аналогичной партией является «*Йоббик*», программу которой одобряют около 15—17 % жителей. В центре внимания этих партий находятся проблемы, связанные с *цыганами*, которые составляют в обеих странах около 10 % от общего числа населения и своим образом жизни вызывают у большинства открытую неприязнь. В чешский парламент прошла после последних выборов партия *СПД* («*Партия прямой демократии*» — *Strana příme demokracie*), в программе которой имеется требование о референдуме относительно членства в Евросоюзе. В Польше нынешняя правительственная партия *Качиньского* «*Порядок и справедливость*» регулярно выступает против целого ряда мер Евросоюза. В Германии в контексте *миграции* стала довольно влиятельной партия «*Альтернатива для Германии*» (*AFD*), которая очень активно выступает против *мигрантов*, а во Франции лидер националистической партии «*Национальный фронт*» *М. ле Пен* прошла даже в заключительный тур президентских выборов. Она тоже требует выхода Франции из Евросоюза. Очевидно, что **радикализация политики** находит благодатную почву в обеспокоенности граждан проблемами *миграции*. Со стороны критиков названные партии характеризуются главным образом как *неонацистские и фашистские*, поскольку в их программах и мероприятиях можно легко обнаружить атрибуты фашизма.

5. Миграция и демография

За последнее время *волны беженцев* в некоторой степени сократились благодаря конкретным административным мерам, которые уменьшают возможности пребывания *мигрантов* в странах Евросоюза. Но данная проблема остается одной из самых важных, и она заставляет обратить внимание на целый ряд других негативных феноменов в странах Европы. Одним из них является **спад рождаемости**, следствием которого становится постепенное снижение количества коренного населения в европейских странах. Иногда даже кажется, что традиционно жившие в Европе народы вымирают, о чем свидетельствуют конкретные показатели. Например, в Германии на двоих родите-

лей приходится в среднем 1,1 ребенка. В Словакии этот показатель составляет около 1,6, но в любом случае это не обеспечивает даже простую репродукцию жителей наших стран. В то же время рождаемость в странах, откуда прибывают *мигранты*, гораздо выше. В европейских странах проживают миллионы людей неевропейского происхождения, и их число растет. В этой связи приобретают популярность идеи о том, что ведущие политические круги Европы намеренно создают условия для увеличения притока в Европу *мигрантов*, поскольку последние представляют выгодную рабочую силу в тех отраслях, в которых сами западноевропейцы работать уже не будут. В значительной степени это относится к таким позициям, как уборщицы, официанты, продавцы, рабочие на стройках, в сельском хозяйстве, а также на таких предприятиях, где рабочий имеет низкий социальный статус. Например, около 35—40 тысяч словацких женщин работают как *сиделки* в Австрии и Германии, с утра до вечера ухаживая за австрийскими и немецкими пенсионерами, родственники которых о них практически не заботятся и предпочитают не видеть, даже во время праздников. Среди этих *сиделок* встречаются женщины с высшим образованием, которые в своей стране потеряли работу. Например, в результате *снижения рождаемости* в школы поступает всё меньше детей, и учительницы после сокращения должны стать, по сути дела, *служанками* в названных соседних странах.

Согласно другой версии, *миграция* инспирирована темными силами нашего мира, прежде всего организацией «Новый мировой порядок» (NWO), цель которой — сокращение населения земли до 1 миллиарда человек. *Мигранты* в этом плане помогут уничтожить европейскую христианскую цивилизацию, ликвидировать культурный базис традиционной семьи. Многозначительным является и тот факт, что в главном документе Евросоюза — *Лиссабонском договоре* — отсутствует указание на то, что «*основой европейской культуры является христианство*!» В упомянутом направлении — **разложении семьи** как основы общества — делаются реальные шаги. Имеются даже либеральные рекомендации, предусматривающие отказ от некоторых терминов родства. Так, вместо понятий *мать* — *отец* предлагается пользоваться словами *родитель № 1* — *родитель № 2*. Семья в рамках либеральных концепций считается лишь историческим феноменом, который имеет свой срок существования и со временем будет заменен другими формами сожительства.

Регулярно мы встречаемся с рассуждениями о том, что *дети должны выбирать свою половую принадлежность, когда станут взрослыми*. Все подобные тенденции прикрываются идеями *свободы и либерализма*.

6. Актуализация темы миграции

В воскресенье вечером 25 февраля 2018 г. в семейном доме одной словацкой деревни обнаружили тела 27-летних молодых людей, которыми оказались журналист Я. Куцак и его подруга М. Кушнирова. Они были расстреляны. Стали распространяться разные версии причин произошедшей трагедии, преобладала гипотеза, что главной причиной убийства была работа молодого журналиста, собиравшего материалы о мафиозных практиках итальянских предпринимателей в Словакии, сотрудничающих с некоторыми представителями словацкого бизнес-сообщества, напрямую связанными с правительством. Эта гипотеза стала основной при объяснении убийства. Критики словацкого правительства при обсуждении его политики стали упоминать тему *миграции*, когда заявляли, что чиновники много внимания уделяют *миграции* и забывают защищать своих жителей: *Vláda hromžila proti teroristom, ktorí by mohli prísť medzi utečencami. Nedokázala nás ochrániť pred skutočným zločinom. — Правительство выступало против террористов, которые могут быть среди беженцев, но не сумело нас защитить от реального преступления* (S. 28.2.2018). Очевидно, что проблема *беженцев* не имеет никакого отношения к убийству молодого журналиста и его подруги, но вследствие озвученных обвинений словацкое правительство оказалось под большим давлением общественности. Произошли перемены в правительстве, с поста премьер-министра ушел Р. Фицо, в отставку подали и некоторые министры. Стало явным стремление прозападных политиков устранить правительство, премьер которого не занимает явной антироссийской позиции. На стороне антиправительственных сил стал активно выступать также президент А. Киска, известный своей антироссийской позицией, который относительно недавно встречался в США с Соросом.

7. Тема миграции и выборы в Венгрии

8 апреля 2018 г. в Венгрии проходили парламентские выборы, и в предвыборной кампании одной из главных была тема *миграции*. Пропаганда политических партий была самой разнообразной, однако внимание большинства жителей Венгрии привлекли только выступления премьер-министра

В. Орбана. Он и его сторонники из партии «Фидес» прямо обещали защищать страну от беженцев. Достаточно точно предвыборную обстановку описал словацкий корреспондент «Экономической газеты» (Hospodárske noviny) в Венгрии П. Новотны [Novotný 2018]: *Maďarskí voliči: Orbán nás ochráni pred migrantmi.* — Венгерские избиратели: Орбан нас защитит от мигрантов (HN. 6—8.4.2018). И действительно, выборы окончились однозначной победой Орбана и его партии, которая из 199 мест в парламенте получила 134! Благодаря таким результатам сторонники Орбана получили возможность самостоятельно принимать законы.

Социально-политическая обстановка во время выборов в Венгрии была напряженной, отдельные политики продолжали агитировать за свои программы даже в день выборов, поскольку законы Венгрии это позволяют. Сам Орбан в день выборов до самого позднего вечера развивал активную деятельность. В своих выступлениях он остро критиковал Евросоюз: *Brusel by chcel ešte tento rok usadiť v Maďarsku desaťtisíc migrantov.* — Брюссель хотел бы еще в этом году поселить в Венгрии десять тысяч мигрантов (P. 9.4.2018).

Кроме того, Орбан очень остро критиковал уже упоминавшегося выше миллиардера Сороса, который, по словам Орбана, угрожает безопасности страны, старается разрушить христианские традиции Венгрии и ее национальную культурную идентичность. К избирателям Орбан обращался с таким призывом идти голосовать: *Sorosisti tam budú všetci. Budťme tam aj my.* — Соросовцы там будут все. Мы там тоже должны быть все (P. 9.4.2018). После выборов представители партии «Фидес» официально заявили о своих дальнейших намерениях относительно ограничения деятельности Сороса в Венгрии: *Strana chce už v máji pripraviť návrh zákonov nazvaný Stop Sorosovi.* — Партия намерена уже в мае подготовить законопроекты под названием «Стоп Соросу» (P. 10.4.2018). По сути дела, правительство Орбана будет продолжать антисоросовский курс, который проводило до выборов, когда, например, был закрыт финансируемый Соросом Центрально-Европейский университет в Будапеште. В итоге указанный пакет законопроектов в Венгрии был принят.

Естественно, что в указанном антимиграционном контексте у других партий не оставалось шансов. Не стала исключением и радикальная партия «Йоббик», возникшая в результате распространения в стране ксе-

нофобских настроений. Во время предвыборной кампании представители «Йоббика» критиковали Орбана за спекулирование проблематикой миграции. Однако занятая премьер-министром позиция, скорее всего, позволила отбить у «Йоббика» многие голоса избирателей, а сам председатель этой партии Г. Вона ушел со своего поста: *Orbánov triumf otriasa Jobbikom i médiami.* — Триумф Орбана пошатнул позиции „Йоббика“ и СМИ (P. 9.4.2018) — имеется в виду тот факт, что некоторые СМИ решили прекратить атаки против Орбана.

Победа «Фидеса» и Орбана вызвала во всем мире массу откликов, демонстрирующих широкую палитру мнений. Особенно интересны те, которые выражают удовлетворение результатами парламентских выборов в Венгрии. На данных политических позициях стоят те силы, которые весьма критически относятся к политике Евросоюза, главным образом по отношению к мигрантам. Например, поздравления прислали представители «Альтернативы для Германии»: *Gratulujem, Viktor Orbán. Zlý deň pre EÚ, dobrý pre Európu.* — Поздравляем, Виктор Орбан. Плохой день для ЕС, хороший для Европы (P. 10.4.2018).

В иностранных СМИ победу Орбана сочли значительной и неожиданной, поскольку это уже третья его победа на парламентских выборах в Венгрии, определенным образом демонстрирующая тенденции дальнейшего развития ЕС, прежде всего в сфере миграции: *Zdrvujúci hetrik zabetónoval Orbánovu moc.* — Разгромная третья победа забетонировала власть Орбана (P. 10.4.2018).

Критические настроения по отношению к Евросоюзу наблюдаются также и в Чехии, в особенности после победы М. Земана на президентских выборах. П. Шарадин [Šaradin 2018] подробно анализирует указанное событие и отмечает соответствующие политические процессы во всех странах *Вышеградской четверки: Možno sme teraz zrýchlili cestu smerom k Poľsku a Maďarsku.* — Может быть, мы теперь ускорили свой путь в направлении Польши и Венгрии (P. 29.4.2018). Даже в Чехии в парламенте имеются политические силы, которые требуют провести референдум о возможности выхода страны из Евросоюза (СПД — смотри выше). В некотором смысле представляется парадоксальным то, что лидер СПД Окамура, резко выступающий против мигрантов, сам по происхождению японец.

8. Заключение

Анализ публицистических материалов о миграции в странах *Вышеградской четвер-*

ки убедительно демонстрирует отрицательные стороны политики Евросоюза. Непродуманные меры ведущих политиков Запада создали в большинстве европейских стран сложную и напряженную обстановку почти во всех сферах жизни. Этим готовы воспользоваться в первую очередь **политики**, как это было во время президентских выборов в Чехии и главным образом парламентских выборов в Венгрии. Даже убийство молодого словацкого журналиста и его подруги, ставшее предлогом для политической пропаганды, связывалось с темой **мигрантов**. Анализ событий, касающихся **миграционного кризиса** последних лет, подтверждает, что они представляют собой следствие **политики доминирования Запада** в прошлом, которую пытаются сохранить и упрочить и в наше время. В очередной раз подтверждается, что неестественное смешение этнокультур, названное на Западе **мультикультурализмом**, закономерно приносит хаос, ненависть и новые трагедии. Появляются также теории о преднамеренной **ликвидации европейской цивилизации** и ее христианских основ тайными политическими силами с целью развалить национальные государства и таким образом овладеть миром. В данном контексте по ассоциации вспоминается острая **критика в адрес России**, которая считается главным врагом вековых стремлений Запада завладеть планетой. До сих пор звучат откровенные призывы к ликвидации России, поскольку **экономика России основана на незаслуженных доходах от добычи и продажи природных ресур-**

сов (*Ruská ekonomika je založená na nezaslúžených príjmoch z ťažby a predaja prírodných zdrojov* (ZaV. 2018.5) — цитируется текст английского журналиста Э. Лукаса из газеты *The Times*). За сложившуюся напряженную обстановку в полной мере несут ответственность **сильные мира сего**.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. HN — Hospodárske noviny.
2. P — Pravda.
3. S — Sme.
4. ZaV — Zem a vek.

ЛИТЕРАТУРА

5. Алексеев А. Б. Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 55—64.
6. Бабикова М. Р. Прецедентные визуальные образы Третьего рейха: варианты презентации в националистическом дискурсе // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2016. С. 17—20.
7. Пархитко Н. П., Таран И. А. Освещение газетой «Вельт» («Die Welt») миграционных процессов ФРГ (период большой предвыборной кампании — 2017) // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 82—86.
8. Сухов А. Н., Трыканова С. А. Миграция в Европе и ее последствия. — М. : Флинта, 2013. 516 с.
9. Drábek I. Maďari sa predháňali, kto koho zastaví // Pravda. 9.4.2018. S. 12.
10. Drábek I. Orbánov triumf otriasa Jobbikom i médiami // Pravda. 11.4.2018. S. 37.
11. Matisák A. Svet Fideszu je bez červených čiar // Pravda. 10.4.2018. S. 14.
12. Michalková T. O počte cudzincov v okolí Trnavy sú dohady // Pravda. 30.4.2018. S. 6.
13. Novotný P. Maďarskí voliči: Orbán nás ochráni pred migrantami // Hospodárske noviny. 6—8.4.2018. S. 1, 7, 11.
14. Pucherová S., Toma B. Počty cudzincov sa idú regulovať // Pravda. 29.4.2018. S. 30.
15. Šaradin P. Za Poliakmi a Maďarmi // Pravda. 29.1.2018. S. 27.

J. Sipko
Prešov, Slovakia

THE FRAGMENTS OF LINGUISTIC WORLDVIEW OF IMMIGRATION IN THE COUNTRIES OF THE VISEGRAD GROUP

ABSTRACT. *The article discusses migration, which has become one of the topical issues in European Union. The problem of migration is often covered by the European mass media because of the military conflict in Syria, where President Assad and his Government is being attacked by different armed groups. Migration became a serious global problem, when refugees from different Central Asian, Middle Eastern and African countries fueled migration flows (Afghanistan, Iraq, Libya, Sudan, etc.). There are many opinions on the causes of migration; one of the most popular views is that migration is caused by the low living standards in these countries, rather than by military conflicts. The article analyzes the coverage of these problems in Slovak mass media; it gives a list of keywords, including appeals and onyms (references to certain politicians). Mass media articles devoted to migration problems pay special attention to the politics of the countries of Visegrad Group, which are against the official course of the EU. The problem of migration is disclosed with the help of several parameters, for example, the analysis of the election process in the native countries of migrants and the appearance of new radical parties and certain political measures aimed at resolution of migration crisis. This crisis causes tension in the EU which is constantly growing because the countries of the Visegrad group reject the idea of quotas introduction.*

KEYWORDS: *migration of population; refugees; radicalism; political crisis; anti-migration propaganda; demographic crisis; migration processes; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; media; linguistic worldview.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages, University of Prešov, Slovakia.*

REFERENCES

1. HN — Hospodárske noviny.
2. P — Pravda.
3. S — Sme.
4. ZaV — Zem a vek.
5. Алексеев А. Б. Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 55—64.
6. Бабикова М. Р. Прецедентные визуальные образы Третьего

рейха: варианты презентации в националистическом дискурсе // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2016. С. 17—20.

7. Parkhit'ko N. P., Taran I. A. Osveshchenie gazetoy «Vel't» («Die Welt») migratsionnykh protsessov FRG (period bol'shoy predvybornoy kampanii — 2017) // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 82—86.

8. Sukhov A. N., Trykanova S. A. Migratsiya v Evrope i ee posledstviya. — M. : Flinta, 2013. 516 s.

9. Drábek I. Maďari sa predhánali, kto koho zastaví // Pravda. 9.4.2018. S. 12.

10. Drábek I. Orbánov triumf otriasa Jobbikom i médiami // Pravda. 11.4.2018. S. 37.

11. Matišák A. Svet Fideszu je bez červených čiar // Pravda. 10.4.2018. S. 14.

12. Michalková T. O počte cudzincov v okolí Trnavy sú dohady // Pravda. 30.4.2018. S. 6.

13. Novotný P. Maďarskí voliči: Orbán nás ochráni pred migrantami // Hospodárske noviny. 6—8.4.2018. S. 1, 7, 11.

14. Pucherová S., Toma B. Počty cudzincov sa idú regulovať // Pravda. 29.4.2018. S. 30.

15. Šaradin P. Za Poliakmi a Maďarmi // Pravda. 29.1.2018. S. 27.

Сяо Цзиньюй
Гуанчжоу, Китай**НОВЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ РУСИСТОВ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Цзянь Чунь-ли, Ян Кэ «Новогоднее обращение руководителей СССР и РФ: анализ дискурсивных и жанровых особенностей» (Чанша, издательство «Хунань жэньминь чубаньшэ», 2017 г. 255 с.). Исследования политического дискурса относятся к актуальным направлениям современной лингвистики и имеют в России сложившуюся традицию, что касается в том числе анализа дискурса конкретных политиков и используемых ими жанров. В Китае изучение политического дискурса началось позже, чем в России, в том числе в рамках китайской русистики. Материалом для рассматриваемой монографии послужило 61 новогоднее обращение глав СССР и РФ (с 1941 по 2015 г.). Во введении дана общая характеристика современного состояния изучения политического дискурса, теории речевых жанров и исследования новогодних обращений на русском языке в Китае и за его пределами. В первой главе дается общая характеристика политическому дискурсу, рассматривается место в системе его жанров новогоднего обращения главы государства, выделяются функции этого жанра (кумулятивная, социально-интегративная, фактологическая, инспираторная, эстетическая). Во второй главе анализируются микро- и макроструктура новогоднего обращения, делается вывод о его сходстве с другими жанрами политического дискурса (обращение президента к народу, поздравление), новогоднее обращение рассматривается с точки зрения теории интертекстуальности. В третьей главе рассматриваются собственно лингвистические свойства текстов новогодних обращений (типичное лексическое наполнение, синтаксические конструкции, стилистические фигуры). Материал монографии может послужить основой сопоставительного анализа новогодних обращений на русском и китайском языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новогодние обращения; лингвистические деятели; русистика; китайский язык; политический дискурс; новогодние пожелания; лозунги; коммуникативные формулы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сяо Цзиньюй, профессор Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, д. 2; e-mail: najia0802@163.com.

В последние десятилетия в России достигнуты значительные успехи в изучении политического дискурса, в том числе дискурса главы государства. Немало научных работ посвящено такому жанру, как новогоднее обращение Президента РФ к стране. С разных точек зрения анализировались коммуникативные характеристики, языковые средства и когнитивно-семантические особенности текстов данного типа. По сравнению с Россией изучение политического дискурса в Китае началось недавно, что относится и к китайской русистике. Особое внимание обращают на себя работы проф. Ян Кэ, которая совместно с коллегами перевела на китайский язык пользующееся большим успехом в России учебное пособие проф. А. П. Чудинова «Политическая лингвистика». Статьи по политической лингвистике, написанные или переведенные Ян Кэ и возглавляемым ею коллективом, опубликованы в таких престижных китайских научных журналах, как вестник КАПРЯЛ «Преподавание русского языка в Китае», «Русский язык». Данные публикации знакомят китайских русистов (и не только русистов) с новой междисциплинарной научной областью — политической лингвистикой. Кроме того, обзорные статьи, написанные Ян Кэ на русском языке и посвященные истории развития и современному состоянию политической лингвистики в Китае, позволяют российским читателям составить общее представление о ситуации с изучением политического дискурса в нашей стране. Новая монография «Новогоднее обращение руководителей

СССР и РФ: анализ дискурсивных и жанровых особенностей» (авторы — Цзянь Чунь-ли, Ян Кэ, 2017 г.), соавтором которой является Ян Кэ, опять не обманула ожиданий читателей. Материалом для данного исследования послужил 61 текст новогоднего обращения глав СССР и РФ (с 1941 по 2015 г.). Монография состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения, списка литературы, а также приложения.

Во введении дана общая характеристика современного состояния изучения политического дискурса, теории речевых жанров и исследования новогодних обращений на русском языке в Китае и за его пределами, указаны объект и методы исследования, его значимость и структура.

В первой главе, которая называется «Дискурсивные и жанровые особенности новогоднего обращения», освещаются общее понятие дискурса, типы и особенности дискурса, понятие политического дискурса, его функции, системообразующие признаки и жанровые характеристики, а также функции новогоднего обращения. По мнению авторов, политический дискурс имеет своей целью завоевание и сохранение политической власти. В связи с этим можно выделить пять основных функций новогоднего обращения: кумулятивную, социально-интегративную, фактическую, инспираторную и эстетическую. Новогоднее обращение относится к сфере институциональной коммуникации, для которой характерны диалогичность и ритуальность. В данной главе рассматриваются также особенности политиче-

ского дискурса в целом и дискурсивные особенности новогоднего обращения в частности. Опираясь на критерии классификации жанров, предлагаемые А. П. Чудиновым, авторы выявляют жанровые характеристики новогоднего обращения. По их мнению, новогоднее обращение — это своеобразный чисто политический жанр; в целом он принадлежит к монологическому типу жанров, но обладает также некоторыми особенностями диалогического дискурса. Новогоднее обращение носит как ритуальный, так и информирующий характер, однако ритуальность в нем акцентируется, поэтому оно представляет собой ритуальный жанр с чертами информативности. С точки зрения информационной емкости и объема текста новогоднее обращение относится к жанрам среднего размера. В конце первой главы авторы определяют положение новогоднего обращения в системе жанров политического дискурса: это типичный дискурсивный жанр в жанровом пространстве политического дискурса, прототипический жанр, занимающий важное место в российском политическом дискурсе.

Во второй главе, названной «Жанрово-структурные характеристики новогоднего обращения на русском языке», представлен анализ особенностей жанровой структуры новогоднего обращения. В результате коммуникативной практики у текста новогоднего обращения сформировалась определенная жанровая структура, которая выражена как регулярными макроструктурой и микроструктурой, свойственными всем текстам новогоднего обращения, так и индивидуальными структурными особенностями, характеризующими конкретные новогодние обращения. Авторы проанализировали заголовки и выходные данные новогодних обращений. Структура заголовка новогоднего обращения включает в себя следующие элементы: опорное слово, адресат, адресант, должность адресанта, соответствующий орган (институт) государственной власти, способ распространения, календарный год. Анализ показывает, что в заглавиях текстов новогоднего обращения употребляются три варианта стержневого словосочетания: *новогодняя речь, новогоднее поздравление, новогоднее обращение*. Они имеют разные значения и выражают разные коммуникативные интенции адресанта обращения. Тексты новогоднего обращения периода Советского Союза имеют подписи в печатной форме, указывающие на адресантов обращения (от имени ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров СССР) и отражающие режим формального коллективного руководства в

Советском Союзе. Отмечается, что за длительное время своего существования новогоднее обращение превратилось в устойчивый тип текста со своеобразной жанровой структурой. Далее в главе рассматривается маркоструктура новогоднего обращения, характеризуется потенциал жанровой структуры. Определяется структурная модель новогоднего обращения, включающая одиннадцать компонентов: обращение, указание на приближение Нового года, подведение итогов уходящего года, выражение благодарности людям, лозунг, обзор перспектив будущего года, характеристика значения Нового года, новогоднее приветствие, новогодний тост, новогоднее поздравление, новогоднее пожелание. На основе проведенного анализа авторы отмечают, что текстовые элементы новогоднего обращения можно разделить на базовые, обязательные (основные) и необязательные (периферийные). К первым, которые являются прототипическими, относятся обращение, подведение итогов уходящего года, обзор перспектив будущего года, новогоднее поздравление, новогоднее пожелание, к последним — указание на приближение Нового года, выражение благодарности народу, лозунг, характеристика значения Нового года, новогоднее приветствие, новогодний тост. В данной главе также был представлен анализ микроструктуры новогоднего обращения. «В отличие от макроструктуры, под микроструктурой текста понимаются языковые формы выражения каждого компонента, здесь внимание фокусируется на формулировках и грамматических особенностях. Грамматические особенности включают в себя временные, интонационные характеристики и типичные модели предложений» [Цуй, Ван 2004]. В конце главы объясняется формирование жанровой структуры. На основе сопоставления структурных особенностей новогоднего обращения, обращения Президента России к народу и поздравления объясняется генезис жанровой структуры новогоднего обращения. Авторы пришли к следующим выводам. 1. С точки зрения коммуникативных целей в новогоднем поздравлении объединены коммуникативные цели обращения Президента к народу и поздравления. 2. В плане периодичности новогоднее обращение Президента к народу привязано к определенному моменту времени, но у текстов не совпадает конкретное время публикации. 3. Официальное новогоднее обращение и обращение Президента к народу также имеют сходства в плане адресанта и адресата. И у того, и у другого адресантами являются учреждение или лицо, представляющее высший орган

государства. Адресатом в обоих случаях является народ, население страны. 4. Причину публикации и официального новогоднего обращения, и обращения Президента к народу составляют факторы коммуникативного этикета. 5. Как официальное новогоднее обращение, так и обращение Президента к народу дают постэффект. Сравнительный анализ, проведенный авторами, показывает, что в жанровых характеристиках новогоднего обращения, обращения Президента к народу и поздравления наблюдается много общего; это свидетельствует о такой особенности жанра новогоднего обращения, как интертекстуальность.

В третьей главе «Языковые особенности новогоднего обращения» рассматриваются собственно лингвистические свойства текстов новогодних обращений. По мнению авторов монографии, языковые особенности новогоднего обращения проявляются главным образом в употреблении определенных лексических единиц, синтаксических конструкций и стилистических фигур (тропов). В целом в произведениях данного жанра употребляется лексика литературного русского языка. В текстах обращений встречается большое количество слов с абстрактной, нечеткой семантикой и, как правило, широко представлена оценочная лексика. Отмечается особое употребление местоимений. Что касается синтаксического аспекта рассматриваемых текстов, то предложения в них отличаются лаконичностью, простотой и ясностью. Количество предложений в одном обращении колеблется в диапазоне 20—39, а число слов в одном стандартном предложении — от 7 до 19. Основным типом предложения является повествовательное. Используются такие стилистические фигуры, как параллелизм, риторическое обращение и т. п., повышающие выразительность текста.

Новогоднее обращение возникло в определенной исторической обстановке, во время Великой Отечественной войны. Впоследствии важные события, происходившие ежегодно в Советском Союзе и в Российской Федерации, в той или иной степени оказывали определенное влияние на новогоднее обращение, точнее, на состав и характер некоторых его структурных компонентов, на содержание и объем текста, на выбор местоимений и иных языковых средств. Исторические перемены в жизни Советского Союза и постсоветской России, включая радикальное изменение социального строя, нашли отражение в содержании и в языко-

вом выражении новогоднего обращения. История развития жанра новогоднего обращения в некоторой степени отражает историю страны — Советского Союза и России. Кроме того, в связи с различиями между социальными системами новогоднее обращение руководителей Советского Союза отличается от новогоднего обращения Президента России структурными свойствами и языковыми средствами. Исследование значительного количества новогодних обращений лидеров государства к народу показывает, что текст данного типа характеризуется постоянными и переменными признаками. Постоянные признаки — это ключевые коммуникативные формулы, коммуникативные функции, жанровые признаки, обязательные жанровые структурные компоненты, объем текста и др. Все это отражает разнообразные особенности новогоднего обращения как типа дискурса.

Таким образом, анализ, представленный в рецензируемой монографии, обогащает практическое исследование речевых жанров и существенно расширяет общие представления о политическом дискурсе. Монография непременно вызовет у китайских русистов большой научный интерес, стимулирует дальнейшее развитие исследований русского политического дискурса, на что и рассчитывали авторы. Кроме того, данная работа представляет теоретический и методологический опыт, релевантный для изучения политического дискурса в Китае. Анализ жанровых характеристик новогоднего обращения Президента России также может предоставить исследовательские идеи и методики анализа для работы с новогодними обращениями глав других государств, в том числе и Китая. В то же время данная монография может служить источником справочного материала для сопоставительного анализа новогодних обращений на русском и китайском языках. Рецензируемое исследование имеет существенное значение и для развития теории интертекстуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзянь Чуньли, Ян Кэ. Новогоднее обращение руководителей СССР и РФ: анализ дискурсивных и жанровых особенностей : моногр. — Чанша : Хунань жэньминь чубаньшэ, 2017. 255 с.
2. Цуй Яньян, Ван Туншунь. Макроструктура и микроструктура академических (научных) лекций на английском языке — применение жанрового анализа в анализе академического дискурса (научных текстов) // Обучение иностранному языку. — Шаньдун, 2004. № 5. С. 28. = 崔艳嫣, 王同顺. 英语学术讲座的宏观结构与微观结构——体裁分析在学术语篇分析中的应用 // 山东外语教学. 2004. № 5. P. 28.

Xiao Jingyu
Guangzhou, China

THE LATEST RESEARCH ACHIEVEMENTS OF CHINESE SPECIALISTS IN POLITICAL LINGUISTICS

ABSTRACT. *This is a review of the monograph “New Year Addresses of the Leaders of USSR and Russia: Analysis of Discursive and Genre Peculiarities” by Jian Chun-Li and Yang Ke (Changsha, “People’s publishing house”, 2017. 255 p.). Analysis of political discourse is a popular field of modern linguistics and it has a long tradition in Russia, especially the analysis of politicians’ discourses and genres of their discourses. The study of political discourse in China is a relatively new field of research, especially in the frames of Russian studies. The monograph is based on 61 New Year addresses by the leaders of the USSR and Russia (1941 – 2015). The introduction presents a general description of the current state of political linguistics, the theory of speech genres and the study of New Year addresses in China and abroad. The first chapter gives a general description of political discourse, specifies the place of New Year address in the system of its genres and identifies the functions of this genre (cumulative, social-integrative, factological, inspiratory and aesthetic). The second chapter analyzes micro- and macro-structures of the New Year address and makes a conclusion that it is similar to the other genres of political discourse (for example, address to people or congratulation). New Year address is analyzed from the point of view of the theory of intertextuality. The third chapter studies the linguistic features of the texts of New Year addresses (the typical vocabulary, syntactical constructions and stylistic devices). The monograph may serve as the basis for comparative analysis of New Year addresses in Russian and Chinese.*

KEYWORDS: *New Year address; political leaders; Russian studies; Chinese; political discourse; New Year wishes; slogans; communicative formula.*

ABOUT THE AUTHOR: *Xiao Jingyu, Professor of School of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages, Guangzhou, China.*

REFERENCES

1. Tsuy Yan'yan', Van Tunshun'. Makrostruktura i mikrostruktura akademicheskikh (nauchnykh) lektsiy na angliyskom yazyke — primeneniye zhanrovogo analiza v analize akademicheskogo diskursa (nauchnykh tekstov) // Obuchenie inostrannomu yazyku. — Shan'dun, 2004. № 5. S. 28.

2. Jiang Chun-Li, Yang Ke. A Study of the New Year's address of the leaders of the USSR and the Russian Federation — Discourse and Genre Analysis. — City Changsha, Prov.Hunan : People’s publishing house, 2017. 255 p.

Ян Кэ
Гуанчжоу, Китай

ВКЛАД КИТАЯ В ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на коллективную монографию под редакцией Сунь Юхуа и Лю Хун «Дискурс и международные отношения: анализ международного политического языка» (Пекин, издательство «Current Affairs Press»). В монографии предпринимается попытка проанализировать некоторые из основных проблем в становлении политической лингвистики как самостоятельной области науки. Предлагаются предварительные решения вопросов, связанных с формированием новой лингвистической дисциплины, направленной на исследование взаимоотношений языка и политики в Китае. Издание состоит из трех частей: «Исследования международного политического языка: теория и практика»; «Разработка международных дискурсивных прав государства: проблемы и их осмысление»; «Дискурс и культурные формулы: анализ и предложения». В первой части рассматриваются следующие темы: теория и методы политической лингвистики, задачи по развитию политической лингвистики в Китае; изучение русского политического языка за пределами России, научные школы, исследовательские группы и их методы; исследования Посланий Президента РФ Федеральному собранию в лингвистическом аспекте; «малые страны» и их роль в XXI веке; стратегии внешней коммуникации в официальном дискурсе США. Вторая часть монографии выполнена главным образом в рамках политологии и дипломатии. В третьей части монографии рассматриваются вопросы, связанные с использованием языка в качестве «мягкой силы» на международной политической арене, а также с оперированием в политическом дискурсе лингвокультурными единицами. Политическая лингвистика — относительно новая сфера исследований, и для дальнейшего ее развития важно учитывать результаты, достигнутые китайскими учеными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; международные отношения; китайский язык; рецензии; коммуникативные стратегии; лингвокультурология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510420, Китай, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, пр-т Байюньдадао, д. 2; e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

Язык, международная политика и международные отношения неразрывно связаны друг с другом. С 1980-х гг. в исследованиях международных политических отношений происходит лингвистический поворот, наблюдается тенденция рассматривать отношения между странами в аспекте языковой политики и языкового строительства. В то же время исследователи начали уделять внимание анализу политического дискурса с лингвистических позиций, стремясь раскрыть психологические механизмы, стоящие за формированием этого дискурса. Таким образом, изучение языка политической коммуникации постепенно стало новым направлением лингвистических исследований. Активно работают в данном направлении и китайские ученые; одним из результатов их исследований стала коллективная монография под названием «Дискурс и международные отношения: анализ международного политического дискурса», составленная известными китайскими русистами Сунь Юхуа и Лю Хун. Этой книге и посвящена настоящая рецензия. Данная коллективная монография является первым изданием из «Серии книг по исследованиям языка и международной политики». Работа состоит из трех частей: часть I — «Исследования международного политического языка: теория и практика»; часть II — «Разработка международных дискурсивных прав государства: проблемы и их осмысление»; часть III — «Дискурс и культурно-специфичные единицы: анализ и предложения».

Часть I включает следующие главы:
1) «Политика языка и язык политики — теория и методы политической лингвистики»

(Сунь Юхуа, Лю Хун, Пэн Вэнчжа); 2) «Изучение русского политического языка за пределами России: современное состояние, особенности, тенденции развития и перспективы» (Ян Кэ, А. П. Чудинов); 3) «Послание Президента России как жанр политического текста: обзор исследований» (Фэй Цзюньхуэй); 4) «Сущность „малых стран“ и их роль в XXI веке» (Гу Цзин); 5) «Мораль, общественное мнение и право голоса: стратегические предпосылки внешнего распространения официального дискурса США» (Фэн Фэн).

Как нам представляется, первая глава обращает на себя особое внимание. По мнению ее авторов, профессоров Сунь Юхуа, Лю Хун и Пэн Вэнчжа, политическая лингвистика — это отрасль языкознания, объектом которой являются системные связи между языком и политикой. В дисциплинарном смысле в этом направлении лингвистики дифференцируются две области исследований — политическая лингвистика собственно лингвистической направленности и политическая лингвистика политологической направленности. Политической лингвистике Китая необходимо стремиться к прорывным достижениям как в теоретических построениях, так и в прикладных разработках. В главе представлен опыт анализа некоторых из основных проблем становления политической лингвистики как самостоятельной научной дисциплины и предложены предварительные решения, нацеленные на создание соответствующей новой лингви-

стической дисциплины для изучения взаимоотношений языка и политики в Китае. Наиболее интересен для читателей, как нам кажется, третий раздел главы — «Политическая лингвистика в Китае: направления и проблемы». По мнению авторов, политическая лингвистика в Китае все еще находится в зачаточном состоянии. В статье охарактеризованы новые аспекты и задачи дальнейшего развития политической лингвистики. 1. Разработка теоретических аспектов политической лингвистики. Авторы считают, что теоретическое обеспечение политической лингвистики может осуществляться по шести направлениям: это, во-первых, разработка теоретической и методологической базы политической лингвистики как особой отрасли лингвистики; во-вторых, рассмотрение взаимосвязей между отечественными и зарубежными исследованиями соотношения политики и языка; в-третьих, сопоставительное изучение иностранных языков и мировой политики на фоне китайского языка и китайской политической реальности; в-четвертых, изучение лингвополитического аспекта этнически определенной личности, национального менталитета, языкового сознания, учитывающее своеобразие «языкового мировоззрения» и языковой картины мира; в-пятых, интерпретация международных лингвистических и политических проблем с позиций теории межкультурной коммуникации; в-шестых, исследование языковых стратегий и тактик международной политики. 2. Разработка прикладных областей политической лингвистики. Предполагается, что в будущем исследования практического характера в рамках политической лингвистики будут проводиться в следующих пяти областях: 1) критический дискурсивный анализ типовых политических текстов и политического дискурса в целом; 2) концептуальный анализ ключевых политических текстов и политического дискурса с опорой на теорию семантической организации текста; 3) семиотический анализ политического текста и политического дискурса; 4) использование достижений политической лингвистики для обоснования национальных дискурсивных стратегий; 5) разработка методов преподавания политической лингвистики.

Вторая глава представляет собой совместную работу китайского и российского ученых — проф. Ян Кэ и проф. А. П. Чудинова. Авторы знакомят китайских читателей с современным состоянием изучения русского политического языка за пределами России, с особенностями, тенденциями развития и перспективами соответствующих

исследований. В статье рассмотрены содержательные аспекты исследований русского политического языка за пределами России, проанализирована их специфика. Особое внимание уделено разнообразию используемых учеными методов. Охарактеризован состав исследовательских групп.

Автор третьей главы Фэй Цзюнь-хуэй является представителем молодого поколения китайских русистов. В своем разделе работы он предлагает обзор исследований текстов определенного жанра — Послания Президента РФ Федеральному собранию. Результаты анализа свидетельствуют, что в настоящее время в Китае Послание Президента РФ Федеральному собранию рассматривается преимущественно в рамках политологии и дипломатии, лингвистические аспекты данного исследовательского объекта малоизучены китайскими учеными-русистами.

Автор следующей главы также является молодым ученым. В данном разделе монографии ставится проблема определения понятия «малая страна», рассматривается современное состояние исследования малых стран, их важная роль в XXI в.

В последней главе части I излагаются три основания стратегии внешней коммуникации официального дискурса США: уровни международной морали, международной мнения и международной «дискурсивной власти». Особый интерес вызывает заключительная часть работы, где отмечается значимость данной американской стратегии для Китая. Стратегия внешнего распространения официального дискурса является моделью для формирования стратегии внешнего распространения официального дискурса Китая.

Часть II рецензируемой коллективной монографии, озаглавленная «Формирование международных дискурсивных прав государства: проблемы и их осмысление», содержит следующие разделы: 1) «Рассказывать миру истории о Китае — долгосрочные задачи и вызовы для дипломатии Китая»; 2) «Практика дискурса и культурная безопасность — тематическое исследование участия Китая в международных правозащитных процедурах»; 3) «Построение и продвижение международных „дискурсивных прав“ Китая (на основе анализа международной политики)». В данных разделах монографии представлены исследования, выполненные главным образом в рамках политологии и дипломатии, поэтому не будем подробно останавливаться на них.

Часть III, названная «Дискурс и культурно-специфичные единицы: анализ и пред-

ложения», состоит из следующих глав: 1) «Синдзо Абэ, „Изменение образа“: предложения и решения»; 2) «Продвижение языка в международном пространстве с позиций публичной дипломатии — китайско-японские сопоставления»; 3) «Активное развитие „мягкой силы“ культуры на базе публичной дипломатии»; 4) «Политическое бессознательное и культурное сознание в американском обществе — на примере рекламы Chrysler Суперкубка 2012 г.»; 5) «Культурологический анализ Восточной Азии как единой структуры»; 6) «Анализ дискурсивной стратегии выступления В. В. Путина по крымскому вопросу». Особенно интересен для лингвистов последний раздел данной части, в котором подробно проанализированы цель выступления В. В. Путина по крымскому вопросу и его дискурсивная стратегия. По мнению автора, выступление Путина содержит три основных положения: присоединение Крыма к РФ соответствует закону; присоединение Крыма к РФ — это желание крымского народа; желание крымского народа приносит пользу и Крыму, и России. Эти три основные идеи определили содержание и стратегию речи Путина. Путин успешно использовал такие дискурсивные стратегии, как «нахождение правовой основы», «при-

ведение фактов» и «обращение к истории», что значительно повысило эффективность выступления и может служить образцом для текстов данного жанра в рамках официального дискурса.

Как уже отмечено редакторами-составителями данной коллективной монографии в предисловии, в настоящее время изучение проблем взаимодействия языка и политики продолжается. Исследования языка и международной политики с новой стороны отвечают на вопрос: «Каким образом описания действительности влияют на наше познание?». Разработки в этой области значительно помогают развитию новой научной парадигмы. В рецензируемой нами коллективной монографии представлены исследования, гипотезы и наработки последних лет китайских ученых по данному поводу. Их усилия не останутся незамеченными, их идеи принесут пользу для дальнейшего развития политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сунь Юхуа, Лю Хун (ред.-сост.). Дискурс и международные отношения: анализ международного политического языка : коллективн. моногр. — Пекин : Текущие события (Current Affairs Pr.), 2017. 217 с. = 时事出版社, 2017.

Yang Ke
Guangzhou, China

CONTRIBUTION OF CHINA TO THE ANALYSIS OF INTERNATIONAL POLITICS LANGUAGE

ABSTRACT. *This is a review of the multi-author monograph "Discourse and International Relations: International Political Language Analysis" under the editorship of Sun Yuhua and Liu Hong (Beijing, Publishing House «Current Affairs Press»), the monograph attempts to analyze some of the main problems of political linguistics development as an independent branch of Linguistics. The monograph offers some solutions to the raised problems connected with the development of a new linguistic branch focused on the study of relations between the language and politics in China. The monograph consists of three parts: "Analysis of International political language: theory and practice"; "Development of the international discursive rights of the country: problems and their discussion"; "Discourse and cultural formulas: analysis and solutions". The first part discusses the following topics: theory and methods of political linguistics, development of political linguistics in China; the study of Russian political language outside Russia, scientific schools research groups and their methods; analysis of the Presidential Addresses to the General Assembly in linguistic aspect; "minor countries" and their role in the XXI century; strategies of foreign communication in the USA official discourse. The second part of the monograph is devoted mainly to political science and diplomacy. The third part of the monograph discusses the issues connected with the use of language as "soft power" on the international political arena, as well as with the usage of linguocultural units in political discourse. Political linguistics is a relatively new research area, and for its development it is important to take into account the research findings of Chinese scholars.*

KEYWORDS: *political discourse; international relations; Chinese; reviews; communicative strategies; linguoculturology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Yang Ke, Candidate of Philology, Professor, Faculty of the Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Province of Guangdong, China.*

REFERENCES

1. Sun' Yukhua, Lyu Khun (red.-sost.). Diskurs i mezhdunarodnye otnosheniya: analiz mezhdunarodnogo politicheskogo

1. yazyka : kollektivn. monogr. — Pekin : Tekushchie sobytiya, 2017. 217 p.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'271:34
ББК Ш105.55+Х410

ГСНТИ 16.21.27; 16.31.61

Код ВАК 10.02.19

А. П. Чудинов, М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию А. М. Плотниковой «Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики» (Екатеринбург; М.: ТХТ, 2017. — 197 с.). Рецензируемая монография посвящена проблемам экспертизы конфликтной коммуникации с точки зрения современной российской судебной (юридической) лингвистики. Автор рассматривает современную российскую конфликтную коммуникацию как лингвистический и юридический феномен в их тесном взаимодействии. В первой главе монографии детально охарактеризованы методологические принципы лингвистической экспертизы и границы компетенции эксперта-лингвиста, соотношение юридического термина и общеупотребительного слова, дискуссионные вопросы адресации и референции в судебной лингвистике и конфликтный потенциал документных, политических, художественных, рекламных и креолизованных текстов. Во второй главе конфликтная коммуникация рассмотрена как инструмент насилия над личностью и в этой связи охарактеризованы проблемы лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, угрозе, клевете и защите чести, достоинства и деловой репутации. Значительный интерес специалистов вызовут приложения: перечень типовых вопросов для проведения лингвистического исследования (лингвистической экспертизы) и тексты заключений специалистов по лингвистической экспертизе. Монография адресована лингвистам, юристам, специалистам по документации, рекламе и связям с общественностью, а также широкому кругу людей, интересующихся теорией и практикой современной институциональной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная лингвистика; юридическая лингвистика; лингвистические экспертизы; конфликты; коммуникативное поведение; оскорбления; угрозы; речевая агрессия; рецензии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторике и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторике и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: shinkari@mail.ru.

Судебная лингвистика (близкие термины — юрислингвистика, лингвоюрислика, лингвокриминалистика, судебное речеведение; англ. *forensic linguistics* и *forensic science*) — интенсивно развивающееся с середины прошлого века в Северной Америке, Европе и Австралии направление научных исследований (см. обзор: [Ворошилова, Будаев, Руженцева 2017]). В последние годы теория и практика судебной лингвистики активно исследуется и в нашей стране [Баранов 2007; Ворошилова, Будаев, Руженцева 2017; Грачев 2016; Дударева 2014; Енгальчев, Кравцова, Холопова 2016; Иваненко 2006; Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011; Мишланов, Голованова, Салимовский 2011; Осадчий 2014; Подкатилина 2013; Радбиль, Юматов 2015; Судебная лингвистика 2015; Цена слова 2002]. Названные проблемы оказались в центре внимания на крупных научных конференциях в Москве, Барнауле, Екатеринбурге, Кемерово, Пензе и других научных центрах, специализация по судебной лингвистике все чаще включается в учебные планы университетов, существует несколько общественных объединений специалистов указанного профиля.

Существенным вкладом в теорию и практику рассматриваемого направления

стала монография «Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики» [Плотникова 2017], которая посвящена проблемам экспертизы конфликтной коммуникации с точки зрения современной российской юридической практики и ее лингвистического осмысления. Автор рассматривает современную российскую конфликтную коммуникацию как лингвистический и юридический феномен в их тесном взаимодействии.

В первой главе монографии детально охарактеризованы методологические принципы лингвистической экспертизы и границы компетенции эксперта-лингвиста. Как справедливо отмечает А. М. Плотникова, для современного российского социума характерно «широкое общественное обсуждение лингвистических экспертиз, выполненных государственными и негосударственными экспертами, трансляция не только экспертных выводов, но и всех экспертных заключений в блогосфере, средствах массовой информации» [Плотникова 2017: 13]. Особенно острую критику вызывает обсуждение противоречащих друг другу выводов, сделанных экспертами по резонансным делам; нередко это становится поводом для сомнений в квалификации экспертов и подозрений в их ангажированности. Возможно, эти сомнения и подозрения не всегда лишены оснований,

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда: проект № 16-18-02102.

© Чудинов А. П., Ворошилова М. Б., 2018

но, как нам кажется, значительно важнее то, что до настоящего времени в отечественной науке недостаточно разработана теория лингвистической экспертизы и игнорируется зарубежный опыт: вызывает по меньшей мере удивление тот факт, что многие методы лингвистического исследования, широко признанные в мировой науке, не используются в практике российской судебной экспертизы. Поэтому столь значительный интерес представляет предпринятое автором обсуждение таких проблем, как соотношение юридического термина и общеупотребительного слова, адресация и референция в судебной лингвистике, конфликтный потенциал документных, политических, художественных, рекламных и креолизованных (полиmodalных) текстов.

Для теории и практики судебной лингвистики значительную ценность представляет предпринятое А. М. Плотниковой описание конкретных методик экспертизы, к которым относятся методика экспликации содержания (синонимическое перефразирование, смысловая нормализация), семантическая декомпозиция слова, фразеологизма, предложения или иного фрагмента текста, контекстологический (контекстуальный) анализ, исследование модальной организации предложения (фрагмента текста), семантико-прагматический анализ речевого акта, стилистический анализ, анализ высказывания в связи с текстовой позицией заголовка, подзаголовка, эпиграфа, подписи к фотографии и других элементов, определение стилистических и речевых характеристик текста, анализ интердискурсивных и интертекстуальных характеристик текста. Даже сам перечень рассмотренных методик свидетельствует, насколько предложенный арсенал методик богаче традиционного перечня методов лингвистической экспертизы, рекомендованных теми или иными органами или объединениями специалистов.

Во второй главе монографии конфликтная коммуникация рассмотрена как инструмент насилия над личностью и в этой связи охарактеризованы проблемы лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, угрозе, клевете и защите чести, достоинства и деловой репутации. Для специалистов (экспертов, адвокатов, судей и др.) очень полезными окажутся предложенные автором приемы определения формы выражения информации, в частности, разграничение утверждения о фактах и событиях, мнения, предположения, оценочного суждения.

Значительный интерес специалистов (особенно практиков — адвокатов, прокуроров, экспертов) вызовут приложения к моно-

графии: тексты заключений, подготовленных авторитетными специалистами по лингвистической экспертизе, и перечень типовых вопросов для проведения лингвистического исследования (лингвистической экспертизы). Важно, что автор не просто приводит типовые вопросы, а соотносит их с типом задачи и сопровождает комментарием. Например, приводится вопрос: «Содержатся ли в материалах высказывания со значением унижительной оценки лица? Если да, то в какой форме они выражены?» Автор отмечает, что указанный вопрос соответствует типу задачи («по делам об оскорблении: определение значения и стилевой принадлежности слова»). Далее следует комментарий автора: «В соответствии с методикой, в которой изложены критерии, позволяющие анализировать лингвистические признаки неприличной формы [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016], возможен вопрос: содержатся ли в высказываниях лингвистические признаки неприличной формы».

Разумеется, монография А. М. Плотниковой — это не энциклопедия и даже не учебник. Видимо, поэтому за пределами внимания автора осталась методика экспертизы таких трудных для исследования феноменов, как метафора, аллюзия, гиперболла, сравнение. Как нам кажется, необходимо более глубокое исследование методики экспертизы поликодового текста и использования языковой игры. Поэтому мы надеемся на продолжение начатого автором исследования теории и практики лингвистической экспертизы конфликтной коммуникации, а также на обращение А. М. Плотниковой к иным актуальным проблемам судебной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2007. 592 с.
2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. 304 с.
3. Ворошилова М. Б., Будаев Э. В., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : моногр. — Екатеринбург, 2017.
4. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза : учеб. — М. : Флинта : Наука, 2016. 360 с.
5. Дударева Я. А. Лингвистическая экспертиза товарных знаков. — Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2014. 203 с.
6. Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : моногр. — М. : Юрлитинформ, 2016. 328 с.
7. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации : моногр. : для лингвистов-экспертов, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников, журналистов. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. 227 с.
8. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

9. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

10. Мишланов В. А., Голованова А. В., Салимовский В. А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста : учеб. пособие. — Пермь : Перм. гос. нац.-исследоват. ун-т, 2011. 368 с.

11. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. — М.: Либроком, 2014. 256 с.

12. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. — Екатеринбург; М.: ТХТ, 2017. 197 с.

13. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. — М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.

14. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Язык и метод в современной судебной экспертизе : моногр. — М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.

15. Судебная лингвистика : моногр. / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко, С. И. Кузеванова, М. Е. Маргольф, А. А. Селина ; под ред. О. Н. Матвеевой. — Барнаул : Концепт, 2015. 310 с.

16. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002. 424 с.

A. P. Chudinov, M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

FORENSIC LINGUISTICS AS A SCIENTIFIC FIELD: CONFLICT COMMUNICATION STUDY

ABSTRACT. *This is a review of the monograph "Conflict Communication From the Point of View of Forensic Linguistics" by A. A. Plotnikova (Ekaterinburg, 2017 – 197 p.). The monograph addresses the problems of expertise of conflict communication from the point of view of contemporary Russian forensic (legal) linguistics. The author analyses contemporary Russian conflict communication as containing linguistic and legal phenomena in their close interaction. The first chapter of the monograph gives a detailed characteristic to methodological principles of linguistic expertise and the limitations of an expert; it discusses the correlation between a legal term and a common word; it raises controversial issues of address and reference in forensic linguistics and conflict potential of documents, political, fiction, advertising and creolized texts. The second chapter analyzes conflict situation as a tool of violence against a person and describes the problems of linguistic expertise in cases of insult, threat, slander, and honour and dignity protection. Appendix might be of great interest to specialists, it contains a list of typical questions of linguistic analysis (linguistic expertise) and texts of experts' conclusions. The monograph is intended for use by linguists, lawyers, document, advertising and PR specialists, as well as a wide audience of those interested in the theory and practice of institutional communication.*

KEYWORDS: *forensic linguistics; legal linguistics; linguistic expertise; conflicts; communicative behavior; offence; threat; verbal aggression; reviews.*

ABOUT THE AUTHORS: *Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika : ucheb. posobie. — М.: FLINTA : Nauka, 2007. 592 с.

2. Brinev K. I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: metodologiya i metodika. — М.: FLINTA : Nauka, 2014. 304 с.

3. Voroshilova M. B., Budaev E. V., Ruzhentseva N. B. Evolyutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy : monogr. — Ekaterinburg, 2017.

4. Grachev M. A. Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza : ucheb. — М.: Flinta : Nauka, 2016. 360 с.

5. Dudareva Ya. A. Lingvisticheskaya ekspertiza tovarnykh znakov. — Kemerovo : Kemerov. gos. un-t, 2014. 203 с.

6. Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchaemoy uchastnikami ugolovnoogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy) : monogr. — М.: Yurlitinform, 2016. 328 с.

7. Ivanenko G. S. Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii : monogr. : dlya lingvistov-ekspertov, sledovateley, sudey, prokurorov, advokatov, pravozashchitnikov, zhurnalistov. — Chelyabinsk : Poligraf-Master, 2006. 227 с.

8. Izotova T. M., Kuznetsov V. O., Plotnikova A. M. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii. — М.: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2016. 90 с.

9. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy proizvodstva sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekстов po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — М.: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 326 с.

10. Mishlanov V. A., Golovanova A. V., Salimovskiy V. A. Osnovy prikladnoy lingvistiki: teoriya i praktika sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy teksta : ucheb. posobie. — Perm' : Perm. gos. nats.-issledovat. un-t, 2011. 368 с.

11. Osadchiy M. A. Russkiy yazyk na grani prava. Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi. — М.: Librokom, 2014. 256 с.

12. Plotnikova A. M. Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoy lingvistiki. — Ekaterinburg ; М.: TKhT, 2017. 197 с.

13. Podkatilina M. L. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov. — М.: Yurlitinform, 2013. 184 с.

14. Radbil' T. B., Yumatov V. A. Yazyk i metod v sovremennoy sudebnoy ekspertize : monogr. — М.: Yurlitinform, 2015. 216 с.

15. Sudebnaya lingvistika : monogr. / O. N. Matveeva, N. V. Vязигина, Yu. V. Kholodenko, S. I. Kuzevanova, M. E. Margol'f, A. A. Selina ; pod red. O. N. Matveevoy. — Barnaul : Kontsept, 2015. 310 с.

16. Tsena slova: iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekстов SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii / pod red. M. V. Gorbanevskogo. 3-e izd., ispr. i dop. — М.: Galereya, 2002. 424 с.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2018. ВЫПУСК 4 (70)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 30.08.2018. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 20,3. Усл. печ. л. — 22,0. Тираж 500 экз. Заказ 4973.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me